

A dark, atmospheric illustration of a city street at night, possibly New York City. The scene is filled with neon signs, including a prominent red 'HOTEL' sign and a blue 'HOTEL' sign. A large, ethereal figure with a glowing face and wings is visible in the sky, appearing to be part of a larger, translucent structure. The overall mood is mysterious and dramatic.

Под ласковым солнцем:

ТАМ, ГДЕ АНГЕЛАМ НЕТ МЕСТА

18+

Кирнос С. В.

Степан Витальевич Кирнос

Под ласковым солнцем: Там, где ангелам нет места

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39142504

SelfPub; 2020

Аннотация

От Альбиона и Парижа до северных далей чада свободных нравов построили идеальный мир свободы, возведённый на руинах разорённой цивилизации прошлого, ставшей пепелищем. Здесь нет диктатуры государства или церкви, а риторику принуждения сменила толерантность и почитание всевозможных прав. Но столкновение с этим миром не сулит ничего хорошего, ибо доведённые до фанатизма его основы свободы, он стал страшным местом, где нет места тем, кто отвергает принципы.

Содержание

Предисловие	11
Пролог	13
Часть первая. На задворках свободного мира	26
Глава первая. Шаг из дома – шаг во мрак	26
Глава вторая. Вечное проклятье или жизнь на службе государства	50
Глава третья. На стыке миров	72
Глава пятая. Депутат поневоле	107
Глава шестая. Танец клинков, снега и горя	121
Глава седьмая. Одержимость вещизмом	134
Глава восьмая. Адов цирк «Форум Свободы»	151
Глава девятая. Огненный апофеоз серости	173
Глава десятая. «Без души, без милосердия, ибо это Феминистида»	199
Глава одиннадцатая. Суть федерально-конфедеральной политики	229
Глава двенадцатая. На пороге открытий	251
Часть вторая. Эпоха тоталитарной свободы.	272
Глава тринадцатая. Концепция «Развитого Либерализма»	272
Глава четырнадцатая. Апогей мизандрии	293
Глава пятнадцатая. «Души бастион пламенеющий»	320

Глава шестнадцатая. Прогнившая филигрань управления	337
Глава семнадцатая. Крысиные идолы	357
Глава восемнадцатая. Безумие на конвейере	373
Глава девятнадцатая. Мир клонированных «индивидуальностей»	393
Глава двадцатая. «Империя свобод, разделённая» или солнце тирании рынка	414
Глава двадцать первая. Воля Корпорации	432
Глава двадцать вторая. «Компания всегда платит по своим долгам»	452
Глава двадцать третья. Либерально-племенной строй	465
Часть третья. Адский марш или пламенный привет из «Содома»	498
Глава двадцать четвёртая. Бриллиантовое обретение	498
Глава двадцать шестая. Государство по найму	534
Глава двадцать седьмая. «Семья» в сборе... переборе	550
Глава двадцать восьмая. Парадигма «Смены Властей»	568
Глава двадцать девятая. Побег из плотского рая	586
Глава тридцатая. Апогей оргии	604
Глава тридцать первая. «Парламент ушёл, да	617

здравствует парламент!»»

Эпилог

628

Об обложке и иллюстрациях

642

Степан Кирнос

Под ласковым солнцем:

Там, где ангелам нет места

«О, дети нового мира, и что же вы называете свободой? Отсутствие ответственности? Потакание каждому приступу низменных похотей? Осквернение тела «наркотическим зельем»? Спускание в оргии или браки со всем, что есть на многострадальной Земле? О нет, дети культов «Приволья», это не свобода, а тоталитарная диктатура требований половой и пищевой систем, многократно усиленных от наркотической ломки. И люди, болеющие и пленённые такой не-свободой способны воздвигнуть только диктат нового Содома. Да, я говорю об одном из «Солнц» наступающего мира».

– Сарагон Мальтийский – Чёрный Оракул

«Запомните, истинная свобода рождается в тот момент, когда вы понимаете, что вы хозяин вашей утробы, вашего времени, ваших чресл; в тот момент, когда вы отрекаетесь от службы и повиновения идеологии, созданной людьми. В иных случаях вы раб своего организма или ещё хуже – слуга эфемерных идей».

– Ламес Иллирийский – философ эпохи Великого Кризиса

« ...Грешили наши предки, но грех грехом называли, а нынешние либералы, согрешая, стараются грех оправдать, как бы законное дело. Грехи похоти плотской, по их учению, не только простые слабости человеческой природы, но и законы природы, её требования. Находятся между ними такие, которые боготворят и самую страсть плотскую, как в древности поклонники Артемиды, устраивающие оргии с незаконными смещениями. И вся эта мерзость печатается, и ее читают, и о ней рассуждают без омерзения, без отвращения, как будто о достойном внимания! Это ли свобода? Нет, это не свобода, а ужасное рабство греху и страстям, имеющее последствием страшную казнь Божию, истребление рода и муку вечную».

– Иоанн Кронштадский – философ и богослов докризисной эпохи

«Левые либералы» довели понятие общественного согласия до абсурда единомыслия. Только попробуйте рот открыть, что толерантность не означает преференций для феминисток и ЗОЖей, афро-американцев и арабо-европейцев, чукчей Аляски и Свидетелей Иеговы!»

– Елена Викторовна Котова, мыслитель докризисной эпохи

Карта Либеральной Капиталистической Республики и
субъектов, входящих в неё

Рис. 1 Карта Либеральной Капиталистической Республики с входящими в неё странами.

1 Центр Свободы

2 Германская Марка

- 3 Боварская Военная Федеральная Республика
- 4 Австрийская Имперская Федерация
- 5 Швейцарская Федеральная Конфедерация
- 6 Южный Бургундский Диархат
- 7 Республика «Атлантическая Вестфалика»
- 8 Бретонский Двор
- 9 Норманнское Свободное Княжество
- 10 Парижская Коммуна
- 11 Нехт'Ар-Варо Ларманская Империя
- 12 Вольный Регион Эльзаса и Лотарингии
- 13 Фламандско-валлонская Герцог-республиканская Автономно-Государственная Уния
- 14 Вольная Фризия
- 15 Английская Республика
- 16 Республика Корнуолл
- 17 Уэльский Олигархат
- 18 Ирландское Унитарное Консульство
- 19 Свободная Республика Северная Ирландия
- 20 Королевство Нортумбрия
- 21 Шотландское Герцогство
- 22 Союз Оркнейских Островов
- 23 Датское Демократическое Королевство
- 24 Государственная Автономия Сконе
- 25 Новая Швеция
- 26 Новая Либеральная Республика Норвегия
- 27 Северонорвежская теократия

- 28 Феминистская Матриархальная Республика
- 29 Республика Холугаланд
- 30 Южноскандинавская теократия
- 31 Аландские Независимые Острова
- 32 Восточная Бюрократия Финляндии
- 33 Саамская Федерация
- 34 Исландская Анархистская Унитарная Коммуна
- 35 Атлантико-океаническая директория

Предисловие

Эта книга часть литературной вселенной «Мир серой ночи», история в ней продолжает серию книг «Под ласковым солнцем».

Там, за стеной, за бетонными лесами Империи, которые ограждают Рейх от остального мира, простирается славный край, где нет тоталитарного государства и единой религии, а сами эти институты сведены практически до минимума. Гражданское общество, свободный рынок и сотни политических движений – вот движущая сила страны, чья воля зиждется на свободном выражении мысли либеральной. Тут на каждом углу встречаются люди с улыбками на лицах, облачённые в пёстрые одежды, вечно радостные и готовые держаться за свои права и свободы, количество которых исчисляется сотнями, тысячами. Это держава, где люди свободны, как они считают, где роль государства отошла на второй план и самое главное это свобода граждан, и их вольное решение на пару с рыночными механизмами. И кажется, что это великий край, истинно утопический и манящий великолепием, восставшим некогда из праха посреди мира, упавшего в лоно великого кризиса.

Однако нечто таится внутри страны... похожее на ту самую диктатуру, которая подчиняет волю нескольких сотен миллионов граждан Либеральной Капиталистической Рес-

публики. Теперь героям, бежавшим из Рейха, суждено переместиться из страны тоталитарной определённости, праведности и стабильности в вольный край, где самым первым словом, что говорит ребёнок, есть слово – Свобода. В мире, куда попадают герои, нет диктатуры государства, нет принуждения и тотальной морали праведности, но действительно ли такой мир лучше? Правда ли, что общество, возвращённое на благодатной почве индивидуализма, раскрепощения и «рыночного духа» будет таким идеальным, как его представляют?

Пролог

Времена Великой Ночи, период «темнейшего часа». В комнате «Мистика».

В комнате гнетущей рукой расплзается тьма, несмотря на горящие, с небольшим приятным треском, по углам свечи. По небольшому пространству, где стоит два человека, разносился приятный запах благовоний, которые дымятся на столе «мистика», заполняя комнатуху давно забытыми сладкими ароматами луговых цветов, что с разразившейся войной и хаосом канули в забвенье.

Особенно примечателен стол владельца старенькой комнатухи. Неимоверно огромный и широкий, покрытый чёрным, как ночь, лаком, тисовый стол просто не вписывается в размеры небольшой комнаты, которая есть квартира для того, кто себя называл «мистиком», или «пророком ангелов». На столе разбросано множество самых различных предметов, ставших обыденными для установившейся реальности. Латунные, начищенные до ослепительного блеска монеты Новой Английской Республики рассыпью легли на стол, став подобно звёздам на ночном бездонном полотне. Тяжёлые чугунные монеты Иллирийской Тирании стоят стопкой, своим гротеском и тяжёлой суровостью, словно потакая тому непростому времени, что кощунственно тор-

жествует над каждой живой душой в старом свете. Купюры нескольких новых стран, словно осенние листья легли вперемешку с газетами и листовками, спокойно провозглашавшими то, что несколько десятков лет назад считалось неммыслимым.

Тёмный шар, заполнившийся серой дымкой, трескающийся от неведомой энергии, только придаёт дух загадочности этому странному месту. Но помимо шара на столе аккуратно лежат несколько карт «Нового Таро», созданными мастерами гадания наступивших тёмных времён. Также стол заполнило масса самых обыденных вещей: ручки, карандаши, листки и ещё множество иного хлама.

Стены мистически устроенной комнаты были раньше олицетворением нищенства, о тех пор, пока сам «мистик» их не обклеил чёрными, как смола, обоями, поглощавшими всякий свет, отчего по коже полз странный и неприятный холодок. Два окна комнатухи плотно занавешены, непроницаемыми для тёплого и игривого солнечного луча, шторами, цвета бездны.

Под своими ногами гость чувствует махровый мягкий, довольно помятый такими же прихожанами, ковёр, пришедший из эпохи, которая потом получит название: «Золотое бытие мира или время перед планетарным кризисом».

В самом конце комнатухи стоит тот самый «мистик», как он прозвал себя, приехав в маленький, умирающий и стонущий от нового времени городок. Загадочный приезжий

не сидит на своём деревянном кресле, что занимает место у стола. Он гордо взирает прямо в зеркало, точно сосредоточившись на визуальном силуэте, бесновавшимся за пределами зеркальной глади. Лицо «Мистика» так сильно затемнилось, что ни единой черты нельзя высмотреть, ибо тень, падающая на его лик столь сильна. В комнате настолько хорошо играет темнота, что то место, где он стоял, полностью погрузилось в непроницаемую тьму. Видна была только его чёрная ряса, уходившая прямо в пол.

– Вы зачем-то пришли? – размеренно произнёс «мистик», потерев ладони, в которых блеснула монетка.

От неожиданного вопроса гость вздрогнул, но тут же взял себя в руки и нашёл в себе мужество начать разговор за тем, чем пришёл.

– Да, – с робостью ответил мужчина.

– Это предсказание? – таким же глубоким голосом произнёс «мистик».

– Совершенно верно, – с еле уловимой дрожью в обрывистом голосе ответил гость.

– Вы боитесь меня? – почувствовав волнения в голосе своего собеседника вкрадчиво спросил хозяин комнаты.

– О вас много говорят, – уже более спокойно попытался обосновать свою дрожь гость.

– И что же к примеру?

– Рассказывали, что в Возрождённой Парижской Коммуне вы на воздух подняли целый небоскрёб, в котором бы-

ло Народное Управление Электроэнергией. Что вы прокляли целый город Уэльского Содружества на мучительную смерть от чумы. И что, вы...

– Достаточно, – резко, но спокойно оборвал рассказ «мистик». – В тёмные времена люди хотят верить в то, что за их бедами стоит кто-то иной, нежели они сами. И этой верой готовы воспользоваться проходимцы, алчущие сохранить собственную власть, натравливая народ на тех, кого они укажут. Про меня много сказок ходит. Большинство в них – чистая ложь.

– Понятно, – уже намного спокойнее произнёс гость.

– Это хорошо. А теперь скажите, зачем вы сюда пришли. – Настойчиво потребовал «мистик». – Но сначала присядьте на стул.

Гость посмотрел и увидел перед столом небольшую сколоченную из дерева старенькую табуретку.

– Я хочу узнать, что будет с моей родиной? – с нотками моления и волнения, садясь на стул, спросил мужчина, кинув взгляд, переполненный надеждой на «мистика».

Неожиданно хозяин комнаты резко повернулся на гостя, отчего помещение на несколько секунд заполнилось шумом шуршащей рясы. «Мистик» несколько секунд пристально смотрит на незнакомца, после чего подошёл к своему креслу и плюхнулся в него.

Гость кинул осторожный взгляд на лицо хозяина квартиры, но смог увидеть лишь чёрный тканевый капюшон, опус-

кавшийся практически до губ, и мужчина проглядел только покрытый щетиной грубый подбородок и тонкие холодные губы.

– Откуда ты? – вкрадчиво спросил «мистик».

– Это... – Начал говорить гость, как его слова пропали в вихре звона автоматных залпов, которые раздались за окном, но хозяин комнаты за края фразы смог уловить название отчизны.

– Опять разбушевались, – с лёгкой, моментально исчезнувшей улыбкой «мистик» и кинул. – Там тяжёлая сейчас ситуация. В твоём краю.

– Да, всё верно. И я хотел бы увидеть будущее моей родины. У меня сердце болит от того, что происходит в мире. Я не могу спокойно смотреть, как умирает мой край, – жалобно выдавил гость.

– А если я дам гибельное пророчество для твоей родины? Что ты будешь делать тогда?

Пришедший мужчина в отчаянии лишь склонил голову к груди, так и не удостоив ответом вопрос.

– Хорошо, я сегодня дам пророчество о твоей родине, ибо твоя просьба достойна того, чтобы на неё ответить. – Смягчившись, сказал «мистик» и взял в руки карты политического таро, с новыми обозначениями и рисунками.

Хозяин квартиры стал медленно раскладывать карты по столу, выкладывая их в один ряд. И выложив, примерно пять карт, «мистик» стал их трактовать по неведомому способу.

Он взялся за первую карту, проведя пальцами по лакированной бумаге. Узловой картой оказалась золотая неперевернутая корона, похожая на обычный обруч, с символом в углу в виде серебряной монеты.

– Хм, «золотая корона республики», средний аркан. Это означает, что все дальнейшие факты и признаки, будут иметь доминантный характер, – пояснил «Мистик».

Хозяин комнатухи взял в руки вторую карту и посмотрел на её изображение. На ней оказался нарисован синий флаг старого союза, с раскинувшимися по кругу золотистыми звёздами, а в углу карты также изображалась серебряная монетка.

– «Флаг союза». Также средний аркан. Твоя родина станет частью чего-то большого и единого. Очень крупного объединения, – после этих слов гадающий взял в руки ещё одну карту. – А что у нас тут нарисовано? Радужный флаг, без голубого. Золотая монета, – напряжённо произнёс хозяин квартиры. – Это старый символ лихой свободы. Старший аркан. Это означает, что ваша родина в будущем будет слишком... раскрепощена.

Оставались две карты, на которые гость смотрел с осторожностью, ибо узрел в них совсем недобрый замысел.

«Мистик» взял ещё одну карту, проведя пальцами по её краям. В глаза ударились очертание белокаменного перевёрнутого монастыря, а над ним утопающий в похоти и грехах древний город – Гоморра. Провидец не без явного напря-

жения кинулся к следующей карте, но увидел там ещё одно мрачное предостережение. На карте нарисовано несколько зелёных банкнот, а над ними золотым сияет латинская буква «S», перечёркнутая двумя вертикальными линиями.

Посмотрев на две эти карты, «мистик» выдохнул и просто швырнул на стол, откинувшись на спинку кресла.

– Что? Что будет с моей родиной? – Чуть ли не молясь, вопрошал гость.

– Ох, что ж, я вижу, что твоя родина станет частью огромного объединения, что раскинется от центра старой Франции до севера Норвегии, от мест, где обитали «цюрихские гномы» до края Шотландии. Но там будут править разврат, похоть и неконтролируемая свобода, которая попрёт всякую мораль старого мира. Там будут низвергнуты всякие нравственные ориентиры, но князем этого тёмного мира станут не только деньги и кумовство. Я чувствую некое идейное безумие, что пожрёт души. Сами жизни людей станут лишь разменной монетой на рынке дикого капитализма. Если у вас есть дети и семья, то я вас прошу – увозите их оттуда, иначе вы весь свой род обречёте на моральную смерть в этом крошечном аду, – и после небольшой выдержанной паузы громогласно воскликнул. – И это истина, ибо так говорю я, тот, что ещё никогда не делал ошибок! Я – Сарагон Мальтийский!

Человек, сидевший напротив «прорицателя», испытал к нему жуткое отвращение. Он в самомнении и гордыни заяв-

ляет, что не может ошибиться, он окружил себя символами и атрибутами нечестивой работы. Сарагон Мальтийский – не противопоставление страшному тяжёлому времени, а одно из его проявлений, который служит больше силам разрушения этого мироздания, нежели созидания.

– Спасибо, – отдал холодную похвалу человек и поднялся, чтобы покинуть комнату «Мистика», понимая, что заговорив с философом эпохи тотальной разрухи, сам стал сопричастен к сущности краха; карты, гадания, впадение в мистицизм, увлечение таинственными искусствами тонких материй, почитание всего богомерзкого – всё прям как в ветхозаветные времена, наступило их странное подобие, к которым человечество вернулось, сделав виток.

Спустя многие годы...

Холод подобно юркому змею – пытается пролезть во все щели между кожей и одеждой. Несмотря на то, что всё тело окутывается одеждой, кожный покров постоянно испытывался диким ледяным ветром, что промораживает практически до костей. Небо затянулось серым и мрачным покровом, сотканным из грузных тёмных облаков, давивших на сам мир. И весь массив серо-фиолетовых облаков, покрывших толстым панцирем небосвод, не пропускает ни единого луча солнца, отчего на улице ползёт и расширяется серость, вызывающая дикую меланхолию.

И вся фантазмагория холода и серости, уныния и таивше-

гося страха нависла над одним из городков, что лежит практически у Атлантического Океана, на юге полуострова Бретань.

Однако нечто странное и более чем тусклое, подобно клинку Дамокла висит над городом и это не серая небесная твердь, а будто бы сама безысходность и отчаяние поселились среди нового поселения, кидая в тоску весь город и бегая апатией среди его улочек.

Сам город не есть воплощение тех старых времён, когда старый свет утонул в роскоши, сытости и благоденствии, а его дома это не те красивые и аккуратные европейские жилища. Большинство поселения состоит из безвкусных и таких же, как небеса, серых домов, стянутых из бетона и облицованными зеркальным пластиком без цвета, своим видом ещё сильнее вдавливающих в безудержную тоску. Только несколько домов могли похвастаться архитектурным и стилистическим разнообразием, и то сейчас это обшарпанные и практически покинутые бараки.

По улочкам города, наспех умахёнными серыми плитами идёт мужчина среднего роста. Его вид, по сравнению с видом большинства населяющих город мог показаться весьма и весьма странным. Он одет в тяжёлое кожаное пальто старо-классического типа. Оно ложится на хорошую серую жилетку, под которой кожи касается белая рубашка. Ноги покрывает серые брюки и классические туфли.

Что ж, для такого государства, как «Автократорство

Рейх» этот человек был одет вполне прилично, но никак не для этих не «славных» мест. Либеральная Капиталистическая республика давно установила «Свободу Одежды»... свободу, которая привела к тому, что «люди» на себя стали одевать всё, что имеет твёрдую форму.

Мужчина вышел на главную площадь, которая сдавливает душу массивными пятиэтажными зданиями с трёх сторон. Только конец площади заканчивается развилкой на две широких улицы.

Внезапно вышедшего на улицу мужчину стали окружать практически со всех сторон. Он быстро и судорожно, как зверь, ожидающей поимки, оглянулся по сторонам и увидел, что это было пять человек, подходивших с разных направлений. Его сердце забило бешеной птицей, а на спине проступил холодный пот. На небольшой городской площади гуляет не менее трёх десятков человек, но вышли только пятеро и шли к нему уверенно, как охотник к жертве. Парень забеспокоился.

И ему есть чего опасаться. Он стоит в одежде из былых времён, когда вокруг шныряли люди, облачённые в цветастые и пёстрые одеяния, мало похожие на нормальное облачение в старом понимании. Кто-то из мужчин носил длинные платья и каблуки с колготками, со вплетенными в одежды ленточки радужной расцветки. Некоторые парни были более сдержанными и надели просто мини-юбки поверх подштанников. Девушки, стремясь выглядеть брутальными, на-

плялили на себя, как ранее считалось, мужские брюки и мешковатые кофты, становясь похожими на яркие бесформенные существа. Ну а некоторые вообще облачились в латексные костюмы, даже ни взирая на страшный холод. И к этому, каждый пытался выделиться телом, ибо в этом ключ к индивидуальности. Красили волосы в неестественные цвета, вставляли в себя килограммы металла и «преображали» тело. Это первая ошибка, ибо как утверждает Культ Конституции: «никто не должен уподобляться старой антилиберальной моде».

Мужчина вспомнил, как вчера в местном баре он познакомился с одной очаровательной девушкой. Они немного выпили и она осталась у него на целую ночь... однако ничего такого не было, ибо они просто продолжили общение на тему политики, но только сейчас он вспомнил, как имел неосторожность проронить фразу: «Хотелось бы, чтобы мужчины были помужественнее и могли хотя бы помогать прекрасному полу помогать носить тяжёлые вещи... Улыбнись же». Это вторая ошибка. И тут в памяти, в самой её глубине, у парня всплыли, какие статьи ему светят в «новом свободном» государстве. На ум пришло сразу несколько: Статья пятнадцатая, раздела третьего Феминистского Кодекса. Третий раздел называется – «Преступления покушающиеся на психологическую независимость женщин», а статья пятнадцатая имела весьма издевательское название – «Требование эмоционального обслуживания». Но он ведь просто попро-

сил её улыбнуться потому, что она показалась ему грустной. Однако разве это волновало «ревнительниц прав женских»?

Ну и совсем страшное, что могло бы случиться с этим мужчиной в этом государстве. Он решил открыть свой частный магазин, сразу же отвергнув покровительство Генерального Тотал-Корпорациона... а эта организация держит весь центр государства и все его потоки, сжавшись ледяной и костлявой рукой на шеях граждан. И такая дерзость против, того, что есть «Корпорация» мало прощалось. Мужчина надеялся на то, что согласно Конституции сможет зарабатывать в мире, где рыночная экономика почиталась с чуть ли не фанатизмом, но он ошибся. Её давно уже поделили. И преступление против одной из Корпораций, было худшим и самым тяжким после правонарушения против неисчислимых полчищ ЛГБТПАиПНА (Лесбиянки, геи, бисексуалы, трансгендеры, пансексуалы, педофилы, агендеры и полисексуалы, неосексофилы, асексуалы).

Страх полностью сковал душу и мысли мужчины. И сейчас он стоит, полный растерянности и дрожи и бешено гоняет мысли, думая, кто к нему идёт, чтобы свершить неумолимое правосудие «свободного» мира. Отряды Феминистского Надзора за Обществом, сотрудники Корпорации или кто похуже. Появилась лёгкая дрожь в коленях и коварной змеей пробежался холодный пот по спине.

И так каждый человек от зари до зари, не похожий на всё вырвавшиеся из ада должен был жить в страхе перед неми-

нуемой карой за недостаточную либерализацию. Именно таков стал удел той части мира, которая называла себя «Территорией свободы» или Либеральной Капиталистической Республикой.

Часть первая. На задворках свободного мира

Глава первая. Шаг из дома – шаг во мрак

Солнце медленно, будто взбирается в гору, встаёт из-за края земли, постепенно разгоняя нависший мрак над городом, что правил целую ночь. Теперь он рассеянный солнечными лучами уступает место яркому светилу, что взбирается на небесную твердь.

Постепенно солнечные лучи проникают повсюду, в каждую щёлочку, каждый уголочек, призывая жителей города отпрянуть ото сна и приступить к работе или учёбе. Но светило даже не могло представить, что его яркие и игривые лучи, озарявшие землю миллионы лет, уже не несут призыва на этой земле к какой-либо деятельности, как то раньше было заведено.

Поток солнечной энергии, обращённый в тёплый свет, развеяв ночную сырость и неприятную прохладу, уже проник в одноэтажное строение и крадётся по комнате. Однако прежде чем свет достиг нужного места, на весь прозвучал

будильник, чей дикий рёв пронёсся чуть ли не по улице.

– Да знаю, знаю, – слышался сонливый голос, но уже наполняемый бодростью, исходивший со стороны кухни.

Тут же к будильнику подбежал парень, одетый в весьма приятную молодёжную одежду. Его рука коснулась электронного устройства, аккуратно встроенного в пластиковую белую коробку и ревуший звук стих. И тут же будильник снова положен был на деревянную тумбочку.

Юноша осмотрелся, желая вновь увидеть недавно приобретённую квартиру в целом доме. Это была его собственность... собственность...

Молодой парень не мог свыкнуться с мыслью, что у него теперь такая масштабная собственность, целый дом, хотя с другой стороны гордиться тут было нечем. Миниатюрная комнатуха, примерно пятнадцать квадратных метров, где шесть отделены искусственной стенкой под кухню, чтобы хоть как-то создать имитацию нормальной жилплощади. Да и ко всему этому небольшой туалет, где еле как умещается маленькая ванна. Однако для студента второго курса это даже достаточно и даже больше. Парень, оглядев комнатуху, и усмотрев весь возможный интерьер, представленный лишь небольшим шкафом, кроватью, письменным столом с компьютером и шершавым ковром под ногами, решил пойти побриться. Но тут же словил себя на мысли, что вся его мебель практически заняла все стены, кроме той в которой расположилось широкой окно.

Юноша зашёл в туалет. Слева маленькая ванна, над которой нехитрая полка с мыльно-рыльными принадлежностями, впереди унитаз, а справа на стене сразу зеркальце. Даже нельзя лихо развернуться, ибо сами стены сдавливают пространство.

Парень, крутясь на месте, повернулся к зеркалу. На идеально ровной зеркальной глади тут же проступили черты лица юноши. Прямые сильно коротко подстриженные волосы были слегка растрёпаны и лишь слегка покрывали высокий лоб. Карие глаза, чей глубокий взгляд смотрел прямо в душу, глядели сами на себя. Из аккуратного носа вырывается сопение. Само лицо имеет очертание овала, лишь приплюснутое снизу.

Сам студент достаточно высок, но идеальным телосложением не отличался, что не мешало ему заниматься спортом.

Парень, посмотрев в зеркало, потеряв подбородок и почувствовав щетину, которая лишь слегка проступила, отбросив желание бриться. Он вышел из туалета и потушил свет. К душе стала медленно подступать апатия и печаль.

Тут, а него вновь напала тоска по отцу. Несмотря на прелести свободной жизни, ему в последнее время просто не хватало обычного душевного общения, которое было между ним и отцом. А довериться сверстникам юноша не решался, ибо в том мире, в котором он живет, нет места для доверия.

Юноша, стоя посреди комнаты, неожиданно для себя впал в воспоминания, которые терзали его последние несколько

дней. Его разум наполнился картинками минувших событий прошедших дней. Разлука с семьёй и тем более отцом ему больно далась, несмотря на целый прошедший год.

Парню было семнадцать лет, когда его разделили с семьёй и принуждённо направили на обучение в один из частных институтов имени Ларса фон Штилля, одного из членов Контр-Совета «Южного Потока», ещё одной огромной Корпорации, что удерживала юг страны, который и вложился в создание ВУЗа, но даже то, что юношу определили в один из самых престижных институтов, не умоляло той сердечной раны, что жутким шрамом встала на сердце.

Это случилось в один из последних дней летнего времени. Ничего не предвещало пакостной беды. Парень жил тогда в одном из самых примечательных владений нового государства, что одурманившись идеей безумного федерализма позволила своим субъектам жить так, как они того хотят. Юноша с семьёй был гражданином Норманнского Свободного Княжества, что расположилось на северо-западе бывшей Франции. И в один из солнечных прекрасных дней, разорвав полуденное спокойствие, они пришли.

Это была целая свора разукрашенных псов из правительства и общественных организаций. Даже не людей, а именно голодных собак, что так жаждали получения новых страданий от чужих людей.

Сначала в дверь постучали. Её открыл отец семейства, чем позволил в дом нахлынуть целую волну на вид нездорово-

вых людей. Каждый вошедший был одет пёстро, разноцветно, словно на карнавале и тут начался сам спектакль.

Первым его решил открыть мужчина, облачённый в классический костюм розового цвета и с волосами, завязанными в шнуры. Его лицо умащали массивы пудры, а на глазах поблёскивала тушь. Он представился сотрудником Гранд-Ювенального управления и сразу же отметил свою нехитрую цель – забрать юношу из семьи. Все члены семьи были ошарашены, а следом пришла и тяжкая боль в сердце. Мать сразу же возмутилась, но её пыл быстро остыл, когда из-за спины вышла высокая мужеподобная крупная женщина, одетая в классический клоунский костюм – с париком, разноцветный и сумасбродным макияжем.

– Ваш ребёнок виновен в страшном преступлении, – нагло заявила женщина. – В его школьном поведении виднеются тенденции к старым и, как их раньше называли – традиционным ценностям, иначе, ваш ребёнок обвиняется в тоталитарном традиционализме!

И как только женщина договорила, из толпы послышался голос полный недовольства, наглости и безумной спеси и к тому же безумно противный:

– Наш мир свободных ценностей не потерпит такого! Чтобы кто-то смел, пускай даже в мыслях и словах, покушаться на наши свободы, да не бывать этого! Ваш щенок преступник!

– Объясните, что тут происходит, – спокойно потребовал

отец семейства.

Тут из толпы подался хиленький на вид парень. Он был низок и худощав, а одежда, представленная жёлтым костюмом, как у арлекина, повисла на нём подобно мешку.

– Я Миранда, – грубоватым мужским голосом начал человек, – юристка, приписанная к Антисексистскому Княжескому Управлению, позвольте мне пояснить, что произошло, в канве закона.

– Хорошо, – бессильно кинул отец.

Тут вышел другой человек, полностью одетый в латексный костюм, и только кожаная жилетка покрывала его тело, помимо остальной чёрной материи.

– Я школьная учительница вашего отпрыска, – спокойно начал человек, но тут же перешёл на более резкие тона. – Вчера, он имел дерзость заявить, что хотел бы, когда вступит в отношения, то именно в отношения с девушкой и однополые браки и свадьбы с вещами не приемлет для себя.

И тут, как назвала себя, юристка, тихим и спокойным голосом пояснила, в чём пресловутое правонарушение:

– Это прямое и самое грубое нарушение Федерального Закона «О привилегиях ЛГБТПАиПНА», а именно раздела четвёртого – «Преступления против возможного становления ребёнка одним из ЛГБТПАиПНА». А также прямое нарушение Брачного Кодекса, раздела шестого – «Преступления против брака». Статья третья – «публичное выступление против сожительств и вступления в брак с неодушевлёнными».

ми субъектами права и вещами».

– Так же он говорил, что представительницы женского пола слабее физически и хотел бы, чтобы его, как он выразился – избранница, сидела дома и следила за хозяйством.

– Ну а здесь он нарушил несколько статей Феминистского Кодекса, говорящих о независимости и физическом равенстве мужчин и женщин, а именно – раздел второй – «Покушение на физическую независимость женщины» и раздел первый – «Опаснейшие преступления против равенства», статья первая – «Непризнания абсолютного равенства». – Так же бесстрастно и спокойно прокомментировала юристка.

– Ну и наконец, самое страшное и мерзкое правонарушение вашего подонка...

– А то, что она называет моего ребёнка «подонком» нормально? – возмутился отец.

– Свобода слова! – воскликнула юристка.

– А если я её... обматерю или унижу?

– Это будет уже оскорбление чувств либерально-прогрессивных «вестников свободы».

– Тише... так вот, он посмел заявить, что наша Конституция является в доработках.

– А здесь нет правонарушений, – неожиданно заявил мужчина, считавший себя женщиной.

– Как нет!? – громогласно удивилась учительница. – Это же сомнение в Конституции!

– Ладно, хватит, – оборвал набирающую силу тираду служащий Гранд-Ювенального Управления и, повернувшись к отцу семейства, задал вопрос. – Вы кто приходитесь ребёнку?

– Я папа, отец.

Служащий управления лицо обратил в гримасу отвращения, словно попробовал на язык кислый лимон.

– Ну, вы же знаете, что эти слова не одобряются в нашем обществе. Это может обидеть феминисток, ЛГБТПАиПНА и все остальные гендеры или идейные представительства о семье и особенно это оскорбляет членов антисемьи. Поэтому, не нужно. Не следует себя так называть. Именуйте себя как Родитель Мужеподобного Гендера.

– Но в законе, же нет прямого запрета на эти слова, – возмутился отец.

– Просто, не нужно, – чуть искривив губы в кривой улыбке, начал слуга Управления и продолжил. – Я пришёл вас известить – у меня повестка в суд.

Мать, от услышанного упала на диван, а слуга бесчеловечной системы, что именovalo себя «добром» и прикрывалось благими намерениями, продолжил:

– На вас подали коллективный иск в суд следующие федеральные службы: Министерство Феминизма и его Анти-сексистское Управление, Гранд-Ювенальное Управление по этому же субъекту, Министерство Свободы и его управление Подавление элементов «вредящих свободе». Также, к

ним присоединились следующие региональные органы: Министерство Свободы и Министерство Феминизма Норманнского Демократического Княжества, и все их управления, – и чуть выдохнув, слуга Управления, желая поскорее закончить эту фантазмагорию, продолжил. – Ну а также к ним присоединились: «Союз ЛГБТПАиПНА», «Феминистское содружество», «Антисексистская ассамблея» и «Комитет по правильному воспитанию».

И после того, как список всех недовольных был оглашён, человек из Управления подал повестку и попросил расписаться. Когда отец семейства ставил подпись, один из собравшихся, исказив голос в неимоверно противном и писклявом голосе, выкрикнул:

– Будете знать, суд встанет на нашу сторону! Вы больше не посмеете покушаться на нашу Свободу! В нашем идеальном мире нет места старым и архаичным ценностям! К чёрту мораль, у нас свобода, товарищи!

Работник Управления проигнорировал эти всплески эмоций и продолжил свою работу, заговорив уже более мрачным и тяжёлым голосом:

– А теперь, на основании Федерального Закона «О защите детей от противодействия вредоносным идеям» и Княжеского Указа «О соответствии стандартам свободы», вынужден изъять вашего ребёнка.

Эти слова пробежали подобно грому среди апрельского неба. Мать забилась в истерику и буквально умылась слеза-

ми, отец попытался воспротивиться, но понял – одно лишнее движение и его могут посадить за «Противодействие процессам свободы и справедливости». Он отступил.

И напоследок одна из женщин, наполненная гордыней и спесью, кинула старую, как кости земли фразу – «Встретимся в суде».

Юноша покинул собственный дом в семнадцать лет, за неосторожно сказанные слова, ведь как оказалось, мир свободы, и толерантности готовы были защищать целые легионы, которые порвут и сотрут в порошок всякого... во имя добра, конечно.

Потом был суд, проходивший в здании Муниципального Суда Сообществ. Да, Министерства и Княжеская Администрация решили отдать судебное разбирательство в отросток гражданского общества – Суды Сообществ, обойдя стороной государственный учреждения.

Естественно этот суд был с полнейшим разгромом проигран семьёй. Юноше становилось противно от одних воспоминаний об этом деле. А потом, по решению суда, ему Корпорация, которая искала кадры для себя, выдала дом в совершенно ином субъекте страны – Южный Диархат.

Парень был вынужден заключить соглашение с Корпорацией, что после обучения в ВУЗе он пойдёт работать на них, иначе юношу ждала судьба брошенного на произвол судьбы, и его единственным шансом на выживание стало бы присоединение к одному из сообществ, что он так ненавидел.

Его родителей было принято решение выслать из субъекта. Отец сразу нашёл для себя не престижную работу на отшибе всей страны – в Восточной Бюрократии, что образовалась на месте старых государств финляндских.

Парень подловил себя на мысли, что всё это похоже на безумную сказку без конца, в которой он вынужден жить и даже университет был нечто что-то оплота местных сектантов свободы, готовящихся объявивших образования Муниципальной Студенческой Республики. Да, статьи Конституции, говорившие об Абсолютном Самоуправлении, это позволяли.

Внезапно все размышления и воспоминания юноши были развеяны второй волной истошного звука, исходившей от будильника. Это был сигнал того, что выходить из дома нужно через десять минут. Парень отключил устройство и решил скоротать время у телевизора, который, маленькой квадратной пластиной расположился в самом углу.

Парень быстро подошёл к дивану, поднял пульт, и скоротечно нажав пару кнопок, активировал устройство, отчего экран телевизора заиграл красками и стал издавать звуки вступительного музыкального сигнала, извещающая о своей исправной работе.

И всех каналов, которых было не менее чем пятьсот, юноша остановился на местных новостях. Он пропустил телепередачи, которые рассказывали о правильном гендерном воспитании трёхлетних детей и кинофильмом, где показывали

«славу и величие» тех, кто считал себя сторонниками «Культура Чайлдфри».

Фильм таки пропитался ненавистью к детям. Показывают пятнадцать представителей чайлдфри, что яростными проповедями и фанатичными речами отговорили тринадцать тысяч женщин от родов, ведя их на аборт. Но больше всего они кичатся своим званием «Героев общественного освобождения».

Юноша переключил на другой канал. По новостям опять показывали якобы нищету и неспособность властей к управлению. Ведущая прицепилась к зданию, у которого посыпалась с одной стороны штукатурка и сетью небольших трещин укрылась стена. Как же ведущая с остервенением ругала муниципальное правительство и чуть ли не с брызжущей пеной изо рта, на всю студию голосила о том, что необходима смена власти на более либеральную и демократичную, дабы народ смог лучше жить.

Юноша вспомнил, как муниципалитет решил на собственные скудные средства отремонтировать старое здание местного отделения Конфедерации, которое практически пришло в негодность. И он свершил чудо, восстановив эту постройку вернув её в былом блеске, выдержав её в готическом стиле. Но сейчас его преисполнило отвращение от местных новостей, которые не были, ни государственными, ни муниципальными. Практически все телеканалы – частные или принадлежат отдельным сообществам. И вся эта ва-

тага попросту выдавила своей массой всё, что было либо государственным, либо муниципальным. Да ещё и согласно Федеральному Закону «О приоритете частного сектора в информационной сфере», все государственные каналы намеренно выдавливались всеми остальными без возможности на восстановление. И пятьсот местных каналов, ни шло, ни в какое сравнение с миллионом, которые существует и вещают в центре государства, что именовалось «апофеозом свободы» или «Центром». Там каждый может пролезть на телевидение через широчайшую сеть и ассоциации систем телепередач.

Внезапно парень усмехнулся, и на его тонких губах расцвела улыбка. Он вспомнил, как по этому поводу высказался его школьный учитель, ещё старой закалки:

– Телевидение превратилось в портовую девку, что пропускает через себя каждого моряка.

Однако потом этого учителя арестовали и отстранили от проведения уроков. Ему вменяли «Приниженное отношение к телодателям» и «Намеренное оскорбление гендера женского типа или женско-ориентированного гендера». Его обвиняли в том, что проститутку он назвал проституткой, а женщину девкой и затем потом, вся эта фантасмагория бреда, в котором пытались защитить чьи-то права, вылилась в дело уголовное. Учителю стали приписывать статью за «Публичные сомнения в курсе либерализации».

Юноша, прокрутив это в голове, почувствовал тошно-

творные ощущения от того мира, где он живёт. Ещё раз. У него голова кружилась от того, что каждый день гоняют по телевизору, как государство, несчастное и забитое, отбирает у народа шанс на благополучие и вырывает у них права, но ни один телеканал не посмел выступить против Корпораций, которые, по сути, приватизировали всё, что можно было купить, обменять или продать.

Тут парнишка подловил себя на мысли, что нужно выходить из дома. Он быстро подбежал к двери, натянул на ноги туфли, быстро надел джинсовое пальто и свершил жест, который считался «знаком свободоненавистников» – сложил пальцы и перекрестился правой рукой.

Юноша собрался с духом и внял ко всем душевным силам, ибо за порогом его ожидает мрак, ошетилившийся безумием и оскалившийся самим хаосом. За порогом его алчет на растерзание Гражданское Общество.

Парень открыл дверь и тут же, пройдя через порог, захлопнул её на ключ и поспешил побыстрее оказаться в университете.

Юноша как можно быстрее вышел на улицу, предварительно заперев и калитку забора, окружавшего дом. На улице был прохладный и чуть промёрзлый воздух, сочетаемый с лёгким ветерком.

Тут же его встретил мужчина, одетый в костюм, разукрашенный в чёрно-белые ромба, и только зрелое лицо оставалось вне этой пытки для глаз.

– Вы уже уплатили за право пользования этой улицей? – настойчиво спросил мужчина.

– Что, простите? – из вежливости, наполненной недоумением, переспросил юноша.

– Согласно Закону «О всеобщем рыночном становлении» и концепции «Развитого Либерализма» эта улица была вчера приватизирована у муниципалитета и теперь принадлежит Обществу Улиц города Микардо.

Парень готов проклясть правительство и парламент, которые «во имя идеализации» общества и страны, руководствуясь «идеалами рыночной экономики», решили передать в частные руки чуть ли не жизни граждан. Но бессилие взяло верх и парень, чувствуя хандру и слабость, вынужден заплатить. Он завёл руку в карман и достал несколько сверкающих золотистыми тонами монеток.

– Сколько с меня? – прозвучал вопрос, полный хилости.

Коварно улыбнувшись, человек, словно смакуя, ответил:

– Ну, либо два Федерала, либо двадцать тысяч сто пятьдесят диариев.

Парень положил монеты в карман и тут же вынул толстую, примерно с небольшую книгу, пачку денег и протянул их человеку.

– Тут двадцать пять тысяч диариев, бери без сдачи.

– Вы так щедры, милостивый господин, – взяв пачку и начав пересчитывать, исказив голос в больной радости, сказал человек.

Тем временем парень просто развернулся и пошёл в собственный ВУЗ, решив поскорее уйти от придатка нового мира.

Улицу, по которой юноша спешно пошёл, со всех сторон окружали высокие здания, выкрашенные с самые различные цвета, от розового до голубого, от белого до чёрного. Порой нижние части зданий были разрисованы граффити и непристойными рисунками. А также, временами, фасады были увешанными сами разнообразными объявлениями от предложения работы до приглашения на собрания очередной из сект.

Парень, проходя сквозь град, не замечает, что на зданиях. Сейчас его разум берёт бессильная злоба. Дикая инфляция в регионах просто убивала всяческое самостоятельное развитие. Уповать оставалось только на Корпорации, которые приватизировали и сами деньги. Корпорация «Монетно-Финансовый Двор», пододвинув правительство, приватизировало печатные станки и теперь выпускает валюту, как фантики, по своему усмотрению и во имя многотриллионных прибылей обваливая целые рынки. И Федералы – основные монеты страны есть наиважнейшая собственность этой Корпорации и по своему номиналу в несколько, а то и десятков тысяч раз превосходит валюты регионов.

Но помимо этого, тоталитарная приватизация сжигала всё. Парень тут же вспомнил свою знакомую. Это была старушка, лишённая пенсии за «Противодействия процессам

свободы». Хотя она своей внучке, которая призналась семьей, что она – лесбиянка, сказала, что та ещё найдёт нормального и хорошего парня, однако ни к чему хорошему это ни привело. И теперь единственным заработком на жизнь этой старушки оставалась работа дворником на улицах, но сейчас навряд ли Сообщество ей позволит мести улицу, и она вскоре пополнит легионы безработных и нищих, так как содержать старушку слишком накладно, а «нет ничего ценнее прибыли, ибо даже человека можно монетизировать», как утверждают в Корпорациях.

Парня берёт злорадия, да и самое противное – он даже не мог её никак выразить, ибо все те, кто «за свободу» порвут его в клочья «во имя добра и справедливости». У них у всех давно на этой почве снесло крыши и любого, кто, что имеет против свободы, они готовы сжигать в крематориях. Таков теперь новый мир «идеальной свободы».

Юноша пытается просто идти по улицам и не думать о происходящем. Он механически передвигает ногами, словно робот, и разглядывать улицы, смотря за происходящим «актом самоустройства».

Повсюду ходят люди, одетые как клоуны или безумцы. Так бы показалось любому, кто не жил в этих «славных землях». Топик на мужчине, сапоги под мышку, одежда из мусора и ещё миллионы вариантов сумасбродных стилей одежды, безумным океаном текли по улицам этого городка.

Почти каждый, ведомый «формированием индивидуаль-

ности» пытается улучшить собственное тело. Некоторые прокалывали себе все части телесной плоти, оттягивая её до состояния такого провисания, как щёк у бульдога. Кто-то наносил странные татуировки, имитирующие половые органы. Ну а самые безумные настолько себя «преображали», что вообще теряли человеческий облик.

На улицах стояли сотни активистов причислявших себя к «Гражданскому Обществу». И стояв целой россыпью, эти активисты пытались красивыми лозунгами завлечь к себе.

Феминистские патрули, разукрашенные как древние кельты, ходят и наводят страх на любого мужчину. Не дай Бог на какую-нибудь девушку кто-то подолгу засмотрится, то на него тут же набрасывалась толпа феминисток и спешила повязать за «Визуальное домогательство».

Сторонники ЛГБТПАиПНА бродят по улицам целыми бандами и пытаются научить пойманных детей «правильной ориентации». В красках, они рассказывают, как нужно любить свой пол, а порой даже стремились показать это. В городе есть целые «Зоны визуального сексуального воспитания», где в бесконечном совокуплении с собственным полом люди показывали, как и кого нужно было любить. И родители, начиная с двенадцати лет, в обязательном и установленном законе порядке просто должны водить своих детей в эти «Зоны», что там они учились правильно воспринимать свой пол.

Приверженцы чайлдфри целыми роями, удерживая в руках красочные плакаты и выкрикивая оглушительные лозун-

ги, стремятся убедить всех в одном – дети это плохо. Прямо на улицах, если они встречаются беременную девушку, то практически насильно могут заставить её сделать аборт, чуть ли не утаскивая в клинику. Упаси Господь появиться человеку с грудным ребенком возле этой толпы.

Парень, идущий в институт, сразу припомнил один случай, когда ещё жил с семьёй. У его соседей был маленький ребёнок и когда у него стали резаться зубы, что естественно сопровождалось ором и гулом. Но так было недолго. В местный Муниципальный Суд Сообществ поступила жалоба от соседей сверху, и на этой иеремиаде стоял целый скоп подписей местного сообщества детоненавистников. Банда чайлдфри жаловалось, что ребёнок мешает им отдыхать и работать, а это права, гарантированные Конституцией. И Суд постановил – ребёнка изъять... «раз он мешает реализовывать права, гарантированные самой Конституцией», как было сказано в приговоре. Судью и обвинителей, что стояли с каменными сердцами, не смогли убедить ни красноречивые слова, ни слёзы родителей, которые бились чуть ли не в истерике.

Юноша не понимал, как во имя свободы, можно так оскатиниваться и попытаться подумать. Но на его пути тут же возник седой и зрелый человек, одетый в лиловую рясу, чем развеял все размышления. Под руку он вёл двенадцатилетнюю девочку. Парня чуть не стошнило, ибо он знал, что это местный служитель Новой Церкви, которая проповедует либеральный образ жизни, и это священник-педофил и куда

он вёл ребёнка, становилось понятно. Однако через пару секунд тут к нему подбежала женщина и со всего размаху влепила оплеуху священнику. Смачный звон шлепка пронёсся по всей улице. Сила удара такова, что мужчина чуть не падает на землю. Он пятится, на его лице ширится злоба, а в глазах повисло дикое безумие.

– Твари антилиберальные! – кричит церковник. – Я на вас в Культ Конституции напишу!

«Священник» угрожает и машет кулаком вслед дочери и матери, буквально убегающих от него.

Юноша понял, что это была мать девочки, но ему страшно стало за женщину. Теперь ей светят статьи за «Предотвращения процесса сексуальной самореализации ребёнка» и со временем за дитятей этой женщины придут легионы служителей Гранд-Ювенального управления и попросту вырвут у неё ребёнка.

– Новая Церковь, – шёпотом начал парень и с гневом добавил. – Надеюсь, вы все окажитесь в аду.

И поводов ненавидеть эту организацию, что стала наследницей свободного протестантизма, было много. Предав веру в единого Бога, она слилась с новым свободным миром. Теперь церковь не говорила словами Спасителя и не призывала к верности, целомудрию, послушанию и иным постулатам. Библия и все священные книги в этой стране были переписаны с пожеланиями всех кого только можно, дабы не обидеть меньшинства, что давно стали опьянённым безумием

большинством. После давления в парламенте легионов феминисток, божество признавался наполовину мужчиной, и наполовину женщиной. Всё священное было попорно. Разнузданность и похоть, принимаемые за идеальную свободу, взяли верх над этим миром, чёрными буквами вписавшись в «Либертат-Библию».

И эта Церковь освящает всё что можно было, если ей заплатить или уговорить речами о «Свободе-во-Боге». От однополых браков до браков с вещами, вплоть до создания антисемей с тридцатью членами. Священники не имели права что-то сказать против, ибо за это может наступить ответственность.

Однако ни ЛГБТПАиПНА, ни чайлдфри, ни Новая Церковь не были такой угрозой и не превращали в жизнь, так как это делали они. Новая инквизиция либерального мира, чьё имя было, есть и будет почитаемо всеми безумцами – Культ Конституции. И идя по улице, юноша, прежде всего, боится встречи с этими фанатиками основного закона страны.

Парень, всегда, когда выходил за порог дома, знает, что делает шаг в мир мрака, где царит тоталитарная свобода, уничтожающая всякую мысль, противоречащую «Свободе», что по улицам и площадям его города ходят тысячи активистов, готовых рвать и кусать за собственные права любого, кто их нарушит. Таково невежество нового мира.

Он прекрасно понимает, что ситуация с плескающимся безумием на улицах его города не так страшна, как в других

регионах, но она становится всё хуже и конца этому сумасшествию нет и не будет. Парень живёт в мире, где свобода это похоть и умопомешательство, где люди одеваются, как пациенты психиатрии в давно минувших временах.

Юноша испытывает каждый день тремор при выходе за порог и, что на улице нужно быть осторожным, ибо его слово может обидеть или задеть права кого-то из сотен сторонников самых различных идейных дурачков, одержимых свободой. И больше всего он боялся Культистов Конституции, которые могли за любое противление главному закону страны собственноручно упрятать за решётку, ибо получили власть «правоприменителей от гражданского общества» вызовет. Никто не может сомневаться в Конституции, так как «она защищает права и даёт свободу», а значит – непогрешима.

Дорога медленно подошла к концу и в одно мановения ока парень тут, же отбросил все размышления, когда дошёл до университета. Ему теперь нужен был только чистый разум и трезвый ум. ВУЗ представлял десятиэтажную постройку на отшибе города. Само строение располагается буквой «П» и имела огромную прилегающую территорию.

Юноша подошёл к высокому забору, и пошёл ко входу. Там он встретил своих сокурсниц, которые подрабатывали телодателями, иначе говоря – проститутками. Закон, ориентирующийся на «свободу», позволял этой работой заниматься прямо в ВУЗе, в целях «укрепления малого бизнеса».

Парень прошёл мимо них, смеющихся, красивых, разу-

крашенных и так манящих, отдаться за несколько Федералов. Но юноша проигнорировал их, пройдя, наполнившись бесстрашием и безразличием к этим живым игрушкам. Парень направился прямо к входу в ВУЗ. Там было ненамного спокойнее, чем в городе, но тут его хотя бы будут окружать друзья и знакомые, а не неизвестные безумцы.

Корпуса института, сжимали пространство, образуя обширный и массивный внутренний двор. Несмотря на устоявшиеся десятилетиями торжество свободы, и укоренившийся идеальный мир, этот университет чём-то оставался непохожим на происходящее. Он сер и статичен, преисполненный монументальностью. Стены его не выкрашены, как палатки цирков, а пресловутая «свобода» удерживалась законами Муниципальной Студенческой Республики, полностью прикованной к воле Корпорации. И это вызывало дикое недовольство в бурлящем мире событий и развития. Все, кто только можно было присматривался к этому ВУЗу. Орды ЛГБТПАиПНА стремились там устроить свой ковен и превратить это место в ещё один оплот «нового чудного мира». Феминистки алкали привнести туда больше равенства. И ещё десяток организаций в городе, одержимых свободой, желали наложить лапы на институт.

Однако пока он под покровительством Корпорации всему тому, что зовёт себя Гражданским Обществом, путь закрыт и ректор сдерживает принципы «идеального мира равноправия и свободы», которые спешат в эту глубинку. Но надолго

ли?

Глава вторая. Вечное проклятье или жизнь на службе государства

Тем временем на территории бывшей Финляндии.

Морозное солнце медленно шествует по небу, ступая от границы горизонта на востоке. Но солнечные лучи не несут тепла или жары, ибо в этом промороженном месте уже выпался снег и завалил все строения по самые окна. Лазурное небо, прерываемое целой россыпью белоснежных облаков, просто сияло бирюзой, источая странную чистоту для этих дальних мест.

Несильный ветер шустро гуляет по здешним местам, взметая вверх монолитные стены, состоящие из сверкающего на солнце снега. Целые яркие серебряные вихри, состоящие из сияющих снежинок, заполнили всё далёкое поселение.

И сверкающее холодом солнце, и блистающий лазурной бирюзой небосвод, и шальной игривый ветер: всё это в своей красивой апофозности, при диком и невообразимом холоде воцарилось над северо-востоком тех земель, что раньше звались Финляндией.

Теперь это не государство финнов и даже не то, что было им во времена Великого Континентального Кризиса. Сейчас эта земля подобно тяжёлому ярму носит другое имя, совер-

шенно серое и удручающее, обрекающую всякую надежду на гибель.

Во времена кризиса воин и раздоров энтропия история и падения европейских стран своей костлявой рукой коснулась и этих земель и над ними запылали огни воин и бед, а затем целая вереница безликих событий. Но настал момент объединяться. На всей территории власть взяли управленческие центры, распорядившиеся тем, что осталось от некогда процветающей державы. Эти центры, почуяв неизмеримую силу, и как их наполняет воля к управлению, взяли всё правление и все виды власти в свои руки. Неоспоримые узлы абсолютного управления схватили все возможные роли во власти, которые только можно представить. Они стали и парламентами, и судами, и правительством в одном лице, но самое главное, что именно эти административные оплоты контролировали всю жизнь населения: от составления списков рождения, до выдачи паспортов.

И смотря на всю эту гротескную и огромную машину, ей дали мрачное название, полностью соответствовавшее действительности, – Восточная Бюрократия, которое сохраняется по сей день. И это полностью оправдано. Всю власть на территории удерживал огромный бюрократический механизм, он и определял, и регулировал жизнь населения, а над всей системой воцарилось двадцать министров, что играли роль и верховного суда, и главного правительства и высшего законодательного органа.

Двадцать министров, во имя сохранения власти на собственной земле, и ведомые желанием присоединиться к чему-то огромному и великому, лично присягнули Либеральной Капиталистической Республике, признали право на подчинение приказам от Отдела Регионально-Федеральной Координации, что стремилось объединить столь разнообразную страну, в нечто единое. И пользуясь Гранд-Федеральным Законом «О федеративном устройстве», двадцать министров стали править, как и прежде, не меняя формы правления внутри субъекта, лишь проводя идейную политику федерального центра, а множественные общественные общегосударственные органы и службы органично вписались в этот гротескный бюрократический механизм, отчего он стал ещё монументальнее и ужаснее.

И в одном из дальних городов, где располагается один из самых маленьких центров управления, которые ещё именовали – «Административный Узел», живёт тот, кого сослали за слишком большую любовь к собственному ребёнку.

Этот человек усердно работает чиновником в гигантской казённой машине, накрывшей плотной сетью Восточную Бюрократию. Он чётко исполняет свои обязанности ответственно и старался не лезть в политику, которой здесь было как навоза в коровнике.

Сей мужчина влачит жалкое существование на самом отшибе субъекта, которому он служит. Каждый его день начинается в шесть часов и заканчивался в девять вечера. А день-

ги, за которые он работал, для государственного служащего, были лишь мечтательной условностью.

Мужчина был отправлен в небольшой городок, который раскинулся удивительно квадратной формы, в большинстве состояв из обычных серых, как здешняя действительность, зданий. Каждая постройка практически идентична другим, в своей серости и форме. Такая же серая, десятиэтажная, как и иные сооружения в этом городе. Только несколько иных зданий, принадлежащих Корпорации и общественным движениям отличались по форме и красочности, маня и издеваясь своей раскраской и помпезностью.

Однако над всеми ними, на целых двадцать этажей вверх, стремясь под небо и на десять этажей вниз, вгрызаясь в промороженную землю, уходит постройка. Монументальная, серая и грозная, словно сестра культополисария, что в Автократорстве Рейх.

И каждый божий день слуга своей страны, как и миллионы иных, беззаветно и мужественно исполняет собственный долг, несмотря на то, что работа была сущим адом.

Сейчас мужчина расположился в собственном кабинете, что зиждился на десятом этаже.

Кабинет представляет собой четырёхугольную бетонную коробку, без каких-либо обоев, только безликая краска толстым слоем накрывала холодный бетон. В конце кабинета, в стену врезано огромное пластиковое окно, зачастую становившееся единственным источником света, ибо старые лам-

почки, своим тусклым и слабым свечением могли за несколько месяцев монотонной работы сделать слепым любого.

Само рабочее место представлено большим столом, выполненным из дуба и покрашенного в бардовый цвет, канцелярией на нём, и кожаным креслом, что от старости готово было рассыпаться в прах. У широкого окна без штор, жалюзи или тюли, стоит размашистый рабочий стол, на котором целыми килограммами и штабелями лежит бумага. А под столом ещё десяток килограмм бумажной макулатуры, от которой зависела жизнь поселения.

У правой от окна стены расположился книжный стеллаж, полки которого забиты книгами, а слева находится старый и потёртый диван, обтянутый чёрной и местами выцветшей материей.

На самом кресле, у стола, в отчаянных попытках согреться, завернувшись в дублёную кожаную куртку, сидел мужчина. Рядом с ним на столе посреди столбов из самых различных бумаг, стоит белая кружка, из которой широким потоком клубился горячий пар.

Черты лица работника бюрократической машины далеко не северные и даже не финские, отдавая южной утончённостью. Чёрный, чуть засаленный короткий волос, лишь слегка касался уха. Утончённые черты лица придают лицу эффект вытянутости. Губы на таком холоде становились ещё тоньше, чем походили на узкие кинжалы телесного цвета. Подбородок и сама челюсть покрылись редкой щетиной и рубцами,

подло оставленными затупившейся и поганой бритвой. В водянистых светло-голубых глазах словно пропала искра жизни, ибо они сияли лишь отчаянием и бездной.

Сам мужчина, сильно нагнувшись над прямоугольным столом, тщательно трудится над какой-то бумажкой, в которой собственноручно прописывал строки. Компьютера или печатной машинки в этом кабинете, как и в десятках других, не имеется.

И тут же хозяин кабинета оторвался от работы и прислонился к креслу. Проведя ладонями по шершавым и потрёпанным стенкам мебели, обтянутых бежевой кожей, мужчина взял кружку. В воде плавают несколько убогих чаинок, что всего лишь слегка раскрашивали воду и придавали ей далёкий, словно горное эхо, и практически неразличимый от воды вкус чая. Как только он сделал пару прерывистых всхлипов горячей жидкости, то отложил кружку, наполненную непонятным раствором.

Владелец этого помещения опрокинул голову и тяжело выдохнул. Из его рта вырвались массивы пара, что устремились под белоснежный потолок кабинета, покрыв инеем лёгкую и неаккуратную щетину на лице мужчины.

Испарения знаменуют лишь то, что сегодня отопления в их «узле» решили не давать, отчего работа государственных служащих Восточной Бюрократии в этой части региона становилась похожа на сущий ледяной ад. Но и отказаться от неё нельзя было. Несмотря на скудную зарплату, работать,

некуда больше идти.

Внезапно, массивная железная дверь с нестерпимым металлическим скрипом отварила и, аккуратно ступая на бетонные полы, в кабинет зашло два человека.

Мужчина оторвался от небольшого отдыха и, протерев глаза, вежливо спрашивает:

– Здравствуйте, вас нечто интересует, что вы ко мне пожаловали?

Голос хозяина кабинета звучит довольно мягко, но, не теряя мужественности и внутренней силы.

– Приветствуем вас, – мягко говорит один из пришедших. – Это вы Эрнест Калгар?

– Да, – послышался уверенный ответ, и мужчина тут же тщательно осмотрел пришедших, всматриваясь в каждую деталь.

Первый – высокий под два метра молодой парень. Его покрывает длинный пуховик, сотканный из серых тканей, аккуратные брюки и очень дорогие для этих мест кожаные туфли. Лицо парня светлое нордическое и с довольно мужественными очертаниями. Вторым человеком оказалась невысокая девушка, укутавшаяся в чёрное зимнее пальто. Она стоит на невысоких каблуках, что переходили в плотные кожаные сапоги. Голова девушки спряталась за белоснежным шарфом, что практически сокрыл её лицо, оставив на виду лишь прекрасные голубые глаза.

– Мы хотим расспросить вас про вашу работу, – тихо про-

молвила девушка.

– Я не знаю кто вы. Почему я должен перед вами отчитываться? – преисполнившись спокойствием, сидя на кресле, поинтересовался Эрнест. – Я вас в первый раз вижу и вы меня тоже и тут выпаливаете...

У парня, что является гостем, тут же в руках оказалась небольшая ксива, обтянутая в обложку цвета радуги без голубого, а после зазвучали слова, наполненные надменностью и самомнения:

– Мы представитель сообщества «Народное благополучие» и помощники Министерства Свободы, на основании Федерального Закона «О прозрачности государственной деятельности», прошу вас рассказать о своей жизни и работе.

– Да-да, – поддержала его дама. – Всё рассказать, вплоть до самых интимных подробностей! Мы же представители гражданского общества и мы для него должны выведать о власти всё.

– Что ж, – аккуратно запротестовал хозяин кабинета. – Я могу рассказать о своей работе, но не о личной жизни, так как она защищена законом.

– Да ну, – резко, заполнив пространство кабинета мерзким голосом, заговорила девушка. – Я из этого же управления, но только из управления развития свободы. И я скажу, что за вами, жалкими бюрократами, нужен строжайший надзор. Так что давай, представитель государства, говори нам, как в свободное время ты вредишь нашему гражданскому

обществу!

– Почему? – строго спросил Эрнест.

– Потому что вы все сволочи и воруете наши деньги, – нагло заявила девушка и с большей спесью продолжила. – Ты же власть, ты не можешь иначе, такова твоя гнилая государственная натура. И во имя укоренения Свободы в этом регионе тут нужна более либеральная власть, – фанатично закончила девушка.

Владелец кабинета развёл руки в стороны, за ними потянулась его одежда, и дублёная куртка на фоне восходящего солнца засияла дырами и заплатками.

– Я похож на того, кто ворует? – отчаянно кинул мужчина и столь же тяжело добавил. – Может вы, господа, поработаете за продуктовые карточки? Как это делаю я.

– Во-первых, – грозно начала девушка. – Почему только «господа»? Или вы принижаете моё женское достоинство? Мне обратиться в Министерство Феминизма, чтобы вы вообще лишились работы за собственные слова? Во-вторых, – уже более спокойно звучали слова. – Почему все дороги заметены снегом, и мы не могли целых три минуты объехать сугробы? Почему «региональное Общество Капрофилов» до сих пор не зарегистрировано в реестрах? И когда, наконец, утвердят в правах «Молодёжный Управленческий Комитет»? Не уж, то они не могут принимать участие в управлении регионом?

Эрнест, справившись с внутренним негодованием, совер-

шенно мирно и вежливо стал отвечать:

– Нашими всеми дорогами занимается акционерное общество «Северный путь» и именно оно не так давно выкупило все трассы у «Дальней Стези», и дороги в нашей части региона. Конечно, мы каждый день отправляем туда запросы и жалобы, но в соответствии с Федеральным законом «О рыночной либерализации» они могут с этими дорогами делать что угодно и как. Поэтому, к сожалению, мы не получили от них ни одного ответа на запрос.

И тут мужчина почувствовал благодарность тому, что работает в невероятно огромной волокитной бюрократической машине, где тысячи отделов и сотни управлений. Почувствовав внутреннее тепло и ощущения радости, от того, что он сейчас пустит этих «ревнителей справедливости и свободы» по бюрократическому колесу, мужчина, подняв тембр, заговорил:

– Что касается вашего «комитета», то согласно федеративному устройству, каждый регион правит так, как сочтёт нужным и в этом вопросе подчиняется только Отделу по Регионально-Федеральной координации, а поэтому отправляйтесь за разъяснениями туда. А насчёт регистрации «Общества Капрофилов», идите, пожалуйста, в отдел у-315 «Регистр некоммерческих обществ». Простите, но я занимаюсь только регистрацией и всем, что связано с индивидуальными предпринимателями.

– Да что за волокита! – вспыхнул мужчина и тут же пере-

шёл в активную атаку. – Ты что решил тут задушить свободу своими бюрократическими уловками? Или тебя, сволочь, в суд затащить, за «препятствие благополучию народа»?!

И тут со стороны входа послышался полный силы, но сдерживаемый спокойствием голос, что прозвучал подобно грому:

– А вот оскорбляться не хорошо.

Сторонник сообщества резко развернулся к источнику неизвестного голоса и в его сторону выпалил фразу, о которой спустя мгновение пожалел:

– Ты, что мразь, решил мне препятствовать в делах активного гражданского общества?

Вошедший мужчина, облачённый в длинное кожаное пальто, которое тяжёлым плащом ложилось на жилетку с белой рубашкой. Его ноги облачены в отличные чёрные шёлковые брюки, а стопы надёжно укрываются под туфлями из драгоценной крокодильей кожи. А на голове зиждется прекрасная шляпа.

– Простите меня, пожалуйста, – мольбами разразился кабинет.

Неизвестный гость снял шляпу, и тут же на вид подалось довольно зрелое грубое лицо пожившего человека, от которого исходит волчий взгляд и неприятный холодец. Человек, сняв головной убор, почесал, покрытую сединой макушку, и заговорил:

– Что ж, за оскорбление тебе ничего не светит, так как

согласно нашей Конституции, «в целях укрепления самовыражения, а значит свободы, оскорбления не являются претуплением, а способом самовыражения». Но вот твоё паршивое сообщество сидит на моём топливе. Поморозите задницы недельку, может, научитесь вежливости.

– Но... – захотела что-то сказать девушка, но её тонкий голосок был прерван мощным и грубым басом:

– А теперь вон отсюда.

Пыл и рвение этих людей, что решили «во имя свободы и благополучия» порвать слугу Бюрократии за свои идеи, быстро погасли перед тем, кто действительно оказался волком в кабинете. Его холодный, как арктический лёд взгляд сверлил двух «ревнителей», и бесцветные, словно камень, глаза неустанно следили за ними. Два человека, как будто в покорности, склонив головы, моментально покинули помещение, оставив после себя лишь плохие воспоминания, словно неприятное поветрие от канализационного зловония.

Как только дверь прикрылась, губы недавно вошедшего человека разошлись в широкой улыбке, и зазвучал голос, полный старческой бодрости:

– Эрнест, пройдоха, опять отражаешь нападки этих умалишённых.

– Да достали, – с толикой гнева начал обладатель кабинета. – Чуть ли не каждый день бегают сюда. Защищают свою «свободу, – с презрением окончил мужчина.

– Может тебе охранников выделить?

– А можно? – прозвучал вопрос, в котором промелькнула толика надежды.

– Всё можно.

– Да ладно, – выдохнул Эрнест. – Не стоит. Всё же без этих сумасшедших моя жизнь стала бы совсем серой, как и вся наша действительность. – И уже без всякой надежды заключил. – Эти организации, что несут «свободу и прогресс», слишком сильны и настойчивы, чтобы им противостоять.

– Послушай, друг мой, я представитель Корпорации «Восточное Единое Торговое Собрание», и для нас нет в этой части страны ничего невозможного. Можем, если нужно и усмирить.

В ответ Эрнест лишь бессильно сквозь боль улыбнулся.

– Я закурю?

– Конечно.

Член Корпорации тут же достал длинную сигару зажёл её, приложил к губам, став вдыхать табачный яд. Её аромат за несколько секунд полностью заполнил все уголки кабинета, а когда табак сначала захрустел от пламени, а потом ещё сильнее задымился, то душистое амбре сигары плотной завесой заняло всё пространство.

Мужчина в кожаном пальто присел на диван, и за ним собственное кресло занял Эрнест, смотря на собственного друга.

– Послушай, Эрн, а почему они к тебе зачастили?

– Ох, Матвей, ты же знаешь, что раньше я жил в Норманн-

ском Свободном Княжестве. Там, мой сын за высказанное мнение попал под горячую руку той пубертатной своры, которая посчитала, что их права нарушены. Ну а потом и понеслась вся чехарда. В итоге, по решению суда я был отправлен работать сюда, на «благо» Бюрократии. И тут как-то прознали, за что меня сослали.

– За «неправильное воспитание, что попирает права сексуально просвещённых людей, неогендеров и феминисток».

– Оно самое. Но как узнали? – прозвучала вопросительная реплика, полная удивления.

– А разве ты не знаешь? Согласно Кодексу Слуги Государства, не помню, какая статья: «во имя блага народа и его священного права на информацию, личная жизнь государственного служащего может быть открыта и её все части становятся публичными, если того пожелают люди». Так местные сообщества, направив запрос, с этой формулировкой, в нужные места и тут же получили всю твою подноготную.

– Сволочи, – резко и отталкивающе прозвучало слово, в гнев сказано Эрнестом. – И поэтому, зная, кто я и за что сослан, они пытаются меня из ненависти достать? – И выдохнув, мужчина сам закончил собственное рассуждение. – Что ж, они видят во мне «врага собственной свободы», не воспринимают само моё существование.

– Эрн, успокойся. У меня для тебя хорошие новости, – снова, со старческой бодростью, заговорил представитель корпорации.

Тут же в глазах служащего этого региона вспыхнула надежда, и зазвучал голос, её преисполненный:

– Какие?

– Как ты и просил, я проследил за Лютером. Вот что я тебе скажу: твой сын в полнейшей безопасности, учится он довольно хорошо и на работу недавно устроился – обслуживает базы данных одной из соцсетей. В передряги никогда не лезет. И, что самое главное – придерживается того морального курса, который ты в него заложил.

– Вот это хорошо, очень хорошо, – взбодрился мужчина. – Спасибо тебе огромное. Я твой должник.

– А теперь расскажи мне, друг мой, как твои дела?

И тут зазвучали слова, наполненные горечью и сущим отчаянием, ибо жизнь чиновника, что регионального, что федерального в Либеральной Капиталистической Республике, была сущим кошмаром, а служба на севере, на задворках страны становилась адом изо льда и вечно гложущего голода.

Эрнест поведал, что питается он на продовольственные карточки, что практически ни в одном магазине не принимаются и на них в основном можно получить только небольшой запас дешёвых продуктов. Но даже эти продукты, согласно законам «О рыночной либерализации» и «О рыночных возможностях», становились самой настоящей отравой. Эти законы, в целях «повышения рыночных приоритетов, поддержки любого предпринимателя, снижения всевозможных барьеров и насыщения рынка товарным разнообразием»

ем», позволили частнику, лепить продукты из чего попало. И весь пищевой рынок в одночасье заполнялся такой гадостью, что кушать становилось невозможно.

Так, большинство мясных изделий стали состоять на девяносто процентов из синтетического вещества, во сто крат хуже сои. Растительная пища изготавливалась из специального пластика, а в хлеб стали добавлять муку из зёрен сорной травы.

Предпринимателей в этой сфере стало намного больше, и они стали активней, а это единственное, чего добивалось марionеточный конгресс, но действительность была намного страшнее. И даже на эти карточки и скудные деньги, которые иногда удаётся получать, не всегда можно приобрести простые продукты и вещи. Чаще всего у слуг «Бюрократии» не хватает денег даже на себя, поэтому никто не старается заводить семей, что и преследуют общества, «демократично контролирующие» жизнь «Узлов». «Нет права государственным вырождакам размножаться, ибо они противостоят самой сути свободы», как вечно заявляют в сходках чайлдфри, которых поддерживает федерация и Культ Конституции, вечно потакающий любой волной выдумке гражданского общества.

А на этом фоне, согласно Архизакону «Об общественных приоритетах», всю социальную помощь от государства получали ни нищие, ни инвалиды и даже не государственные служащие. Она была направлена на «героев капиталистического труда» и «активистов гражданского общества», именуемых

«Вестниками Свободы», ибо они учувствуют в деле утверждения свободы и демократии.

Эрнест, чуть не ударившись в слёзы, поведал другу, что только чудом не заболел пневмонией или воспалением лёгких, из-за того, что работает в промороженном здании, а денег на тёплую одежду не хватает. Тем временем местный «Узел», из-за нехватки топливных ресурсов вынужден отказываться от отопления в пользу пресловутых субъектов «гражданского общества». Если хоть кто-то посмеет посягнуть на их комфорт, то того просто порвут, и осудят по статьям: «преднамеренное действие против субъектов несущих свободу» и «активное противодействие гражданскому обществу». И поэтому местное отделение «Северного Союза Трансгендеров», городской отдел «Всефедеральной Ассамблеи Феминисток» и ещё несколько «субъектов свободы» сидят в тепле и полном комфорте, а слуги Бюрократии в этом городе обречены на множественные обморожения и болезни.

Хозяин кабинета рассказал, что за последний месяц уже пять его сослуживцев умерли от воспаления лёгких и трое от гайморита. Лечение в местной больнице им оказалось не по карману, ибо вся система здравоохранения в стране оказалась приватизирована, и смерть настигла одного за другим.

Старый Матвей не стал спрашивать про жену Эрнеста, ибо знал эту печальную, как песнь сирены историю и мысленно обратился к ней, пока его друг продолжал перечислять все невзгоды.

Матвей часто вспоминал. Это случилось около полугода назад. Жену друга звали – Маргарет. Это была прекрасная высокая светловолосая женщина, с выразительными чертами лица, алыми тонкими губами и тёмными глазами.

В тот злополучный день она прогуливалась со своей подругой, у которой был маленький ребёнок в коляске. Мать с подругой, прогуливалась с маленьким ребёнком по улице, нарвалась на разновозрастной шумящий и галдящий рой, что был сборищем тех, кто называл себя «Свободными от личинусов» или местная секта чайлдфри. Свободолюбцы среагировали на ребёнка, словно обезумевший бык на красную тряпку. Они, словно шакалы, окружили двух девушку и ребёнка. И понеслось.

Опьянённая собственной доведённой до безумия идеей толпа стала издеваться над женщинами и ребёнком, всячески выкрикивая оскорбления и дразня испугавшегося ребёнка. Естественно, малыш забился в страхе, смотря на кучку пляшущих сумасшедших, и стал безумно плакать, исторгая душераздирающие крики.

Крики и страх в глазах ребёнка лишь раззадорили толпу и они стали как дикари кричать и кичиться, приговаривая при этом, что «личинусам место на помойке» или «позорные свиноматки». А один из «дикарей свободы», намеренно достал небольшой бутылёк спирта и попытался им напоить бедного ребёнка. И тут, сдерживающая себя Маргарет, не выдержала.

В два шага она оказалась рядом с парнем, который попытался спойть малыша. Когда её сжатый кулак пришёлся неплохим ударом под дых, безумная улыбка и гримаса сумасшедшего с лица сектанта чайлдфри спали. Сразу послышались стенания и всхлипы. Одного удара хватило.

Группа из безумцев тут же в страхе отступила, забрав своего «собрата по идеи» и ушла восвояси. Но ненадолго.

Через несколько дней Маргарет пришла повестка в Общественный Муниципальный Суд. Культисты бездетности побоялись подавать иск в государственный суд, несмотря на то, что парламент ежегодно утверждает квоты, сколько исков «Субъектов гражданского общества» и «Вестников Свободы» должны быть удовлетворены. И судебная машина приступила к действию.

Смелой заступнице вменяли сразу несколько статей: «Нанесение телесных повреждений», «преднамеренное противодействие представителям Субъектов Несущих Свободу», да ещё к этому и статья из Антисемейного Кодекса, что призван защищать права чайлдфри: «Насильственное противодействие пропаганде и актам идеи бездетности».

Чайлдфри, со сворой адвокатов, чьи выражения лиц очень сильно напоминали крысиные рожи, с пеной у рта, словно одержимые голосили в суде, стараясь убедить судью, какое страшное преступление совершила женщина, что заступилась за ребёнка. Её поступок, вся эта свора свободолюбцев, называла: «шагом в средневековье», «варварским актом

против свободы» и «прямое попрания свободы самовыражения».

К тому же, походу судебного разбирательства, что стало похоже на вопящий цирк, стало известно, где работает женщина. Местом её работы служил «узел», где она состояла на службе «Отдела регистрации браков». И тут понеслось безумие. И адвокаты и чайлдфри, взхлёб стали вопить: «произвол властей», «чиновники попирают нашу свободу», «к чёрту такую власть, нам нужны более либеральные управленцы, что будут уважать достоинство людей».

Маргарет знала, что обречена. Женщина прекрасно осознавала, что эта судебная машина готова размолоть её судьбу, так как она посмела поднять руку против тех, кто обличён в одежды несущих освобождение от тоталитарного традиционализма. Но всё же, она решила попытаться себя оправдать, и единственным её средством защиты стал рассказ, как всё случилось на самом деле. Девушка, срываясь на плачь, в красках и подробностях изложила истину. Однако реакция судьи была за гранью здравого смысла.

На весь зал заседания раздался оглушительный, будто исторгаемый из глубин безумия, смех судьи, а затем и последовала его речь:

– Ну и что? Суть свободы в том, чтобы дать каждому право на то самовыражение, какое любой пожелает. Эти добрые люди или нелюди всего лишь выражали собственное мнение насчёт детей и больше ничего. А вы так грубо прервали этот

акт самовыражения, чем попрали их священные права.

Исход был ясен, как летний день. Маргарет приговорили к заключению и отправили в колонию, что располагалась в Исландской Анархистской Унитарной Коммуне. И даже прославленные феминистки не вмешались, ибо Маргарет не исповедовала их идей и не состояла ни в одном из их сообществ. Да и вообще государственным служащим запрещалось вступать в «Субъекты Гражданского Общества», так как это «подрывает саму идею свободы, ибо смешивается государственное и общественное».

Матвей тогда ещё не входил в состав Верховного Совета Управления «Восточного Единого Торгового Собрания», иначе он бы воспользовался всеми ресурсами и вытащил бедную женщину. Но он не мог.

Эрнест тогда всю неделю не мог работать, ибо над ним верх взяла жуткая депрессия, и его приковало к постели, в которой он только спал и предавался самозабвенной печали. В его сознании безумным вихрем вертелись последние перед расставанием слова: «Мы ещё встретимся».

И тут слова хозяина кабинета разорвали фрагменты воспоминаний старого друга, и член Корпорации вернулся к действительности:

– Матвей, а зачем ты пришёл, не мои же проблемы выслушивать? – с лёгкой улыбкой, проходившей через внутреннюю скорбь, спросил Эрнест.

– Я знаю, что ваша жизнь, это существование в аду и по-

этому я пришёл тебе сделать предложение.

– Какое? – заинтересованно начал госслужащий. – Надеюсь достойное.

– Конечно, – бодро улыбнувшись, сказал Матвей. – Дело в том, что от каждого региона на «Форум Свободы» во вторую палату проводятся выборы и направляются представители от каждого региона. Так, вот не хотел бы ты улучшить своё социальное положение в этом аду?

– А так можно?

– Естественно! А насчёт голосов не беспокойся, Корпорация всё обеспечит, – и как только губы разошлись в широкой улыбке, Матвей задаёт самый важный вопрос, что способен изменить жизнь одного человека и судьбу многих. – Ну и каков будет твой положительный ответ?

Глава третья. На стыке миров

В это же время. На юге Швейцарской Федеральной Конфедерации.

«Тут невозможно жить. Полуядерная и тектоническая война между Либеральной Капиталистической Республикой и Рейхом обратила горный массив в пыль. Да, я был свидетелем тех событий, как в ярких вспышках пылью становились целые города, но что бы горы! Две цивилизации решили помериться силами и едва не уничтожили друг друга, причём нарушив законы природы. Теперь тут холодно, как в тундре, ибо ветрам ничего больше не встанет стеной и вся северная, и центральная Италия теперь покрывается снегом и холодом.

Да, я говорю «Италия», потому что верю, что моя родина когда-нибудь освободится от гнёта канцлера, который превратил её в идеологическую тюрьму. Но пока мне придётся скрываться на границе двух миров, посреди радиоактивных и нестабильных зон. Теперь на севере, теплее, чем на юге. Парадокс.

Но эта граница... с неё нечего больше взять. Десятки лет люди свободно её пересекали, когда придела нужда, теперь я должен бежать из своей родины, бросив свой скарб и товары. Некогда я был богат и почитаем, теперь я стал нищим, ибо у меня больше нет, ни накоплений, ни собственности.

Проклятый Канцлер всё отобрал у меня.

Не думаю, что тут ещё есть живущие селения или города, ибо все бегут отсюда. Я ещё побуду тут.

Надеюсь, мои каракули кто-нибудь увидит и прочтёт, когда я умру. И когда вы будете читать это, выпейте за то, что царство Рейха наконец-то падёт. Не сможет диктат маразматиков-тоталитаристов существовать больше пяти лет. Я буду прав.

Проклятье, как же здесь холодно.

Валерий. Вольный торговец»

– Из найденной Командором записки.

Холодное солнце продолжает медленно утверждаться на лазурном и невероятно чистом, без единого облачка небосклоне, сиявшем светлой бирюзой. Но вот яркое светило практически не греет, несмотря на то, что ветровых потоков практически нет, отступив этим утром, и небеса отчистились от всякого облачка, став практически чистым и ясным.

Только небо, по великой иронии стало недоступно для лицезрения, ибо оно закрылось плотным барьером, состоящих из сетчатых крон деревьев, усеянных снежным серебром и приятно игравшим светом на солнце, что медленно восходит к яркому и апофеозному зениту. Тысячи голых веток и стеблей, отдающих безжизненностью, застлали небесную твердь и всякий, кто направит взгляд вверх, увидит лишь, как серебристые стебли полосуют бирюзу и перекрывают её плот-

ной сеткой.

Ветра в этой лесной чащобе не было. Не единого его дуновения или лёгкого ветряного напева, что пробежался бы по верхушкам деревьев. Лишь неприятный и жутко колкий мороз ходил вокруг промёрзших стволов, заполняя собой всё лесное пространство.

Наряду с ветром, этот лес покинул и всякий шум. Мир в древнем и монументальном лесу оказался безмолвен, словно в вакууме. Весь огромный и высоченный лесной массив пребывал в полнейшем спокойствии и безмятежности, словно это есть древние первобытные леса, не знавшие ещё ни человека, ни птицы... только тлетворное воздействие радиации и химических веществ, от которых меняется сама структура любой живой клетки.

Мрачная атмосфера безмолвия подобна лёгкому и прозрачному покрывалу, которое можно сбросить в один единственный миг лёгким дыханием или снежным скрипом. Однако вот уже целую ночь суть беззвучия торжествовала над лесом, словно царь.

Но вот и ему пришёл свой логический конец. Внезапно вся безмолвная пустота и эфемерное подобие безжизненности леса разрывается дверным скрипом, что раздался подобно эхом по всему лесному массиву, оповестив само мироздание, что в лесу всё ещё есть жизнь и её двигательные процессы.

Можно было долго искать источник оглушительного для

абсолютной тишины скрипа, но так и не найти, ибо место, откуда он исходил сделано так, чтобы слиться с мнимой безжизненностью и пустотой этого места. Да, огромная ирония и насмешка над глазами и ушами человека – безжизненность и пустота скрывают жизнь и наполненность пространства.

Весь звук и переполох исходил от визуально небольшой и одиноко стоящей постройки, что скромно встала посреди серебряного леса, как единственный представитель человеческой цивилизации, совершенно незаметный из-за определённых особенностей.

Это одноэтажный дом, с низкой, практический прямой крышей, выкрашенной в белые маскировочные цвета, на которую временами сыпался снег, ещё сильнее маскируя постройку. Стены, крыша, ступени и дверь: всё это не выкрашено в белый цвет, как может показаться, отчего вся постройка, просто сливалась с местностью, становясь белоснежным единым пейзажем. Специальное хамелионистое покрытие окутало дом, проецируя фоновые образа. Так дом максимально становился замаскирован, ибо умное покрытие эмитировало всё, порой даже создавая погодные эффекты, отчего домик облачался в полный плащ невидимости.

Сам дом располагается в небольшой котловине, что больше напоминает всё же огромную яму, внутри которой практически не росли деревья, разве только свои ветки раскинуло пара кустарников. Но вверх уходящие деревья плотной стеной стволы бережно опоясывают небольшой дом, отчего

он становился ещё неприметнее и заметить его мог, только человек, знающий об этом строении, ну или же настоящий следопыт с по-орлиному зорким глазом.

Но вот только мало кто знает, что эта «котловина» всего лишь воронка от крупнокалиберного снаряда, что роком здесь взорвался несколько десятков лет назад, когда два «абсолюта» сошлись в смертельной войне идей. И сам этот лес получил это спокойствие словно в награду после тяжёлой войны, что практически не расколола сами Альпы, у подножья которых и раскинулся этот гипертрофированный лесок, возвращённый на плодах и удобрении минувшей ядерной войны.

В эту секунду бытия на белоснежное крыльцо, что практически укуталось в снежные морозные барханы, дома, вышел высокий, полу атлетического телосложения парень.

Его разросшиеся волосы цвета свежей соломы небрежно лежат на голове, и вяло трепетались при каждом движении. Черты лица были отчасти вытянутыми и ближе к островатому подбородку становились намного изящнее. Из-под довольно высокого лба смотрят на мир два глаза, имеющих болотно-зеленоватый оттенок. Неширокие и не тонкие губы разошлись, и облачко пара вырвалось наружу, устремляясь в лесную даль, но развеявшись тут, же через полсекунды.

На парне только лёгкая одежда, не присущая для прогулок по морозному зимнему лесу. И открытые участки кожи тут же приняли свой гусиный облик. На крепкие и широ-

кие плечи парня ложилась тёмная тканевая кофта с высоким воротником, что закрывало полностью горло. Нижняя часть кофты бережно прикрывала ноги, на которых были лёгкие бесцветные тканевые штаны, опускавшиеся на серые носки в тапочках.

Парень, широко повернув головой, осмотрел лесную чащу, всматриваясь в каждую деталь лесного пейзажа, словно выискивая что-то в его глубин. Юноша внезапно затормозил взгляд, как ему показалась на силуэте. Но через пару мгновений он понял, что это всего лишь сочетание веток, что сплелось в замысловатом узоры, став всего лишь пародией на человеческий образ. Такова лесная иллюзия.

Юноша устремляет свой взор наверх. Высокие кроны деревьев как будто упирались в небесную твердь и держали её от того, чтобы она не рухнула.

– Габриель, твою мать, закрой дверь! – послышался голос полный недовольства, исходивший из самих глубин дома.

Юноша прикоснулся худыми, но жилистыми пальцами к белоснежной двери. Его рука слегка дрогнула от ощущения необычного холода, и парень медленно прикрыл дверной проход.

Но дверь даже не успела прикрыться, как снова с распахкой и характерным скрипом отварила, и на крыльцо вышел человек, которого парень хотел видеть меньше всего, но не подал и виду своей лёгкой, но двойственной неприязни.

И тут зазвучал мягкий женский голос, наполненный всё

той же, но слегка приглушённой игривостью и некоторым подобием свободы.

– Габриель, может, зайдешь в дом? Тут так холодно.

– Нет, – тут же был дан твёрдый и убедительный ответ, в котором едва промелькнули нотки неприятельской обиды.

Парень даже головы не повернул. Он не увидел, что позади него стоит девушка среднего роста с карими глазами, тёмными волосами цвета дубовой коры, смуглой кожей и приятным округлым лицом. Но юноша прекрасно знал, кто за ним стоит. Парень знал, что это Элен. Именно эта прекрасная особа в своё время, больше недели назад терзала сердце юноши, и чуть не опрокинула его, практически доведя до микроинфаркта, и опрокидывая в небытие.

Но сейчас... Габриель всё ещё продолжал ощущать нечто. Это было странное остаточное ощущение, лишь подталкивающее парня к тому, чтобы он избегал девушку и старался неким образом игнорировать её, но при встрече с ней не подавал признака того, что его тяга сменилась на лёгкое отстранение. Однако не в этот момент, и быстро избежать её компании сделать было невозможно и парню пришлось терпеть присутствие сие особы.

– Как думаешь, он вернётся?

– Не знаю, – с нотками бессилия начал говорить юноша. – Он говорил, что вернётся примерно через три дня, но уже пошёл четвёртый. Я бы хотел знать, что с ним. И когда он придёт.

– Я надеюсь, он вернётся, так как без него мы можем пропасть, – заявила девушка и тут же скрылась в доме, прикрыв за собой дверь, стараясь как можно быстрее спрятаться от холода, оставив парня одного всматриваться в ледяную чашу.

Габриель же оставался стоять на крыльце, укрытым снежной массой, на настойчивом морозе, подставив своё слабо защищённое тело на терзание коварного холода. И не найдя ничего лучше, юноша обратился к собственным воспоминаниям последних дней.

Вот как уже целую неделю, они живут на стыке двух империй, в каждой из которой царит своя форма абсолютного идеологического абсурда, что продолжает отравлять души и жизни людей.

Дом, ставший прекрасным прибежищем, от глубокого подвала до потолков наполнен самыми различными средствами для комфортной жизни и долгого существования без какой-либо нужды. Сверху внутри это самый обычный одноэтажный дом, набитый внутри мебелью, с деревянными полами и радиоприёмником. Но даже тут начинались черты, присущие только специфической постройке.

Стены мастерами сделаны так, что не выпускали тепло и не пропускали внутрь холод, а специальный материал и конструкция делали их подобными броне танка. Крыша постройки оборудована специальными сверхчувствительными панелями. Когда на крышу попадала влага, они её конден-

сировали в специальные резервуары. В случае снегопада умная крыша, реагируя на авточувства, запускает процесс топки, тем самым обращая прохладную снежную массу и чистую воду. Но они не были бы умными, если не регулировали уровень воды, временами сливая затхлую и вводя свежую. И эти сверхчувствительные панели снабжены специальными датчиками «светоловли». Каждый солнца луч, пробившийся сквозь стену макушек деревьев, улавливался этими «светоловцами» и с необычной жадностью использовался для получения энергии.

Но самое примечательное начиналось внизу, под домом в подвале. Именно в этом месте связались все необходимые системы жизнеобеспечения, которые поддерживали существование в этом доме. Кроме того, подвал представлял собой огромный склад, с бетонными стенами и устройствами охлаждения в жаркие дни. И собственно здесь хранились все запасы продовольствия, от долго «живущих» пайков и чистой воды до боеприпасов и оружия.

Но так, же эта кладёзъ пищи и воды стала прибежищем для множества ёмких и современных электрогенераторов, которые могли бесперебойно обеспечить работу этой постройки на долгие десятилетия вперёд.

В общем, всё, что нужно было для комфортного и спокойного проживания в этом месте, имелось в достаточном количестве.

Однако все понимали – оставаться здесь нельзя. Необхо-

димом двигаться дальше и уходить с границы Автократорства и Республики. Это банальный залог выживания, ибо правитель по ту сторону хлипкой границы не оставит их в покое.

И несколько дней назад было решено уходить, но никто не знал куда. Алехандро настойчиво предлагал идти и представляться властям, так называемого «Либерального Государства», что оно удовлетворило все их права на жильё. Парень чуть ли не с пеной у рта старался доказать, что именно сосуществование в «новом мире» является прогрессивным шагом, который явно не сделает хуже. К тому же Артий и Верн постарались высказаться в поддержку своего друга, говоря о том, что свобода лучше тирании на юге.

Эстебан ничего не сказал против. На его лице застыла маска холода и безразличия. Он, перед тем, как уйти, сказал лишь, что вернётся через три дня и окунулся вглубь новой страны, продвигаясь к центру субъекта, на самый край которого занесла их судьба.

Никто не понял смысла этого поступка, но ни один человек и не собирался гадать, что бы это могло значить. Быть старшим и руководить их нехитрой жизнью вызвался Антоний, взвалив на себя груз контроля за всем. Ротмайр жил сам по себе, но временами стали пропадать бутылки со спиртом.

Прибывшийся проповедник с Африки мало контактировал со всеми. Если и говорил с кем-то, то это были споры и дискуссии о мироздании и истине о бытии, но в основном Малик общался только со своими богами.

Габриель, за все те дни, что пребывал рядом с тем, кто звал себя Командором, впервые за долгое время, почувствовав ощущение подобия заботы. Живя на грани одиночества сердце парня сильно огрубело и всё, что ложилось на чувственный орган юноши, не находило в нём ответа, но именно в Эстебан, который поклялся его защищать от всякой угрозы, смог оказаться некой опорой для парня. Единственным шестом, что мог поддержать и не допустить падения в бездну отчаяния, ибо, Габриель, смотря каждый день на воркующих Верна и Элен, ощущал, как его чувство лёгкой неприязни сменяется на покальывающую и пьянящую сознание злобу. С другой стороны, мысли о том, что Командор проявляет свою заботу нём лишь потому, что некогда поклялся его родителям. И ощущение того, что за ним присматривают и опекают лишь из долга, порождало мысли, что колкими гвоздями вгрызались в сознание, заставляя изнывать.

По одну сторону мыслей бесконечная тошнотворно показательная любовь, а с другой тёмные мысли, лишь подводящие к отчаянию, окутывали душу Габриеля мрачной и беспросветной пеленой, что дурманила сознание и втаптывала парня в самый тартар отчаяния, неизбежно подводя к разрушительному безумию. Ещё немного и юноша мог сорваться, начав расхищать коробки со спиртом вместе с Ротмайром.

Но внутренний стержень, неизведанной силы, схожий с верой, обогревающий замороженную душу и дающий сил, не давал парню обратиться к стороне сумасшествия, да и Ан-

тоний временами рассказывал, как Командор практически с отеческой опекой следил и оберегал его, и всё это не давало юноше впасть в самые глубины отчаяния.

Единственным источником того, что могло разогнать скуку и сбросить томящийся градус как уныния Габриеля, так и повисшей общей грусти было радио, что ловило все возможные каналы и передачи в своём радиусе.

Сначала все слушали передачи, исходящие от Управления Радиосвязью, что раньше именовалось, как Министерство Радиосвязи... да, всё, что первые дни наполняло эфир, было родом из Рейха, что после прекрасной метаморфозы переродилось в Автократорство Рейх.

Ужас и негодование от произошедшего «переворота» наполнило души ребят, но никак не отразилось в Антонии и Ротмайре. Те, кто ещё несколько дней назад был готов отправиться на штурм Канцлер Цидалис, под штандартами и знамёнами «Гегемона Революции», сейчас проклинали своего бывшего вождя за то, что он в буквальном смысле опрокинул всю оппозицию и искоренил всякий ветер свободы, провозгласив себя «Архиканцлером». Ребята испытывали к нему лютую ненависть за то, что он сделал с их друзьями и знакомыми, что доверились ему и встали в лоно этого лживого мятежа. Чувство преданности, обман и слепая ярость сковали души и сердца юношей и девушка.

Ротмайр и Антоний прекрасно знали, что это всего лишь был шаг в длинной веренице событий, что вели главного ре-

волюционера к одному – власти. Всех своих сторонников и друзей, тех, кто положил жизни на алтарь его идей, он предал. Ему стало плевать на все идеи свободы, ибо чувство пьянящей власти захлестнуло его подобно приятному и дурманящему алкоголю.

Новости о «реформах» Архиканцлера повергали ребят в ощущение протрации и печали, ибо, как им казалось, что «всякая свобода теперь истреблена». Но, увы, Антоний и тем более Ротмайр явственно понимали – эти реформы лишь фикция, направленная на создание «вида» деятельности. Новый правитель умело пустил пыль в глаза собственным гражданам и более ничего. Суть правления, его методы и принципы никак не повлияли на режим и его ужасные, в чём-то омерзительные формы, выдаваемые за «акт спасения народа от развращения».

И устав от столь мрачного потока информации, всё чаще радио настраивали на то, чтобы оно ловило какие-нибудь песни...

Тут же юноша оторвался от собственных воспоминаний и снова оглядел местность, которая его окружает, и внезапно для себя заметил странный, практический мистический символизм.

Дом – это они, как оплот здравомыслия. Непроходимая лесная чащоба, что встала стеной вокруг них – та беспросветная действительность, взявшая их в кольцо, застыв молчаливым кошмаром. А котловина от снаряда, в которой и

расположился дом – бездна отчаяния и застоя в которую они скатились.

И тут, на стыке двух империй они остановились, укрывшись во мраке истории и пространстве. На стыке двух миров, на их отшибе готовится решиться их судьба. В попытках скрыться между мирами, они могут остаться в забвении навсегда...

Но что это за миры? Первый, от которого они и бегут – мир тотального контроля, что остаётся позади. Это мир, где все дни до невозможности серые, а вокруг тебя окружает каменная тайга. Это вселенная, в которой от зари до зари звучат колокола и поются хвалебные мантры правителям. Именно в этом мире каждого инакомыслящего найдут и покарают, а любое отступление от официально установленного – опасная ересь, что подлежит искоренению. Это империя камня и веры, держава абсолютной власти морали и почитания личностей.

А второй мир!? Он, к сожалению, не известен и его только предстоит познать. Но даже отсюда Габриелю чувствуется зловонный ветерок, что дул с севера, словно дурное заветрие, несущие лишь мрак и внутри душевное разложение. Юноше, почему то «новый мир» казался чуждым и отталкивающим, а те развалины, что они увидели на границе, лишь разжигали пламень недоверия к тому, что может здесь твориться... Рейх, в полной своей деспотичности и безумии никогда бы не допустил наличие развалин на своей земле...

– Проклятая неизведанность, – шёпотом выругался юноша.

Габриель, оторвавшись от собственных размышлений о мире разделённым решил покинуть крыльцо, но тут послышался звук проминаемого и хрустящего снега...

Глава четвёртая. Новая доктрина

Этим временем в Южной Диархии.

«Для нужд обучения всех уровней нашего государственного, частного образования, но включая на вольной основе детские сады, школы, ВУЗы и иные заведения Корпораций, необходимо преобразование духовно-моральной доктрины. В ней мы должны донести суть того, что на самом деле нет никакой морали, полов, стыда, уважения, праведности, послушания и прочей тоталитарно-консервативной ереси, а есть только Свобода. В данной доктрине наша задача – вложить в граждан одну и самую важную идею – можно делать всё что угодно, если это не противоречит принципам и духу Свободы. Мы в этой доктрине обязаны сказать важные вещи, такие как: Спаривайтесь с кем и чем хотите, будьте раскрепощены, потребляйте что хотите, окунайтесь в омут удовольствий, отриньте уважение ко всем и плюйте на все традиции и так называемую духовность: всё это ваша – Свобода. Так же в «Новой Доктрине» мы должны изложить, что за оскорбление Вестников Свободы и всех её приверженцев следует беспощадное наказание. Так же Новая Доктрина ло-

житься в систему концепции Развитого Либерализма».

– Из послания Форуму Свободы от Культа Конституции.

В пространстве, как и в настроении, ширится серость и уныние, а за окнами домов по улицам свободно гуляет леденящий кости ветер, продолжавший набирать силу и поднимаемая в воздух, закручивая в незамысловатых вихрях мелкий мусор.

И все ветряные потоки, вихрем заворачиваясь у городского ВУЗа, временами завывая на его углах, обращаясь в печальную и плачевную песнь, давящий на души тех, кто ещё сохраняет остатки разума посреди безумия.

Это есть самый обычный университет, курируемый Корпорацией. Он явился действительно исполинских размеров. Десять этажей холодного бетона, покрытых известью, выкрашенной во всё тот же серый цвет и представляющий скорее какое-нибудь правительственное здание. Но такая безликость была весьма обманчива, ибо внутри он был отделан по самым последним нотам науки и писку корпорационной моды. Самые современные лаборатории наполнены прекрасным и инновационным оборудованием. С каждой стороны окружали стены, выкрашенные в голубовато-светлый оттенок.

Утеплённые и благоустроенные аудитории, в которых стоит новая и удобная мебель, только что привезённая с заводов Корпорации. И в каждом кабинете установили по специаль-

ному интерактивному прожектору, на котором в основном и происходил весь учебный процесс. Холл, облицованный мраморной плиткой и обустроенный настолько, что представлял собой скорее зону комфорта, нежели место ожидания и входа, представляет, возможно, визитную карточку самого ВУЗа.

И каждому студенту этого университета выдвигались особые требования, которые он обязан неукоснительно и строго соблюдать, ибо перед тем, как поступить сюда, подписывал специальный договор. По этому договору любой студент должен был ревностно соблюдать все те требования, которые ему выдвигает Корпорация. За неисполнение его следуют не самые приятные последствия, в виде денежных компенсаций или иного рода истребований, которая выдвигала Корпорация. И выиграть суд – невозможно, ибо все разбирательства шли в Корпорационной Судебной Системе или, говоря попростому, – суде, созданном и оплачиваемом Корпорацией.

Вся «коммерческая судебная система» состоит из судей, назначенных Корпорацией или оплаченных сторонами судебного конфликта и во имя решения споров, возникающих у любого человека или организации, что хочет стать предпринимателем.

Многие люди, или лица к ним не приравненные, в стране недолюбливают эту судебную систему, из-за её излишней пристрастности к сторонам конфликта, так как это попытаться выиграть суд у коллегии мошенников, обвиняя са-

мого мошенника.

И однажды, даже тот, кто соблюдает все пункты договора, и не станет идти на работу, которая будет предложена Компанией, всё равно вынужден будет ей выплачивать деньги по неисполнению документа.

Один из учеников «Южного Потока» – Лютер всегда вспоминал тот злосчастный случай, когда он чуть не лишился всех тех благ, что предоставила ему Компания. Это случилось около двух месяцев назад, когда, из-за нехватки денег на лекарства и обеспечение отопления в квартире его сложила болезнь, представшая в виде банальной простуды.

Целую неделю юноша не мог подняться с постели, истекая соплями и потом от внутреннего жара. А тем временем частное коммунальное предприятие «Тепло Микардо» не спешило давать тепло в дома, пока люди не заплатят. Кто-то даже высказывался, что необходимо отменить закон о «Становлении частного коммунального сектора», но это противоречило Архизакону «О рыночной экономике», где было прямым текстом сказано «во имя становления свободы и свободного предпринимательства, следует начать передачу всех экономических объектов в руки частного бизнеса».

И пока целую неделю юноша отважно вёл сражение против мора, что его повалил на кровать, Корпорация, ведущая строгий учёт посещений занятий, решила, что парень решил нарушить условия договора, и приготовилась подать на него в суд, дабы если не получить хорошего сотрудника, то вы-

бить деньги, в числе миллиона федералов. Но всё же проблема нашла своё разрешение, когда сотрудники Компании пришли к Лютеру, чтобы оповестить его о том, что он не исполняет обязательства. Когда же они на пороге встретили юношу, у которого постоянно текут сопля, глаза стали красными, а домашняя температура никак не отличалась от того, что творится на улице во время жуткого холода, то тогда все вопросы у представителей «Южного Потока» пропали. В этот же день, получив специальное руководство от Компании, организации «Городской Уют», «Тепло Микардо» и ряд подобных, всё же начали подавать тепло в дома.

Сейчас юноша тихо шёл по институту и думал о грядущей учёбе. Всего одна пара, связанная с основами экономическо-го управления и то не в полном объёме. Но необходимость диктовала своё. Это вам не государственный ВУЗ, в котором действует «Кодекс Студенчества» на парочку с «Кодексом Молодёжи», по которому, официально, в случае малозначимости занятия, на него можно было не ходить, так как это «подрывало право молодёжи на получение отдыха и занятия полезными занятиями», как следовало из одной тамошней статьи.

Лютер идёт по собственному ВУЗу, передвигаясь в тесном коридорчике. Он сейчас находится в корпусе на десятом этаже, который приписывался к кафедре «Управления Экономическими субъектами», что находился по левую сторону от входа. Каждый этаж отводился собственному направлению и

подготовки. За каждым направлением следил архикуратор, за кафедрой деканарий, а всем университетом, подчиняясь лишь образовательному управлению Корпорации, управлял ректор.

На этаже, сегодня, в столь мрачный и пасмурный день, есть только его группа и его друзья. Практически половина всего учебного здания абсолютно пустует из-за отсутствия студентов. У многих сегодня попросту отсутствовали занятия, ибо прогуливать мало кто осмеливался.

Парень, идя по коридору, который стесняли совершенно однотипные, но всё же приличные стены, дошёл до аудитории, у которой должны быть занятия. Вокруг никого не нет, не единого одноклассника, только управление направлением, где развернулся самый настоящий пункт торговли ручками, бумагой и прочей канцелярией. Юноша безрадостно усмехнулся и присел на одну из лавочек, что стояли возле стен.

Он и подумать боялся, чем торгуют в остальных ВУЗах. Согласно архизаконам «О становлении рынка повсюду», «Всеобщем рыночном становлении», и «О свободной торговле», а также указу Министерства Экономики и письму во все учебные заведения Мастерства Обучения и Наук разрешалось: «заниматься предпринимательством прямо в школах, институтах и академиях, торговать всем чем угодно во всех учебных заведениях, арендовать помещения под организацию собственного бизнеса, так как это только разви-

вает Свободу торговли». Но результат такого эксперимента явился одним смыслом – всё, за несколько месяцев, превратилось в один огромный и нескончаемый рынок.

И все, кто мог, развернули продажу самых различных вещей во всех учебных заведениях, временами вытесняя даже сам учебный процесс. Так к некоторым ВУЗам примыкали многие пивные, клубы и бордели, в которых студенты проводили больше и веселее времени, чем на парах. Магазины одежды и питания расцвели особым образом, заполонив даже кабинеты, где раньше велась учёба. Во многих школах появились места, где продавали вкусную, недорогую, но низкокачественную еду, а которую ещё несмышленные дети тратили все деньги, что у них только могли быть.

И вся эта торгово-капиталистическая фантазмагория делалась, для того, чтобы «укрепить конституционные права граждан на проведение торговли и заработок денежных средств любым достойным путём и организовать либеральный торговый процесс с большинством граждан».

И юношу это жутко раздражает, временами доводя чуть ли не до безумия. Он понять не мог, как там, где должны были обучать и даровать знания, где люди приходили, чтобы обучаться, расцвёл либерально-торговый коллапс. Лютер надувается яростью, его кожа покрывается алым наливом от одной мысли, что некогда «храм науки», переродившись в «новом свободном мире», превратился в коммерческий центр, где всё покупается и продаётся даже знания.

Но парень ясно понимал, что всё его мнение не более чем мысли одного человека, и если даже он выскажет своё мнение, что будет противоречить самой Конституции, то в лучшем случае его никто не услышит, а в худшем, за ним придут сторонники «Культа основного закона».

Внезапно парень отвлёкся от собственных мыслей, что рассеялись подобно прошедшему сну, из-за шороха впереди по коридору. Юноша не спеша поворачивает голову и его глаза различают образ, как из сгустившегося мрака появляется крупная высокая фигура. Через пару секунд к кабинету из тени вышел тоже парень, облачённый в серую молодёжную кофту с капюшоном и малопонятным рисунком на груди, голубые джинсы и немного потёртые кроссовки, что явно показываются не самыми новыми.

Губы Лютера разошлись и послышались слова, срываемые на лёгкий кашель и переходящие в лёгкую улыбку:

– Привет, Даниэль...кхм.

– Ох, здравствуй, – тут же послышалось в ответ.

Юноша, сидящий на скамейке, сразу протянул руку подходящему знакомому парню, который ответил крепким рукопожатием.

– Всем хаюшки.

Оба парня, удивившись от неожиданности появления нового источника звука, обернулись к тени и направили взор, увидев, как в коридоре к ним продвигается ещё несколько человек из их группы. Как смог разглядеть Лютер – это две

высокие девушки, брюнетка шла рядом с девушкой, чьи волосы были выкрашены в зелёный, и ещё один худощавый и невысокий юноша. Парень их сразу вспомнил, хотя особо не общался с ними. Брюнетку звали – Силена, с зелёными волосами, которых звали гринетка, – Марта, а худощавого парня – Ману.

«Пятеро уже здесь, осталось ещё столько же». – Шальной строкой пронеслось в памяти Лютера, прикидывая, сколько ещё должно прийти людей.

От одной мысли, что в его группе всего десять человек, юноша готов впасть в некое подобие отчаяния, но Даниэль это заметил и растормошил своего знакомого, желая поднять ему настроение:

– Лют, взбодрись, – и, положив ему руку на плечо продолжил. – Расскажи мне, как у тебя дела.

Лютер обернулся и посмотрел на рядом стоящего знакомого. Это достаточно высокий и занимающийся тяжёлой атлетикой парень. Его бледное и довольно крупное лицо сильно контрастирует со светло-голубыми волосами и карими глазами, в которых всегда светится некая никому не известная радость, что заставляет его не унывать не в одной из тяжёлых ситуациях.

– Всё нормально. – Кратко даёт ответ Лютер, не зная о чём сейчас можно говорить.

– Вот знаешь, «всё нормально» ответ достойный разве что наших чиновников. А ты расскажи как-нибудь поподроб-

ней. – Не унимая энтузиазма, продолжает докапываться товарищ.

– Ничего примечательного нет. Всё как обычно. – Чуть улыбаясь, не думая, что можно рассказать, уже более легко ответил Лютер.

– Как-то не интересно. – Кинул Даниэль и отстранился от своего одноклассника, подойдя к Марте, Силене и Ману, став уже их активно расспрашивать про дела, и так между ними завязалась непринуждённая беседа.

Внезапно из тени выходит ещё трое ребят, которые уже более знакомы Лютеру, ких, всё же с натяжкой, он мог назвать своими друзьями. И тут юноша подорвался со скамейки, едва её не обронив, чтобы встретить хороших знакомых.

Первому кому он протягивает вытянутую руку своему другу по имени Жебер. Это невысокий и светловолосый парень, одетый преимущественно в старую докризисную классическую одежду: аккуратные брюки, светлую рубашку, на которую ложился тёмно-синий пиджак. Свершив крепкое рукопожатие, Лютер поздоровался с Ансуа, сделавши приветствие в форме «римского салюта». По телосложению, такой же, как и Лютер, юноша широко улыбнулся, предварительно откинув длинные черноватые волосы, доходившие к плечам, назад, чтобы не мешались. Ну и последним хорошим знакомым оказывается девушка по имени Амалия. Её черты есть самые примечательные, жизнеутверждающие среди всех, кого знает Лютер – невысокая, хрупкого телосложения,

с милым и прекрасным личиком девушка. У неё волосы цвета молочного шоколада, что опускались чуть ниже плеч. Из её прекрасных и светло-серых глаз, что были подобны двум драгоценным бриллиантам, исходил свет божий, пробирающий до души, преисполненный истинного счастья. Девчушка носит не обтягивающие чёрные джинсы, кожаный жакет цвета изумрудных лугов и хорошие туфли. Характер милой девушки является одним из самых примечательных во всей компании друзей. Она всегда игрива, весела и не поддавалась унынию, а в её глазах редко когда пробегает тень печали. И при всём при этом столь милое создание невероятно добро ко всем, кого встретит и, как ни странно, её тоже беспокоило то, что творилось в мире... Ансуа, смотря на Амалию, назвал её как нельзя проще и точнее – «Маленький ангел».

Но внезапно вся радость встречи, словно пустынный мираж, развеивается знакомым голосом преподавателя, который пробирался сквозь темень коридоров:

– Вот вы где, студентики!

Тут все обернулись и увидели, что их преподаватель-мужчина не один, с ним рядом якшается какая-то странная личность. Педагог быстренько подходит к двери кабинета и буквально по его пятам, след в след, прошёл странный и отталкивающий человек, которого, в глазах Лютера и его друзей, едва и можно назвать человеком, скорее карикатурой, ставшей нормой для сотен миллионов.

Прозвучали звуки вращающейся замочной скважины, что завертелась в едином танце с ключом, и через пару секунд дверь отварилась нараспашку, и все спешат зайти в аудиторию.

Восемь человек быстро прошли в аудиторию, в которой всегда было совсем небольшое количество мест, а само помещение не отличается особо большими размерами. Всего пятнадцать учебных мест, представленных тремя длинными коричневыми столами, расставленными в пирамидальной форме, один над другим, по пять мест за каждым. Источником света, в дневное время служит только одно широкое окно, прикрытое бирюзовыми шторами. А само пространство сдавливают белые монолитные бетонные стены.

Все как можно быстрее занимают собственные места, подготовившись к проведению занятия, раскладывают тетрадки, лежащие на стол подобно осенним листьям, но тут заговорил преподаватель:

– Дорогие мои, сегодня занятий не будет, как и двух ваших сокурсников. У вас сегодня будет лекция, которую проведёт вон тот господин, – И указав в сторону странного человека, педагог спешно покинул аудиторию.

Все тут же обратили своё внимание на того, кто был представлен. Это, по виду, существо похожее на женоподобного мужчину. Из-под сиреневой шляпы-цилиндра показывались, выкрашенные в светло-оранжевый цвет волосы, спускавшиеся до плеч и аккуратно ложившиеся на «модный»

красно-коричневый пиджак, закрывавший примерно половину торса, а остальная часть покрывается разноцветной футболкой. На ногах, несмотря на жуткий холод – джинсы с множеством дырок, из-под которых проглядывались сетчатые колготки.

Лицо «человека» вызывает ещё больше вопросов, нежели одежда. Худошавое и осунувшееся, бледное от того, что на него вывалили массы пудры, и глаза утопающие во тьме от фонтанов туши, что легли на них и залитой в глазные яблоки краски. И на фоне всего этого, губы светились красным из-за слишком яркой и ядовитой помады, пропитанной фосфором. Нос прошит нитями, на правом запястье «браслет», сделанный из наростов на коже.

И в это же мгновение алые губы «мужчины» разомкнулись, и полилась отторгающая и жуткая от противного, словно ржавого голоса речь:

– Здравствуйте детки, меня зовут Бернард, и я представитель Министерства Свободы. Мне, моим министерством и рядом организаций, что являются «Субъектами гражданского общества», поручено довести до вас, что есть «Новая доктрина».

Никто не понял тему беседы, только несколько человек едва догадывались до всей глубинной сути произнесённых слов, а тем временем «мужчина», более вдохновенно и оживлённее продолжил свой рассказ:

– Все вы знаете, что мы живём в либеральном государ-

стве, где чтутся все возможные права и Свободы людей, уважаются их ценности и любые воззрения на жизнь. А поэтому, наше правительство в союзе с «Субъектами гражданского общества» или «Вестниками Свободы» разработали новую программу, которая определяет и показывает те ценности, которые должен чтить каждый в нашем обществе. И моей задача сегодня – рассказать вам про «Новую доктрину».

Лютер, после услышанного вступления, сразу понял, о чём пойдёт речь и оттого к его горлу подступил комок тошнотворности, вызванный не столько таким омерзительным видом этого, с позволения сказать, человека, сколько той скверной и мерзостью, которую этот «мужчина» будет нести им в ум. Однако парень понимал и помнил, что есть бред для него – фундаментальная истина для миллионов, таких же, как Бернард.

Юноша, сидев по середине на втором ряду, медленно повернул голову направо в сторону Амалии. Всем своим прекрасным видом она подтверждает собственное прозвище, также мило сидя и с толикой еле уловимого отвращения, смотря на аудитора. От одной мысли того, что такое невинное и прекрасное существо сейчас станут обучать тому, за что в Иллирийской Тирании прилюдно казнили, а в старые времена допускали всеобщему порицанию, становилось не по себе, а в душе вспыхивал огонёк негодования и чувство множась досады. Но «носитель либеральных ценностей» был непреклонен и спустя пару секунд копошения,

в бумагах, продолжает собственный рассказ:

– Я, сегодня, постараюсь научить вас правильно мыслить, ибо, как сказано в преамбуле «новой доктрины»: «только правильные со стороны свободы и её процессов мысли могут быть допущены в обществе, а значит, необходимо научить каждого человека мыслить так, как требуют того «субъекты свободы» и сама свобода в чистом виде».

«Правильно мыслить» – подумал про себя Лютер, сразу вспоминая тирании древности, что старались научить людей «думать верно», потакая собственным безумным идеям. И сравнение «новой доктрины» с тиранией показалась парню как нельзя лучше.

– Говоря о «новой доктрине», я начну свой рассказ с врагов самой либеральной мысли, которые так и алчут, чтобы отобрать нашу свободу. – И дальше, как заправский сказочник, наводя ужас и, как то неумело, стараясь испугать студентов, «вестник свободы» продолжил. – И первым в этом списке врагов свободы стоит наш южный сосед по имени – Автократорство Рейх. Именно там находится оплот самодурства, тирании, деспотии и полной антисвободы. У тех дикарей, что вытирают ноги об свободу, даже партий нет. Любое прошение свободы жестоко подавляется. В той варварской стране гонимы все: от ЛГБТПАиПНА до неодушевлённых субъектов права. И недавно там была маленькая попытка провести революцию, но она жестоко задушена. Второй, не менее злейший враг, это Директория Коммун, где попира-

ется всё, что не соответствует коммунистической идеологии. Там, в Империи Красного Знамени верят, что им не нужны индивидуальности и личности, ибо это противоречит идейной сути коммунизма. Варвары! – Выкрикнул Бернад. – И третий наш враг, который всегда, всю историю Земли был противником свободы, что лежит на востоке от нас это государства ближневосточные, ибо там до сих пор оплот бюрократической диктатуры и подавления, естественных прав и свобод. – Немного, буквально пару секунд передохнув, аудитор продолжил собственный рассказ, не унимая вдохновлённости. – Но помимо стран, внутри нашего государства тоже есть ряд опаснейших врагов. Это: сторонники диктатуры, последователи «традиционной морали», гендеры мужского типа, ибо они, как сказано в Феминистском Кодексе: «всегда и везде будут стараться отобрать у женщин их свободу, ибо они мужчины». Так же на нашей свободной земле законами запрещена работа тех учреждений веры, что зовут себя мусульманскими, старокатолическими и православными, ибо они, своими догматами и идеями попирают саму мысль свободы.

Душа, разум Лютера взрываются от негодования, он не может принять того, что за собственные взгляды и пол ты уже являешься «врагом свободы». Он сразу припомнил экскурс свободы, как раньше в одной стране, тех, кто был не согласен с идеей тоталитарного равенства, что возводилось в культ, сразу называли «врагами народа». Однако парень

даже не подал виду того, что у него проскользнуло возмущение. Но он даже понять не мог, насколько далеко зашла «борьба за свободу»...

– Ну а теперь перейдём непосредственно к положениям «новой доктрины». Она провозглашает равенство как «одушевлённых субъектов прав», так и неодушевлённых. А это значит, что любому механизму или вещи, похожей на человеческую особь даруются те же права, что и человеку. Да, и на этом фоне, не так давно был принят Кодекс Андройдов, который и закрепляет эти права. Так же и у животных есть собственные свободы, нашедшие своё отражение в Зверином Кодексе. Всё это делается для того, чтобы увеличить количество прав и свобод, которое готово предоставить наше общество, ибо, как сказано в Конституции: «Либеральная Капиталистическая Республика является территорией максимальной Свободы, где каждый может быть наделён всеми возможными правами, во имя самой Свободы». Также, мы как можно терпимей относимся к новым «гендерам», которых открывается всё больше с каждым годом. Именно они являются основным показателем того насколько наше общество свободно и идёт по правовому курсу. Мы не имеем права притеснять людей за то, какие они есть и как свободно они думают. И не стоит забывать, что их права закреплены в Кодексе «Всех Гендеров и Ориентаций». И только те, кто стремятся ограничить эти права – являются больными и нездоровыми людьми, которых необходимо изолировать от осталь-

ного здорового общества. К тому же, нам необходимо не забывать о правах детей. Вы должны знать, что родитель после двенадцати лет не имеет права вас ни в чём ограничивать, ибо как сказано в Кодексе Детей: «каждый ребёнок или подросток имеет право на собственную свободу во всех её проявлениях, предоставленных Конституцией». Если вы хотите принимать наркотики – пожалуйста, желаете выпивать – приветствуется, появилось желание проявить свою свободу и реализовать любое право – милости просим. Наше свободное общество, во имя свободы и демократии, для претворения в жизнь всех мыслимых и немыслимых прав и свобод даёт вам...

Внезапно рассказ аудитора оборвался на телефонный звонок, что раздался из кармана его пиджака. Вынув телефон, аудитор поднёс его к уху и заговорил:

– Да. Где упал индекс свободы?... Уже выезжаю. – И убрав телефонный аппарат в карман, обратился к ребятам. – Простите, работа меня зовёт. Я вам оставляю специальные брошюры, из которых вы и узнаете по настоящему, что есть «Новая Доктрина». – И после этих слов «человек» спешно покинул кабинет, оставив после себя шлейф вонючих духов и ореол всеобщего удивления и ступора.

Все, кто сидел в кафедре, прослушав столь короткий и обрывистый рассказ, пребывали в недоумении от такого яркого представления. И действительно, «мужчина» был очень похож на клоуна, нежели представителя серьёзного министер-

ства.

Всех съедало любопытство и многие всё же жаждали узнать, что такое эта «Новая доктрина», о которой что-то пытался рассказать «вестник свободы». Все понимали её суть, но, несмотря на то, что жили в столь специфичной стране, не знали доктринальных положений, а поэтому, с неким энтузиазмом и осторожностью решили просмотреть брошюры.

Лютер, как и большинство ребят, подорвался с собственного места и подошёл к методичкам. Его глаз тут же упал на стопку маленьких книг, в яркой цветастой мягкой обложке, выполненной в стиле флага радуги без голубого. Она слишком вычурна и ярка, подобно некоторым насекомым, что выбрали очень насыщенный окрас, подчёркивая, что они смертельно ядовиты. Интересное сравнение...

Рука юноши коснулась этой книжки, и тут же парень стал её листать, пытаясь понять суть того, что несколькими минутами ранее до него пытались донести.

«Новая доктрина – есть мысль нового типа, которая не нуждается в доказательствах и обязана свято приниматься каждым, для утверждения свободы, ибо так утверждает концепция Развитого Либерализма». – Прочёл парень на первой странице.

Как ни странно, в этой брошюре было написано на много обширней, чем пытался донести до всех аудитор.

В книжке рассказывалось про то, что гражданин Либеральной Капиталистической Республике обязан почитать и

уважать права «Субъектов Гражданского Общества» и вообще всех тех, кто является «помощником в деле утверждения Свободы». Нельзя было никого подвергать дискриминации и унижению по «идейному признаку», что признавалось одним из самых страшных преступлений, за которое следовало уголовное наказание.

Ни при каких обстоятельствах не нужно было оскорблять тех, «кто несёт Свободу» и необходимо было всячески потакать и содействовать всем «слугам доктрины».

Лютер, пролистав то, что было оставлено, тут же отложил эту адскую брошюру, почувствовав отторжение от того, что он прочёл. Его мозг, прогнав информацию через не усыпленные анализаторы, дошёл до самой сути «Новой Доктрины». Её единственной целью есть утверждение в молодых умах всего того, что его отец называл «противоестественным». Парень осознаёт всю глубинную сущность «Новой Доктрины», чьими столпами стало утверждение того, что зовут «Свободой» повсюду, везде, где только можно. И само слово «свобода», вместе с «правом» повторялись столько много раз, что от них становилось тошно и невыносимо, словно это пособие писал человек, тяжело помешанный на этом. Язык, которым писалось изложение, был просто безумен, а тексты наполнены популизмом.

И вся фантазмагория бреда, изложенная в брошюре, первая её часть наставляла уважать саму идею свободу, вторая часть этой повести сумасбродства обучала одному – жить

в собственное удовольствие и в индивидуализме. Именно здесь подчёркивалась важность того, что человек «существо свободное и должен делать всё, чтобы удовлетворить самого себя, жить в собственное удовольствие и стараться ни от кого не зависеть».

Юноша отошёл от этого столика, где яркой партией лежали заманчивые брошюры. Парень понимал всю их опасность, которую они несли. Он отошёл в сторону от книжек, направившись к выходу. Парень видел, как его друзья и одноклассники, воспитанные во многом в духе «Новой Доктрины» с увлечением читают и поглощают разумом всё то, что там написано. Но тяжелее всего было смотреть Лютеру за тем, как Амалия, так, же смотрит и вчитывается в брошюру сектантов свободы. Но вот она как то бросила её и, посмотрев на неё с негодованием, которое постаралась не подать, отошла в сторону. И в этот момент по душе Лютера пробежала волна облегчения и спокойствия, рождённая в глубинах души, говорящая лишь об одном, что выносилось на порицание «просвещённым обществом Развитого Либерализма».

Глава пятая. Депутат поневоле

Тем временем на территории Восточной Бюрократии.

Эрнест искренне рад. Его душа преисполнилась чистейшего ликования, которое ничто не могло умалить. Он наконец-то покидает этот промёрзлый край мира и отправляется в столицу, чтобы там, от имени Восточной Бюрократии на Форуме Свободы, представлять интересы своего региона.

Больше всего слугу Бюрократии радовало то, что он просто уезжает из этого жуткого холодного места, в котором быстрая смерть это лучшее из зол. Мужчина просто ликовал от такой возможности.

Но сильнее счастья воплотился в сознании только страх, который медленно пробирался в сознание от одной мысли, с кем рядом он будет работать. К тому же, Эрнесту доступно объяснили, что он не имеет права отказать «в оказываемой Корпорацией привилегии». Тем временем сама Компания быстро устроила «выборы», практически прямым текстом указав на того кандидата, за которого необходимо было проголосовать. И прошло менее часа, когда весь регион дал свой ответ.

Без всякого сомнения, для вида «демократичности» выборов сотрудники и слуги Корпорации сняли пару репортажей о том, насколько полны избирательные участки и лю-

ди «реализуют» собственное право выбора. Но вся суть в том, что большинство бюллетеней, с «правильными» ответами были изготовлены самой Компанией за несколько дней до самих выборов, а потом просто вброшенных уже в сам назначенный день.

И всё это Матвей объяснил своему другу. Он сказал, что по его рекомендациям Компания и избрала Эрнеста, как представителя региона, предварительно договорившись с помощью хрустящих купюр и ультиматумов с правительством Восточной Бюрократии. Эрнест был избран заранее и не смел отказаться от возложенной на него миссии. Но мужчина и не собирается, ибо всеми силами души желал покинуть этот проклятый регион, стремясь как можно дальше от промёрзлого куска земли, где каждый день его терроризируют орды «вестников Свободы».

Сейчас, находясь в кабинете и собирая собственный нехитрый запас вещей, он роется в воспоминаниях, и мысленно раздумывая, с каким ужасом отработал свои последние деньки в этом ледяном аду, расположившемся в этом захолустье.

Бесконечные нападки со стороны сектантов различных объединений, что били себя пяткой грудь, будто они «защитники простого народа» и «ревнители народного благополучия», которые, «пользуясь правами, предоставленными Конституцией» пришли отстаивать права и свободы граждан.

Требования, эти полоумные фанатики, выдвигали самые

различные, которые только могли прийти в голову больному свободой человеку. Они требовали, то повышения зарплат, то постоянно уведомяли о проведении какого-нибудь митинга, то постройки «Церкви веры в Богиню-Мать», то ещё что-нибудь неординарное и противоречащее здравому смыслу. Когда Эрнест им отвечал, что за зарплаты отвечает Корпорация, провести митинг в «минус сорок» нежелательно, так как это чревато ухудшением здоровья, а построить церковь нельзя, ибо на этом месте уже стоит госпиталь помощи бедным, помогающим нищим быстро и безболезненно уйти из жизни по принуждению Корпорации, так как у неё якобы нет денег на обеспечение госпиталя, то ему сразу начинали, чуть ли не в лицо плевать и называть преступником. Его тут же обвиняли в «деспотизме», и брались истошно орать, что необходима «власть либералов, что будет ориентироваться на народное большинство и уважать права граждан». И Эрнест, делая вид, что соглашается и идёт на уступки, говорил, куда необходимо было идти. А тут, «ревнителей народной свободы» пускали по бюрократическому кругу, что больше смахивал на бесконечный водоворот.

И это ещё не самое страшное, что могли выкинуть, новые «защитники свободы». Один из случаев мужчине запомнился на долгое время.

Это случилось несколько месяцев тому назад, когда мужчина ещё вникал в сущность работы бюрократического механизма, в который он попал и стал «маленькой шестерён-

кой». Он спокойно работал, никого не трогал, как к нему ворвалась женщина, преисполненная гнева и злопыхательства. Её красные, от того, что были залиты краской, глаза подобно адским углям, раскаливали пространство. В кожаном корсете и берцах на голую ногу, она перепугала всех слуг Бюрократии в округе. Да и бесконечные татуировки по всему телу, вкупе с килограммом железа в виде пирсинга по всему телу, предавали ей такой неестественный «шарм», что был невероятно противен и тошнотворен.

Как только «девушка» зашла, она стала невероятно скандалить и орать на Эрнеста, круша всё, что ей попадалось под руку. Из её истошных криков, от которых стекло едва ли не пошло трещинами, мужчина понял, что эта «женщина» представляет некую феминистскую организацию и пришла сюда отстаивать права женщин. Эрнест её попросил успокоиться и объяснить в чём проблема, чем вызвал у феминистки неподдельную ярость. Она фыркнула на него, будто он «посягает на её естественную Свободу – эмоцию и деспотично угнетает, требуя прекратить эмоциональность». Всё же Эрнесту удалось её успокоить и выяснить в чём проблема такой бури эмоций, которая накинулась на работника Бюрократии. Оказалось, что эта «женщина» не была принята на работу в один из отделов «Узла», а отказ мотивировали отсутствием необходимых профессиональных навыков», что было-таки справедливым. Но девушка посчитала, что нарушены её естественные права и стала штормом проходить по каждому

кабинету на этаже.

В итоге, вся история закончилась тем, что суд утвердил её на так ей желаемую должность и не стал принуждать к выплате компенсаций за нанесённый вред, так как «гражданка использовала собственные права, чем был исполнен акт самовыражения против патриархальной системы».

Вспоминая эту историю, Эрнест слегка улыбнулся, от осознания того, что ему больше не придётся выслушивать каждый день эту какофонию от «ревнивцев свободного мира».

Но мрак осознания, того, что теперь он едет туда, где повсюду, на каждом углу будут люди, потерявшие собственное человеческое достоинство, став уже неотделимой частью нового чудесного мира, подтачивает мужчину изнутри. И каждый «человек», в так называемом «Центре Свободы», во сто крат хуже и «свободолюбивее» чем здесь. Ибо там центр всей страны – откуда и пошла вторая волна «единой Свободы». И тут невольно для себя Эрнест ударился в небольшой исторический экскурс, знания которого сумел выискать в старых книгах и повестях, хотя и сам был свидетелем этих событий.

Мужчина вспомнил, как двадцать лет тому назад к власти на территории бывшей западной Германии пришли к власти и единому мышлению ряд политических организаций и торговых компаний. Это было воистину темнейшее время, готовое смениться светом новой зари, когда на юге из собственного пепла возрождалась идея нового и славного рейха, ко-

тору ю несёт новый Канцлер. На востоке подняли голову те, кто называл себя истинными коммунистами, и стремились привнести в мир как можно больше тоталитарного равенства и коллективного единства. И на первом Форуме было решено сохранить те «прелести», которые с собой несла Великая Европейская Ночь. Все на Форуме понимали, что наступает новая эпоха. Новейшая эра зари абсолюта различных идей, и выбор был сделан. Новая элита выбрала особо звучащее название для собственной страны – Либеральная Капиталистическая Республика и взяла идейные ориентиры – свобода и толерантность ко всему, смешанная с коктейлем рыночной бесконтрольной экономики.

Те правители нового государства понимали, что в одиночку им не выстоять и начался период «Великого Единения», когда все те государства, что оставались на территории Европы стали собираться под флаги истинной свободы. И как насколько можно было, столько земель и взято было. От Швейцарской Федеральной Конфедерации до Исландской Анархистской Унитарной коммуны, от Атлантико-Океанической дирекции до Восточной Бюрократии раскинулось новое государство, что понесло всю суть старого мира и веру в Свободу. Но мало кто догадывался, что эта за суть, которая признавала преступниками всех тех, кто выступает против свободы во всех её гротескных и уродских формах.

Внезапно все размышления Эрнеста развеялись, когда раздался дверной скрип, и к нему неспешно зашёл Матвей

во всё том же костюмчике.

Лицо друга уже бывшего подчинённого Бюрократии оказалось в широкой улыбке матёрого торговца и дельца, что знает собственное дело досконально. А тем временем Эрнест уже застёгивал свой старый и потёртый кожаный чемодан, в котором покоились нехитрые вещи, необходимые только на время переезда, так как Компания его всем обеспечит.

– Ты победил на выборах, – с улыбкой заявил Матвей, явно подкалывая своего старого друга.

– Да ладно! – с сарказмом и улыбкой воскликнул Эрнест, широко разведя руками.

Представитель Корпорации, чуть кряхтя, присел на диван, и с собственного лица скинул ненавязчивую улыбку, после чего нерасторопно стал говорить:

– Эх, Эрнест, мне, как представителю Компании и Почётному Представителю Интересов Министров, необходимо разъяснить тебе твои полномочия, права и обязанности на новом посту.

– В Федеральном Законе всё же сказано, – с недоумением сказал мужчина.

– Забудь про него, – с толикой брезгливости фыркнул Матвей. – Тебе нужно лишь знать, зачем мы тебя выбрали и отправляем туда.

– Хорошо, – промолвил Эрнест и присел на своё кресло.

– Ты должен знать, что весь наш парламент делят «идейные придурки» в виде феменисток, союзов гендеров, десят-

ки партий, принадлежащих Культуре Государству и иных не очень здоровых людей... и нелюдей.

– Нелюдей?

– Не удивляйся. Вот когда увидишь – будешь диву даваться. А сейчас просто слушай. Они от собственных общественных движений формируют специальную коалицию, имеющую большее распространение в «палате народной свободы». Вторым звеном Форум Свободы разделяют Культ Конституции и Корпорации. Вот они уже реальная сила, среди которой Компании – самый опасный зверь. И посреди всего этого балагана ты должен знать несколько важных вещей. Во-первых, не забывай, чьи интересы ты там представляешь. И это не интересы Восточной Бюрократии, а нашей Корпорации, и не смотри, что мы тебя приписали уже к партии. Во-вторых, будь сговорчив, ибо среди Корпораций мы – меньшинство и тебе придётся зачастую договариваться с представителями других Компаний.

– Но почему именно на Форуме Свободы? – поинтересовался мужчина. – Почему Корпорации не могут договариваться вне парламента.

Матвей слегка усмехнулся и пояснил суть того, что они имеют представительство в парламенте:

– Послушай, ты такой наивный. Контроль – вот в чём вся проблема. Корпорации – они как нити, что связывают регионы между собой, под собственной властью. И, связываясь между собой, именно Компании сохраняют страну от распа-

да. Мы не должны упускать из виду то, что творят в парламенте всякие сумасшедшие и идейные дурачки. Да и никто не должен без нашего ведома решать вопросы государства, ибо мы упускаем выгоду.

– Контроль в демократическом государстве, – усмехнулся Эрнест.

– Пойми, все свободы и либеральные принципы существуют, потому им позволяют существовать Корпорации и Культ, ибо им это выгодно. Если им понадобится свернуть всю эту «демократию», то они это сделают без особых трудностей и за пару дней.

– Понятно, – выдавил мужчина, поняв, что он всего лишь инструмент воли Корпорации, который используется для усиления влияния.

– Надеюсь, ты не расстроился, что тебе придётся исполнять роль вестника наших идей, а не воли народных масс. – Словно цитируя последние слова, произнёс Матвей.

– Это было понятно с самого начала, что мне отведена роль депутата пол неволе, – Бесстрастно начал Эрнест и тут же задал вопрос. – Но почему Корпорации стремятся к полному контролю?

– Разве ты не понимаешь? – Смутился друг. – Это условие выживания в мире, который пережил и кризисы и войны. Только полный контроль и условная договорённость может выступать гарантом мира.

– Но разве это не ведёт к ущемлению прав, – парировал

Эрнест.

– Ты знаешь эту историю не хуже меня. Все денежные и ресурсные потоки повязаны на Компаниях. Разруби их сегодня и страна развалится и вернётся к хаосу. Все это понимают. Как и сектанты свободы, так и политики, которые собирали нашу страну, но допустили существенный просчёт, когда начали строить мир на столпах свободы, ибо этой же свободой и выложили себе дорогу к власти Корпорации, ну и Кюльта Конституции.

– Понятно. – Без эмоций кинул мужчина.

– Поверь мне, мой друг, – с бравадой уже продолжает Матвей. – То, что ты здесь увидел, это лишь малая толика того, что тебе предстоит испытать там.

– Я понимаю.

– Не думаю. Приготовь свой разум к тому, что тебе придётся увидеть на улицах толпы больных и опьянённых свободой людей, которые тебя любыми способами попытаются обратить в свою «веру». Приготовься разумом, ибо то, что ты там увидишь, перевернёт твоё сознание.

– У меня забрали сына, потому что я его воспитывал в духе старой морали. – С грустью заговорил Эрнест и мрачно заключил. – Меня уже ничем не удивишь.

– Ты уверен? – С лёгкой усмешкой спросил друг. – Поверь, когда ты вчитаешься в законы по правам андроидов, или возьмёшь в руки Зоо (Зверинный) Кодекс, то ты поймёшь, что такое – безумие. Ну а если ты доберёшься до

Принципов Защиты Ребёнка от Тирании и Влияния Родителей, то ты, наконец, осознаешь, что Корпорации со всей их переделкой мира, лишь добрые наблюдатели, решившие в этом сумасшествии заработать.

– Ну а как же их свобода? – С сарказмом, не знаю почему, спросил Эрнест.

– Свобода, говоришь... «Всеякие права и свободы являются священным для граждан Либеральной Капиталистической Республике, и подлежат яростной защите и истреблению всяких врагов свободы, если этот враг – она сама». – процитировал Матвей один из текстов Культа Конституции.

– Это же двоемыслие. – Смущённо бросил новый депутат.

– Ты должен понять, мой друг, сегодня у того власть, кто правильно понимает слово «свобода» и кто владеет исключительным правом на монополию его трактовки. И у того, кто есть эта привилегия, при всей демократичности общества, является его незримым пастухом и даже либеральным диктатором, наделённым неограниченными полномочиями в отношении тех, кто неправильно понимает слово «свобода». И вся прелесть в том, что общество само наделяет их таким правом.

– Но разве такое возможно? Это же больше похоже на...

– Ахинею, – закончил за другом Матвей и продолжил. – Я понимаю тебя, но посмотри на Культ Конституции.

– А что с ним?

– Ох, и в правду, я забыл, что ты живёшь на отшибе.

Эрнест готов был воспринять эту реплику, как за издевательство, ибо его друг прекрасно знал, что ему нельзя никуда выезжать, и он работал как проклятый на этом «узле», в поистине адских условиях, но смягчился, простив своему другу эту оплошность, продолжая его слушать.

– Культ Конституции это единственная организация, а точнее – секта, которая способна на равных разговаривать с Корпорациями. Именно этот Культ, преисполненный ревностной верой в то, что и написал, подчинив себе всех больных либерализмом на голову, неусыпно следит за тем, чтобы повсюду поддерживался уровень свободы.

– А почему она такая могучая? – Поинтересовался Эрнест.

– За ней следует практически весь народ, все граждане, которые есть. От мелких сектантов, ударившись в религию свободы, до крупных федеральных чиновников. Так же ты должен знать, что у истоков нашей страны стояла Партия Сохранения Свободы и Веры в Конституцию, что затем и переродилась в Культ Конституции, что словно древний орден, взял власть над государством.

– Но как такое стало возможно? Я жил в ту пору и могу тебе сказать, что не видел подобных процессов. Всё выглядело, будто огромная лавина больных свободолюбцев всё решила.

– Потому что они захотели, чтобы всё так выглядело, чтобы скрыть истинность собственных намерений.

– То есть? – с явным недоумением прозвучал вопрос.

– За всеми силами, которые олицетворяют «свободу» стоит именно Культ Конституции и именно он один всем руководит. Запомни – в обществе полностью все дозволенном и либеральном возможна только незримая диктатура, ибо без неё сам социум разлетится на тысячу осколков. Необходимо держать, как сейчас говорят, «субъекты гражданского общества» под полным контролем, чтобы они не съели сами себя. И в роли политического диктатора выступил Культ Конституции, связав всей идеей такой Свободы, что сама по себе противоречит свободе.

– Я тебя не понимаю, – уже чётко и звонко сказал Эрнест, явно не осознавая, о чём говорит его друг, причём перейдя на столь замудрённый язык.

Матвей тяжело выдохнул и встал с кресла, издавая при этом старческие кряхтения. Возраст давал о себе знать. После чего мужчина слегка улыбнулся и кинул фразу:

– Когда приедешь туда, ты поймёшь, о чём я говорю. Я там уже был, всё видел, всё понял, поэтому и говорю так. Я тебе не завидую, потому что тебе тоже это придётся понять, если ты не хочешь лишиться рассудка.

После чего он подковылял к двери и, повернувшись к Эрнесту, продолжил говорить:

– Ты знаешь, мы с тобой, вырождающийся вид, которому приходит на смену «новый человек свободных ценностей и морали». Так что, мальчик мой, не подведи меня.

И после этих таинственных слов покидает старый каби-

нет, оставив парня один на один с собственными мыслями и посеянными смущениями.

Всё, что смог понять Эрнест, это то, что необходимо исполнять волю Корпорации, которая будет исходить от куратора, а так же стремиться к сотрудничеству с другими Компаниями. И больше ничего. Всё остальное для него так и осталось покрытым вуалью неясности и некой странности, которая плотной пеленой легла на его рассудок.

Но отбросив все смущения, мужчина взял чемодан и подался прочь из кабинета, оставив его закрытым, и пошёл сдавать ключи, вместе с правами на него. Его миссия здесь окончена, но новая лишь начинается, но она, её представление, уже было омрачено столь сумрачным предупреждением, полным неясности.

Глава шестая. Танец клинков, снега и горя

Юг Швейцарской Федеральной Конфедерации.

Командор быстро увернулся от вереницы трассирующих пуль, которые ударились в ближайшее дерево, отчего оно плюнуло подледеневшей древесиной. Эстебан упал на снег и продолжил отстреливаться из обычного пистолета, посылая зал за залпом в снежную даль.

Весь серебряный лес разрывают звуки яростной интенсивной стрельбы, которая накрыла практически всю лесную чащу. Трассирующие пули свистели как бешенные, разрывая пространство на части, временами игриво плясав по снегу.

Эстебан лежал в снегу и вёл отчаянный бой с теми, кто пришёл сюда только за одной целью – убивать. Он пытался отстреливаться, но делать это из обычного пистолета было весьма проблематично. Ему поддержку оказывал Антоний, который вёл пальбу очередями из старого автомата по быстро передвигающимся противникам. Ротмайр же предпочёл вести размеренный огонь из древней винтовки, предназначенной для охоты, стараясь целиться как можно лучше.

Всё завертелось очень молниеносно. Командор возвращался из пограничного городка, медленно идя по зимнему лесу. Он уже видел и дом, и Габриеля, как был облит волной

из залпового огня. Благо броня Полк-ордена выдержала, и всякая пуля завязла в пластинах металла. Юноша в эту же секунду скрылся в глубине дома, а Эстебан стал вести неравный бой с неведомым противником. И только потом, вооружённые, к нему присоединились Антоний и Ротмайр, сделав положение товарища на толику лучше, вступив в неравный бой.

Командор видел в прицеле цель и выпустил за несколько секунд в неё весь магазин. Пули с лязгом отскакивали от странной цели, облачённой в чёрные одеяния, которые мерцали на снегу, временами выпадая из вида совсем.

Эстебан, Антоний, да и Ротмайр знают, с кем ведут бой. Два противника, отвечая трассирующими очередями, словно грациозные гимнасты перемещались по снегу, когда само продвижение в нём было затруднительно, из-за постоянно вязнувших в снежной массе конечностей.

Парень снова начал обстрел стремительно приближающейся к нему цели. Три пули устремились в полёт. Только две долетели и отлетели от невиданной брони, а затем цель просто замерцала и исчезла, а в её месте движения, словно тень, продолжало путь некое искажение пространство, которое на фоне слепящего снега становилось практически невидимым.

Дело становилось плохо. Командор, откинув пистолет, стал со всех ног бежать к дому, расстояние до которого было примерно метров сто пятьдесят. Но таинственная цель бы-

ла намного быстрее, словно её подгоняла невиданная сила, и справлялась с расстояниями намного лучше, всё ближе становясь к Эстебану.

Антоний и Ротмайр, потеряв вторую цель из виду, обратили свои орудия к тому, кто устремился к Командору. Но не одна цель не поражала врага, ибо пули лишь отскакивали от брони, или пролетали мимо, рассекая лесное пространство. Ничего не могло поразить эту цель, а любой выстрел оставлял лишь царапину.

Невиданная тень становилась всё ближе к Командору. В её руках, как только автомат был отброшен, появились короткие клинки, явно бывшие длинными и простыми кинжалами, выполненные из крепкого металла. И единственное, что оставалось Эстебану, это приготовиться к тяжёлому бою за собственную жизнь.

Командор потянулся к короткому мечу, висевшему за пазухой, и больше напоминавший широкий гладий. Звук вынимаемого клинка прозвучал подобно знаку того, что к битве всё готово.

Странный противник был одет, а прилегающие кожаные одежды, прикрытые небольшой броней, но из-за нестандартного рельефа тела становилась понятна истинная причина такой ловкости врага...

Первый удар Эстебану пришёлся в грудь. Вынырнувшая из невидимости тень стремительно атаковала и выполнила пинок такой силы, что мужчина попятился назад, но не упал.

Командор контратаковал, но его движение было заблокировано кинжалом, и второй клинок стремительным движением был направлен прямо в грудь. Лезвие погрузилось неглубоко, пластины металла удержали натиск и мужчина перешёл в яростное контрнаступление.

Командор освободил от блока свою правую руку и направил неистовой силы удар в конечность противника. Удар пришёлся прямо в место связки кисти и руки противника, отчего последовал металлический звон. Кожаная перчатка и связи с рукавом порвались, сию же секунду потекла кровь, перемешанная со странным маслом.

Противник странно рыкнул и отступил на несколько шагов назад, продолжая удерживать кинжал в поддёргивающейся руке.

– Так значит, всё-таки уязвим. – С лёгкой улыбкой сказал Командор, но в ответ ему лишь пришла холодная тишина, сменившаяся новым натиском.

Эстебан заглянул в глаза своему врагу. Лицо противника было скрыто под боевой маской, которыми обычно пользовались солдаты Полк-ордена, но глазницы отражали подобие сокрытого безумия и сияющего танцующего во тьме пламени.

Странный и ловкий человек вновь стремительно атаковал. Его кинжалы блестели на снегу и солнце. Каждый удар упирался в пластины металла, но не находил плоти. Однако броня Командор трещала всё чаще и чаще и готова бы-

ла сдаться под сумасшедшим натиском, предательски проломившись под очередной атакой.

В свою очередь и Эстебану, несмотря на всю ловкость неприятеля и его ловкость, удавалось достать клинком брони врага, но каждое попадание отмечалось лишь металлическим лязгом и снопом искр.

Этот бой не мог продолжаться больше, ибо враг был прекрасно обучен и даже во многом превосходил Эстебана в бою. Их клинки сверкали в свете серебряного солнца и бриллиантового снега, но тут бой приготовился к своему стремительному завершению.

Командор отразил ещё пару ударов, но тут же был подкошен ударом с одной левой и опрокинут на землю. Враг на него тут же навалился всем телом и придавил руки правой ногой и левой рукой, чем лишил меча, оставив правую конечность для последнего удара.

Вот ужасающий неприятель занёс правую руку, со всей силы сжимающей блестящий кинжал, направив его для удара в голову. «За Архиканцлера и Его светлый лик» – воскликнул воин и начал наносить удар. И казалось, что это конец.

Внезапно, со звоном и характерным рёвом прилетает пуля в левую руку врага, попав с такой выдержанной точностью, что конечность соскользнула на несколько секунд, но и этого хватило. Командор в один миг нащупал собственный гладий и со всей силы нанёс, казалось бы, роковой удар.

Сияющие лезвие, с бешеной скоростью, и неумолимо на-

правилось прямиком в голову врага. Скорость реакции врага была поистине замечательна. Он сразу же стал уходить из-под удара, уводя голову назад, и остри меча прошло мимо, отчего раздосованный промахом Командор среагировал с собой злобой. Он со всей силы пихает левой ногой по неприятелю и, приложив максимум усилий, направляет по дуговой линии прекрасный меч обратно.

Лезвие клинка коснулось незащищённой шеи, хоть и отчасти, но и этого стало больше чем нужно. Заточенный клинок аккуратно коснулся плоти под чёрной кожей и дошёл до артерии, разрезая и её...

Начав хвататься за шею, враг стремительно отступил, орошая белый снег кровью, делая его алым, липким и неприятным. Противник хватался за жизнь из последних сил, стараясь уже убежать, но этого не хватило, что бы скрыться от правосудия Командора. Он подошёл сзади к атакующему и направил удар прямо в шею. Острие клинка вылезло под подбородком, по лезвию которого стекала кровь, поливая её снег.

Странный неприятель ещё пару секунд кряхтел, после чего замолк и Эстебан сбросил его со своего оружие и направился к собственным друзьям. Труп смачно лёг на белоснежный покров, уже перестав представлять опасность.

– Где второй?! – закричал Командор, удерживая в боевом положении гладий, внимательно смотря по сторонам.

В ответ было лишь мрачное молчание, которое только

угнетало обстановку, делая её поистине зловещей и невыносимой. В лесу встала непроницаемая тишь, неразрываемая даже скрипом снега, по которому можно было определить местонахождение противника. Только гнетущая тишина.

Внезапно из тени пространства вылетел странный, плотно набитый мешок, от которого исходил истошный писк. Все поняли, что это было, но реакции не хватило.

Оглушительный взрыв разорвал лесное спокойствие, а земля поднялась вихрем снежно-земляного салюта. Мощная ударная волна разбросала всех, кто попал под её действие, отбросив Командора как можно дальше от дома, а Антоний и Ротмайра выкинув от его порога на метра три. Силы взрыв-пакета хватило, что бы перепахать снег и заледеневшую землю.

Эстебан лежал практический обессиливший и потерявший сознание, но он нашёл силы в себе, чтобы встать и продолжить путь, изрядно шатаясь и удерживаясь за торс. Антоний и Ротмайр практически полностью потерялись из сознания мужчины, который со скоростью бега черепахи шёл к дому.

Тем временем враг скинул с себя вуаль неясности и тьмы. На виду показался высокий человек, облачённый в такую же броню и кожу. Он встал прямо напротив входа в дом, приготовившись свершить правосудие своего повелителя, словно потусторонний жнец стремиться исполнить чёрную волю хозяина.

– Ассасин! – крикнул Командор, желая хотя бы замедлить продвижение искусного противника.

Но враг даже и головой не повернул и продолжил свой ход рока. Неожиданно на него кинулся Антоний и попытался опрокинуть на снег. Однако противник бесстрастно вынул пистолет из кобуры и сделал несколько поочерёдных выстрелов практически в упор, но пули угодили в лёгкий бронези-лет. От боли Антоний упал на землю, сжался и застонал.

– Поскуда! – взревел Эстебан и, переходя на бег, направился в атаку, одержимый желанием расправиться с гнусным противником.

Неприятель внезапно развернулся и направил дуло писто-лета прямо в лицо Командору, который находился буквально в пяти метрах от цели. Этот выстрел однозначно принёс бы смерть Эстебану, поэтому он остановился и стал выжидать, ясно зная конец...

Вдруг со стороны дома раздался выстрел, который угодил в торс противнику, не причинив ему никакого вреда. Про-тивник медленно развернулся и увидел, как в дверном про-ёме стоял некий юноша, неумело двумя руками удерживав-ший пистолет, который для него был лишь целью.

Эстебан не знал этого паренька, но инстинктивно закри-чал:

– Беги, идиот! Беги!

Юноша так и поступил, но было слишком поздно. Непри-ятель отвлёкся от Командора и одним размашистым движе-

нием, начиная от специального кармана на груди до полного выравнивания руки, запустил в полёт тяжёлый метательный нож, который в мгновение ока скрылся во тьме дома... Но цели он достиг. Это ознаменовали резкий вскрик и последовавший за ним женский протяжный крик.

Командор рассвирепел и кинулся на губителя жизней. Но к его, же досаде он был остановлен внезапным пинком в грудь, силы которого хватило, что бы откинуть мужчину на два метра.

Эстебан лежал в снегу и не мог встать. Его рёбра раскалывала жуткая, практически нестерпимая боль, которая адским пламенем бушевала в груди и сковывала всякий вздох, не давая даже нормально дышать. Парню оставалось лишь наблюдать, как к нему, в полном и устрашающем безмолвии подходил враг. Шаги были медленными, а хруст снега становился подобен раскатами рока. Наверное, это был конец...

Но тут, внезапно послышались выстрелы, которые были как нельзя метки. Командор повернул голову и увидел, что из своего старого револьвера стрельбу ведёт Ротмайр, поливая свинцом противника. Выстрел за выстрелом, с невиданной меткостью они ложились куда нужно... И когда шестой патрон был использован и с рёвом достиг цели, то небольшой, практический незаметный горб на спине врага вспыхнул жёлто-светлым пламенем и стал фонтанировать снопами искр.

Неприятель стал хвататься за спину, стараясь как можно

быстрее потушить пламя, и не заметил, как к нему подбежал Ротмайр. Мужчина был суров. Противник попытался ему оказать сопротивление, но каждое движение ему давалось со сложностью, и было жутко медлительно, будто всякую конечность налили свинцом. Ротмайр увернулся от нескольких ударов и пнул врага в колено, отчего противник попятился назад и приготовился выйти в контратаку. Но его планы нарушил Командор, которого неприятель так опрометчиво не заметил...

Лезвие гладиа мягко коснулось незащищённой шеи своим острием. Клинок проткнул чёрное покрытие и вышел с другой стороны, на раз перерезав позвонки. Затем Командор прокрутился вместе с коротким мечом возле врага и через секунду все крихтения спали, а на снег упала голова противника, после чего обмякло и тело...

– Ассасины! Что б их! – выругался Ротмайр, перезаряжая револьвер и оправляясь от боя.

К ним подковылял Антоний, удерживавшийся руками за рёбра, которые наверняка были ушиблены. Командор их оглядел, и только сейчас до него полностью дошло, что он не смог уберечь парня по имени Артий.

Из дома уже доносилось лёгкое женское хныканье, которое разносилось по лесу подобно скорбной песни, наполненной печалью и горем. Никто не подозревал, что в их маленький мирок, в эту идиллию ворвутся, облачённые в лёгкие экзоскелеты «Разведчик», ассасины самого Архиканцлера, ко-

торый не захотел, чтобы его планы и поступки, о которых он тщательно скрывал, кто-то знал. Его стремление было – уничтожить, и он не остановиться. Эстебан это знал.

Командор понимал, что сейчас все мысли должны быть направлены к печали за такую потерю, и что более важно – если бы не Артий, то смерть Эстебана настигла в тот самый момент...

Мужчина направился в дом. За ним, не произнеся не единого звука, направились в дом Антоний и Ротмайр, также проникнувшиеся моментом печали.

В доме их ждал умирающий Артий. Он лежит на животе, не в силах выполнить даже шевеление. Никто не спешил ему помочь, ибо не знал как. Под ним блестит лужа крови, а из спины, области сердца, торчал острый серебристый нож. Парень издавал последние предсмертные кряхтения, уже не в силах шевелить губами.

Вокруг него собрались все те, кто был в доме. Элен тихо ныла, повиснув на плече Верна, который стоял с гримасой, на которой нашли свой отпечаток ужас и страх. Лицо Александро наполнилось шоком и потерянной, став олицетворением иступления. И Габриель, что достойно держался, смотрев на смерть своего друга. Он просто стоял и скорбел, не роняя слёз.

– Сделайте что-нибудь! – срываясь на крик, потребовала Элен.

Командор обратил на девушку свои нефритовые глаза и

спокойно, без эмоций ответил:

– К сожалению, мы тут бессильны.

– Кто это был? – Прозвучал вопрос от Габриеля.

– Ассасины нового правителя, выходцы из Имперской Школы Агентов или Академии Смерти... не знаю. Они посланы для того, чтобы устранить вас.

– За что!?! – исступлённо кинул Алехандро.

– За то, что вы некогда знали Архиканцлера, в бытность свою известного как, Лорд-Магистрариус, а так же осведомлены в его прошедших планах и преступлении против народа Рейха. – Без лишних эмоций пояснил Эстебан.

Вот на полу издались последние кряхтения, и парень испустил дух, вконец обмякнув и перестав дышать. Элен в сию секунду заревела пуще прежнего и ещё сильнее упёрлась в своего молодого человека, словно попытавшись в нём спрятаться.

– Его бы похоронить нужно. – Грузно подал реплику Ротмайр.

Эстебан, зная, что необходимо делать, решил поделиться с другими собственными мыслями, зная, что это единственный выход:

– Я предлагаю вам собрать вещи. Больше здесь нельзя оставаться. Поблизости могут быть ещё ассасины, которые непременно пойдут по следам товарищей.

– А куда мы пойдём? И что делать там будем?

– Нам необходимо найти другое место пребывания. А от-

туда уже планировать следующие действия.

– И куда нам идти? В тот заброшенный городок?! – Чуть ли не вспыхнул Верн.

– Нет, – сухо начал Командор. – В нём наверняка уже расставлены ловушки Ассасинов. Единственное, что мы можем, это направиться в сторону Южной Диархии и там остаться на время.

– Куда отправиться?

– В один из субъектов той страны, в которой мы находимся. Там у меня есть пара знакомых должников, которые смогут нас приютить. Точнее, помочь найти приют.

Все уяснили суть сказанного, поняв её как то, что необходимо покидать это злополучное место, в котором осталось место лишь печали и скорби. На губах Алехандро даже проскочила лёгкая улыбка, ставшая знамением того, что парень был рад отправиться навстречу свободному миру.

И только Эстебан знает, во многом догадывался, что их там ждёт. Какие ужасы «свободы» подстерегают людей на каждом шагу, но он понимает, для того что бы добиться успеха, необходимо пользоваться всеми преимуществами, которые даёт этот мир, вроде свободного передвижения и «льготы мигрантов». Командор готовился духом к выполнению той миссии, в которой поклялся двадцать лет назад.

Глава седьмая.

Одержимость вещизмом

Спустя день. Территория Южной Диархии.

Как ни странно, но сегодня впервые за долгое время на этой земле выпал снег, покрывший город Микардо тонким слоем белой пелены, что стала тусклее в тени этого мрачного города. Лёгкий ветер так и продолжает дуть, кружа в воздухе мелкие снежинки, создавая прекрасный и неповторимый танец, который слегка предавал городу ощущение невинности и благополучия, что было страшной иллюзией.

Лютер шёл по городу, рассматривая кружащийся в воздухе балет снежинок, и это завораживало его сознание. В этом крае он ещё ни разу не видел снега, а посему ранее всё для него было более безликим и однотипным, несмотря на относительную пёстрость города.

Сегодня парень решил одеться немного теплее, а поэтому на нём красуется серая утеплённая куртка, отчасти напоминающая ветровку, чёрные джинсы, ухидившие под невысокие сапоги. И вся эта одежда некогда была предоставлена Корпорацией, как «душевный подарок, несущий добрую волю Компании, направленный на благополучие студентов». И юноша не знал, что эта одежда была отобрана у тех, кто не смог уплатить свои долги Корпорации, и не был защищён ни

государством, ни «субъектами гражданского права», оставшись один на один со своим кредитором, лишились всего, вплоть до домов. Такова была «милость» Компании, которая, ориентируясь на Закон «О должниках и мерах взыскания», имела право забрать всё, так как «человек, чьё Право на пользование собственными средствами было ущемлено не возвратом долга, имеет Право забрать у должника имущество в соответствии с суммой задолженности, и восстановить своё священное Право».

Но парень этого не знал, и в чём-то это было хорошо, так как если юноша узнает, то совершенно точно вернёт эти вещи.

Лютер не спеша шёл в своё ВУЗ на занятия и рассматривал улицы города. Всё было так же и ничего не менялось. Так же могли шататься пьяные люди и всех донимать, и полиция не имела возможности их задержать, ибо, как было записано в Кодексе Потребления, разделе «Удовольствия и пища»: «человек имеет право на употребление алкоголя, тем самым реализуя собственное право на получение безграничного удовольствия, в достаточных количествах и все его действия в данном состоянии являются актом глубинного самовыражения». Полная ахиня со стороны человека, который жил лет триста тому назад, но абсолютная норма для жителей Либеральной Капиталистической Республики.

И порой десятки людей шатались в пьяном состоянии по городу, вытворяя самые немыслимые вещи, нередко приво-

дившие к смерти. Но полиция была бессильна, ибо люди пользуются правом на удовольствие, а, как сказано в Конституции – «Право – священно и неоспоримо».

Но это был ещё не предел. Согласно Кодексу Потребления, разделу Удовольствие полового типа, «каждый, кто пожелает использовать своё священное Право на получение сексуального удовольствия, может реализовать его на местах, которые предусмотрены настоящим Кодексом». А таких мест было множество: лавочки, тротуары, залы кафе, кинотеатры, в общем – всё, кроме дорог и взлётных полос. И никто не смел остановить пакостное прелюбодеяние, что разворачивается на глазах людей, несмотря на то, что рядом могут быть дети, ибо люди «используют свои Права, а это не может преследоваться по закону или осуждаться». Именно «осуждаться», и если некий гражданин начнёт публично осуждать этот неприличный, с его стороны, акт сношения, то его могла задержать полиция, за то, что «гражданин подвергает публичному осуждению естественные права и Свободы других граждан», а это в свою очередь, как говорили сторонники Культа Конституции: «приведёт нас в эпоху тирании и духовного диктата, повергая саму суть свободы, а значит, любое осуждение прав и Свобод должно строго и жестоко пресекаться».

И так каждый день на улочках и всех возможных местах города предавались любви сотни людей: от обычного онанизма, до половых актов с животными и прелюбодеяний групп

пового типа, а порой даже впадай в зверское и совершенно античеловеческое БДСМ, совершенно наплевав на то, что рядом могут быть люди с детьми. Никто просто не имел ни возможностей, ни полномочий прекратить оргии, ибо люди безобидно «реализуют Право на свободу интимной жизни, предоставленное Конституцией».

Но самым жутким были те, кто «использовали Право на получение удовольствия путём употребления наркотических средств». В Либеральной Капиталистической Республике, «во имя прав и Свобод людей», разрешены все возможные наркотические средства, ибо «это помогает гражданам более широко и разнообразней реализовывать собственное право на удовольствие и ещё сильнее утверждает Свободу, в случаях, разрешённых законом».

И, пользуясь «Правом», люди курили, кололись и закапывали в глаза самые различные мыслимые и немыслимые вещества, которые только могли предоставить те, кто торгуют наркотиками. Нельзя употреблять наркотики только тем, кто заступил на ответственную работу, от которой зависело множество жизней, но это не умоляло общей деградации населения, которое давно превратилось в странных и во многом безвольных существ.

А все остальные, кто мог и считал необходимым, употребляли наркотики в таком количестве, что не снилось никому ещё полвека назад. Люди, обколотые и окуренные, выходили на улицы и творили вещи, что не мыслимы трезвому рас-

судку. Могли спокойно спрыгивать с крыш, лезть под машины, нести несуразицу и приставать ко всем на улице и просто вести себя, словно человек в один момент потерял рассудок. Был случай, когда человек, пробравшийся на стройку, нашёл шланг, ведущий от системы бетоноподачи, и решил воспользоваться «Правом на получение удовольствия нестандартным типом», он просто вставил себе шланг ректально. И никто из рабочих не стал его останавливать, так как это стонет «опаснейшим проступком, направленным на пресечение акта реализации Права». В итоге, обколотый человек попросту скончался, так как у не хватило денег на то, чтобы оплатить услуги скорой помощи, которая взяла курс на «рыночное становление».

Лютер, продолжая идти по улице, в достаточном количестве видел, как свобода плещется через край и расплёскивается на улицы города, которые медленно превращались в помойку, так как люди выкидывали мусор прямо на прохожих, а дворники, не получившие оплаты, не выходили на улицы. И среди растущих помоек и антисанитарии могли предаваться «актам Свободы и потребления» порой сотни людей, считавшие, что таким образом они становятся свободнее. И юношу от этого тошнило, выворачивало от злости, но он ничего сказать не мог, так как это просто противозаконно, да и сами люди, в «свободном порыве», могли на него наброситься за то, что он попирает их конституционные и естественные права.

Парень проходит по улицам города, озираясь по сторонам, чтобы за ним не увязался какой-нибудь сумасшедший, где единственным украшением зданий стали тысячи рекламных пёстрых, до безумства цветастых транспарантов и баннеров, которые подобно одеялам могли закрывать целые постройки. На каждом плакате могли быть самые различные и разнообразные объявления и рекламы. От популяризации нового наркотика, рекламы свежего товара, объявления о создании очередной секты до сообщения о Фестивале Зоофилов или о параде свободы, который в конце, с наибольшей вероятностью мог вылиться в одну огромную оргию. И это было тошно для юноши, практически на уровне нестерпимости, которая всё больше давала о себе знать.

Однако, разгуливая по городу, не только идя в институт, парень замечал в глазах либерально настроенных горожан, некое безумие, тень сумасшествия. Лютер знал, отчего в их очах играет сумасбродность. Близится день «Чернейшей распродажи», а значит, практически все ломануться сметать товары с полок магазинов.

В памяти юноши не потухли примеры истекших «чернейших дней распродажи». Стайки блоггеров, репортёры, да и просто камеры в магазинах вписывают в электронную память каждый момент. Скидки порой достигают пятидесяти процентов, что в стране очень-очень редко и именно за этим гонятся граждане. Они врываются в магазин подобно дикому стаду, сносящему всё на своём пути и разрывающему за то-

вар каждого, кто встанет у них на пути. Десяток тысяч в одном супермаркете или тридцать процентов, от покупателей, смертей – минимальная норма. Люди и нелюди давят друг друга, дерутся и опрокидывают и сотни умирают под грубыми подошвами. Убийства за вещи, вроде – забить коробкой, проткнуть гвоздём, зарубить покупной пилой или прорубать себе путь топором – в порядке нормы, ибо как говорит один из законов – «гражданам, во время «чернейших распродаж» дозволено получать право на удовольствие, право на получение товара или самовыражение любым приемлемым способом, отвечающим принципам максимальной Свободы».

Ум парня отказывается выносить это. Многие его знакомые так и алчут «чернейшей распродажи», чтобы взять товары со скидкой, вырывая его вместе с руками у других потребителей. А товарищи, занимающиеся «активным блоггерством» готовят камеры, чтобы запечатлеть во всех цветах красочное побоище, и выложить его в сеть, получив беспредельное количество «лайков». А в Либеральной Капиталистической Республике «лайки» можно переводить в деньги.

Лютер решил пройтись через местный маленький парк, чтобы отвлечься от мрачных воспоминаний и мыслей, но вскоре об этом пожалел. Там, пользуясь своей свободой и безумным правом, прямо на снегу, практически раздетыми валялись три человека и странно, сквозь дикий рёв смеялись, а их одежда разбросана в странном хаотичном порядке, словно они её срывали и тут же кидали. Их лица исказились в

дикой, совершенно демонической гримасе, вздувшись и став красными. Парень, увидев несколько пустых шприцов, сразу понял, что это люди одурманенные наркотиком.

Внезапно его внимание отвлекло странное воззвание, на-верняка обращённое к нему:

– Эй, гражданин, – прозвучало впереди каким-то мерзким и тонким голосом, от которого становилось не по себе.

– Да? – обернулся на источник голоса юноша, отвернувшись от наркоманов.

К нему подходило два человека. Первым шёл высокий амбал, чуть больше двух метров в длину и весьма специфическим лицом, которое больше напоминало лысую рожу боксёра. И словно, потакая всеобщему безумию и сумасшествию, на этом мужлане была короткое белое платье, колготки, чёрная шляпа с перьями, всё лицо намалёвано пудрой, помадой, а глаза подведены тушью, в руках удерживался зонтик. Второй человек был ниже среднего с характерными женскими чертами лица. Но этот гражданин был одет в светло-розовый пиджак, который доходил практически до колен, широкие брюки и довольно длинные остроносые туфли, которое казалось бы должен носить клоун в цирке.

Два человека подошли к Лютеру. С короткого кивка мужлана другой человек заговорил скрипучим, практически ржавым голосом:

– Ты нам нужен. Только тебе мы можем довериться.

– Что вы хотите? – сдержанно спросил юноша.

Тут высокий «мужчина», положив тяжёлую руку на парня, грубым и пугающим голосом заговорил:

– Ну, я со своим мужем думаю замутить тройничок.

– Да, моя жена давно этого хотела. – Обратив безумный взгляд на свою «супругу» сказал человек в пиджаке.

Лютер воспринял это нормально, он знает, что подобных «парочек» пруд пруди в городе и ещё миллионы по всей стране. Юноша давно отработал метод того, как уйти из подобного веяния интимной свободы.

Юноша, начав с кивка, заговорил:

– Простите, мне нужно на учёбу, я спешу.

Тут «супруг» вспылал ржавеньким голоском, уйдя на срыв в конце:

– Ты смеешь отказывать нам в реализации нашей Свободы?! Вы понимаете, что противодействие актам Свободы карается законом?

Парень ещё спокойнее, словно со снисходительностью без эмоций достойно ответил:

– Я учусь на Корпорацию.

Этим было всё сказано. Четыре слова полностью отбили желание «супругов» выместить своё рвение на парне, поняв, что в будущем сотрудник Компании. Никто не хотел переходить дорогу Корпорациям, ибо они стремились к контролю над всеми сферами жизни в зоне собственного влияния и если кто противоречил их интересам, то следовало неумолимое возмездье.

«Мужчина» демонстративно отряхнул парня от снега и вместе с «супругом» поспешил скрыться от взора юноши, не желая более его задерживать на пути к учёбе.

Лютер, испытав презрение к подобным «людям», продолжил гулять по улицам города. Но теперь он, используя все возможности мышц ног, уже спешил в институт, чтобы поскорее скрыться от подобных «пар» в стенах ВУЗа, как за стеной крепости.

Он шёл быстро, даже очень, но между тем стремился не задевать проходящих людей, так как это каралось законом, поскольку «личное пространство граждан – неприкосновенно, которое никто, в случаях не определённых законом, не смеет его нарушить».

Парень понимал, что всё это больше напоминает одну большую фантазмагорию либерального бреда, возведённого в ранг абсолютного права, но такова была его реальность, которую никак нельзя изменить, что стала монолитом, который ничем не пробить.

И вот юноша уже завидел свой родной ВУЗ, который подобно великану возвышался над низкими домами, чья максимальная высота в этом городе была не более пяти этажей. А университет подобно грузному великану, являясь самой высокой постройкой в городе, устремлялся к небесам на десять этажей вверх, и в буквальном смысле в его тени существовали прилежащие дворы, дома и их жители.

Студент проходил по улице возле высокого забора, пред-

ставленного толстыми металлическими прутьями, устремившимся на несколько метров вверх пиками. Внизу прутья забора были встроены в бетонный батон, отчего забор становился ещё крепче.

ВУЗ окружал забор и внутри каменная плитка, без единого посаженного растения или травинки, отчего он становился ещё более серым и угрюмым.

Юноша быстро мелькнул через ворота в заборе и поспешил поскорее прейти на одно единственное занятие, поставленное на сегодня. У ворот он как всегда встретил студенток, которые приторговывали собственным телом, тем самым реализуя «Право на торговлю во всех её формах».

Студент быстро прошмыгнул мимо них и устремился вовнутрь здания. Там в большом и широком холле он встретил того, кого не хотел бы ни видеть, ни знать всю свою жизнь, с момента, когда познакомился с этим человеком.

Холл был действительно широк и представлял собой место, где у облицованных мраморной плиткой стен стояли приличные стулья, кресла и лавочки. У самого входа стоял пост, на котором проверяли документы студентов, убеждались, что это действительно они. Рядом с входом и далеко на противоположной стене от него были широкие окна, через которые целыми массивами проникал свет, плескавшийся внутри холла.

И посреди всего этого великолепия, увековеченного в мраморе и свете, стоял человек, однопруппник Лютера, кото-

рый вызывал у парня самые противные чувства и ощущения. Это щуплый худощавый, но между тем высокий юноша с чернявым, словно уголь, гнездом на голове. Глаза были мутные, зачастую всего скрытые под солнцезащитными очками. Кожа бледна, практически безжизненна, словно вымоченный в молоке белоснежный пергамент. Одет он в обтягивающие джинсы, с завёрнутыми довольно широкими подкатами. Торс покрывала мешковатая кофта, непонятной и трудно описываемой расцветки, чья безумное сочетание серого, чёрного и белого просто резало глаз. Ну а на стопах были большие и контрастирующие с его телосложением кроссовки, на нём напоминавшие боты. Бесцветные с зелёной отделкой они были уж слишком большие для его худющих ног и напоминали лапти.

Но не одежда послужила для Лютера причиной озлобленности и неприязни. Причины были столь глубинными, даже идейными, что крылись в представлении устройства общества, в сути самого миропонимания. А эти различия во все времена были самыми сильными и приводили к самым жестоким раздорам...

– Хаюшки, Лютер, – кинул приветствие студент, голосом как у раненной чайки.

– Приветствую, Джон. – С толикой лёгкой неприязни, проходя мимо, из вежливости, ответил юноша и устремился как можно быстрее к кабинету, дабы скрыться от взора того человека, который стоял и продолжал ждать свою «сестру по

идеям».

Причины идейной розни двух парней послужил взгляд на мироустройство. Джон был ярым приверженцем той либеральной системы, укрепившейся в обществе, ставшей абсолютом. Он был её ярим приверженцем, сторонником и почитателем, ставая её в пример другим странам и с упованием ожидавшим, когда тамошние системы рухнут и они «освободятся от гнёта тиранов», и у них придёт к управлению власть, «уважающая права и свободы людей».

Этот паренёк был таким ярим служителем «нового чудного мира», что зарегистрировался в Новой Церкви, Неохристианской Церкви, подал документы на зачисление в послушники Культа Конституции и смог пойти на услужение ещё десятку самых различных движений и общин.

Но самое главное, суть идеологического раздора заключалась в том, что Джон был одним из главных сторонников движения образования Муниципальной Студенческой Республики, которая, как представлялась «будет отражать интересы, и что самое главное Права и Свободы всего студенческого сообщества, позволяя ему участвовать в управлении ВУЗом, что соответственно является делом свободы и демократии».

Лютер понимал, что образование «Студенческой Республики» приведёт к полному ужасу свободного мира, который теперь будет плескаться и в институте, став доедать всех тех, кто раньше был защищён Корпорацией от тех «монстров»,

что самодовольно кличут себя «субъектами гражданского общества».

Но сейчас Лютер мог просто выдохнуть и не о чём не беспокоиться. Глава института стойко держится, отклоняя все несуразные предложения и строго следуя курсу, утверждённого Компанией.

Юноша как можно быстрее взобрался на собственный этаж. Там его ждали все его знакомые одноклассники, но больше всего он был рад видеть своих друзей, с которыми сдружился: Ансуа, Жебера и, конечно же, Амалию.

Лютер скорее обращал внимание на них, нежели на остальных знакомых, попросту пропуская их взглядом, не смотря даже на их одежду. Ансуа в этот раз принарядился, набросив на себя, ставший сейчас очень редким, светло-голубой пиджак, такие же брюки, светлую рубашку и аккуратные, начищенные до блеска туфли. Жебер нарядился в свой привычный классический костюм. Но больше всего внимания Лютер обращал на девушку, которая обворожила своим видом его взгляд и разум. Несмотря на то, что на Амалии одета примерно обычная одежда, вроде банальных джинсов, зимних ботинок и простецкой кофты, совершенно незамудрённой синеватой расцветки.

Но, несмотря на это Лютер продолжал смотреть в глаза девушки, словно нашёл в них нечто ценное, стоящее смысла его жизни. Он, боясь смущения, при приветствии Ансуа и Жебера не обратил внимания на девушку, но когда пришёл

черёд поздороваться с ней, то приковался взглядом к ней и даже как-то неумело попытался сделать комплимент, когда она улыбнулась:

– Тебе идёт улыбка, почаще улыбайся.

В ответ Амалия могла лишь слегка засмущаться чуть сильнее, слегка покраснеть и улыбнулась немножечко шире, от чего на душе юноше стало немного теплее, и мир не казался ужасно мерзким.

Ансуа слегка усмехнулся и решил чуть-чуть подколоть своего друга:

– Л-ю-ю-ю-тер, – протяжно начал юноша, а потом, увидев двух подходящих из тени одноклассников, то резко перешёл к другой теме. – А почему ты куртку не сдал в гардероб?

Юноша обернулся и увидел, как к ним подходят Джон с «сестрой по идеям», и понял, почему его друг быстро сменил тему. Если бы Джон услышал, что Лютер делает комплимент гендеру женского типа, который может оскорбить чувства всем остальным гендерам». А его подруга сразу бы обвинила Лютера в том, что он, требует эмоционального обслуживания от Амалии, чем нарушает её права, предоставленные Феминистским Кодексом.

Парень скоротечно оглядел девушку, идущую рядом с Джоном. Это была довольно высокая девушка, красивая, приятной наружности, имеющая длинные, слегка волнистые волосы, с лиловыми локонами. На ней была джинсовая курт-

ка, со слегка приоткрытым верхом. Её ноги покрывали обтягивающие джинсы и сапоги, на рукаве куртки был сжатая в кулак лиловая ладонь, на фоне двух скрещенных клинков – символа ультрарадикального феминизма. Её лицо было очень трудно рассмотреть из-за того, что они всё ещё шли в тени стен.

И всё вроде бы было хорошо, вскоре должны были начаться занятия, но рок решил внести свои коррективы в судьбу.

Даниэлю сегодня было немного не по себе. У него был лёгкий жар и головокружение, но он решил пойти в институт, словно потакая воле роковому фатуму. У парня чуть сильнее закружилась голова, и он покачнулся, сделав шаг назад. Подошва его кроссовка коснулась широкой, большой обуви Джона, оставив на ней замечательный след.

Сторонник либерального духа едва ли не взорвался потоками гнева, фонтанируя пеной изо рта:

– Да как ты смеешь! Это моё личное имущество, охраняемое законом!

– Мне нехорошо. – Держась за голову, тяжело проскрипел зубами Даниэль.

– Да мне всё равно! Ты, дикарь, какое право ты имел наступать и портить моё личное имущество! – продолжал орать на срыв Джон, при этом в безумной манере жестикулируя руками, словно отгонял рой мух.

Лютер знал, с каким фанатизмом Джон следит за своей собственностью, словно это единственный смысл его жиз-

ни. Он вычищал свои вещи, удерживая их в странной чистоте, и никому не позволял к себе приближаться более чем на тридцать сантиметров – расстояние, названное «личным пространством». Отчего и создавался его образ, как либерала-одиночки, наряженного порой в самые нелепые вещи.

И сейчас он стоял, словно прокажённый. У него глаза налились кровью и вздулись, став красными. Его голос сильно дрожал, а мышцы свело толи от судороги, толи от злобы. Он продолжал истошно орать, защищая свою нелепую вещь, ведь «это его вещь и никто кроме него не имеет священного Права к ней прикасаться». Все слышали безумный скрежет зубов Джона, который то безумно на срыв кричал, то шипел, как змея, то готов был накинуться на Даниэля.

Единственное сравнение, которое пришло на ум Лютеру, это сравнить Джона с теми, кого сегодня все церкви в это жалком мирке называют «вестниками свободы». Нет, скорее Джон был ими одержим. «Одержимость» – проскочило в голове у Лютера, сделав сравнение как нельзя лучше. А тем временем, безумец Джон выкинул единственное слово, которое по сути и определило дальнейший путь...:

– Суд! – в вихре ненависти, негодования и одержимости «Правом на неприкосновенность имущества», с резко покрасневшим лицом и взъерошенный, на срыв то ли прошипел, то ли крикнул Джон.

Глава восьмая. Адов цирк «Форум Свободы»

На следующий день. «Центр Свободы». Ночь.

На месте огромной равнины раскинулся «Центр свободы». С орбиты земли он напоминает огромный сияющий тысячами цветов кусочек драгоценного камня, словно кто-то поместил огромный бриллиант в земную кору и стал пропускать через него мириады солнечных лучей. И свет, и блеск, и сияние этого «Алмаза всего свободного мира», как его называли в Конституции, виднелся далеко за пределами орбиты Земли, ибо его сверкание, особенно во времена, когда солнце зашло на покой, устремлялось очень далеко и было неистово сильно, словно в собственной гордыни и спеси, стараясь утвердиться во всей вселенной.

По своим размерам это был настоящий мегаллаполис, здания которого становились подобно искусственным и противным деревьям. Не исчислимое количество растительности, сделанной из камня, пластика и стекла, устремлялось к небосводу, подобно древней вавилонской башне, будто споря с самим создателем за право править.

Тысячи тысяч блистающих небоскрёбов образовывали целую сверкающую лесную чашу, в тени которой влачили своё существование остальные здания, выпавшие за границы

леса зданий, образуя для него каменную опушку, которая, как изумрудная трава в преддверии леса, раскинулась серой и унылой муравьей на многие километры.

Ветра в центре огромного мегаллополиса не было совершенно, словно его огородили стенами, через которые ни один свежий порыв не способен пробиться, оттого и становилось выносимо душно практически во всём городе. А среди высоких «стволов» каменных деревьев, постоянно клубились облака и океаны серого и токсичного тумана, который рождался от всего, что давало выхлоп.

Но всю фантазмагорию стекла, камня, дерева и всех строительных материалов, не прозвали «алмаз республики» или как-то по-иному, а хотя, учитывая его облик, вид с орбиты, это место смело можно назвать «бриллиантовый Вавилон» или «хрустальная Гоморра». Это место, ставшее сокровищем «Всего свободного мира», получило совершенно иное название, такое, какое дали ему первые создатели, восставшие из мрака Великой Европейской Ночи и решившие утвердить свою власть и мировоззрение. Именно их взгляд на мир послужил основой, для выбора названия нового города, что «должен сиять и освещать путь к истинной свободе всем остальным, подобно тому, как маяк указывает путь заблудшим кораблям в пучине Посейдона».

Что ж, этот мегаллополис стал тем, что хотели заложить в него иерархи Культа Конституции и все их прихвостни, полностью воплотив их мечты и чаяния. Теперь ему можно дать

полностью синонимичное название, которое и отразило его суть – «Сверкающий Садам».

И даже гостю, пришедшим с дальних рубежей, начинало казаться, что, что-то здесь не так. К горлу, не бывшим тут ни разу, мог подступать тошнотворный комок к горлу, а глаза самопроизвольно хотели закрыться и не видеть того, что обильной рекой течёт по улице и становится воплощением мира «Прав и свобод».

Эрнест ехал в автомобиле такси и жалел, что стёкла машины не были тонированы с обеих сторон. Он просто уставился в одну точку, которой стала пачка сигарет водителя у руля, и его позвоночник просто отказывался поворачиваться и смотреть, что происходит на улице. А на душе, словно кошки скреблись, и сам дух, у сердца, неистово рвался и метался, призывая покинуть, сей место, позабыть про него и сбежать куда-нибудь из этой проклятой страны.

Несмотря на то, что по крыше автомобиля настойчиво била дождливая барабанная дробь, уши Эрнеста слышали тот говор, что скрежетом несётся по узким улочкам, сдавливаемыми «лесом», и ощущали противные музыкальные композиции, несущиеся с многоголосной рекламой, что слилась со всем в единую сумасбродную песнь, от смысла которой могла «поехать» уже «крыша» нормального человека

Внезапно, чисто машинально, на подсознательном уровне инстинктов, глаз Эрнеста дёрнула в правую сторону, там, где видится улочка и всё же часть картинка ушла в его мозг,

прежде чем воля взяла вверх, и мужчина снова не стал смотреть на пачку сигарет. В сознании тут же проецировалась изображение того, что узрело глазное яблоко: На улочке, вымощенной из серых каменных плит, и стоявшей подле некой торговой лавки, из которой волной падал жёлтый свет, приложив все четыре конечности к мокрым плитам, с ошейником на шее стоял на лысо подстриженный и бритый мужчина. Он был на четвереньках, облачённый в тянущийся обтягивающий чёрный монохромный костюм, который отсвечивал сиянием всего того, что может вообще сиять. «Латекс» – пронеслось в сознании Эрнеста. Ошейник с шипами имел поводок, который находил конец в руках высокой женщины, выбравшей тот же наряд, но при этом нацепив на себя высокие сапоги со шпильками. Половина лица этой женщины скрылась за бесконечными татуировками, а другая за бесконечными стальными кольцами и пирсингом, что прошил её лицо, исполнил его в неистовом металлическом безумии, а на лбу были два имплантированных козьих рога, из волос присутствовал только чуб, выкрашенный в розовый цвет.

За этой парой, за руку прогуливался другой мужчина, чьи элементы наряда пропали в жёлтом ослепительном свете торговой лавки. Но вот избранница мужчины поразила Эрнеста до глубины души, заставив его ощущать дискомфорт в желудке и горле. Правая механическая рука «девушки» касалась плоти безумца. Её ноги отсвечивали металликой и были собраны из стали, а при каждом механическом дви-

жении издавали характерный звук работы механизма. Часть лица её отражала матовостью и одноцветностью и отсутствием всякой эмоции, словно кто-то выкопал хорошо сохранившийся труп и только левый глаз отсвечивал стеклом. Но вот вторая часть лика, которую Эрнест уловил случайно, была похожа на воплощение старых фильмов о наступившем будущем. Правый глаз представлен диодом, а всё остальное, что окружало его, играло бликами воды и света, как, будто это... металл. Так оно и было, мужчина, шедший с девушкой, воспользовался правом, пришедшим из Кодекса Андроидов: «Каждый робот, механизм или иное рукотворное средство, похожее на человека и обладающее достаточным разумом, подтверждённым «Технической Картой», наделяется теми же правами, что и граждане Либеральной Капиталистической Республики, становясь гражданином». Вот парень и выбрал себе избранницу, которая тоже «гражданка», пускай и механическая. Но он не сможет с ней сделать всё, что угодно, так как андроид имеет очертание женщины, а значит, автоматически попадает под защиту всех феминистских сообществ. И если, проверяющие его раз в неделю сотрудницы Феминистского Надзора уследят на нём признаки «угнетения женщин», то начнут разбирательство по всем возможным статьям, ибо «мужчина нарушил Право женщины на неприкосновенность и то, что она механизм – лишь подогревает решимость мужчин на угнетение её, так как она не может ответить, а это лишь укрепляет всех представите-

лей мужского пола в их природной тирании» – как сказано в одной из сотен статей Феминистского Кодекса.

Когда Эрнест услышал о подобном правиле, проводя время в пути, который пролегал в воздушном пространстве, то чуть не захлебнулся от кофе, который аккуратно попивал у себя из чашечки. Он, сидя у себя в Восточной Бюрократии даже представить себе не мог, что такое способно существовать. И тут же в его разуме мельком, лишь слегка тревожа рассудок пробежали слова Матвея, который предупреждал его о безумии с которым придётся встретиться в этом городе.

Внезапно машина ушла в поворот, рассеяв, подобно утреннему туману все мысли и остаточные воспоминания в голове пассажира. Эрнест ощутил, как колёса под ним стали двигаться всё неторопливее, и машина стала замедлять свой ход. И длилось это до тех пор, пока автомобиль вообще не прекратил своё движение, остановившись у одного из небо-скрёбов на парковке.

– Вот мы и приехали, – скрипучим голосом прозвучало со стороны места водителя.

– Сколько с меня? – спросил Эрнест, опуская руку в карман классического пиджака.

– Нисколько, – сквозь усмешку последовал ответ. – За всё платит Корпорация.

Мужчина не видел лица водителя, и искренне надеялся, что его подвёз к зданию Федерального Сената не один из тех вурдалаков, что на голову лепят килограммы железа, при

этом раскрашивая его всеми цветами радуги.

Эрнест взялся за стальную ручку и одёрнул её. Дверь автомобиля устремилась вверх, подобно птичьему крылу, открывая место для прохода. Ступив своими кожаными подошвами на мокрый асфальт и подавшись из машины с футуристической конструкций, выкрашенной в цвет ночи, Эрнест ощутил, как по его коже закрапали холодные и колкие точки. Мужчина поднёс к лицу руку и в свете множественности фонарей увидел, что вода на его конечности отсвечивала множеством различных цветом, имела вязкую текучесть и если её растереть между пальцев, то очень сильно напоминала масло.

– Господин Эрнест! Господин Эрнест! – Заслышалось где-то вдалеке.

Мужчина поднял голову и увидел, как к нему подбегает невысокая стройная женщина, так же одевшая строгий классический костюм, но уже женского типа – туфли, рубашку, жилетку и юбку, при этом удерживая в руке два открытых нараспашку зонта.

– Господин Эрнест, нельзя под этим дождём стоять! – прикрикнула девушка и накрыла мужчину брезентовой защитой от странного и очень дурно пахнущего нарастающего ливня.

Эрнест наконец-то смог оглянется по сторонам, когда забрался под зонт, аккуратно взяв его из рук девушки. Повсюду было множество машин самой различной расцветки и стиля. Цвета были все те, которые возможны во вселенной,

заканчивая самыми различными и немислимыми цветовыми вариациями и рисунками. Но вот стиль автомобилей поража́л ещё сильнее, словно каждый приехавший старался занять первенство по необычности форм, а порой и по их уродству. Где-то стояли машины на трёх огромных колёсах, что полностью закрывали собой салон. В других же местах своё место заняли автомобили, похожие на самые различные предметы, начиная от цилиндров и заканчивая звёзды. Но всё же, несмотря на такое разнообразие, больше всего на парковке было обычных строгих, классических машин старой конструкции и стиля.

Внезапно зазвучали слова, попавшие прямиком в уши мужчине и зазвучавшие у него в разуме ярким звоном:

– Господин Эрнест, я Эбигейл, ваш временный куратор от Корпорации «Восточное Единое Торговое Собрание». Назначена, что бы помочь вам понять суть работы Форума Свободы.

Эрнест опустил голову и в его глазах отразились черты лица девушки. Это в основном шатеновые волосы, имеющие локоны, к концам специально обесцвеченные, ниспадающие на аккуратные плечи и ниже, доходя практически до поясницы. Глаза, имеющие расцветку драгоценного шерба́того топаза, со щенячьей наивностью смотрели на мужчину. Тонкие и слегка низко посаженные губы не имели ярко-красной расцветки, а к углам сливались с беловатыми щёками, которые, между прочим, были слегка впавшими. Едва крючковатый и

острый нос переходил в малость широкий лоб, что с виду, как посчитал Эрнест, придавало девушке лишь вид умного человека.

Осмотр мужчины прервался приятным женским голосом:

– Пройдёмте уже в здание Сената. Скоро уже должно начаться первое заседание Форума Свободы.

Эрнест кинул взгляд вперёд и увидел, как в поднебесье устремляется огромный и в ширину и в высоту небоскрёб, который устремлялся напрямик в поднебесье, приняв на себя облик и цвет ночи.

– Пойдёмте, – ответил мужчина и пошёл к входу, так, что каждый его шаг перемахивал по небольшой лужице, а девушка еле как поспевала за своим подопечным, назначенного Компанией.

Как только Эрнест подошёл к пластиковым прозрачным дверям, они самостоятельно распахнулись внутрь, подобно приглашая мужчину, для того, что бы он прошёл. Депутат сначала чуть приостановился, и кинул смущённый взгляд на это действие, но быстро всё сообразив, более уверенно прошёл вперёд.

– Вы в первый раз видите само открывающиеся двери древней конструкции? – Прозвучал вопрос женщины.

Эрнест в нём уловил толику игривости, перемешанную с лёгким, еле усматриваемым сарказмом и желанием подколоть своего собеседника.

– На севере Восточной Бюрократии вы не встретите даже

тех технологий, что зовёте «древними». – В ответе мужчины послышались нотки незначительного презрения, перемешанного с холодом безразличия. – У нас, в «узлах», временами даже отопления не было, и дров не подвозили, не говоря уже об электричестве.

– Что ж, здесь вы почувствуете все блага цивилизации, предоставленные Корпорацией.

Внутри холл был самым обычным и даже немного неприлично маленьким для того грандиозного сооружения, как здание, оплот и место заседания Федерального Сената, что должен был отсюда управлять всей страной. За входом пол умащался обычной керамической бежевой плиткой, испачканной грязными следами. Помещение входа было настолько мизерным, что по правую руку было всего лишь одно окно, уставленное различными горшками с растениями, а впереди наискось стоял стол, как на многих пропускных пунктах, примыкающей к лестнице на второй этаж.

– Стоять, вы куда!?

Эрнест, ориентируясь на источник звука, посмотрел на высокий стол, из-за которого не было видно говорившего, и размашистым шагом направился туда, но Эбигейл его опередила.

– Мы на заседание. – Быстро кинула девушка, как только приблизившись к столу.

Мужчина подошёл к посту и посмотрел за него, желая увидеть говорившего. Это была самая обычная секретарша,

которых некогда было бесчисленное множество, а сейчас, ухоженная и приятная на вид девушка в этом безумном мире работница стала такой же редкостью, как исчезающий вид.

– Ваши пропуска, пожалуйста.

Просьба светловолосой секретарши не была похожа на просьбу, ибо прозвучала подобно струящейся музыке, прозвучавшей в помещении. Такой же мягкой и приятной.

Эбигейл вынула из небольшой сумочки два листка и подала их на стол. Спустя пару секунд, проявившихся в копошениях у компьютера, простучав по клавишам, секретарша вернула два пропуска и сказала:

– Поднимайтесь быстрее, вот-вот начнётся заседание.

Практически все уже там.

Куратор мужчина направилась уверенным шагом к блестящим дверям лифта, которые находились по левую сторону от входа. И если девушка шла быстрее, то вот шаг её подопечного стал более опасливым и подломанным в коленях.

Эрнест и Эбигейл забрались в лифт. Женщина аккуратными, даже с виду хрупкими тонкими пальцами, прикоснулась к сенсорным кнопкам, и механизмы заработали, уводя передвигаемое устройство высоко вверх, на довольно ошеломительной скорости. При стремительном передвижении наверх у мужчины слегка закружилась голова, и он приложился спиной на стенку.

– Никогда не ездили на лифтах?

На этот раз Эрнест в звоне речи своей наставницы не за-

метил ни толики язвительности, ни сарказма или игривости.

– Не на таких быстрых. На севере лифты едва ли не на паровой тяге.

Тонкие края губ девушки потянулись кверху, и на её лице расцвела искренняя улыбка, украсившая её лик. Но Эрнест не придавал этому никакого значения, лишь приняв это как обычный факт в действии.

Тут же прозвучал звонкий щелчок, и лифт мгновенно, на грани внезапности, прекратил собственное движение. Двери распахнулись, виду представился небольшой коридорчик, окрашенный в зелёный цвет, а заканчивался он деревянными дверями.

Эбигейл повернулась и посмотрела на своего подопечного.

– Прежде чем мы войдём, я должна объяснить несколько вещей. Во-первых, ты должен говорить и обращаться с вопросами пока ко мне или представителями из других Корпораций. Это самые адекватные люди в этих застенках. Во-вторых, не обращай ни к кому из Палаты Народной Свободы из части Законодательного Конгресса. Ты же помнишь, что у нас двухпалатный парламент. Первая это Законодательный Конгресс, а вторая – Региональное Собрание. Первая плата разделилась на две части. В первой заседают все те, кого и стоит опасаться, а во второй – самые ущербные и подавленные личности, кроме тех, кто послан Корпорациями. Ну и в третьих...

– Не называй никого по видимому полу, обращай только по именам, которые сами выбрали себе люди. – Закончил за девушкой уже сам мужчина. – Мне Матвей объяснял эти правила.

– Вот и хорошо. – На выдохе прозвучали слова, и тут лицо девушки стало более строгим и серым. – А теперь, Эрнест, приготовься увидеть преисподнею.

Два депутата, представленных в Региональном Собрании направились к деревянной двери. Мужчина чувствовал постоянную дрожь в коленях, сомнения, но несмотря, ни на что, продолжал идти вперёд. Девушка ухватила двумя руками за ручки дверей и открыла их нараспашку.

В глаза и разум мужчине неистовой волной рванул не удивительный интерьер и постановка зала главного законодательного органа страны. Не его размеры и устройство, а то обильное расплескавшееся на волю количество «духовно просвещенных индивидов, имеющих ориентацию на свободу» вызвали приступ отвращения. У Эрнеста начала болеть голова, совершенно не от стоявшего дикого гула, а веки самопроизвольно опускаться, от того, что они увидели. Неимоверно огромный океан «гендерного и идеологического» разнообразия, что хлынул сюда нечестивым потоком, парализовал сознание мужчину и он даже не мог ступить и шагу вперёд, ноги словно налились свинцом, а рот, его челюсть так и спешила распахнуться от визуального и идейного шока.

Глаза Эрнеста, зрачки и радужка бегали как бешенные,

всё стремясь окинуть взглядом каждый уголок этого помещения с его богопротивным разнообразием, что бы запечатлеть его в памяти.

Высокие стены места, где заседал весь законодательный орган были облицованы белоснежным мрамором, а потолок имел богатую расписку, словно в богатом соборе эпохи Возрождения, а с центра его свисала огромная люстра, представленная самым настоящим лучезарным и сверкающим «тортом» из прекрасных гравированных бриллиантов.

Сам зал заседания всего Сената, или Форума Свободы был разделён на три, последовательных и нависающих друг на друга яруса, в которых заседали по пятьсот человек. Внутри самих ярусов, кроме первого, были деления на два сектора. А у самого подножья ярусов, практически у одной из стенок находилась площадка для выступающих людей. Каждый ярус отделялся от другого участка высокой ступенью и деревянной резной мощной темноватой перегородкой, которая ограждала края. Каждое посадочное место в этом помещении было представлено отдельным едва ли не высоким треном, имевшим остроконечную спинку, сделанную из дуба с посеребрёнными узорами. И у места, где стояла кафедра для выступающих, у самой стены, стояло три престольных трона, уходящих под специальный стол заседаний. Каждый трон из этих троих имел золотую окантовку по углам, а стол заседаний имел выплавленный из платины герб государства, крепившийся к видной ко всем части стола.

Но, не своим роскошным и помпезным видом было богато это помещение. Его главным «достоинством» стали депутаты, которые тут работали. Законотворцы, хотевшие лишь блага для народа... Конечно же то благо, которое хотели и принимали они.

Эрнест с шоком на сердце смотрел на тех, кто здесь преимущественно находится. Он не мог смириться с такой огромной концентрацией тех, кого больше в своей жизни ненавидел. Да, от одного их вида по венам мужчины начинал бегать огонь, проступать пот, сердце билось чаще, и слышался стон скрежета зубов. От того, что он видел «мужчин», выбравших латексные костюмы, разноцветные платья или вообще пришедшие с перьями в ректальной точке у Эрнеста в рассудке закипало негодование. Многие «парни» в этом месте имели размалёванное тушью, помадой и блестками лицо, образуя при этом мириад самых отвратных и противных гримас, словно взятых из ада. При виде «мужчин», у которых глаза были подведены тушью, проколоты насквозь щёки, губы отражали розовой помадой с блёстками, в волосы вплетены цветы и глаза залиты какой-нибудь краской, у нового депутата закипала кровь.

Те, кто были «женщинами» были одеты в самые безумные наряды, вплоть до полного их отсутствия. Обритые до лысины, имевшие несуразный вид, нацепившие блестящие, как сельдь на солнце, костюмы, и потерявшие человеческий облик «женщины», заняли почётное положение среди всех.

«Дамы», у которых лица были пропирсингованы вплоть до того, что самих черт было не видно, татуировано всё тело и из одежды могла быть непонятная несуразица, неподдающаяся описанию, у Эрнеста вызывали лишь боль в сердце, отдающую в глаза.

Но эти «мужчины» и «женщины» были лишь лёгкой разминкой для рассудка новоиспечённого депутата. Впервые он заметил тех, кого звали «Радикально свободными», тех, кто шёл на краю этого безумия, став костяком этого клина. Пускай, они уже были не в новинку и, смотря на них, мало кто мог удивиться, но всё же, им отдавались специальные привилегии, которые присущи только «людям» с высоким рейтингом свободы. Это были однозначно либо «зверолюди», либо трансгендеры. Первые, согласно закону «О свободном Праве становлении животным» могли звероформировать собственное тело, чем заслуживали уважение, так как они получили «Истинную Свободу перехода от человека к животному». Эти «люди» перекраивали лица, удаляли носы, наращивали когти, ломали кости, отрезали пальцы, врезали в позвоночник продолжение в виде мясистого хвоста, имплантировали усы, выдавливали глазные яблоки, что бы вставить имплант, похожий на звериный глаз и могли изрезать шрамами до инфекций и покрасить кожу, что бы быть похожими на любимых животных. И в итоге получалось гибридное существо, которое мало было похоже на человека и порой, из-за того, что была перестроена ротовая полость, терялась

способность к разговору.

Но разве кого-то волновало это? Если человек, мог реализовать собственную свободу и право, то это только приветствовалось. Вот и появилось «Право на становлении животным».

Вторые же получали привилегии потому что «Своим выбором они лишь укрепляли суть Свободы, которая выражается в Праве смены пола, тем самым получается полная половая Свобода» – как было записано в одном из текстов Культа Конституции.

И «привилегированные свободой» ходили здесь, утверждая её суть. Полуголые мужчины, с выпирающим пузом, перьями сзади, татуированным, покрашенным и обвисшим от тяжести пирсинга лицом; те же мужчины, примерившие на себя цветастые платья, колготки, мини-юбки; люди, пресмыкающиеся и похожие на ящериц, с настолько перестроенным организмом, что не способны выгнуться вертикально; полуобнажённые депутаты, облачившиеся в откровенные костюмы из латекса; уродливые, обезображенные тысячами способами, похожие больше на монстров демонов наполнили всё это помещение. От одного вида всей этой адской фантазмагии, вышедшей на землю за архангелом-предателем, Эрнесту становилось плохо.

Но ещё сильнее всего его повергало в моральный мрак, беспробудную бездну, поведение собравшихся «людей». Стены попросту стонали от установившегося рёва и безу-

мия, а уши разрывали звуки «дикой не-природы». Весь первый ярус попросту утопал в том, что можно назвать Неосо-домом, неогоморрой или инновационным либерализмом истинной свободы. Многие «депутаты» в первом ярусе придавались всем тем утехам, которые были дозволены Конституцией и Кодексом Потребления. Несколько человек, обколовшись наркотиками, или вдохнув их, неистово верещали и бились в истерическом смехе, а порой и даже кидались на остальных. Перебравшие с алкоголем депутаты прямо тут исторгали через рот всё что наели, находясь в естественных тошнотворных позовах. Практически весь пол на первом ярусе был устлан в выгнанных через ротовую полость обедах и завтраках, что тонкой кашницей стелились по коврам и мрамору. И посреди этого сумасбродства сорок депутатов пустились в бесшабашную оргию, при участии шести зверолюдей. Всё это сумасшествие покрывал дикий гул и рёв, издаваемый людьми, решившими получить безграничное удовольствие, через Кодекс Потребление.

При виде этого Эрнесту оставалось держаться лишь на силе воли. У него в области сердца пробежал слабый еле заметный укол, раздавшийся болью в сердце. Эбигейл это заметила и взяла мужчину за руку, чтобы он рухнул на землю.

Эрнест переместил собственный взгляд на другие ярусы и увидел, что такого безумства там намного меньше. В первом секторе сидели такие же фрики, как и в Палате Народной Свободы, что утопала в собственном безумии и похо-

ти. Но вели они себя более сдержанно, хотя и не отказывались от питья алкоголем и приёма «интересных» таблеток. Во втором ярусе, что бы ближе всего к выходу сидели опрятные люди, лишённые «прелестей» нового мира. На них не было татуировок или перекроенных и перекрашенных лиц. Это были вполне себе приличные и солидные люди, словно пришедшие из давно забытых времён. Если первый сектор ещё позволял себе выпить или употребить наркотик, опускаясь до единичных случаев половых актов между всеми возможными гендерами, истошных слезливых криков, актов сумасшествия или прочих приступов содомии, то второй участок вёл себя неимоверно образцово. И в глазах тех людей, что сидели во втором секторе и смотрели на то, что происходит вокруг, читалось презрение к тем, кто рядом с ними и вытворяет всё это. Но по долгу службы они обязаны были оставаться здесь и смотреть всё то.

То же самое творилось и на третьем, самом последнем и высоком ярусе, совершенно без изменений.

– Вы, презренные традиционалы! Да ваш жест является оскорбительным для трансгенеров и вообще всех остальных гендеров и тех, кто решил опробовать любую просвещённую вещь, а не ваши тираничные позы?!

Этот истошный голос, наполненный самодурством, гордыней, таящимся внутри безрассудством исполненный спесью, раздался откуда-то из Палаты Народной Свободы, полностью развеяв все мысли Эрнеста.

Из маленького Содома им на встречу выходила женщина. У неё была смуглая кожа, вся в татуировках, как будто долго и интересно отсидела в тюрьме, волосы, завязанные в чуб, покрашенные в бардовый цвет. На ней висело нечто, что должно было напомнить одежду в традиционном понимании. Это джинсовая мини-юбка, классические туфли с цветастыми гетрами и на голый торс распахнутая джинсовая жилетка, на которой был вышит символ феминизма. Цвета глаз её не было видно, так как она их полностью залила чёрных цветом. Как только она подошла ближе, то вновь исторгла целую массу слов, пережёванных в гневе и спеси:

– Ну что, чертовка, держишь этого вечного угнетателя за руку, чем отвергаешь наши законы?! Зачем, сестра, ходишь с ними? Мы должны объединиться и забить до крови этих тиранов, имя которым – мужчины. У этих подонков диктатура и угнетение нас в крови с рождения! Они рождаются – ущербными существами, которых нужно изолировать! Эти шланги ещё будут пресмыкаться перед нами за столетия угнетения!

В разуме Эрнеста закипала звериная ярость от этих слов. Это было даже не негодование или банальная ярость. Чувство, его пожирающие было намного сильнее и глубже, находясь за гранью радикальной справедливости.

Но в Эбигейл ничего такого не возникло. Она спокойно достала удостоверение и ткнула его прямо в лицо радикальной феминистке, со словами:

– Уйди от меня, мы с тобой не равны.

В ответ женщина лишь фыркнула, что-то буркнула себе под нос и мгновенно ретировалась, уйдя обратно в свой маленький Содом.

Эбигейл обратила свои карие глаза в сторону мужчины и с лёгкой дрожью в голосе обратилась:

– Ты в порядке?

– Да, – выдохнув, выдавил Эрнест. – Не думал, что здесь соберётся вся преисподняя, опустошив свои даже заброшенные углы.

В ответ девушка лишь слабо усмехнулась и тут же подавила свой смешок, уже более серьёзно обратившись к подопечному:

– Пойдём, займём свои места.

Эрнест и Эбигейл только хотели сделать шаг, как им на плечи упали массивные конечности. Оба депутата обернулись и увидели перед собой высокого мужчину, за два метра ростом, облачённого в чёрную простую робу из дорогого восточного шёлка, а его голову покрыл широкий капюшон. Вся роба-балахон исписана десятками накладных самых различных афоризмов, вышитых золотой нитью, а к поясу крепилась толстая книга, со стальной окантовкой и бронзовой изукрашенной замысловатыми узорами обложкой. Если эту книгу использовали бы как оружие, то она, несомненно, имела бы успех.

Если сказать, что Эрнест испугался, это не сказать – ни-

чего. Страх глубоко пронзил его разум. А сам мужчина тем временем заговорил грубым тяжёлым голосом:

– Не бойтесь, успеете, без вас не начнут, – словно с сарказмом говорил высокий человек. – Пройдёмте, вас на ваши места проводит сам Гроссмейстиарий Культа Конституции. – И после этих слов Эрнест от удивления чуть не провалился в обморок.

Глава девятая. Огненный апофеоз серости

Следующий день. На границе у Швейцарской Федеральной Конфедерации и Южного Диархата.

Несмотря на то, что на часах светится «одиннадцать часов» дня, солнца видно не было. Огромные, грузные тучи застлали небесную твердь, укутав её в плотный панцирь безличия и тотальной серости. Над миром нависло огромное грузные облака, готовые засыпать всё снегом, полным химикатов и чёрным выхлопом.

Всюду ширились безлистные леса. Голые деревья окружали всё непроходимой стеной. И эта стена оцетинилась ветками и сучками, словно сами деревья сковало от жуткой боли. Тут всё было как в страшной сказке про ведьм: жуткая погода, серая атмосфера и деревья, внушающие ужас одним своим видом, больше напоминающие сказочным монстров. Серые, облезлые, покрытые странной корой они являлись единственной растительностью в округе.

У деревьев лежали кучи серого грязного снега, подтёкшего и обледеневшего от вечных перепадов температур.

По дороге шагали колонны людей, мешая ногами мутную грязную кашу из воды и хлопьев снега, наполняя эту местность хоть какой-то живизной. Все, кто шёл по этой доро-

ге с опаской смотрели на полумёртвую деревянную стену, возвращённую на химических дождях и пропитанной ядовитой землёй. И повод опасаться был у всех, ибо в глубинах этого лесного массива жили те, кто был, окончательно отвергнут обществом, или принял решение уйти в эти места, поистине создавая, свои маленькие полудикарские королевства, разросшиеся до уровня «регионального геморроя». Тут жили все: сектанты, объединения маньяков и убийц, общины сумасшедших, преступные синдикаты и фанатики собственных идеологий, решивших создать свой маленький мирок, да и просто обезумевшие дикари. И зачастую те, кто таился во тьме уродливых лесов, спешили выйти на большую дорогу и устроить самый настоящий грабёж и разбой, зачастую устраивая террор и насилие. Этаким лесным дикари, которые рождены «миром Прав и Свобод», пользуясь статьями законов на полных правах уходили в леса. И никто не смел их остановить, ибо они «воспользовались священным «Правом» вести отшельническую жизнь, вдалеке от цивилизации, которая и дала им это Право». И не важно, что человек уходил туда грабить, убивать или предаваться похотям, ибо главное – «Право». Да и порой люди просто впадали в безумие от украшающего их мира и бежали в обезображенные леса, где это сумасшествие только ширилось, выливаясь в апофеоз всей либеральной мысли – отсутствие границ и абсолютная Свобода от всего.

Людям на границе приходилось защищаться, чем только

можно. Порой завязывались самые настоящие битвы за дорогу. И если бы не сердобольные добровольческие дружины, то картина смертей и боли была б куда страшней.

Те, кто взял в руки оружие, вооружился всем, чем может и надел самые примитивные «доспехи» и добровольно пошёл на дорогу, назвали – дружинниками, ибо больше никто не мог взять на себя защиту обычных людей.

Полиция занималась охраной тех, кто причислял себя к «Вестникам Свободы». Сообщества зоофилов, феминисток, копрофилов, ЛГБТ и т.д. подлежали особой защите и за ними следили как за бриллиантами, ибо они, как говорил Гранд-Федеральный Закон о «Всяком обеспечении сохранности «несущих свободу»: «Вестники свободы, а значит и сам вектор прогресса, должны быть обеспечены всем самым лучшим, в том числе и передовыми средствами защиты, ибо первостепенная задача по защите и поддержания самой Свободы». Верхушка либеральной власти пытается изо всех сил сохранить тех, кто самим своим существованием попирает старую мораль или «Тоталитарную рабскую духовность».

Для них предусматривались специальные автобусы, с защитным бронированием, конвои со спецназом и солдатами. Порой перед поездкой в другой регион «Вестников Свободы», Культ Конституции инициировал зачистки таких лесов. Тех, кто был рождён свободой, её наименовался без жалости, по закону «Всяком обеспечении сохранности «несущих свободу, уничтожался во имя свободы. Команды зачистки, во-

оружённые огнемётами проходили адским пламенем по лесам, оставляя за собой лишь горы пепла и тел, прогоревших до хруста, ибо «сей жестокий поступок должен дать защиту более прогрессивным Вестникам Свободы, а значит поспособствует утверждению всяческой свободы в общем».

И для обычных людей, что пересекали подобные лесные массивы свобода-дикарского ужаса, эти «законы» кажутся сущими издёвками. Часто из окон настоящих броневиков помпезно-ядовито размалёванных и безвкусно раскрашенных «Вестники Свободы» улюлюкали, кричали и издевались над теми, кто был по ту сторону окна. Для «Вестников Свободы» обычные люди стали лишь «слугами раболепской идеи традиционной морали, не способной к прогрессу»

Всё это удручало. К серой атмосфере прибавлялось издевательство теми, кто по сути был неприкасаемыми. В совокупности это порождает такое тотальное уныние, что многие готовы свести счёты с жизнью от осознания этих фактов. И порой некоторые не выдерживали. Кто-то, при видя всей этой фантазмагии либерального абсурда, глотал стекло, кто-то удушал себя ремнями и галстуками, а некоторые просто навалились дешёвого яда и помирали в страшных мучениях.

А вольная дорожная дружина ничего не могла с этим сделать. Только оттаскивать мертвецов к обочине и закапывать по возможности на охраняемых кладбищах, ибо секты каннибалов и людоедов охотились за «свежей человеченкой».

Все те, кто шёл по этой дороге, впадали в такое уныние и тоску, что колонну с лёгкостью можно наречь не иначе, как «Серый Марш». Удивлены были и ребята, шедшие с Командором в Южный Диархат.

Эстебан, накинувший на себя чёрный плащ с капюшоном, державший оружие при себе, нервно, на грани паранойи засматривался прямиком между деревьев, высматривая там либеральных дикарей. Командор знал, что они могли красться, сливаясь с местностью и выпрыгивая в тот самый момент, когда подступал момент.

У обочины дороги мужчина видел людей, в серых шинелях и со старыми автоматами и винтовками. Исцарапанное, переделанное со штыками оружие, оно представляет хоть какую-то защиту от лесных жителей.

Рядом с Командором идут все те, кто смог уйти из проклятого места, прихватив с собой всё, что можно утащить. Но Эстебан мало обращал на них внимание, ибо думал о потере одного из друзей Габриеля. Действительно, Командор скорбел о смерти Артия, но он заботился только о Габриеле, не придавая смерти одного из подростков особого значения. С другой стороны, если бы не выстрел Артия, то Командор вряд ли остался в живых.

Ротмайр закинул на спину сумку с оружием и спиртным, временами так же устремляя свой взгляд в жуткие леса. Его бежевое пальто с последнего боя несколько почернело, разжилось дырами, но всё ещё выглядело неплохо. Несмотря на

смерть Артия Ротмайр ощущал себя вполне нормально, ибо это парень сам себя подставил под пулю. Не он его потащил.

Антоний в сумках нёс с собой походную пищу, которую можно было спокойно употребить в дороге. Со стороны этот парень становился похож на военного, который бежал из части. Высокие берцы покрывали чёрные военные штаны, державшиеся на широком ремне. Чёрная куртка пиксельной раскраски отлично защищала от слабых холодных ветров и малой сырости.

Рядом с бывшим теневином идёт Малик. Этот парень арабской внешности потрясён тем, что случилось, когда он ушёл в леса свершить молитву. Когда уловил ушами звуки выстрелов, а его нос почуял запахи пороха и гари, то Малик тут же рванул в «Убежище», но застиг там только горе и печаль по безвозмездной утрате. Он окунулся в горе с теми, кто оплакивал потерю своего друга. Выбрав под одежду чёрное церковное одеяние, он с мрачным ликом шёл вперёд, неся с собой запасы воды, подгоняемый чувством вины.

Шли и ребята. Потеря друга сказалась на каждом. Артий, поверженный ассасином Автократорства, канул в безвозвратную тьму. И это вгоняло каждого в серость и уныние, способное опрокинуть душу любого и лик каждого стал подобен отражению безликого небосвода.

Верн выбрал для себя весьма скромную одежду. Чёрные плотные джинсы покрывали мощные грубоватые ботинки. На торсе болталась слегка большая ветровка тёмно-синего

цвета. Здешние фабрики и ТЭЦ прогревали своими выхлопами воздух настолько, что самые суровые зимы казались прекрасными и тёплыми. Смуглое лицо парня, с вольными чертами лица, казалось, отразилось сутью грусти и печали.

С Верном под руку шла девушка. Элен крепко прижалась к своему парню. Её душу наполнил страх и ужас, пожиривший её нежную душу, что отражалось в прекрасных карих глазах, в которых словно потух свет счастья. Столь светло-смуглое лицо преисполнилось таким же трауром, как и у остальных. Ноги девушки покрывали джинсы, сотканые из белой джинсовой ткани и чёрные кроссовки. Крепкая синяя тканевая куртка покрывала торс девушки.

Габриель и Алехандро шли в конце импровизированной колонны. Первый юноша нашёл в убежище короткие сапоги, кожаные штаны и кожаную куртку, с объёмистой сумкой. Алехандро же выбрал стиль несколько свободней, выбрав широкие штаны, белые кроссовки, длинную лёгкую куртку. И каждый из парней испытывал чувство гречи от утраты.

Четыре взрослых человека и четверо подростков, не познавших поистине суровой жизни, шли в места, полные неизведанности. Только Эстебан и Карамазов могли помнить об их сути несколько прерывисто и смущённо. Каждый из них обременил себя различными мыслями, но суть их одна – тотальная серость.

Внезапно послышался голос, наполненный надменностью и наглостью:

– Ну, Эстебан, куда же мы плетёмся?

Глава группы сразу узнал по интонации и презрительному ко всему тембру Ротмайра. Командор, вчитываясь в досье, и биографию знал, что у этого человека есть только две ведущих эмоции и состояния: либо он ко всему относится с наглостью и презрением, либо с особой злобой и жестокостью, как ко второму Канцлеру.

– Мы идём туда, где сможем нормально пережить несколько недель, – ответил Эстебан.

– Было столько городов на пути. Мы на автобусе и скоростных поездах, наверное, штук двадцать пробежали.

По голосу, наполненным спокойствием и отражающим внутреннее смирение, Командор понял, что в разговор ввязался Малик:

– Потому что они слишком близко к Рейху. А ассасинов довольно много и перемахнуть им через границу не представляет труда. Эти города просто опасны для нас. Нас там быстро найдут.

– Что им вообще от нас нужно? – прозвучал приятный девичий голос за спиной.

– Вы стали свидетелями «революции» нового правителя. Он не хочет, чтобы оставались свидетели его преступлений... и его антиимперских мыслей. Рафаэль не перед чем не остановится, чтобы уничтожить любого, кто видел его в либеральных мыслях, – в полголоса пояснил Командор, паранойдално смотря в серый уродливый лес.

– Поэтому ты сжёг убежище полк-ордена, вместе со всеми документами и старыми вещами? – спокойно спросил Малик.

– И отправил наши включённые телефоны на другом поезде на северо-восток этой страны? – Поддержал араба Ротмайр.

– Нас разве могли отыскать по запаху? – Непринуждённо спросил Верн, присоединяясь к общему вопросу – «Зачем?»

Прошли сущие секунды театральной тишины, пока Эстебан не выдал ответ:

– Да. Нас буквально могут отследить по запаху и найти по сигналам электронных устройств.

– Кто эти ассасины? Почему я о них не знал, когда... правил? – Прозвучал вопрос от Ротмайр, в котором чувствовались нотки требовательности.

– Это машины для убийства и они служат только верховному правителю, то есть – Архиканцлеру. Когда ты отобрал власть, они скрыли своё присутствие, в ожидании достойного правителя. Их с детства тренируют находить и убивать. Тысячи претендентов, единицы выживших, после адских тренировок. Их чувства отточены до совершенства и усилены имплантатами. Сочетание естественных и машинных чувств делают их настоящими ищущими. Их зрение остро, как у орла, обоняние идеально, словно у кошек, а скорость реакции поразительна. Перед боем они колют боевые

стимуляторы и наркотики. Но суть этих наркотиков иная. Империял Экклесиас боялась, что они могут вызвать привыкание, а значит «личность впадает в сладострастную похоть удовольствия, что противно имперской морали». Впервые, по просьбе церкви, был сделан наркотик, вызывающий боль, если человек не двигается. Ассасинам приходится двигаться, бить со всей силы, вертеться, чтобы боль не прикончила их, а экзоскелет лишь усиливает их мощь. Движения становятся ещё быстрее, а удары убийственнее. – И выдержав секунду молчания, Эстебан лирически закончил. – Это безжалостные машины войны.

– Понятно. – На грани подавленности уяснил Верн.

– Так что нас может защитить от таких монстров? – Обеспокоено проговорил Малик.

– Чем дальше мы углубляемся в Либеральную Капиталистическую Республику, то тем им будет сложнее нас найти. Я знаю, что выслали «Руку Смерти» – группу из двенадцати ассасинов. Но потом восьмерых отозвали обратно в Империю. Осталась «Диада Ужаса». Думаю, им будет нам трудно найти среди сотен миллионов жителей этой страны.

– Куда же ты нас точно ведёшь? – буркнул Алехандро. – Мы не можем вечно бегать от псов Архиканцлера.

– Господин Алехандро, – тошно официально начал Эстебан, – вам ли не всё равно, каков может наш конечный пункт?

– Я поддерживаю парня, – ожидаемо произнёс Малик. – Каж-

дый человек должен иметь свой дом. Мы не кочевники и не можем скитаться до бесконечности по бесконечным землям. Всё же хочется спокойствия и постоянства.

– Безумие в своём сумасшествии тоже постоянно. Хаос в своём безумии постоянен. Но это не значит, что мы к ним должны стремиться, – неожиданно поддержал Эстебана Ротмайр.

– Во всяком случае, мы не остановимся, пока не пройдем эти леса, – указав рукой на уродливые, скрюченные искажённые деревья произнёс Командор. – Нам до города Микардо ещё пара километров. Там нас ждёт передышка. А потом...

– Что потом?

– Не знаю. – На грани бессилия ответил Эстебан. – Посмотрим. Может, останемся на несколько недель. Или вновь станем углубляться в эту гнилую страну.

Внезапно зазвучал недовольный голос Алехандро, с перезвоном злобы и недовольства:

– Ну почему государство, которое поддерживает свободу, для вас становится «гнилым»? Половина всех преступников Рейха это люди, которых закрыли из-за их мировоззрения, ставшее неприятно государству. А они могли быть свободными, если у нас была бы свобода. Разве человек недостойн свобод и прав в полном объёме? – И юноша был готов пойти на срыв, в наглости заявив. – Мы существуем для свободы, а все только и подавляют наши естественные права.

– Алехандро, – дрожащим голосом заговорила Элен, – ес-

ли не ограничивать свободу, то мы все будем безумны. Человек сможет творить всё, что захочет. А как же мораль, как же наши ценности?

– Я не вижу смысла в твоих словах, Элен. Мораль, ценности – это всё навязано нам свыше, чтобы мы могли стать рабами для тех, кто у власти. Нам не нужны ни мораль, ни всякие там ценности, кроме свободных, ибо они сущий прах, делающий нас несвободными.

– А если твоя «свобода» приведёт к хаосу? Если род человеческий вымрет от твоей свободы? Что если та самая «свобода» уничтожит наш мир? – Напористо проговорила девушка, прижавшись к Верну ещё сильнее.

И тогда Эстебан, идущий впереди, услышал слова истинного сектанта «свободы», в которых крылась их многовековая суть:

– Элен, нет ничего ценнее свобод и наших прав. Существование всего человечества ничто по сравнению со свободой. Наши права и свободы – выбор истинно и единственно правильный. И если человечество, приняв их, – вымрет, то значит это правильно. Права и свобода есть цивилизация и прогресс.

Рядом идущему Габриелю стало тошно от этих слов. Столько раз повторение слова «свобода», всякого должно было смутить, но не Алехандро. Этот парнишка долго чаял идеи о безграничной разнузданности и распущенности, возведённой в реликт. Юноша просто болеет, хандрит собствен-

ными идеями. И тогда Габриель выдал единственную фразу, которую считал правильной:

– Алехандро, ты безумен.

Эстебан про себя слегка усмехнулся. Едва заметный смешок услышал бы Ротмайр, если бы не энергично хлюпал снежно-водянистой жижей под ногами. Для мужчины слова юноши показались наиболее правильными. В них он тут же нашёл суть для всех свободолюбцев. Они безумны, не иначе, но своим безумием обожатели безграничных прав гордятся, вознося своё сумасшествие подобно победному знамени. Победы сумасбродности над разумом.

– Скажи, Командор, – заговорил Ротмайр, – а почему тебе дали позывную кличку «Арлекин»?

– Бывшему Высшему Лорду не понять этого. Вы лишены чувства глубинного понимания слов.

– Так парень, я не понял, ты смеешь меня упрекать?

– Я просто сказал, что ты не поймёшь.

– А я? – Вопросил Малик, идя, отрясая рясу от прилипшей снежной жижи.

– Ладно, – согласился Эстебан, – это было ещё при первых моих днях в полк-ордене. Рекрут командорского состава, не подающий особых надежд – вот кто я тогда был. В те дни нас отправили в Иллирию, где всё ещё лелеяли надежды на независимость сепаратисты. У нас была задача – захватить одного из вражеских полевых командиров в деревне. После выполнения задачи нам пришлось покинуть местность, взяв

образ и загримировавшись под других людей. Короче, мы нарядились свадьбой. Кому-то выпал дорогой костюм, кому-то деревенская одежда, а мне... наряд арлекина с маской. После этого мне и дали прозвище.

– Так себе история. – Недовольно кинул Ротмайр.

Эстебан не стал говорить о том, что порой суть его заданий – масочничество. Ещё до становления командором пара его миссий заключалась в том, чтобы отыграть роль непринуждённого человека, в меру ленивого, но скромного, да порой и просто кутилу. После пары таких заданий ему и дали прозвище, отражающее их сущность, ибо он стал подобен герою средневековых венецианских комедий.

Но интерес группы к прозвищу внезапно пропал. Губы людей на секунду перестали шевелиться, а слух обострился. Все продолжали идти в полнейшем безмолвии. Станный хруст сухих веток и ароматы горячей мазуты стали наполнять воздух. Пространство буквально замерло в бесконечном ожидании. Всё стало подобно тому, как тишь настигает мир перед страшным громом.

– Командор, – в полголоса зашептал Антоний, – шевеление от нас в двухстах метрах по правой стороне.

– Какова ширина дороги? – Спросил Малик.

– Около ста метров, – ответил Эстебан и строго потребовал, – все смещаемся к центру дороги.

Группа стала медленно от левого края отходить в самый центр разбитой асфальтовой дороги, залитой снежно-водя-

нистой кашей. И в один момент оказалось, что они оказались под плотным покрытием толпы. Десятки людей, бродяг, переходящих границы, чтобы найти лучшее место, стали щитом для группы, прикрыв их телами, справа и слева.

– Это то, о чём я думаю?

– Они пока прицениваются, Ротмайр, ищут место для атаки. Выискивают слабое звено, чтобы в один момент нас растерзать.

– Кто они, Командор?

– Ох, Верн, эти «люди» очень понравятся твоему другу – Алехандро. Это, если можно сказать, истинное воплощение свободы, а точнее того, до чего она может довести. Это апофеоз безумного свободострастия. В этих лесах кроются сектанты, исповедующие тысячи разных культов. Под кронами прокажённых деревьев скрываются десятки общин идейных фанатиков, вроде радикальных неосексофилов и зоофилов. Здешние «трансформаторы» своего тела дошли до того, что теперь напоминают племена дикарей, с изуродованными телами.

– Меня сейчас стошнит.

– Держитесь Элен. Нам буквально пара километров осталось до Микардо. – Указывая вверх на сопку, в которую уходила дорога, ответил Командор.

Обстановка вокруг только накаливалась. Хрусты веток на снегу в лесу, переключки в дали и гнетущая атмосфера только раздувались, пробегая раскатом грома по душам. Зоркие

люди уже могли увидеть, как среди извращённых деревьев мелькают силуэты. А «вольные дружинники» устремили дула своих автоматов, ружей и винтовок в сторону леса, ожидая нападения.

– Скажи, Малик, ты когда-нибудь держал в руках оружие?

– Эстебан, если я служу богам, это не значит, что я не смогу за себя постоять. Три года ножевого боя и ещё шесть лет на передовой трущобных воин. – Похвалился заслугами «священник». – Если того потребует обстановка.

Услышав, что его товарищ умеет обращаться с оружием, по душе мужчины пробежала лёгкая волна облегчения и спокойствия. Этот вопрос он скорее задавал для себя, ибо обстановка требовала максимальное спокойствие и уверенность.

Командор лихорадочно кинул взгляд по сторонам. Люди с лицами, отражающими серость и безразличие на грани уныния. Бродяги, бездомные, нищие – просто люди, не выжившие в «самом справедливом мире, где правит равенство». Эстебан знал, что кого-то из людей выгнали из домов Корпорации, что на их места открывали различные торговые заведения, вроде казино, наркочлюбов, баров и борделей для извращенцев. Кто-то из идущих вокруг людей лишился жилья по решению суда. Согнали с места жительства за «агрессивное притеснение Вестников Свободы». Десятки кодексов и сотни законов, порой дублируя суть друг-друга защищали, как броня, всех тех, кто своим существованием глумился над «носителями рабской тоталитарной системы тра-

диционных ценностей». Эстебан надеялся, что у них с собой есть хоть какое-то оружие, чтобы защититься от дикарей.

– Антоний, можешь определить численность?

– Командор, не менее двух десятков справа и сотни слева.

Они следуют за нами прямо по пятам.

Неожиданный для всех залп прозвучал раскатом артиллерийского орудия. Колонна остановилась, осматриваясь, в чём дело, пока по лесам пробежало звонкое эхо выстрела. Выстрел стал знаком. Улюлюканье и безумное завывание слышалось из лесов за спиной Командора. Дикари готовились выйти на дорогу и показать всем, что есть «радикальная свобода».

– Эстебан, – схватив друга за плечо, хладно воззвал Антоний, – впереди леса чисты. За сопкой начинается город.

Командор с группой стоял прямо у подножья высокой и большой сопки, раскинувшейся на полтора километра. «Эхо войны» – звали это неприродное образование. Вал, ставший границей одного из государств былых времён. Эстебан посмотрел на пройденный путь и увидел, что ещё тысячи людей тянулись за ними. Единственная дорога, вокруг которой сжимается плотной стеной деревянный искалеченный массив. И единственный шанс.

– Антоний, бери Малика, и ведите ребят в придорожный кабак – «Кружка и кровать». Ждите с Ротмайром нас там! – Обхватив рукой, закрыв куском плаща, едва ли не всех ребят он крикнул. – Бегите отсюда!

Вокруг уже витают нотки ужаса и в сердцах людей вновь заиграли барабаны войны. Крики и возгласы людей, поражённых лесными дикарями, уже заполняли пространство, а дружинники стали отстреливаться. Рокот залпов накрывал это место.

– Будем сражаться?

– Да, Ротмайр, сейчас мы увидим, к чему приводят излишние свободы, – Эстебан подвёл руку к замку у шеи и отдал приказ. – Раздай оружие людям!

Командор отстегнул плащ, который тряпкой рухнул на землю. Довольно живые и широкие черты лица Эстебан прикрывались высоким воротником кожаного пальто, которое ложилось на кофту, покрывшую горло. Ноги укрывались крепкими штанами, похожими на стрейчевые джинсы, ухидившие под высокий сапог. В руках Командор нёс короткий клинок, а в кобуре покоился крупнокалиберный пистолет.

Внезапно к ним на дорогу повалили дикари. Раскрашенные пёстрыми безумными цветами, выбравшие под одежду самые отвратительные цветастые лохмотья они повалили гроздьями на толпу. Раздались залпы ружей и винтовок, перемешавшиеся с криками людей.

Командор вынул из кобуры пистолет и стал отстреливаться. Палец лёг на курок и при каждом вздёргивании руки, и громopodobном залпе, пуля точно пробивала тела врагов. Первые два выстрела скосили троих дикарей, вышедших на линию огня. Ещё четыре залпа унесли жизни шестерых дич-

ков. Силы пули с лихвой хватало, чтобы пробить насквозь тела фанатиков.

Завязалась жестокая бойня. Противник из леса напирает дикой орущей толпой, надавливая своей массой. Люди отбивались, чем могли. Кастеты, столовые ножи, вилки, «розы», самодельное огнестрельное оружие: всё шло в ход. Но и сумасшедшие, вооружённые примитивными ножами и топорами, не отступались.

Командор видел их лица. Размалёванные в безумном цветовом сумасшествии, искажённые в гримасе уродства, боли и отвращений, они являлись отражением покалеченных душ. Многие лики были настолько изуродованы разными «косметическими» модификациями, что в них едва ли узнавались человеческие черты. Дикари, голодные и облезлые, разодетые в цветастый сумасбродный шмот, вышли на дорогу поживиться вещами и человечиной.

Эстебан отбивался, как мог и продвигался на вершину сопки. Ротмайр раздал всё оружие и присоединился к бою. Барабан его револьвера опустел за минуту, но сумасшедших меньше не становилось. К Командору лицом к лицу подошли два фанатика. Эстебан отпрыгивает назад, уходя от удара топором и одним взмахом короткого клинка отсёк пальцы дикарю и в упор выстрелил ему в голову. Кость и мозг вылетели ошмётками, раскрасив снег «алым». Второго сумасшедшего убил Ротмайр, выпустив две пули ему в грудь.

– Обстановка хреновая! – меняя барабан, крикнул муж-

чина.

Командор ничего не ответил. Он опустошил ещё одну обойму и подводил новую. Люди вокруг него сражались как могли, но их было мало. Дикари практически смяли добровольцев-дружинников.

Ещё пара безумцев, разделавшись своими топорами с нищими, кинулась на Эстебан. Командор перехватил руку в атаке и ударил клинком в горло, мгновенно его вынув. Пока дикарь захлёбывался кровью парень ушёл от размашистых ударов и отбив ещё один пробил грудь в области сердца.

Трупов становилось всё больше. Зазвучали из леса и выстрелы трофейного огнестрела. Весь липкий мокрый снег готов был обратиться в воду от количества пролитой горячей крови. Под ногами медленно образовывалась липкая алая каша, отдающая запахами железа. Разукрашенные, серые – все трупы стелились ковром по сопке, и их, с каждой минутой, становилось только больше.

Дымящееся дуло пистолета Командора припустилось к земле. Эстебан понимал, что это неэффективно. Мужчина убрал оружие в кобуру и запустил руку под пальто, вынув оттуда уже оружие энергетическое. Это был пистолет, с кривой изогнутой ручкой, длинным стволом и батареей, напоминающей барабан револьвера. И дуло пистолета разразилось сухим треском.

Каждый луч прожигал плоть противников, выжигая им внутренние органы. Выстрел за выстрелом дикари падали с

обугленными частями тела. Заряда батареи хватало на полчаса непрерывной работы, и Командор впал в раж. Он стоял и отстреливал врага с невероятной скоростью, меняя цели. Командор уподобился человеку в тире, который с холодной методичностью и игривостью палит по мишеням.

Внезапно Эстебан запускает руку под пальто и вынул оттуда связку из четырёх гранат. Стрельба прекратилась, но это стало лишь предзнаменованием сущего ужаса. Четыре гранаты разлетелись к обочинам, где уже властвовали «дикари свободы». Страшный взрыв накрыл всех. В огненном залпе адского салюта разлетелись тела противников. Волна огня и ударной силы накрыла наплывающих фанатиков. Сектанты, неосексофилы, люди не напоминающие людей: никого не пощадила взрывная сила гранаты, накрыв поле боя лёгкой дымкой.

Враг, встретившись с жуткой мощью, поспешил ретироваться. Сотни наступавших за несколько минут боя сменились десятками спасающих своих жизней жалких безумцев. Дружинники-добровольцы всё ещё отстреливались, скашивая сумасшедших снопами, просто стреляя им в спину в спину.

– Сколько времени прошло?! – Пытаясь перекричать звон в ушах, спросил ором Командор.

Ротмайр поднял руку и заглянул в многогранный циферблат.

– Не более десяти минут.

Эстебан пришёл в себя. Он сделал шаг вперёд, намереваясь забрать свой плащ, но увидел, что тут погребён под трупами и пропитан кровью.

– Ну что ж, «Арлекин», сегодня исполнил свою роль безжалостного убийцы. Отыграл её безупречно.

В голосе Эстебан узнал Ротмайра, но ничего ему не ответил. Он лишь убрал энергетический пистолет обратно под пальто, в скрытую кобуру и продолжил путь до придорожного кабака в полнейшем молчании.

При переходе через сопку открылся один из самых прекрасных и отвратительных видов. Окружённый зимним лесом город, объятый оранжевыми лучами заката. Нет зрелища восхитительней, когда серебряные кроны деревьев утопают в лучах уходящего солнца. В это же время город Микардо представлял собой всего лишь приложение к огромным химическим заводам, что были возведены Корпорацией. Огромные, блестящие в солнце, они выхлопами и сливами отравляли окружающую среду, делая из неё вечный ужас. Похожие на блистающие монолиты с трубами они стояли на краю города, а возле них, каплей растёкся весь остальной город, собранный из зданий не выше пяти этажей.

Эстебан отвернул взгляд от города и обратил внимание на магистраль в нескольких километрах отсюда. Вычищенная от снега, из отменного асфальта дорога принадлежала Корпорации, которая возит свои товары по ней. А обычным людям надо было лишь заплатить пошлину, что бы колёса их

автомобилей могли спокойно ехать по дороге.

Но в нескольких метрах расположилось то, что для Командора было важнее всего. Небольшое, но широкое двухэтажное здание, красным обшарпанном фасадом и полуразбитым каменным крыльцом.

Дверь, сделанная из дерева, отварилась, и заведение поспешили зайти Эстебан и Ротмайр. Им на глаза тут же бросились круглые столики, с множеством стульев. За одним из них сидели ребята, с Антонием и Маликом, о чём-то интенсивно переговариваясь.

– А тут не воняет. – Заметил бывший Верховный Лорд. – В таких местах обычно смердит хуже некуда.

Эстебан не удостоил эту фразу своим комментарием. Он лишь тихо подошёл к тому месту, где все собрались, подтянул ещё два стула и сел.

– Ну, что там было? – взбудоражено спросил Малик.

– Ничего особенно, – без единой эмоции ответил Командор. – Малость постреляли.

Внезапно дверь распахнулась, и туда вошло три человека. Облачённые в различные рваные одежды, нацепив лёгкие бронежилеты, мужчины сели за соседний столик, став ждать, когда к ним подойдёт официантка.

– Ох, дружинники, не расскажите, что эта была за стрельба вдалеке? – Прозвучал вопрос от официантки.

– Война, – мрачно ответил дружинник, ставя винтовку рядом со столом. – Их было не менее двух сотен. Мы думали,

что нам будет всем конец. Они попытались снова захватить дорогу и перейти в город. Если бы не помощь незнакомца, то нас положили бы всех на дороге. Это был жуткий день.

– Малость постреляли? – с ехидной переспросил Верн у Эстебан, снова став слушать дружинника, когда тот продолжил рассказ.

– Это уже третье крупное нападение. Дикарей с каждым днём становится всё больше. И в этот раз они осмелились напасть за четыре километра до кордона. Ещё бы немного и они смели бы эту пивнуху.

– Проклятье! – выругался другой дружинник. – Почему они не грабят дорогу Корпорации? Почему они не дойдут до кордона в городе? Почему власти Микардо выкидывают этих дикарей из города в лес, а не уничтожает их на месте.

– Осторожнее будь с такими словами. – Мрачно заметил другой вольный боец, протерев пистолет.

– На дорогу Корпорации они не нападают, потому что знают, что если они это сделают, то всех их потом повышают в их же лесу или выжгут тысячами литрами напалма. А Микардо? – Бессильно прозвучал риторический вопрос. – У его власти стоят те, кто потом становится теми дикарями. Это пик их эволюции. Конец развития всех «Вестников Свободы».

– Вам повезло, что тут нет никого из «Вестников Свободы». – Скоротечно проговорила официантка, облачённая в тёплые одежды.

– Слава Богу, а то пришлось бы ужинать рядом с дерьмом. – Прозвучали слова с явным презрением.

– Так что нашему заведению делать, если они подбираются так близко? Мы не можем больше жить в страхе? Бизнес хозяйки в этом месте вот-вот рухнет и что же делать тогда нам, обычным людям? Нас никто не защитит, ибо даже все феминистские организации Микардо отказались говорить об этом с властями. Видите ли, наша хозяйка не состоит в одной организациях «Защищающих свободу женской воли и тела», да и обслуживает тут мужчин. Мы тут одни.

– Надо будет с мужиками из деревень собраться да начать отлавливать этих поскуд. Практически во всей стране нет такого ужаса, только мы живём, как во время войны. Надоело!

Наступила небольшая неловкая пауза. Все замолчали. Но всё же эту неловкость стоило прервать и официантка задала вопрос:

– А кто этот незнакомец, который вас спас?

– О, девочка, мы точно не запомнили. Я лишь помню, что рядом с ним был человек наглого образа и излишне матёрый, словно сидел в тюрьме лет десять. – Когда Ротмайр услышал эти слова, он едва не захлебнулся, попивая из фляги, продолжив слушать дружинника. – Когда нас плотно прижали. Он достал странное оружие. Его хватило, чтобы косить лесовиков пачками. А потом были гранаты. Тот парень их прогнал одними гранатами. – И вытянув руку, дружинник повернул голову и глазами встретился со всеми, кто его слу-

шал. – Проклятье, это ты! – Вскликнул мужчина, увидев человека, который разметал тех либеральных дикарей.

– Да, это я. А то «странное оружие» – энергетический пистолет. – Сухо пояснил Командор, и сам снизошёл на вопрос. – Сколько вы уже с ними воюете?

– Ах, – с усмешкой начал ответ дружинник. – Я так понимаю вы из восточных земель нашей проклятой державы. Да, там не рассказывают о нас, и вам поведаю рассказ о том, как местные «Вестники Свободы» стали племенами лесных дикарей. Именно дикари – их так все называют. Что ж, слушайте, как в свободе одичали жители Микардо.

Глава десятая. «Без души, без милосердия, ибо это Феминистида»

На следующий день. У центра Микардо.

Грузные небеса никогда не развеивались над этим городком. Они стали сутью его существования и вечным спутником, что грозным стражем завис над тысячами людьми этого не славного городка. Явившись коварным демоном из труб химических предприятий, смещённых к краям населённого пункта, отравляющий дым ядовитым смогом стелился, как и по низинам, так и устремлялся клубами в небосвод, затягивая прекрасное лазурное небо мрачной пеленой безнадёги и химической стены.

Кислотные дожди, уничтожающие всё вокруг, серый снег и масляные радужные лужи стали бесконечным проклятием Микардо, особенно когда выпадали осадки. Но вот радужные лужи больше всего веселили тех, кто маршировал под аналогичными стягами и флагами. Пророки «либерально-прогрессивных религий» принимали эти лужи не что иное, как знак свыше. В нём фанатики узрели некое одобрение от своих проклятых божеств, что «народ Либеральной Капиталистической Республики идёт верно-неизменным, курсом, который приведёт людей к истинному Свободному прогрессу и процветанию».

И нигде не было спасения от «пророков свободного мира». Везде и всюду, на каждом углу они несли свои проповеди о новом мире, где «воссияет солнце торжества Свободы и Прав человеческих». И если человек посмеет отмахнуться от «проповедника», то он тут же мог быть арестован и привлечён к ответственности по статье 123.3 Кодекса Защите Свободы – «Злостное игнорирование либеральных ценностей». Гражданина забирали в участок, на положенные сорок пять часов и там ему выписывали штраф, если не находилось более серьёзных проступков. Повторное нарушение статьи уже карается уголовным законодательством.

И тошнотворнее всего наблюдать за этими людьми, «проповедниками» приходилось тем, кто ещё тянулся к старым «тоталитарным и рабским» традиционным ценностям, в особенности Лютеру. Юноша не мог видеть «лже-проповедников», совращающих людей каждый день.

Даже сейчас они вели свою чёрную работу. Парень стоял у огромного бежевого здания, возле дороги, на котором развивался флаг Микардо – двуглавый голубь на зелёном фоне и стяг неполноценной радуги, а над всеми ними возвышается хоругвь всей страны – богиня Либертас на светло-голубом фоне. На его глаза попались трое «проповедников» ведущих на улицу проповеди о том, что есть истинная свобода и почему следует избавляться от такого явления, как супружеская верность и семья.

– Смерть традиционной семье! – взревел в праведной яро-

сти один из наглых либеральных иерофантов. – Такое объединение людей исключает Свободу, а что от неё отказывается, то есть гнилое проклятье и в корне должно искореняться! В такой семье люди не могут совокупляться с тем, кем хотят и называют отказ от сексуальной Свободы – верностью. Это маразм, а не верность, ибо это подавляет Право человека на получение удовольствия другим человеком! Но это ещё не самое страшное, что могло бы быть. Семья традиционалов это группа из одной особи мужского пола и женского. Именно этот, противный Свободе, факт один из самых жутких. Как можно говорить о правах, прогрессе, если для этих дикарей нет гендрно-семейного разнообразия?! – На грани фанатичной ярости завизжал парень в безвкусно-сиятельном балахоне. – У цивилизованных людей вступают в семьи все. Да, да, именно священное право – взять в антисемью любой предмет или существо есть высший уровень Свободы. Жизнь вдвоём, напыщенная верность друг другу и двоеполость есть заклятые враги либерального просвещения. Поэтому мы отказываем в самом праве существования такой семьи. Мы искореняем семьи вообще! Мы загоним этот пережиток варварских времён в угол и забьём до смерти!

Лютер в отвращении был готов заткнуть уши или взять нечто по тяжелее и разогнать свору в безумных балахонах. Парень, прокручивая воспоминания, понимал, что это ещё не самые ярые проповеди «либеральных пророков». «Лжепровидцы солнца безумной дурманящей свободы, которым

в руки будет возложена власть перековывать души слабых» – выразился о ком-то древний пророк Сарагон Мальтийский Чёрный Оракул. Юноша подумал, что древний философ говорил, скорее всего, об этих людях.

Дождь или снег идти не собирался, но небесная серость и пронизывающий холод говорили об обратном. Но снег был редким явлением этих мест. Скорее дурнопахнущая каша, перемешанная с водой кислотного дождя. Редко иное в зимнее время падало с небес над Микардо.

Лютер облокотился на забор, выполненный чёрными толстыми прутами, связанными между собой в единый периметр, вокруг высокого девятиэтажного здания, покрашенного в бежевые цвета. Вокруг него планировалась зелёная зона, но не одно растение не способно было прижиться в мрачной и ядовитой атмосфере. И поэтому всё заложили серой плиткой.

Парень смотрел на улицу перед собой. Что бы пройти пол ней он заплатил пошлину за «пользование недвижимым имуществом». Ещё три месяца назад улочку выкупило «Общество улиц города Микардо». Ставшее самой настоящей мелкой городской корпорацией, собранной из ещё более мелких учредительных сообществ оно подчинялось большому брату – корпорации «Чёрное Око», охватившей своими щупальцами все южные регионы страны.

Взор юноши устремился дальше, но уткнулся на серые дома, размалёванные тысячами плакатами и рекламой. Мрач-

ный и бесцветный кирпич стен спрятался, как под крепкой бронёй, за красочными и пёстрыми бумажонками, возвещающие о чём-то своём. И парень с омерзением осознавал, что посреди этих домов кроется «Приход Церкви Ароиза». Ароиз – некий святой, в глазах тех, кто собрался возле него. Главный «Вестник Свободы» на юге, награждённый орденом «Сексуально-религиозного просвещения». Самая настоящая легенда среди всех почитателей новой Свободы. Именно этот человек вёл с собой легионы сумасшедших и последователей всех возможных либеральных религиозных течений на штурм «Духа Праведности» – последнего оплота тех, кто считал все преобразования – сущим безумием. Ни государство, ни Корпорации. Никто не стал вмешиваться в этот конфликт. Естественно, перевес в живой силе и оснащении позволил добить тех, кто осмелился выразить собственное мнение и жить по «непрогрессивным законам общества тупых рабов».

Ароиз стал героем и открыл собственную «церковь», где проходили блудливые мессы и развратные службы. Суть учения этого «пророка» заключалась в полной сексуальной свободе, несмотря на возраст, гендерную ориентацию и предмет вообще. После принятия «Гранд-Федерального закона о Сексуальном Раскрепощении» был отменён всякий возраст дозволения вступления в половой акт. Истинное безумие для тех, кто жил несколько сот тому назад, но норма для «цивилизованного либерального» общества.

И сеть его собственных приходов веровала в три божества – Гедониза, воплощение безграничного удовольствия; Примиары, ставшая олицетворением безграничной похоти; и Милиро, существо, обозначающее в культе отсутствие пола. Каждому богу проводились свои службы и создавались собственные культы. И нет конца, и края для ограничений по возрасту для посещений вакханалий, и Лютер с особой тяжестью на сердце смотрел за тем, как к не святым приходам тянуться подростки и дети, активно участвуя в апофеозах разврата.

На каждой мессе проводили обряды «Отчуждения стыда». Люди и звероформированные существа находились без одежды в «храме» и читали служебные псалмы. А в конце каждой мессы проводилась оргия, чтобы доказать богам, что люди раскрепостились максимально и познали свободу в её самом желанном вкусе. И не было конца и края проклятым утехам. А самые «знаменитые» мессы проводил сам Ароиз, где всё под конец превращалась в Садом. На самой огромной оргии устроенной им, учувствовало тридцать тысяч «человек» всех профессий и практически всех возрастов. На огромном стадионе, под адскую рок-музыку, в наркотическом угаре несколько тысяч десятков человек лишились всякого стыда. После этого парламент страны наградил Ароиза орденом «Героя борьбы с традиционными ценностями», медалью «За уничтожение чувства стыда» и почётным званием «Верховный Вакханал». Но в памяти Лютера всплыл факт,

что больше пяти тысяч человек остались лежать на стадионе. У кого-то не выдержало сердце, кто-то погиб от передозировки наркотиками, захлёбываясь пеной, ну, а некоторые люди, срыгнув свои внутренности, умерли от химии. Но Ароизу никто не выдвинул обвинений, объявив погибшими «Героями борьбы прогресса с дремучей тиранией» и объявили их смерть «шагом на пути к полному освобождению», ибо всё это делалось во имя Свободы.

Лютер с отвращением относился к культу «нового Содома», как он его называл. Но открыто так выразиться не смел, ибо «полиция безнравственности» всегда держит ухо в остро и готово осудить и покарать любого, кто посмеет усомниться в законах и нормах, «несущих свободу». Юноша с усмешкой воспроизвёл шёпотом на языке слова одного из политиков: «Никто не смеет осуждать Свободу и если кто-то посмеет высказать свободное мнение против неё, то мы должны его ликвидировать, во имя Свободы!»

Внезапно послышался юношеский голос, вырвавший парня из его собственных размышлений:

– Что ты там шепчешь?

Лютер развернулся и увидел, как к нему подошёл парень, одетый в кожаный жакет, зауженные брюки и кожаные туфли. Слегка бледноватое лицо, утончённые, аристократические, черты лица, глаза, цвета изумрудной долины и смольные чёрные волосы, доходившие до шеи, были знакомы Лютеру.

– Ансуа, – края губ юноши потянулись вверх, исказившись в улыбке, – я рад тебя видеть. – Договорил парень и протянул руку в знак приветствие.

– Салют, – крепко обхватил ладонь парень, и указал другой рукой, – смотри. И к нам добрались.

Лютер обернулся и на его глаза попался форменный ужас, которого юноша ещё не видел. Облачённая в странный костюм, похожий на дырявую одежду бомжа с помойки, шла «девушка». Её лицо протыкали десятки блестящих украшений, а подо ртом были вшиты ещё одни губы. Но самое отвратное шагает возле её ног. На цепочки шёл тот, кто некогда был мужчиной или женщиной. Лицо особи сильно вытянулось, а нос хирурги расплющили и превратили в чёрную бусинку. Щёки протыкались тем, что напоминало толстые и жуткие усы. На ногах и руках врачи сломали и прокрутили суставы так, что теперь конечности стали подобны звериным конечностям. В позвонок вставили штифты и «человек» может ходить только на всех четырёх, не в силах от жуткой боли встать на две конечности, как люди. Каждый шаг давался с трудом, но сломанные и перешитые ладони и ступни под собачьи, всё же шагали по холодному асфальту, покрытому грязным снегом. Глаза врачи залили чёрной краской, чтобы сделать их беспросветными, как вся действительность. На голой коже насильно вырастили шерстяной покров, но что-то случилось не так, и вся коричневая шерсть сочилась кровавым гноем и смердела. Это есть «звероформированный»

человек (уже не-человек), выбравший для себя собачий удел.

– Ох, мадам, а кто это у вас? – решил поинтересоваться Ансуа, свершив опасную ошибку.

– Я вам, знаете ли, не мадам! – Возмущённо прошипело то, что шло к ним на встречу. – Вы знаете, что по закону вы вообще не имеете права никого называть заведомо ориентировано на гендер! У нас больше сотни гендеров и не этично употреблять в обращении один. Так вы умоляете в достоинстве остальные!

– Опаньки, – голос прозвучал так тонко и противно, что у Лютера едва не заложило уши, и парень обратил свой взгляд в сторону, наблюдая, как некий юноша, в мешковатых серых одеждах достаёт из размашистых штанин телефон, начиная снимать. – Сейчас соберём «лайкосиков». – И уже обратившись в сеть, юноша направил камеру со словами. – Ну что подписота, намечается шухер. Для всех новеньких – подписываемся, ставим «лайки»

– Простит, – театрально поникши ответил Ансуа, оглядываясь с опаской на нового участника.

– Ну ладно, я добрый средне-женский гендер, – мерзко искривив два рта, ответило существо и продолжило, слегка шипя, говорить. – А это Финтак, моя собака. Конечно, раньше это была моя подружка, но потом она стала себя ощущать собакой. Психолог ей сказал, что прорывается её истинная сущность, взывающая к Свободе, и врачи превратили Ирину в Финтака, мою собаку. – И широко улыбнувшись, «суще-

ство» с интонацией полной гордости и самолюбия, выдало фразу. – Мы стали первой парой в Микардо, где есть «звероформированный» супруг.

– Я думал, тут будет махач. Собакин сцепится с этими двумя. А тут тухляк. – Сворачивая камеру на телефоне, мерзко кинул блоггер, начиная уходить. – Пойду, найду бомжей. Может в этот раз получится их стравить.

Лютер и Ансуа устремили взгляд вслед блоггеру. «Мы пойдём на всё, чтобы заработать «лайков», мы есть новости из гражданского общества и его информационная структура, для нас нет запретов, ибо мы – блоггеры» – девиз Конфедерации Блоггеров, не выходявший из ума Лютера. Юноша каждый день становится свидетелем того, как ради «лайков» блоггеры выполняют такое безумие, лишь бы позабавить ненасытную толпу в интернете. Поджигание себя, стравливание людей, дать выпить слабительного или настоящего яду, запечатлеть смерть, не приходя на помощь – всё это есть норма, предусмотренная законами, позволяющим блоггерам зарабатывать так, как они того возжелают, «ибо этим они реализуют Свободу на получение достатка».

Тут же на них обратил внимание один из «проповедников» прогрессивного вектора, чем отогнал мрачные мысли парней о блоггерстве. Человек, натянувший на себя балахон, разукрашенный в голубой, розовый и жёлтый цвет, с капюшоном, подошёл к разговаривающим людям.

– Ох, я смотрю, тут высшее проявление всех ценностей

этого мира? – В голосе чувствовалось религиозная, фанатичная вдохновлённость. – Что ж, это хороший знак. – И обернувшись к ребятам, либеральный иерафант, с поучительным безумием начал проповедовать. – Вы знаете, что сейчас столкнулись с теми, кто несёт с собой прогресс? А гендерно-похожие на парней люди? Их зовут «Вестниками Свободы», ибо во имя утверждения ценностей прогрессивного мира готовы отказаться даже от собственного тела. Вы понимаете, что все рамки так называемого морального ограничения должны быть сожжены, ибо истинная Свобода не знает никаких рамок! – И стянув капюшон с лица, «проповедник» явил миру изуродованное заплывшее лицо, исполованное штопаными шрамами, и, шевеля перекошенными губами, человек с рвением продолжал говорить. – Посмотрите на моё лицо! Мне сделали сотни операций по превращению моего лица в звериное. Я сделал первые шаги на пути к истинному освобождению, но попал на улицу, где сейчас и возвещаю о Свободе! – И тут из отверстий, что отдалённо напоминали глаза, полились градом маслянистые слёзы. – И сегодня я вас увидел. Моё зрение слабо, но я впервые в Микардо увидел истинно тех, кто принял Свободу!

Лютер был не в силах дальше слушать этот бред. Рука парня легла на плечо Ансуа, как бы зовя отойти. Друг подчинился. Проповедник «нового мира» поспешил общаться со «зверушкой», уже не обращая никакого внимания на ребят. И только поэтому они смогли по-быстрому отойти в сторону.

Ансуй увидел, как в глазах его друга сеется иступление и лёгкое отчаяние. Друг буквально прочитал парня.

– Лютер, просто успокойся. Ты ещё должен хорошо изображать и более-менее приятно выглядеть. Или ты забыл, куда мы идём?

Юноша повернул голову в сторону бежевого здания, и его память наполнилась недавними воспоминаниями. Вчера на занятия к ним пришёл человек, представившийся работником «службы юридического просвещения». Он искал троих ребят, которые бы хотели посмотреть на самый настоящий «суд сообщества». Работник полчаса, вдохновенно и с противным упоением рассказал о том, с какой справедливостью там принимаются решения, с оглядкой на прогрессивное законодательство.

Ансуй тот, кто не любил ходить на скучные второстепенные занятия, а поэтому первый поднял руку. Второй подняла руку Амалия, потому что потом хотела пойти работать в юридическую службу Корпорации. А Лютер махнул конечностью, потому что подняла руку Амалия. Теперь им ждуть ещё минут десять пока к бежевому зданию суда подойдёт прекрасная девушка.

– Я просто не могу понять, как такое может существовать. – Подавленно ответил юноша. – Каждый день стараюсь сохранить самообладание и хладность, но не могу вынести всего, что вижу.

– Старайся к этому относиться намного проще. Корпо-

рация о нас позаботится и поставит на работу, где нет всего этого. – Положив руку на плечо Лютеру, Ансуа с лёгкой улыбкой вымолвил интересную фразу. – Пойми, в психушке, где власть захватили душевнобольные, все ненормальные становятся нормальными, а врачи, которые их лечили – злейшими врагами новой нормы. Нам просто нужно принять это и жить, не обращая внимания.

– Я стараюсь, – последовали слова, в которых витали нотки душевной усталости, но вот в тембре почувствовалось и нечто от радости. – А где наша Амалия? Что-то её долго нет, а скоро в суд.

На лице Ансуа пробежала лёгкая улыбка, сменившаяся смешком.

– Не бойся, скоро она подойдёт. Лучше постарайся отвлечься от того, что происходит вокруг.

– Когда её нет, я не могу отвлечься, – опрометчиво бросил Лютер и тут же встретился с удивлённым и замороженным взглядом своего друга, который искоса на него смотрит.

– Только смотри, не скажи такое при Джоне. Он человек впечатлительный, ещё начнёт тебя обвинять в том, что ты ущемляешь возможности однополой любви и стуканёт куда нужно.

– Только не они. – С дрожью кинул друг и указал на улицу.

По улице возле суда шли две девушки. С виду это были явно женщины, а не переделанные под них мужчины. Первая имела довольно размашистые черты лица, с фиолетовы-

ми волосами, а вторая вся утончённая с зелёной расцветкой растительности на голове. Каждая надела на себя чёрные сапоги, уходящие под военные штаны. Торс покрывала пиксельная куртка, защищённая тонким бронежилетом, а на рукавах накрепко пришита нашивка – знак феминизма, только вот оканчивался он не кулаком, а наточенным клинком.

Никто не задумывался, кто это, ибо все понимали, что это «Феминистский Патруль». Общественные движение добились того, чтобы женщины, считающие себя угнетёнными, взяли в руки оружие и стали патрулировать улицы, «дабы во имя Свободы и прав гендеров женского типа, оградить всех угнетаемых от произвола и сексизма со стороны гендера мужского, смешенного, среднего и неопределённого вида». Мужчины пытались свой патруль организовать, но это назвали «покушением на права и Свободы женско-ориентированных гендеров, ибо мужско-ориентированные гендеры начнут проявлять активный сексизм, а значит, не смеет быть исполненным».

– Проклятье, – выругался Ансуа, – только нам их не хватало.

Лютер знал, чем может грозить встреча с этими дамами и поэтому опустил голову к земле, пытаясь показаться для них незаметным.

– Ах, кто это у нас?! – завопила девушка из Фем. Патруля с размашистым лицом и широким тучным телом. – Очередные угнетатели ждут жертв?

– Не понимаем, в чём дело? – попытался отмазаться Ансуа.

– Мы патрулируем улицы, чтобы чистить их от таких мразей, как вы. А дело в том, что вы попались на нашем пути. Ни один мужчина не уйдёт от нас безнаказанным.

– Мы ничего не нарушили.

– Вы нарушаете наши права самим своим существованием! – на пике наглости и срыва заявила женщина и с ярким гневом воспалила. – Существование мужчин является гипотетической угрозой для наших Свобод! Ибо только наследники дней минувшего патриархата способны угнетать все женско-ориентированные гендеры. Вы и есть нарушение нашей великой Свободы.

– Что мы нарушили по статье закона? – в упреждение кинул Ансуа. – Вам не за что нас привлечь, поэтому, прошу, оставьте свою мизандрию, ибо нас ждёт судебный процесс.

В пламенных очах радикальных феминисток Лютер увидел только бессильную злобу. У патруля не было полномочий их задерживать и даже пресекать «нежелательные для развитого либерализма» мысли. Две женщины ничего не могли сделать и только тёрли перчатками резиновые дубинки с такой силой, что слышался скрип резины. Неожиданно одна наклонилась и полушёпотом кинула фразу, от которой на душе стало страшно:

– Запомните, сволочи, настанет день, когда вы ошибётесь. Один недвусмысленный взгляд на женско-ориентированный

гендер и мы будем рядом. Поверьте, мы ещё дадим вам отве-
дать нашего гнева.

После этих слов, исполненных злобой, Фем. Патруль
фыркнул и ушёл прочь в поисках жертвы.

– Как тут жить, если тебя донимают каждый день сума-
шедшие? – Лирически полился голос Лютера. – Каждый час
они заявляют о собственной нормальности, но это безумие.

– Будь тише. – Голос друга неестественно задрожал, вы-
давая страх. – Пожалуйста, следи за своими мыслями.

Но Лютеру больше не понадобилось следить за своим
мыслительным потоком, ибо все его мысли были направле-
ны на другое. Взгляд юноши коснулся фигуры, что постепен-
но приближался. Это была миниатюрная девушка, рост ко-
торой был довольно невысок. Но красота этой девушки, её
совершенство, – выше всяких похвал. Если бы она попалась
на глаза Фем. Патрулю, то ей бы вынесли выговор, за «со-
здание слишком женственного образа, способный оскорбить
чувства феменистично-бодипозитивных движений и кото-
рый вызывает у мужчин естественно-традиционные желания
и воззрения, опровергаемые Новой Доктриной, а значит, и
противоречащие курсу идеальной Свободы от старых пред-
рассудков». Парень всегда воздавал хвалу всевышнему, за
то, что прекрасная особа никогда не попадалась Фем. Пат-
рулю.

Даже одежда прекрасной девушки могла обидеть тех, кто
«во имя свободного выбора» уходил в культы «почитания

естества» и «славы уродств» или бодипозитивные движения, ибо, как сказано в одном законе «одежда, сугубо гендерно-ореинтированная или прославляющая естественную красоту нежелательна для повседневного ношения, ибо это может оскорбить чувства многих граждан». А одеяния были довольно неказисты. Это женская коричневая кожаная куртка, ложившаяся на светлую рубашку, обтягивающие джинсы синего окраса и аккуратные туфли.

Как только дама приблизилась, парень смог разглядеть её черты более подробно. Довольно милостивый лик внушал в сердце чувство трепета, накрашенные насыщенно алой помадой губы, слегка припудренные щёки, придававшие коже лёгкий оттенок безжизненности, чем только повышали градус загадочности и красоты. Её светло-серые очи так и светились внутренним светом, излучавшим только чистоту и счастье. Молочно-шоколадные волосы, подобные шёлку, аккуратно ложились на плечи.

– Здравствуй, Амалия! – Кинул Ансуа.

У Лютера на губы готова выползти улыбка, но он её сдерживает изо всех сил, дабы не походить на сумасшедших, что бродят возле него. Душа так и просила выплеснуть свои чувства, но самоконтроль для парня был превыше всего, ибо одним своим словом он мог породить цепочку бесповоротных и роковых событий.

– Привет. – Высказал с тяжестью Лютер и потянулся дружелюбно обнять девушку, но тут, же поспешил отпрянуть

и ограничился тем, что по-дружески положил руку на хрупкое плечо.

Амалия, Ансуа, да и сам Лютер понимали, чем может грозить проявление «традиционно-ориентированных неприемлемых для Свободы чувств между гендерами». Это могли быть штрафы, а то и тюремное заключение. В обществе, где прилюдное совокупление было разрешено под знаменем Свободы, было запрещено вольно показывать любовь между девушкой и парнем.

– Это абсурд! – Шепча, крикнул Лютер, убирая с плеча руку.

Злоба и негодование брали верх в душе парня, и ему всё тяжелее становилось удерживать собственные мысли в узде, но здравомыслие брало верх и каждый подобный, раз парень мог успокоиться.

– Сколько времени осталось?

– Пять минут, Ансуа. – Ответила Амалия. – Пойдём?

Ребята развернулись к воротам и прошли на территорию суда. Бежевое здание, ставшее прибежищем для трёх ветвей судебной власти, возвещало о несокрушимости либерального правосудия своим монометаллизмом. Двенадцать этажей холодного правосудия, где велась непрерывная работа по установлению «либеральной фундаментальной истины».

Двести метров в каждую сторону от постройки лежала лишь безжизненная плитка, через которую никогда не одна травинка не прорвалась. Серое, каменное одеяло покры-

ло всё вокруг суда, став предвестником, говорившим лучше всякого слова, что есть суть правосудия, которое выходит из этих стен.

Здание суда имело только один вход и выход. Огромные массивные ворота, выплавленные из чугуна так и пугали всяк сюда входящего своей грозностью и устрашали правонарушителя. Не было такого человека, которому удастся открыть эти массивные ворота.

Лютер, дабы проявить инициативу и смелость перед Амалией, подошёл к чугунному монолиту. Костяшки парня коснулись металла несколько раз. Стук по двери вызвал устрашающий гул, прозвучавший подобно роковой песни. Тут же послышался скрип, и массивные ворота попятились назад.

– Заходим, – не слышимо из-за гула дверей вымолвил Ансуа и зашагал вперёд.

Перейдя порог здания, ребята попали в просторное, но серое помещение. У стен стояли только места для сидения. Стулья и ряды стульев выгляди довольно невзрачно и жутковато: подгнившие и заржавелые детали, погнутые ножки или вывернутые ручки. А сами стенки облачились в сеть залатанных трещин. Свет исходил только от помрачневших и выгоревших ламп, что на последнем издыхании светились вверх.

У обычной двери из этого помещения, ведущей вглубь суда, стоял пост охраны. Ребятам на глаза попались: грязный стол с одним охранником, стопки бумаг и... всё. Тут больше

ничего не служил для охраны суда.

– Стоять! – Крикнул охранник, в одеяниях цвета охры. – Куда идём?

Амалия прокашлялась и выдала ответ милым голосом:

– На заседание Муниципального Суда Сообществ номер ноль-три-пять-шесть-восемь-три.

Охранник залез в стопку бумаг и что-то там нашёл. Прочитав текст на рваном клочке бумаги, и присмотревшись к лицам, он сонно кинул:

– Хорошо, проходите вовнутрь. Вам нужно будет подняться на девятый этаж в кабинет, номер сто два.

Удивление и усмешка взяли верх в душах ребят. Они не могли поверить в то, что вся охрана суда сводилась к одному охраннику. И вся его защита зависит от охраны, похожей на строгую вахтёршу у входа в общежитие.

Ребята прошли в обшарпанные коридоры. Стены укрылись в ковёр из сырой и влажной заплесневевшей извёстки. Всё нанесение стен покрылось в бесконечную сеть из трещин и дыр. Где-то на прогнившем деревянном полу, укутанном в вонючий и почерневший ленолиум валялись куски бетона, отломившиеся от стен.

Повсюду бегали и суетились люди. Одетые в чёрные потёртые дырявые мантии судьи бегали из кабинета в кабинет. Судебные клерки и служители закона, в потрёпанной одежде с небрежным видом постоянно ходили по коридорам. У подростков складывалось впечатление, что тут не суд, а обще-

жизние для несостоявшихся в жизни людей: нищих и бедных.

– Что это? – в голосе Амалии чувствовались нотки удивления, смешиваемые с её бесконечным тембром невинности.

– Это суть государственных судов и его судопроизводства, – поучительно ответил знающий всё Ансуа. – Или вы не читали всего законодательства про суды?

– Нет. – Тяжело ответил Лютер, стараясь идти возле Амалии.

– Вся суть этих законов сводится к тому, что «разбирательство дел государственными судами должно быть полностью открыто для всех, ибо это повышает индекс демократии в обществе». Поэтому мы на посту встретили только одного охранника.

– А что же со всем этим? – недовольно кинул Лютер, проведя рукой вокруг, указывая на окружение, похожее на внутренности руин. – Тоже политика «открытости государственных учреждений»?

– Нет, мой друг. Из-за того, что парламент и правительство ведут конфедерально-федеральную политику. Это значит, что каждый регион сам о себе заботится. Вот финансирование региональных судов и полетело к чёрту. – Пытаясь сойти на некий пафос, ответил парень, открыв помятую металлическую дверь, пропуская своих друзей на лестницу.

Подошва обуви Лютера коснулась ступеньки, от которой сразу же отломился кусок бетона. Все края ступеней кончались обломанными кусками. Разворошённый и разбитый вид

лестницы повергал в сущий шок, словно это здание стояло заброшенным вот уже лет пять. Но вся ирония свободного мира сводилась к тому, что в нём работают и живут порой тысячи человек.

Тут же возле них прошёл человек, облачённый в судейскую мантию. Он тащил за собой мешок, на котором большими буквами виднелось: «Бетон. 50 килограмм». Судья волок его по ступеням, и уши Лютера слышали лёгкий хруст и стон ступеней, как будто они вот-вот сломаются под весом мешка.

Внезапно ребятам стало жалко судью, который обязан волочить наверх тяжеленный мешок, из-за того, что регион по закону должен финансово и материально поддерживать тех, кто именовался «Вестниками Свободы». Больше сотни «свободных» гендеров, звероформированные люди, легализованные педафилы, капрофилы и прочие «свободолюбцы» прожирают бюджет региона на восемьдесят процентов, оставляя всех остальных без денег. Пожилые люди, инвалиды всех групп, малоимущие, смертельно больные и ещё множество людей было обречено на долгую и мучительную смерть, если не причислялись к проклинаемым «Вестникам Свободу» – единственно и истинно привилегированному неосословию. Ибо, как сказано в Гранд-Федеральном законе, о «Поддержке Вестников Свободы» – «только те, кто несёт саму Свободу в себе, должен быть социально защищён и обеспечен из бюджета, так как это несёт в себе фундамент для развития

самой Свободы».

Лютера, при виде всего этого, брало жуткое негодование. Парень просто не мог понять того, как люди могут так жить. Во имя «Прав и Свобод» каждый день вынуждены влечить жалкое существование миллионы человек. Воспитание отца, концепция которого заключалась в справедливости, взаимопомощи и всеми ненавистных старых традиционных ценностях и архаичных воззрениях на мир. Очень трудно жить в этом мире с такими идеалами в сердце.

Путь привёл ребят на девятый этаж. По мере подъёма, лестница становилась всё ухоженнее, а стены вокруг переставали красоваться паутиной жутких трещин и ковром из мха и плесени. Однокурсники отворили приличную пластиковую дверь, и перед ними открылся совершенно иной мир, поражающий своим великолепием и яркостью красок. Стены, отделанные дорогой голубой известью, изобиловавшие яркими картинками и плакатами с инструкциями. На полу стелился недешёвый паркет, буквально сверкающий от того, что его начистили тряпками. Местным светилом представлялась роскошная и богатая люстра, сиявшая десятками гроздьями хрустальных огранённых камней. Двери кабинетов так и красовались своей дороговизной и помпезностью. Повсюду расхаживали люди, облачённые в дорогостоящие одежды или безумные одеяния, мало похожие на настоящее облачение. Суды Сообществ и Корпораций содержались в строгом порядке и роскошном убранстве, дабы доказать превосход-

ство всего частного над государственным.

Внезапно возле них остановился странный, по виду, мужчина. Небритая щетина и грубое лицо выдали его. Но вот одежда... возмутила Лютера, но не поразила. Длинное платье чёрного цвета, с глубоким декольте, туфли на шпильках и шляпа с перьями. Вся эта безвкусица и безумие резали глаз парня, но он вынужден был сглотнуть и терпеть присутствие этого существа.

«Мужчина» оглядел мутными глазами ребят и раскрыл накрашенные губы:

– А вы в кабинет ноль-три-пять-шесть-восемь-три? – Неимоверно противным корявым и писклявым голосом прозвучал вопрос.

– Да. – Кинул Ансуа, претерпевая акустический шок.

– Тогда за мной. Я юристка на этом заседании.

Никто более не стал вступать в споры с этим человеком. Все продолжили путь и зашли в зал судебного заседания.

Но им преградил путь частный пристав. Он тут же попросил список допустимых «слушателей» на дело. Все знали, что правосудие, отправляемое судами Сообществ и Корпораций, имеет закрытый характер и просто так на него попасть нельзя, ибо «Во имя Прав и Свобод частных лиц, следует ограничить ко всей их деятельности общественный и государственный надзор, так как это противоречит праву иметь тайны и сохранять неприкосновенность частной жизни и деятельности». Затем пристав проверил их с помощью

металлодетектора и только потом, убедившись, что все процедуры соблюдены, пропустил всех в зал судебного заседания.

Как только Лютер переступил порог, ему тут же на глаза попался плакат-лозунг, висящий над местом судьи. «Без души, без милосердия, ибо это Феминистида». Парень в душе мрачно усмехнулся от осознания того, что своры феминисток добрались и до судов. Юноша вспомнил уроки истории, где рассказывали, что во время становления нового государства «Объединённая Конфедерация Феминисток» с требовательностью, достойной ярых и безмозглых фанатиков, просили переделать судебную систему под нужды «свободно мыслящих женщин». И первое, что они перекроили, это имя правосудия. Богиня Фемида, сменилась на «Каряющее божество, приносящее боль и унижение угнетателям разного рода – Феминистиду». Потом в судебную систему вторглись легионы ЛГБТПАиПНА и перепрошили её уже на свой лад и манер, сделав Феминистиду богиней, «покровительствующей бесконечной толерантности и искореняющей дискриминацию». Для залов судебного заседания даже придумали новый лозунг, который сейчас созерцал. Он означал, что всё правосудие в Либеральной Капиталистической Республике должно быть максимально жестоким и болезненным, для тех, кто выступает против нового сословия «Вестников Свободы».

Ребята прошли в зал судебного заседания и поспешили за-

нять свои места. Лютер стал всматриваться в детали. Обычное помещение, устроенное по всем известным правилам. Только место, где сидел судья, было на одном уровне со всеми, ибо так подчёркивали равенство всех сторон. На стене, в нужном месте не висело герба государства, лишь флаг неполноценной радуги. Клетка была обустроена удобным диваном, дабы «подсудимый мог пользоваться максимально допустимым правом на отдых». Ленолиум под ногами буквально отсвечивал ярким светом ламп.

– Всем встать. – Прозвучали столь знакомые слова от частного пристава.

В зал зашёл судья, и проследовали все участники процесса. Первым шагнул тот, от кого зависели судьбы людей. Пиджак безумной раскраски, где ядовито-зелёный, ярко-розовый и чёрный переплелись в цветовой фантазмагории абсурда, режущей глаз. Длинная седая борода, покрытой блёстками, морщинистое лицо, усеянное десятком побрякушек от пирсинга, и красные коротко подстрижены волосы выдавали в нём человека похожего на мужчину. Но вот капроновые колготки и высокие розоватые туфли с каблуками и толстыми ботфортами повергали в эстетический диссонанс. Рядом с ним шёл «юристка», вместе с женщиной без волос, и одетой в грубую серую рабочую одежду, с высокими берцами на ногах. За ними, в конце всей колонны вошёл мужчина. Да, это точно парень. Аккуратно выбритое лицо, приятный на цвет пиджак, нормальные брюки и чёрные остроносые кожаные

туфли. Из странного, мужчина только опирался на трость, и сильно хромал, переставляя ноги.

Все заняли свои места. «Юристка» с женщиной сели на места обвинения, а мужчина занял место обвиняемого в клетке.

Накрашенные зелёной помадой губы судьи разверзлись, пудра, подобно штукатурке, слетела с губ на стол, и была произнесена фраза тонким противным голосом:

– Заседание самого справедливого и равноправного суда сообществ по муниципалитетам объявляется открытым. – После этих слов все поспешили присесть, а судья продолжал говорить. – Слушается дело, гражданки Мелисы Ирпа и гражданина...

– После того, что эта скотина позволила себе сделать, он больше не гражданин! – Басом взревела лысая девушка, обрывая судью.

– Тише, гражданка, суд во всём разберётся. Так, ах да... гражданина Квинта Маркуса. – Судья обратился к сторонам, с уже привычной официальной репликой. – Стороны, свободный суд вас уведомляет о том, что за нарушение достоверности показаний, вы будете привлечены к ответственности. Вам ясно.

Все ответили согласием, а судья вновь обратился к участникам и отсутствие юридической языковой техники ничуть не пугало собравшихся, ибо все знали, что «Во имя обеспечения права населения на участие в отправлении правосу-

дия, каждый гражданин мог занять должность судьи, если пройдёт специальные месячные курсы».

– Сторона обвинения, что вы можете сказать по существу дела?

– Ваша честь, – встал «юристка», – моя клиентка обвиняет подозреваемого в злостных визуальных и тактильных домогательствах. – В голосе «юристки» звучали наглость и вызов. – Частые недвусмысленные взгляды, притрагивания. Эти факты указывают на нарушение Свободы и Права всякой возможной неприкосновенности женщин. Как мы знаем, исходя из Феминистского Кодекса, статьи говорившей о визуально-тактических домогательствах – «если женщина почитает, что к ней проявляли визуально-тактические домогательства, значит, с большей долей вероятности, так и есть».

– Что ответит защита. – Потребовал суд.

Мужчина слегка помял галстук, прокашлялся и только тогда заговорил:

– Ваша честь, дело в том, что у меня в компании должность оперативного врача. Моя обязанность это проводить осмотр работников. Это был обычный осмотр и больше ничего. Я, как обычно, надел одноразовые перчатки и попросил оголить спину. После чего я провёл осмотр кожных покровов и сказал ей повернуться и тут посмотрел на её лицо. А она, – в голосе врача послышалось нарастающее возмущение, – взяла медицинские ножницы у меня со стола и вонзила прямо в колено, выбежав с криками «насилуют».

– Да ты меня хотел! – Безумно вспыхнула лысая девушка, как ненормальная, вздёргнув руками и продолжая орать. – Признайся! Ты меня хотел! Я видела, как ты смотрел на меня! А эти ощупывания! Я до сих пор помню твои липкие пальцы, мерзкая ты гнида!

– Вздор! – Воспротивился мужчина. – Это был обычный осмотр!

– Тишина в зале суда! – Застучав молотком, будто это кувалда, приказал судья, и тут же перешёл на более низкие тона. – У стороны обвинения есть доказательства или улики?

– Конечно! – Вскрикнул «юристка» и подбежал к телевизору, активировав пару кнопок, включил его. – Вот смотрите!

На экране замерцали изображения с мед. осмотра. Как врач прикасается и осматривает работника бригады, и там, где она должна схватить ножницы, запись странно оборвалась...

– Вы всё видели, ваша честь. Он прикасался к ней, без её согласия. – Радостно заявил «юристка», улыбнувшись так, что аж помада потрескалась. – Если бы он проводил осмотр, то дал на подпись специальную справку, «о согласии» и неважно, что устав компании принуждает проходить осмотр без справки. Ваша честь, мы требуем для подсудимого штрафа и тюремного заключения.

– Вздор, это был лишь осмотр. – Бессильно и на пике отчаяния кинул врач, явно осознавая свою беспомощность и

абсурдность положения.

– Ваша честь, – змеино-язвительно начал «юристка», – вы же знаете, что если при видимых или косвенных доказательствах процесс завершается не в пользу женско-ориентированного гендера, то согласно нашему антисексистскому и противопатриархальному законодательству, к разбирательству привлекаются «Феменистские Юридические Службы», в том числе и надзор. Вы же знаете, что грозит судьям вашего статуса, если с ними связаться...

Судья тут же схватил молоток и стал стучать, исторгая противно звучащую речь:

– Процесс завершён в пользу обвинения! И все их требования удовлетворены! Приговор привести в исполнение немедленно!

Пристав, как подорванный пёс, заломил врача и вывел его из зала под безумное улюлюканье женщин.

– Вот и ещё одно дело выиграно мною. Ещё один шаг проделан в сторону равноправия и свободы женщин от тирании мужчин! – Радостно воскликнул «юристка».

Лютер находился в прострации. Он смог только машинально подняться с места. «Без души, без милосердия, ибо это Феминистиды!» – Напоследок кинул «юристка». Амалия и Ансуа пихнули Лютера, чтобы он очнулся и вместе с ними поспешил на выход. «Цирк или суд? Что это было?» – крутилось в разуме Лютера Калгара, пока он шёл к выходу.

Глава одиннадцатая.

Суть федерально- конфедеральной политики

Этим временем. «Центр Свободы».

За окном идёт дождь. Грузные серые облака были настолько тяжелы и беспросветны, что тень и мрачность самой ночи вечно торжествуют в этом чёрном углу мира. Каждый день над проклятым местом был подобен сотням предыдущих: серость и грузность облаков. Смог и тонны дыма, выбрасываемые из фабрик и заводов вокруг столицы «Либерального Королевства», образуют над небесной твердью непроницаемую для солнца толстую коросту из ядовитых облаков, отравляющих всё вокруг.

Дожди стали постоянным явлением для этих проклятых Свободой мест. Но разве были ли это обычные небесные слёзы? Каждая капля небесной влаги пропитывается чуть ли не всей таблицей Менделеева. Похожие на радужные самоцветы они густым масляным покровом усеивают улицы столицы, заливая всё дурно пахнущей и отравляющей жидкостью.

Сточные трубы и устройства канализации под городом сливали всё в окрестности, отчего пространство, вокруг сто-

лицы, становилось похоже на сущий фильм ужасов. Опустошённые серые луга, чёрный грязный снег, слетающийся в отравленные сугробы, ужасающие деревья и сотни тысяч мутантов: всё это стало бесконечным атрибутом окрестностей «Центра Свободы».

Водоочистительные системы не справлялись с таким напором нечистот, и временами в водоснабжение города попадала какая-нибудь страшная зараза, в виде мутировавшего паразита или химического яда.

Канализации «самого благополучного и свободного города» блистали всей своей фэнтезийностью и мрачной фантастикой, ибо там могли встретиться самые причудливые формы жизни. Самые знаменитые цирки уродцев становились комнатами детских забав по сравнению с канализацией. Трехглавый паук, диаметром в метр; шестиглазые кошки, с четырьмя хвостами; сообщества крыс, выросших до полутора метров в длину, черви, длинной с анаконду: эти и ещё тысячи самых отвратных фантастических тварей водилось под ногами «Вестников Свободы».

Самое примечательное, что могло случиться – в канализации жили тысячи людей. Кто-то не пожелал мириться с новым порядком, кто-то не способен банально поддержать своё существование в новом мире, ну некоторые опустили под землю, дабы вконец освободиться от всех законов и правил. И каждый божий день этим людям приходилось встречаться с ужасами мутаций и отравленной среды. Клань бандитов,

коммуны несогласных, племена дикарей и орды нищих: все они вынуждены сражаться с теми монстрами, что рождаются в химической фантазмагии элементов.

Наверху – самые высокие технологии, мир, где компьютеры и автоматические системы управляют сферой услуг, полнейшая автоматизация, погружение в разврат и декадентство, лень и похоть на каждом шагу. Внизу – смерть на каждом шагу, боль, мрак, каждый день столкновение с тварями, о которых даже самые смелые фантасты помыслить боялись, нетерпение слабостей, ибо они становились причиной моментальной гибели.

Наверху – плотский рай, каждый день в котором люди предаются такому разврату, что старый Содом кажется детским садом. Внизу – самый настоящий ад, в котором способны выжить самые стойкие и хладнокровные.

Два мира существовало рядом друг с другом, дышали друг другу в спину, но не касались друг друга. Рядом, по сути, на расстоянии ювелирной алмазной грани, но так далеко, словно это два разных мира, которым уже никогда не суждено встретиться и посмотреть друг другу в глаза и понять суть промышленного растреления, рождающего страдания.

Эрнест пристально наблюдает из своей комнаты за канализационным люком. Он всё это время думал о тех, кто сейчас под его ногами. О тех, кто словно нищие гномы – существуют под землёй и сражаются с ужасами подземелий.

Мужчина посмотрел на облака, кинувшие на город бес-

просветный ночной мрак. Он не понимал, как ради тысячечкратных прибылей можно губить природу, но это не за-прещалось. Гранд-федеральный закон «Приоритет рыночного производства» позволял капиталистам буквально плевать на природу. По закону – уничтожение природы есть путь к полному становлению рыночной свободы, инициативности предпринимательства и развитию производства. Действительно, рынки были завалены промышленными товарами, но цена их страшна – уничтоженные гектары живого леса, выжженные химией изумрудные луга, отравленные реки, где вода стала похожа на мазут. Но никто не говорил, что нельзя заработать на озеленении. Так появились компании по «Обращению вспять промышленного проклятья». В карманы буржуа потекли бурные реки денег, а природа приобретала первозданный вид, чтобы потом вновь стать серым пеплом. Сплетясь в единую систему, всё замкнулось в финансовый круг: смерть экологии – её выздоровление – снова смерть и вновь её исцеления. Современные технологии позволили замкнуть этот порочный круг, ставший источником бесконечных прибылей.

Эрнест естественно возмущался этому, но ничего поделать не мог. Он и сам должен был отстаивать интересы своей Корпорации на «Форуме Свободы». За всё, то время, что он проработал, его мышление окончательно потеряло всякую надежду на исправление людей и обращение всех механизмов «Свободы» вспять.

Они принимали новые нормативно-правовые акты целыми стопками. Поправки в законы, новые распоряжения, постановления и сами законы выходили как из конвейера. Комитет по юридической переработке действовал практически без отдыха всегда захламлялся тоннами бумаги. Но вся суть бумажек сводилась к одной линии – беспрецедентное укрепление позиций Корпораций и общественных движений, над которыми властвовал Культ Конституции. Государство превращалось в обычную площадку по обслуживанию интересов всех сторон. В очень слабую и ничтожную площадку, что Корпорации и Культ порой брали управление на местах в свои руки, диктуя беспомощной власти необходимый порядок действий, выгодный только Бог знает кому.

Эрнест продолжал стоять у окна комнаты и всматриваться в дождь. В руках он держит кружку чая, над которой парили клубы дыма. Левую руку мужчина убрал в карман чёрных официальных брюк. На светло-голубой рубашке стояло несколько тёмных пятен. Они образовались, когда всё-таки чай пересекал черту и падал гроздьями капель на ткань.

Мужчина старался не выходить за пределы гостиницы, в которой Корпорация селила своих представителей, ибо за её порогом начинался ад для депутата. Эрнест не мог стерпеть всего того, что творилось за дверьми, его душу и нутро просто выворачивало при виде «Вестников Свободы», которые здесь в переизбытке.

Внезапно дверь скрипнула, и мужчина обернулся, мель-

ком вновь приняв черты одноместного номера.

На пороге стояла девушка невысокого роста, с глазами цвета топаза, прекрасно вписывающиеся в утончённое лицо. Выравненные тёмные волосы аккуратно уходили за спину. Теперь на даме был не строгий костюм, а прекрасное вечернее алое платье. В руках у девушки расположилась небольшая папка.

– Эбигейл, – в голосе Эрнеста проскользнули нотки радостного ликования, – не стой в дверях.

Девушка поспешила пройти. За последние дни общения она заметила изменения в характере своего напарника. На его губах стала чаще появляться улыбка, во взгляде пропали оттенки скорби и голос перестал быть подавленным. Парень, который не отличался праздностью, теперь иногда шутил и стал вообще улыбаться. Наедине он часто говорит, что ненавидит этот проклятый город, но всё же прошлая мрачность стала постепенно отступать.

Эбигейл прошла к единственному креслу в углу и устроилась в нём. Она аккуратно присела в роскошную мебель и тут мужчина слегка усмехнулся:

– А это кресло тебе подходит.

Глаза девушки бросились разглядывать расцветку мебели, и тут она поняла, что кресло, и её платье – насыщенного алого цвета. Губы гостью слегка шевельнулись, разойдясь в улыбке.

Эрнест присел на кровати, заправленной белыми покры-

валами, и уставился на девушку.

– Как ты? – спросила Эбигейл. – Мне показалось, что на сегодняшнем заседании тебе стало нехорошо.

– Тебе не показалось. – С тяжестью последовал ответ. – Я не мог слушать, как инициатива от парламентского «комитета секс-просвещения» нашла отклики. Даже не думал, что теперь собираются «просвещать» детей с младенческого возраста. Та сволочь, которая выступала, это всё аргументировала «Свободой» и необходимостью раннего просвещения.

– Успокойся. Они и до этого делали подобное. Теперь решили к этому напечатать закон.

– А феминистки его и ещё и поддержали. Сказали, что это «повысит шанс на воспитание не-секстсткой личности».

– Эрнест, – на выдохе заговорила девушка, – я тебя понимаю. Первые дни мне тоже было тяжело, но к этому надо привыкнуть. Заседания только набирают оборот, и дальше будет хуже. Наше дело – обеспечение интересов Корпорации.

– Не знаю, как детей могут этому учить.

– Их давно этому учат, – обрывистым слегка грубоватым голосом зазвучали слова девушки, – пойми, Эрнест. Эти законы и правила существуют давно. Многие из них просто копируют друг друга. Но отличий фактических нет.

– Почему тогда старые законы не отменяют? При работе в Восточной Бюрократии мы пользовались только указаниями «Узлов». Их тысячи, но не один не противоречит другому.

– Какой ты наивный, – игриво бросила девушка. – Если хоть один закон, затрагивающий любой из принципов той «Свободы» попытаются отменить, то тут же, поднимутся десятки тысяч сообществ и движений и начнут такой вой. Эрнест, это будет страшный сон.

– Понятно.

– Ты должен постигнуть. Государство со всеми его органами власти – слабо и ничтожно. Как только ты поймёшь это, тебе станет проще.

– Эбигейл, я жил и работал последний год в Восточной Бюрократии. Наверное, это один из последних районов, где всё ещё власть что-то может сделать.

– Я была везде и знаю точно. Восточная Бюрократия последний такой регион... точнее кажется таковым. Все остальные сдались перед напором тех, кого ты больше всего ненавидишь и даже Восточная Бюрократия, несмотря на видимость, уже порабощена ими.

Эрнест призадумался. Пространство вокруг него сжимали стены, выкрашенные в серый безликий цвет. Обычная для гостиниц мебель: шкаф, стулья и стол отличались своей роскошью, но всё это выглядело отвратительным, ибо за то, чтобы жить в достатке мужчина заплатил собственными идеями.

От осознания этого факта пальцы мужчины сжались, подмяв под собой покрывало.

– Чем ты так взволнован? – Заметив гневное возмущение,

вопросила Эбигейл. – Скажи, чем?

– Своей продажностью. Всё то, во что я верил, осталось на том замороженном куске земли.

– Эрнест, в нашем мире рынка и торговли даже души, и идеалы становятся товарами. Достаточно просто дать нужную цену за них, и они обращаются в удобную валюту. Для мира-рынка всё есть товар, независимо от происхождения.

Мужчина тяжело выдохнул. В его глазах вновь заиграла нарастающая усталость и уныние. Но он решил его отогнать диалогом.

– Эбигейл, расскажи мне о других регионах государства, если можно. Мне хоть нужно узнавать о стране, где живу и работаю не на её благо.

Девушка мрачно улыбнулась и поелозила в кресле, более удобно устроившись в кресле, и дала ответ:

– Хорошо.

– Расскажи сначала о «Центре Свободы».

– Как ты знаешь, это Федеральная Столица, со столичным городом – Вангиард. Его построили компании Корпораций и Культ Конституции на заре эры «либеральной стабильности». – Девушка слегка закатила глаза, явно копошась в памяти, вспоминая что-то. – Это случилось, наверное, лет пятьдесят назад. Именно тут как никогда сильнее Культ Конституции и слабо государство. По факту, его тут практически нет. Город и множественные окрестности существуют в виде огромного мегаллаполиса, а по окраинам Корпорация

раскидала промышленные мощности. В мегаллаполисе живёт больше шестидесяти миллионов человек.

– Это вместе со «звероформированными»? – Презрительно прозвучали слова Эрнеста, так же хладно смотревшего в очи девушки.

– Да, вместе с ними. Всё пространство возле столицы посвящено только тому, что зовётся «Культурой Вестников Свободы». Бесконечные бордели с животными, насекомыми, андроидами и неживыми предметами. Наркопритоны, алкопритоны и химические вертепы для токсикоманов стали обыденным явлением. – Лицо дамы исказилось в сильнейшем отвращении, а голос выдавал ярую неприязнь. – Театры, где пляшут люди без одежды, и ставится полнейшая безвкусица. Картины, нарисованные... дерьмом и мужским семенем. Безумные пляски под убогую музыку. Все развлекаются, ну, то есть «реализуют своё естественное Право на получение удовольствия» как могут. И каждый день гибнут тысячи от передозировки. – Эбигейл выдохнула, взяла пару секунд молчания, и сложила руки на груди. – «Центром свободы» этот регион назвали по двум причинам. Во-первых, тут нет и эфемерной последней грани стыда. Все делают что хотят, если то не запрещено. Ты не видел, как тут проходят постоянные антисемейные марши или шествия ЛГБТПАиП-НА. Несуразная одежда и вечные оргии лишь прелюдия к тому безумию, что здесь творится. Я даже не хочу об этом говорить.

– Я не буду тебя заставлять. А что по второй причине?

– Дело в том, что сюда попадают только те, кто имеют особый «статус свободы» из зарегистрированных «Вестников Свободы». Чтобы получить этот статус нужно разделять идей «Все-гендерного сообщества» и ЛГБТПАиПНА, постоянно принимать участие в акциях и пройти специальный тест. Только после этого, гражданин получает свой заветный «статус».

– А что даёт этот «титул»?

– Ох, Эрнест, в твоём голосе всегда чувствуется презрение к тем людям. – Выговаривая, слегка игриво улыбнулась девушка.

– Эбигейл, ты всегда улыбаешься, когда вспоминаешь об этом?

– Я нахожу это забавным. Кстати, о твоём вопросе. Этот «статус» позволяет получить множественные льготы. От многих бесплатных продуктов до льготного получения квартир. Если ты клянёшься либеральному режиму в вечной верности и с головой окунаешься в омут разврата и безумия, то ты навсегда станешь почитаемым человеком.

– Ага, стоит только душу продать. – Сурово бросил фразу Эрнест и тут же добавил. – Расскажи мне про другие регионы.

– Хорошо. – Согласилась девушка и сменила тему. – Но ты, как депутат, должен знать, что вся федеральная политика исходит из «Центра Свободы» на основании принципа раз-

деления властей.

– Разделение власти? – переспросил мужчина, забыв про предыдущий вопрос. – Это как?

Эбигейл слегка улыбнулась.

– Это есть даже в вашем регионе. В понимании современной теории – разделение власти есть самое справедливое и единственно приемлемое устройство и организация властных структур.

– Из твоих сухих слов я ничего не понял.

– Суть в том, что наш федеральный парламент, наше федеральное правительство и суд действуют совершенно противоположно. Парламент никогда не согласовывает свои законы с правительством, а «Механизм Свободы» реализует закон в том порядке, как захочет и как его понял. А суд всех судит на основании кодексов и, чаще всего, «либеральной судебной традиции».

– Чего?

– Забыла, – усмехнулась девушка, – «либеральная судебная традиция» это суть всех судов. Они судят на основании того, насколько действие или бездействие «привело к продвижению и укреплению Свободы». Даже если было совершено преступление, то человека оправдают, если его действия «повлекли укрепление статуса Свободы». Ну, например, был не так давно случай. Ребёнок лет шести пьёт пиво, а его «родитель женско-ориентированного гендера» потребовала это прекратить. Её оштрафовали за «препятствие акту

свободы».

– Мама?

– Нет, говорят именно «родитель женско-ориентированного гендера» или «родитель женоподобного гендера». Тут, если употребить слово «мама» по закону будет сначала предупреждение, а не так давно ввели и уголовное преследование, ибо «слова мама и папа глубоко оскорбляют Вестников Свободы и сами принципы мира, построенного на либеральности, а значит должны быть подвержены процедуре искоренения из умов всех граждан». Я уже не помню из кого это закона. – С лёгкой улыбкой договорила Эбигейл.

Покрывало под Эрнестом смялось ещё сильнее. Пальцы от злости превращались в подобие соколиных когтей, сжимая куски ткани в ладонях.

– Варварство. Это дикарство даже не во всех регионах есть.

– Я согласна, но у нас это возможно по региональному закону. Но ты же просил рассказать про другие регионы.

В словах, в тембре голоса девушки мужчина заметил игривый эфирный упрёк и некую радость в очах.

– Так, это ты мне начала рассказывать про этот юридический бред. – На губах Эрнеста повисла еле заметная улыбка, а голос совершенно не имел ничего от мотивов обвинения.

– Расскажу. Рядом с нами ещё есть Парижская Самоуправляющаяся Коммуна.

– Это что за административный монстр?

– На её территории всем управляет как раз Суверенная Администрация Коммуны. Она заправляет всем, чем могут. От домов, не занятых Корпорацией и до жителей. Управление коммуной исходит от «всего свободного народа».

– Это как?

– С помощью «либерализованных подкоммун». Город и его окрестности делятся на эти самые подкоммуны», где всё управляется самим народом. Из «подкоммун» выбираются «административные управители». Все вместе они и создают Суверенную Администрацию Коммуны.

– А как же тут «разделение властей»? – В словах вопроса чувствовалась язвительность. – Где оно?

– А кто сказал, что деление власти именно заключено в трёх ветвях? Я не помню закона и статей конституции, говорящих о региональном федерально-конфедеральном устройстве, но всё сводится к тому, что регион сам определяет, сколько ветвей власти ему нужно. Хочет, будет три, захочет, сделает шесть или две. Федеральное правительство не имеет права вмешиваться в дела региона.

– Ох, давай следующий регион.

– С нами рядом расположилась ещё «Германская Марка».

– Кто там всем заправляет?

– Как в старые добрые времена. Рейхстаг и Марк-Кайзер с Бундестагом. Её называли «германской» в дань памяти старым традициям. А «маркой», в те, стародавние времена, называли всё, что находится на границе.

– Кстати, а есть ли особо примечательные регионы? – Некая слабость и бессильная озлобленность мельком пробежали в речах парня. – А то слушать про нечто похожее – нет сил.

– Есть. Как тебе «Швейцарская Федеральная Конфедерация»?

– Слышал о такой, но не разбираюсь в ней. Что там?

– Конфедерацией её называли, потому что «субъекты» этого региона слишком независимы друг от друга. Слишком разные судебные системы, разрозненные центры управления субъектом. Но всё сводится к тому, что над «Федеральной Конфедерацией» получает власть «Конфедеральный Совет», состоящий из сорока делегатов.

– Интересно.

– Рядом с ней раскинулось ещё более причудливое «субъектное существо». Я говорю о «Нэшт’Ар-Варо – Ларманская Империя».

– Что это?

– Империя с абсолютной властью императора из рода Фильсов Ларманов. Император там номинально управляет всем. Только в своей не очень уж безграничной власти он свято обязан следовать принципам и сути концепции «Развитого Либерализма» и «способствовать действию Вестников Свободы». Хотя, стоит сказать, что весь аппарат управления региональной властью и административными органами находится в его руках и никто, естественно из госслужа-

щих и чиновников, не смеет ему противоречить.

– Хм, как это же императору живётся с осознанием того, что его власть ограничена.

– Легко. Он имеет свой... публичный дом, где работают юноши. Император председательствует в местной организации «Радужный Мир» и «Любовь без возрастов и границ». Император часто принимает участие в... показах скульптур.

– Вот это самое безобидное.

– Оу, нет... эти скульптуры... в общем, они склеены из кусков животных и порой даже части людей там учувствуют. А картины, что там выставляются напоказ, написаны красками из крови, фекалий и прочего составляющего живого организма. И всё это заявляет император, как «Развитие свободного искусства».

– Переходи к следующему региону, а то меня сейчас стошнит.

– Что ж, если ты моряк, то тебе понравится Атлантическая Океаническая Директория. Вот там самый настоящий простор для истинного морского волка. – С толикой восхищения прозвучали последние слова.

– «Море – наш первый дом, море – наша жизнь. Не страшен нам сам Посейдон, ибо море – жизни песнь». – Прервал девушку Эрнест, с улыбкой выдавая неумелый стих.

– Так ты о них что-то знаешь?

– Я всё же помню географию. Живут они к западу от континента. Вся их территория это корабли и море. Границы

имеются только на буйях и то большинство неисправно. Поэтому его ещё называют «Плавающим Регионом». В принципе, это со всех сторон правильно.

– А ты знаешь, кто там сейчас правит?

– Собрание Капитанов. Каждый большой корабль у них что-то вроде плавающего города, а малые судна подчиняются ему, как управленческому центру. – Эрнест притих и тут же мгновенно развёл руками. – Почему все регионы так похожи?

– Разве? – В голосе дамы явно ощущалось удивление. – Разве Эльзас и Лотарингия так похож на Восточную Бюрократию? Едва ли можно хоть на малую толику сравнить «Нэхт’Ар-Варо – Ларманская Империя» с Исландской Анархистской Унитарной Коммуной? Едва ли ты сможешь найти даже грань равенства у Бретонского Двора и Английской Республики. Я не вижу тут ничего похожего.

– Эбигейл, ты знаешь, что все они, несмотря на абсолютную разношёрстность, являются единими и нерушимыми. Вся суть регионально-конфедеральной политики сводится к тому, чтобы лишь показать, «независимость и самоопределённость всех субъектов страны, их уникальность». Ты не глупа и сама понимаешь, что их «яркое неравенство» лишь ширма, за которой монолитная истина.

– О какой истине ты говоришь?

– Ох, почему я слышу в твоём голосе осторожность? – Возмутился Эрнест. – Ты знаешь, что власть в регионах ни-

чтожна перед Корпорациями. Именно они сплели между собой Либеральную Капиталистическую Республику. Подобно нитям, финансовые и товарные потоки стянули между собой эти лоскуты. Да и сообщества, организации «Вестников Свободы» тоже как нити. Все их федерации, конфедерации, движения, объединения – они как щупальца, стягивают страну в единый монолит. Связи Корпораций и «Вестников Свободы» настолько сильны и... липки, что никто не подумает выходить из страны. И связи Корпораций в итоге переплелись с нитями тысячи сообществ и Культа Конституции особенно, превратив связывающие нити в «металлические тросы». Эбигейл, эти путы крепче любого страха. Запомни: гей, лесбиянка, легальный педофил, неосексофил, наркоман, декадент или иной извращенец не позволит уплыть субъекту страны, если там кучи других извращюг. Они вцепятся зубами. Такова суть федерально-конфедеральной политики. Уникальность – лишь эфемерная показушная иллюзия, ибо все равны в своих извращениях и похоти.

– Я поняла, Эрнест. Ты прав, но прошу, пускай, всё, о чём мы говорили, останется между нами. Ты сам знаешь, что мы сейчас наговорили на пожизненное.

– Эх, Эбигейл, ты должна знать, что я никогда не позволю тебе попасть в беду. Пускай даже если передо мной встанут те иерофанты из Культа Конституции, я натяну их капюшоны им на причинные места и вытащу тебя. С меня хватит потерь.

Девушка улыбнулась, а её чуть смугловатая кожа приобрела красноватый оттенок. Скорее всего, дама впервые слышала, как готов настоящий мужчина защищать то, чем он дорожит. Впервые, за всю жизнь...

– Это очень мило, Эрнест, но я вынуждена тебя буде огорчить. – Тон Эбигейл стал невыносимо тяжёлым и мрачным и, тряхнув чёрной папкой, гостя донесла суть рока. – Мне удалось найти Маргарет.

Глаза мужчины моментально вспыхнули и угасли. Душа как порох – возгорелась ярким огнём, и в ней словно кончился кислород, она потухла.

– Как? Где? – Обрывисто проговорил мужчина и тут же заелозил на кровати, не понять от чего...

– Постарайся успокоиться и принять, как должное всё, что там есть.

Эбигейл протянула чёрную папку и Эрнест тут же её выхватил. Пальцы мужчины скользнули по чёрному покрытию и вцепились в него, оттаскивая аккуратно систематизированный блок документов и информации.

Эрнест распахнул обложку и первое, что ему попало на глаза это фото бывшей жены. Фотография девушки, образ на ней, вступил в резкое противоречие с очертаниями, живущими в памяти мужчины. Фиолетовые коротко подстриженные волосы пришли на смену золотистым локонам. Острая и хищная ухмылка отражала всю глубину изменений, скинув с лица добродушные очертания. Сами очертания лица стали

какими-то острыми, словно их изменили хирургическим путём. На лице стояло клеймо ультрарадикального феминизма – два феминистских скрещённых знака, где вместо кулаков – клинки. На лице появился лиловый боевой марафет, а в носу, ушах, губах, щеках и веках заблестели странные металлические предметы. Привычные джинсы, куртки и платья карминовой расцветки сменились на противные облегающие кожаные штаны, высокие берцы под коленку, и жилетку из спрессованного латекса. Кожа изобилировала проколами и татуировками. Фото девушки было сделано на улице, и она несла с собой плётку и эротическую игрушку.

– Это не моя жена! – Вспылил Эрнест и продолжил читать досье. – Этого не может быть!

– Да, это она. Частная тюрьма «Скверный Чародей» меняет многих. За то, что она стала «Вестником Свободы» и вступила в феминистские сообщества, её освободили. Там ты найдёшь решение начальника колонии и её прошение об освобождении в связи с «осознанием всех ценностей Свободного мира и торжественной клятвой, в которой я клянусь чтить и практиковать принципы Свободы». Она сама это писала.

– Но почему?!

– Частным тюрьмам неплохо платят за то, чтобы они ломали заключённых, заставляя их «присягать» идеалам Либеральной Капиталистической Республики. Попытки, подлоги, голодание, недосып и пропаганда: всё это идёт в ход. И ни-

кто это запрещать не собирается, ибо всё, как говорил один из Культа Конституции: «направлено на утверждение, распространение и укрепление прав и свобод, а значит, не может быть осуждено. Если ради Свободы, придётся попать достоинство человека, мы это сделаем».

Слова Эбигейл отражали сухость и машинальность. Она не знала, что есть, второй раз потерять любимого человека и не понимала, что делать. Девушка протянула руку к плечу мужчины, но тот в эмоциях отряхнулся и приложил ладони к глазам.

– Я думал, что её ещё встречу. Что она жива, и мы вновь обретём сына. Но теперь я знаю, что она умерла точно. Она мертва.

Голос, тон и слова мужчины отражали всю глубину отчаяния. Он снова рухнул на самое дно и готов был сгнить в депрессии. И Эбигейл сделала то, что посчитала сейчас самым нужным. Она просто встала и покинула комнату, оставив парня одного с горем.

Девушка покинула порог комнаты и тут же обратилась к своему охраннику:

– Следи за ним. Смотри, чтобы он не натворил глупостей.

В ответ амбал лишь кивнул. Эбигейл направилась к своему номеру. Теперь она точно поняла суть конфедерально-федеральной политики. Она читала, почему Эрнеста отправили в Восточную Бюрократию, она знала. Маргарет должны были за её преступление оставить в Восточной Бю-

рократии, но пришло распоряжение от Культа. Что ж, девушка поняла, что её суть – разделяй и властвуй, ибо, только разделив всех несогласных с либеральной политикой, можно обрести полную тоталитарную власть. Только мнимая иллюзорная свобода проложит путь к полной власти.

Глава двенадцатая. На пороге открытий

На следующий день. Микардо.

Над городом не было практически солнца. Всё небесное полотно заволочло плотное полотно, готовящееся засеять град серым и противным снегом, который вскоре растает. И с запада дул странно холодный ветер. Одно его дуновение обращало кожу в дрожащий и быстро мёрзнувший живой покров.

Погода определённо готовилась к снежной буре.

Каменные строения и высокоэтажные здания города обрзовывали разросшегося в широте гиганта этих мест. По краям город окружало целое кольцо из заводов. Даже несмотря на то, что солнца совсем не было, металлическая обшивка исполинских заводов блестела и переливалась десятками серебряных цветов. Огромные высокие трубы исторгали в небо клубы дыма, ещё сильнее сцепляя смог над Микардо.

Никто и ничто не могло предотвратить экологический коллапс, ибо «команды озеленителей» не по карману городу. Торжествующий марш ядов и химикатов уже ничего не сможет остановить и Микардо вынужден умереть посреди отравленного и гниющего пустыря.

По улицам мрачного города ходили люди, считающие, что

самим своим присутствием они делают его воистину священным местом с точки зрения Свободы. Тысячи разных и пёстрых флагов готовы будут развиваться над Микардо, если поступит приказ от единственного хозяина всей системы – Кюльта Конституции.

Практически в каждом доме жили люди, но не в каждой комнате была надежда на действительно светлое будущее. И особенно это ощутили на душах только вошедшие в город.

Эстебан стоял у небольшого оконца и всматривался в то, что есть Микардо. За несколько минут он выучил его историю и осознал суть, предназначение поселения. Построенный на деньги Корпорации он теперь вынужден встать её обслуживающим персоналом. Первые родились из стали и камня монументальные заводы. За ними стали расти жилые дома и остальной город. За тридцать лет Микардо обернулся в нечто похожее на большое городище. Даже единственный престижный ВУЗ принадлежит Корпорации и служит для её нужд.

Мало что в городе решалось без ведома Корпорации и Командор знал это. Именно его связи и помогли ему найти свободную квартиру.

Как, только переночевав в придорожной ночлежке, ребята пришли в себя от случившегося на полузаброшенной трассе, Командор принял решение идти дальше. Но очень трудно пройти пропуск в Микардо в связи с красным уровнем опасности. Тут-то Эстебан и воспользовался связями в го-

родских эшелонах Компании, удерживающих контроль над населённым пунктом.

Несколько лет тому назад Полк-орден помог торговым агентам достать из северной Африки несколько причудливых вещей на продажу. В миссии учувствовал и Командор. После получения товара клерк заверил, что если полк-ордену понадобится помощь на земле Либеральной Капиталистической Республики, то Корпорация окажет соразмерную помощь.

Вот помощь и пригодилась. Эстебан набрал нужный номер и за несколько минут обо всём договорился. У кордона его встретили представители Компании и провели через мощные оцепления.

Внезапно в руках Командора блеснуло лезвие, прикреплённое к прекрасной резной ручке, исполненной из дуба, имеющей кривые очертания. Эстебан подвёл блестящее лезвие к своему лицу, перекрыв вид из окна.

Командор вспомнил и усмехнулся. Этот красивый нож подарил ему один из «вольнонаёмных дружинников». Местный житель радовался тому, что вышел живым из передраги и восхитился боевому мастерству Эстебана. «Дружинник» пообещал, что вскоре они встанут плечом к плечу и выбьют из лесов нечисть – либеральную дикарскую мерзость.

На губах Эстебана расцвела улыбка. Но это выражение угрюмого отчаяния, внутреннего механизма сдерживания уныния. Истинной радости тут не имелось, ибо мужчина

знал, что местная власть не позволит и рукой тронуть дикарей, ибо они «несут крайние формы Свободы». Нападения на людей продолжатся, приступы каннибализма, ритуальные жертвоприношения, сотни притонов и жестокие кровавые секты. Всё это останется в своей неприкосновенности, ибо то «что несёт Свободу, не может быть аннигилировано», как говорил один из «Диархов» Микардо.

Теперь добрым жителям города и его окрестностей придётся хорошо вооружаться, чтобы противостоять жестоким нападениям на самих себя, так как никто больше не сможет их защитить.

Голова мужчины мотнулась в сторону, и Командор вновь оглядел комнату. В трёхэтажном доме им выделили квартиру со всеми благами. Взору парня предстали обои, обернувшиеся в серые обои. Приличная мебель: книжный шкаф, несколько кресел, декоративные цветы по углам, диван и голографический телевизор на тумбе.

В другой комнате раскинулась широкая спальня с двумя кроватями и прекрасным видом на вечную серость. И словно в благословение высших сил в квартире оказался душ, где всё же установили водоочистители и из кранов не тёк мазут, ржавчина, масло или дурно пахнущий химический коктейль из всей знаменитой таблицы. По меркам Микардо эта квартира не что иное, как царские хоромы, которые достались не задаром.

– Господин Эстебан, – послышался услужливый голос, –

мы просмотрели все списки и определились, куда сможем определить ваших юношей и девушек.

Командор машинально повернул голову и в его сознании вырисовался образ аккуратного слуги, одевшего классический мужской костюм. Лицо имело широкие, но не варварские очертания.

– В смысле, «куда»?

– Мы имели в виду наш ВУЗ, – удивлённо произнёс мужчина. – Вы забыли?

– Нет... в смысле да. Задумался просто.

– Так, практически всех мы смогли определить на самый более-менее безопасный факультет «Техническо-психологическое обеспечение андроидов и их домин-напарников» на кафедру «технос-психологии».

– Безопасный, говорите.

– Не нужно такого скепсиса, какой я сейчас слышу. С их культурно-гуманитарным образованием, какое они получали в Рейхе, и с учётом возможных свободных мест ваших подростком можно было определить только на этот факультет и на эту кафедру.

– А чем они там будут заниматься?

В голосе Командора звучало легкое, и едва ощутимое раздражение и злоба. В нём нарастала злоба от осознания того, что им придётся жить посреди вертепа разврата и тотального притона, и ещё далеко не самого развращённого. Но Эстебан понимал, что должен яро благодарить тех, кто стоит за

этим человеком, поэтому старался сохранить внешнее спокойствие. Всё же аккуратно и традиционно одетый мужчина чувствовал в тембре Командора огонь.

– Ничего особенного. Просто ваши подростки будут учиться психолого-эстетически правильно работать с внешней стороной андроида. Они будут делать его психологически приемлемым. А так же им придётся поработать с коррективкой поведения «антропоприближённых андроидов».

– То есть?

– Они будут работать с механическим сознанием робота. Корректировать его поведение, если он или она вдруг нарушил «приемлемую общественно-либеральную установку».

– У механизмов нет сознания, – едва ли не рыком воспротивился Эстебан.

– Согласен, но вы объясните это «Кодексу Андроидов» и Культу Конституции, а так же ещё тысячам движений и объединений верующих в гражданственность роботов. Не думаю, что вас кто-то будет слушать. – Прочитав негодование в глазах Командора, мужчина приостановился и перешёл на другую тему. – Но вы можете не беспокоиться, так как вся корректировка сознания заключена в том, чтобы сменить нужный чип и голосом запрограммировать новую программу поведения. Это один из самых лёгких факультетов в обучении.

– Действительно, – выдохнул Эстебан и вспомнил, что хотел спросить в самом начале. – А кто поступил на эту кафед-

ру?

– Практически все: Алехандро Фальконе, Мерилий Верн и Элеонора Деголль. Теперь они приписаны к кафедре...

– А Габриель?

– Вот с ним пришлось повозиться. У нас не оставалось свободным мест, кроме одного. Он попал на Факультет Экономики, кафедру «Управления Экономическими субъектами».

– А эта кафедра, чем занимается?

– Сразу скажу, обучение там одно из самых тяжёлых. Вся суть обучения сводится к тому, чтобы научить студентов правильно принимать участие в экономической жизни страны. А Корпорация преследует цель научить для себя идеальных экономических управленцев, которые смогут эффективно управлять целыми предприятиями и приносить как можно больше прибыли. Там учат экономический костяк Корпорации, её соль, которая и обеспечит многотриллионные прибыли.

– Многотриллионные? Это вы, о какой валюте?

– Федералы.

– А «легенда»? Вы про неё не забыли? Без неё нас могут быстро закатать в места не столь отдалённые.

– Господин Эстебан, вы слишком долго жили в мире, где отдельные субъекты не могут контролировать власть. Тут всем заправляет Корпорация, ну по крайней мере в Диархии, поэтому вам не следует бояться. Но если вы хотите, то ле-

генду наше руководство разработало.

– Какую?

– Вы – переселенцы из Швейцарской Федеральной Конфедерации. Ваша семья жила на границе, и вы решили покинуть те злополучные места, из-за опасности нахождения рядом с Рейхом. Вы прибыли в Микардо несколько дней назад и обратились в местное отделение нашей Корпорации, для того, чтобы устроить своих сыновей на учёбу. Наш «документационный отдел» вам составил и довольно сносные паспорта, и бумаги, подтверждающие, что вы раньше жили в другом месте. Все документы я положил вам в сервант.

– Паспорта насколько приемлемые?

– Скажем так, у полиции вопросов не возникнет, как и у Федерального Управления Внутренней Безопасности. Всё будет в порядке.

«Всё в порядке, словно в этой сгнившей стране что-то может быть нормально» – злобно подумал про себя мужчина. Эстебан стремился максимально обезопасить хотя бы семь дней. Неделя спокойствия ему не помешает, ибо он пережил слишком много. Войны, битвы, погони и бесконечные сражения, словно мир утонул в бесконечной войне...

Но всё же волнения приступом брали душу парня. Командору не было всё равно на остальных подростков, и как они будут жить. Он заботился о них потому, что они друзья Габриэля. Но именно этот парень его волновал его больше всего и Командор не раз просил о более вольготных условиях для

Габриеля. Несмотря на то, что Эстебан уже исполнил клятву, не раз защитив юношу от нападков чёрной воли Архиканцлера, мужчина всё равно чувствовал себя должником. И даже сейчас Эстебан чувствовал некий дискомфорт в душе от того, что не смог дать юноше более лёгкие условия.

– Хорошо. – Сквозь скрежет души выдал Эстебан. – Спасибо вам за оказанную помощь.

– Это не приступ альтруизма, чтобы нас благодарить. Когда-то вы помогли нам, теперь мы выплачиваем долг вам. Господин Эстебан, ваш мир построен на добросовестности, вере, самопожертвовании и взаимопомощи. Наш мир устроен по-другому. Запомните, вы попали в Либеральную Капиталистическую Республику, а значит и законы, по которым течёт наша жизнь – шакалинные, и падальщичы. Это мир не благородных волков и ясных ястребов. Нет, тут правят как раз-таки шакалы и падальщики. При первой возможности вас ужалят в спину или вонзят нож. Вас повалят и пригвоздят, чтобы вы больше не смогли встать. Тут нет морали, только «капиталистическая инициатива». Вы должны запомнить это.

– Хм, – ухмыльнулся Эстебан, – я видел Рим в руинах и как он кровью восстал из праха. Я увидел, как «крестовые походы» нашего Первого Канцлера стирали целые страны в порошок. Я был свидетелем, как тоталитарный «Молот Императора» и его наиправеднейшая вера в государство крушили всех несогласных. Но я никогда не видел мира, обре-

чённее вашего, ибо то, что творится здесь, во сто крат хуже того, что за стеной.

На лице клерка Компании расцвела лёгкая улыбка, хитрая и коварная. Края его губ, а затем и сами губы, похожие на кинжалы, разверзлись, исторгая слова:

– Ваши слова понимают многие в Корпорациях, но сотни миллионов жителей Либеральной Капиталистической Республики за ваши слова готовы вас порвать в клочья. Если вы говорите, что не видели ничего безнадежнее Микардо, то я вам советую заглянуть в то, что именуется «Центром Свободы», где миллионы людей принимают то место, как «рай на земле». Если сейчас вы это скажете на какой-нибудь площади, то завтра вас будут лечить мощными транквилизаторами и дубинками в больнице для душевнобольных. Поймите, господин Эстебан, в нашем абсолютно свободном мире, нельзя говорить то, что противоречит самой свободе. Такова аксиома нашего общества и это аксиома – нерушима и вечна.

– Ваш мир точно болен.

– Но миллионы считают иначе. Для них, кто заявляет о «несвободе» – болен и неважно, что имел ввиду человек.

– Бред, – Прозвучали злобным рычанием и отторжением буквы слова.

– «Всё то, что оппонирует свободе должно быть уничтожено и скинуто в забвенье, даже если это жизни людей, ибо так куётся истинная Свобода и Права». Так сказал Культ Конституции, а значит, это стало аксиомой.

– Культ Конституции? – С недоумением прозвучали слова вопроса. – Я в проклятых местах этой страны был, но очень давно. Но когда я отсюда бежал, не было никого Культа Конституции. Только припоминаю нечто схожее с партией, которая стремилась возродить в преизбыточном объёме «старые и истинные права и свободы».

– Это была «Партия Сохранения Свободы и Веры в Конституцию». – Сухо, как и всегда, пояснил слуга Корпорации. – Вы разве не знаете нашей истории?

– Расскажите мне, пожалуйста. Я отсюда съехал, когда был подростком.

– Хорошо. Сначала, это было обычное движение ревнителей абсолютной свободы, коих имелось неисчислимое множество на развалинах старой Европы. Но что-то в ней понравилось людям, горел в сердцах её последователей огонь, от которого воспламенялись души людей. Через пару лет началась экспансия партии везде и повсюду. Она раскинула свои щупальца всюду, куда могла только дотянуться. Район за районом, регион за регионом, её отделения открывались повсеместно, привлекая к себе, как можно больше людей. Её влияние распространялось, как чума. И, в конце концов, последователи Партии заявили, что начнут создание нового государства, под своей эгидой и идеями абсолютно либерализованой свободы. И там, куда не добрались идеи южной автократии, восточного коммунизма, откликнулись разрозненные земли, ещё чтущие старые «свободы». В это время

сообщество разработало и конституцию новой страны, написав её так, что она напоминает сбор сумасбродных религиозных текстов и стихов, нежели юридический документ. И так, Партия Сохранения Свободы и Веры в Конституцию, переродилась в Культ Конституции, что стянул под своими знамёнами треть старой Европы.

– А как же Корпорации? Как вы отвоевали свою власть?

Человек усмехнулся и покачав головой с иронией выдал:

– Вы ничего не знаете.

– Что ж, в этой стране я на пороге открытий.

– Мы развивались параллельно. Когда Культ Конституции объявил своё торжество, мы захватили и распределили между собой все сферы влияния. Культу оставалось только написать Конституцию под наши нужды в экономике и разойтись миром. Никому не нужна была война. Титаническими усилиями Корпорации и Культ Конституции стянули между собой регионы, которые невозможно собрать в одну страну, дабы держава не распалась и все понимали – война между нами приведёт к падению, а значит и разграблению со стороны Рейха и Директории Коммун. Никто этого не хотел.

– Позволь мне цитату, – с толикой язвы и упрёка заявил Командор и поэтично отвёл руку в сторону. – «И что бы всех отыскать, воедино созвать, и единою чёрною волей сковать...»

– «В Мордоре, где вековая тьма». – Закончил мужчина.

– Тут вместо «Мордора», нужно говорить «Либеральной Капиталистической Республике».

– Я смотрю, вы немного читали одного прозаика-фантаста давних времён? Не думал, что о нём осталась хоть какая-то память.

– Его слова подходят лучше всего под ваш мир.

– Не буду спорить, он таков. И вся роль моей Компании сводится к тому, чтобы урвать свой кусок из этого безумия. Угашенные «Свободой», опьянённые ею больше походят на сумасшедших, но суть такова, что больных стало так много, что это стала нормой. Наше с вами мнение – преступное. Я не буду говорить почему, у меня от этого уже мозоль на языке.

Эстебан поник и впал в глубокие раздумья.

– Что ж, как бы это ни было грустно, но я вынужден вас покинуть, ибо у меня ещё множество дел. Если я буду вам нужен, то мой номер у вас в телефоне.

– Прощай. – Сквозь раздумья, туманно и на автомате ответил Командор.

Мужчина развернулся и поспешил покинуть квартиру. Мягкими шагами, не слышимо, он добрался до двери, распахнул её и незаметно покинул помещения.

Эстебан так и остался в раздумьях. Весь разум и мысль Командора пленила одна единственная вещь – куда идти дальше.

«Тут нельзя оставаться вечно» – думал про себя мужчи-

на, ибо знал, что души подростков не выдержат тлетворного влияния этого мира. Орды верующих в аморальность, дикари повсюду вокруг города, полиция безнравственности и ещё десятки тех, кто может привнести кару за «несоблюдение вектора развития Свободы». Даже поведение влюблённых Верна и Элен подобно красной тряпке для быка. Скорее всего, если увидят нормальную девушку, идущую за руку с нормальным парнем, то им выпишут штраф. Однозначно. Ведь они «своим традиционным поведением оскорбляли, и наносили глубокую душевную травму, гражданам, предпочитающим однополые, многополые, бесполые, вещевые, андройдные, зоофильные, неосексофильные и отношения иного рода». Если их заметят второй раз в таком образе, то уже уведут под недолгое административное заключение, как «злых тридиционалистов-гетерастов».

Эстебан не доходил до тяжких мыслительных процессов, чтобы понять простейшую вещь – тут нельзя надолго задерживаться, ибо пребывание в месте «повышенного либерализма», как в эпицентре радиационной катастрофы – очень быстро становишься отравленным всякой мерзостью.

Но с другой стороны – «куда идти?». Память мужчины ещё сохранила образы карты страны, в которую его глаза глядели неделю назад. Вся совокупность знаний и увиденного позволяла понять, что de-facto идти некуда. Куда не сделай шаг – всё одно: декадентство и разврат на каждом шагу. Все регионы погрязли в этом.

Мысли Командора настолько пленили разум, что его сознание практически отключилось, и он не заметил, как из кухни вышел другой мужчина. Его бежевое несменное пальто, грубые брюки, широкое суровое лицо, словно высеченное из камня и холод в глазах, выдавали знаменитого персонажа...

– О чём задумался?

Грубые слова, произнесённые тяжёлым голосом, для Эстебана прозвучали как гром среди ясного небосвода. Отягощающие мысли тут же отпрянули в сторону, осветлив сознание мужчины, заставив его размышлять более ясно.

– Как? – Словно выйдя из ступора, коротко прозвучало слово. – Что?

– Я говорю, о чём ты думаешь?

– Ох, Ротмайр.

В это время другой мужчина переместился от двери в кухню на кресло, заняв его полностью подобно воде, которая забирает всё место, предоставленное ей, едва ли не утонув в нём.

– Так ты ответишь мне на вопрос или продолжишь мычать?

– Как мне не хватало, твоей наглости. – С подколом и мрачной улыбкой начал свой ответ Командор. – Я думаю о том, куда нам идти дальше.

– А зачем нам идти куда-то? Разве тут не хорошо? Пока Корпорация за всё платит, можно и поваляться. А возможно

даже и развернуться за её счёт. – Слова Ротмайра зазвучали с въедливым высокомерием и самодовольствием. – Эх, есть во мне предпринимательская жилка.

– Конечно, есть. Только «честный ремесленник и бизнесмен» мог скинуть с трона Императора и год выкачивать ресурсы из страны, а потом улизнуть незаметно от всех. Это талант.

– Так, почему я слышу в твоих словах сарказм и неодобрение. Мы в тот момент просто хотели больше власти и денег. Наше старое положение в Капитуле нас не устраивало, вот мы, единогласно прошу заметить, и решили увеличить своё благополучие. Так сказать, улучшить свой социальный статус.

– И свести с ума Рафаэля. Вот это я понимаю, – в словах зазвучали ядовитые нотки сарказма, – целеустремлённость. Наверное, мало кто в истории, так улучшал свой социальный статус.

– Это политика, парень. Мы захотели, мы сделали. Я не виноват в том, что мои «напарники» потеряли бдительность и Рафаэль порезал их, как свиней на бойне. – И на секунду примолкнув, Ротмайр воскликнул. – Но хватит о делах прошедших. Что было, того нет. Лучше скажи мне на милость, почему ты решил перемещаться отсюда? Мы ведь только обосновались. Какой такой ужас напугал тебя, что ты уже бежишь отсюда, поджав хвост?

Глаза Эстебана наполнились бессильным гневом. Слова

теперь подобны стреле – попали в самую суть, самое сердце. Командор чувствовал правильность выводов своего «друга», знал, что он прав. Бежать оттуда, куда ты только что пришёл – по меньшей мере, странно, ну а в абсолюте – похоже на испуг. Но ведь Эстебан знал, что не боится всей либеральной чумы, в её тысячи безумных ликах. Он не для того прошёл десятки битв, Великую Пустошь, Африку, трущобы и побег, чтобы страшиться тех, кого ненавидит всеми фибрами души.

Ярость, подобная очистительному огню вспылала в разуме, но тут же столкнулась с холодным осознанием тяжести и важности собственного долга. За него отдали собственную жизнь Марк и Сцилла, дабы он мог сохранить жизнь Габриеля и оградить его от ересей и безумия. И чувство долга говорило одно – бежать из этих проклятых мест, но куда?

Ротмайр словно чувствовал мысль Командора. Он тщательно смотрел в его нефритовые глаза и читал сознание, как открытую книгу. Годы в политике научили бывшего Верховного Лорда за минуты изучать людей досконально.

– А-а-а-а, это всё из-за того парнишки? Габриеля, вроде.

Командор бросил неодобрительный взгляд, полный смущения и негодования от услышанного.

– Не смотри на меня так. Мне рассказал обо всём Антоний более подробно, чем ты тогда в камере, и правильно сделал. Ты должен знать, что твоя жизнь, чёрт побери, не ограничивается одним лишь долгом. Ты спас его несколько раз и разве этого недостаточно для выплаты долга? Слышал выражение

– «За равное воздаётся равным». – Ротмайр, говоря, смотрел на выражение лица товарища, но видел лишь там бурю противоречивых эмоций и чувств, отчего продолжил говорить, вцепившись ладонями в кресло. – Эстебан, ты знаешь, что мы позаботимся о пацанах и девчонке, чтобы то ни было. Но и они уже взрослые, и имеют свою голову на плечах и сами могут отвечать за себя.

– Позаботитесь, говоришь, – голос Эстебана наполнился дрожью, – как за тем парнем? Как там его звали... вроде Артий.

– Мы тогда сражались против ассасинов. Не сравнивай. Я говорил про иное. Если к ним на улице ползет какой-нибудь педик или раскрашенный изуродованный псих, то клянусь, – голос сидящего в кресле сделался грубее и злее, – я ему собственноручно отрежу пальцы. Ты меня знаешь, я это сделаю.

Губы Командора растянулись натужной улыбке. Он впервые видит и слышит, как Ротмайр угрожает расправиться с уличными «Вестниками Свободы» и что тот вообще о них знает. Парень понял, что слишком многого не знает о своём недавнем сокамернике и друге, вечно имеющего матёрый видок.

– Эстебан, тебе нечего бояться, ибо ты знаешь, что твой парень сможет отмахнуться от той мерзости. Ты же читал, документы Корпорации и знаешь, что теперь ребятки находятся под её защитой. Или твоя вера дала трещину?

Командор отпрянул духом. В его душе пламенем пробе-

жалось негодование, выталкивающее из него всякую апатию и уныние.

– Гневом праведным ковался моей веры нерушимый щит. – В речах мужчины явно ощущалось огниво фанатичной веры. – Ты прав, пока шевелиться не надо.

– Ну, ты прям литанию зачитал. – Кинул Ротмайр и в одно мгновение перешёл на вопрос. – А куда ты отправил ребяток и вместе с ними Маликом с Антонием?

– Прогулочная экскурсия. Они просились посмотреть на мир, где царит свобода. Говорили, что «стоят на пороге открытий нового сознания». Я их и отпустил под надзором Антония и Малика. Скоро должны вернуться.

И словно вторя словам Эстебана замок двери щёлкнул, ручка шевельнулась и дверь распахнулась, впуская владельцев квартиры.

Первыми вошли ребята, одетые в свою привычную одежду, которую унесли ещё с «убежища» на границе... Но вот лица стали иные. Элен, Верн и Габриель: их лица отражали глубокую безнадёжность и массу отвращения, словно они воочию ощутили мозгом и глазами адскую бездну, коснувшуюся их душ и сердец холодными склизкими пальцами.

Ротмайр ощущая суть мрачных ликов в поучительную издёвку произнёс:

– Ну, ребятки, как вам по вкусу «свобода»? Увидели, к чему могли вас привести ваши подпольные действия в Рейхе? Эстебан переместил взгляд, став скрупулёзно рассматри-

вать другого юношу. Лик Алехандро отражал те же мрачность и отвращение, но более слабо. А так же в его глазах тёмным, неуловимым призраком проскочил фантом тайного безумия, словно ад посадил свою искру в душе парня... Командор оставил этот образ в своём сознании и почувствовал, что в будущем это всплывёт. Созреет и даст мрачный восход...

– Я никогда не видел столько разврата на квадратный метр. – Раздражённо и потрясённо заявил вошедший Малик. – Как люди могут жить в грязи собственного разврата? – Живут и радуются.

– Ротмайр, – ввязался Антоний, – люди впервой раз увидели, что за стеной. Они не знали, от чего их берёт Рейх и пусть свыкнутся с новым открытием.

– Мерзостно, – исказив гримасу в отвращении, бросил Габриель, чьи зеленоватые глаза, их ясный взгляд, преисполнились негодованием. – Тут жить невозможно. Все вокруг – психи. А Элен с Верном чуть не получили штраф, за то, что шли под руку. Это... это... это... безумие.

От слова парня на душе Эстебана слегка просветлилось. Теперь он стал на йоту уверен, что Габриель не попадёт в лапы безумия и не упадёт в либеральную бездну. Командор смотрел на лица ребят и видел в них то, что хотел – реакцию нормального человека. Все, кроме Алехандро...

Эстебан провернул у себя в голове десятки разных мыслей в секунды, но остановил весь бешеный поток на одной

единственной – им ещё многое предстоит узнать о том, куда они попали. Но самое важное – страна, где им жить, она для тех, кто не ступал сюда, есть индикатор, который высветит в каждом его истинное лицо. И Эстебан словно чувствовал, что скоро они о друг друге многое знают. Слишком многое.

– Так, – грозно и по-управленчески начал молвить Эстебан, – раздевайтесь и отдыхайте. Вам пока нечего бояться. Позже я вам расскажу, как тут жить и что говорить, чтобы в «свободной стране не попасть в клетку за свои мысли. – И смолкнув, Эстебан еле развёл губами и лёгким, как бриз, шёпотом выдал. – Что ж, мы с вами на пороге открытий, от которых содрогнётся душа. Может вы, ребятаки поймёте, что в этом краю земного шара ангелам делать нечего. Да поможет нам Бог.

Часть вторая. Эпоха тоталитарной свободы.

Глава тринадцатая. Концепция «Развитого Либерализма»

Спустя неделю. Город Микардо.

Солнце поднимается медленно вверх, озаряя невысокие городские постройки, заливая всё вокруг солнечным светом. Морозное светило начало воцаряться на небосводе, но вот только для зенита всё ещё рано. Извечный спутник земного шара – таинственная Луна превратилась в лёгкий, еле различимый мираж на фоне лазурного небосвода.

Каждая улочка сонного города стремится наполниться изобилием солнечного океана, захлёбываясь в его лучах. Только вот никто не мог насладиться прекрасным явлением, ибо жители Микардо старались прятаться подальше от тех сумасшедших, что выходят на ночь.

Алкоголики, наркоманы, зоофилы, токсикоманы и легионы прочей либеральной нежити выливались целыми ордами ночью, сливаясь в единой и бесконечной оргии, реализуя своё «Право на получение удовольствия всеми возможными

способами». И те люди, желавшие провести вечер спокойно, оставались дома, ибо каждый, кто удовлетворял свои дикие потребности, мог попросить присоединиться любого к их утехам. Отказ в грубой форме, без обоснований, мог расцениваться как «отречение от ценностей либерального мира». А за это следовали штрафы, клаузы на работу, задержания на двадцать суток, принудительная терапия и ещё масса не самых приятных средств, направленных на «ускоренный процесс привития ценностей Свободы и её бессменных принципов», как говорилось в одном из десятков тысяч законов.

Но самым ведущим локомотивом в привитии идеалов нового понимания одного из самых главных качеств, стала концепция «Развитого Либерализма». Ни полицейские дубинки, ни тюрьмы, ни препараты и ничего более не играло такой роли как концепция, ибо в её вкладывали всё. Вектор развития страны, основные принципы построения государства, суть его функционирования и ещё тысячи самых различных аспектов либерального бытия складывались в единую концепцию, которую должен уяснить для себя каждый.

Её насаждали везде и повсюду, ибо «концепция» стала воплощением общегосударственной идеи, закреплённой лишь в документах Культа Конституции, так как сам главный документ страны провозглашал свободу всех идей и идеологий, ставя ограничение только на те, которые ограничивают «Свободу». В детские сады приходили проповедники из

Культу Конституции на пару с детскими психологами и учили азам «концепции». В школах же это делали сами учителя и разного рода кураторы из органов «управления гражданского общества».

Никто и ничто не мог укрыться от всеобъемлющего действия концепции «Развитого Либерализма», ибо «то, что несёт Свободу и просвещение либерализмом должно быть насильно навязано ради самих принципов Свободы».

Ребёнок в детском саду должен проявить самость и при родителях отречься от собственного «визуально определяемого» пола, в пользу сотен иных, красить волосы в противные тона, интересоваться и практиковать то, что показалось омерзительным людям несколько сотен лет тому назад, и так он докажет свою раннюю приверженность идеалам Свободы, что отражались от «концепции». И к самым ярким детям из среды «обращаемых в Свободу» секты педофилов и сластолюбцев присматривались как к будущим адептам их идей.

Школьник просто обязан упиваться потреблением и растлением самого себя, начиная покупать то, от чего становится «хорошо», а именно начиная от алкоголя, заканчивая токсинами и тяжёлыми наркотиками, ибо этим ученик «становился на путь исповедания Свободы». А в классах постарше начиналась твориться самая настоящая вакханалия, от которой содрогнулись бы жители Содома и Гоморры. Некоторые школьники с этого момента начинали «трансформировать» свои тела, превращаясь в пиринговых дикарей.

В институтах и колледжах студенты прибегали к самым диким и будоражающим развращениям. В государственных и «от гражданского общества» учебных заведениях к этому моменту многие «люди» теряли свой облик. Безумная одежда, похожая скорее на красочное и блестящее шмотьё первобытных жителей, с высокими каблуками и юбками для мужчин, ужасными головными уборами, вперемешку с латексом, цепями. Всё это выливалось в безумную фантазмагорию стилистического безумия, где одежда превратилась лишь в инструмент подачи собственного сумасшествия.

И всё это проходило с бесконечной подачи рынка, стремившегося с самым ярким безумием усластить мир, без конца совершенствуя наркотики, выпивку и иные «объекты удовольствия», и удовлетворить весь спектр странных потребностей населения Хотите уйти в цветущий и лёгкий мир? Рынок вам предложит тысячи способов, от банальной дури, до элитных и дорогостоящих пошаговых процедур, в специальных капсулах, в которых можно оставаться на недели и дёргаться в судорогах от экстаза. Если гражданин пожелает стать животным, то частные хирургические кабинеты из него его сделают зверя, во истину обратив внешний облик показателем внутреннего мира. Если потребитель возжелает изыска в одежде, ему тут же предложат купить безумие на тело. Так и повелось, что «мужчины» стали носить платья, каблуки, краситься, вшивать перья на макушку, надевать купальники, колготки на шею и всячески издеваться

над модой былых эпох. Но и «девушки» ничем не отличались, ибо, как заявил Культ Конституции: «нет никаких полов в этом мире, это всё ложь, навязываемая нам традиционалистами и гетерастами. Есть только самоидентификация, то есть священный процесс Свободы определения кем является сам гражданин. Определиться самому и есть величайший замысел Свободы».

Однако концепция «Развитого Либерализма» не просто сбор безумных изречений и фантазмагории всего «Свободного». Точная определённость доктрины, система обучения ею населения, ясные принципы и механизм реализации делали её чем-то вроде неофициальной идеологией, которой должен придерживаться каждый, кто пересечёт границу Либеральной Капиталистической Республике. Так же «концепция» стала верным оружием в руках Культа Конституции, ставшего вершителем всего на пару с Корпорациями, которые нехотя, но иногда допускали распространителей «концепции в свои двери».

Так же получилось и сегодня. В учебной аудитории воцарилась лёгкая прохлада, навеивая из кондиционеров, она заполняла каждый уголок кабинета, исторгая из него духоту и жару, идущую от батарей и термо-панелей, вносящих свою лепту в дело обогрева ВУЗа.

Три небольших окна, через которые проникал утренний свет слабой зари, не могли стать полноценным источником света. Разве только холодный бетон возле них мог похва-

статься нормальным количеством света. И только поэтому на потолки мастера-строители установили иллюминационные пластины, ставшие источник холодного света, навеявшим воспоминания о прохладном, но притягательном и одновременно пугающем лунном свете.

Когда холодный лунный свет проникал во все углы аудитории, становились понятны её детали и истинные размеры. Несмотря на исполинские и колоссальные, естественно по меркам города Микардо, величины ВУЗа, этот кабинет довольно мал, и его можно назвать «кабинетиком».

Пятнадцать аккуратно расставленных парт на каждого ученика, или групп. Кто, как и с кем пожелает сесть. Вырезанные крышки из дуба, стальные ножки и специальные места под стопы. Удобные стулья с ручками, обшитыми мягкой тканью. Учебные места так и полыхали удобством и роскошью.

Небольшой кабинет располагал всего пару шкафчиками с несколькими книгами и учебными гибкими планшетами, интерактивной доской для работы и местом для преподавателя, представленным в виде широкого стола и мягкого роскошного кресла, обшитого бархатом.

Практически двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю кабинет пустовал. Однако не сейчас. Девять человек заполнили его, усевшись по своим местам в ожидании прихода лектора, пребывая в утренней тишине.

Среди всех сидит и Лютер. Парень сегодня решил надеть

на себя одежду, купленную буквально на днях. Ноги покрывали отличные чёрные плотные джинсы, отдалённо похожие на брюки, а так же остроконечные кожаные туфли. Кожу торса накрыла серая хлопковая рубашка, покоившаяся обычно под коротковатым чёрным пальто.

Юноша, сидя на самой первой парте, третьего от двери ряда, осматривал кабинет, рассматривая своих одноклассников, ибо заняться для Лютера было больше нечем, так как книгу он оставил дома.

Поворот головы назад и парню на глаза попались его знакомые. Сзади него уселись Силена, перекрасившая свои волосы в фиолетовый, Марта, обесцветившая локоны на голове и худощавый смуглый паренёк Ману. Те трое снова вели свою беседу, неслышимым шёпотом переговариваясь между собой.

Лютер развернулся в сторону входа и на пути его взора попался несколько подавленный Даниэль. Парень уныло пялился в собственный гибкий планшет. В памяти Лютера всплыли воспоминания о недавнем суде. В постановлении судья написал свой вердикт: Даниэль обязан был выплатить Джону троекратную стоимость кроссовок, за то что повредил имущество Вестника Свободы, плюс моральный ущерб. Почему был? Судьи Корпорации быстро подсуетились и забрали это дело себе. После неоспариваемого решения суда Компании, Даниэль теперь обязан отдать только три тысячных стоимости обуви. Но эти суды... недоверие отыграли

свою роковую роль в душе Даниэля, сделав из него угрюмого юношу, разочаровавшегося в дружбе и доверии людям.

Взор Лютера устремился дальше и углядел Хельгу, вечную подругу Джона. Она сидит одна, погружившись в чтение какой-то бумажной книги. Сотканный из бумажных страниц, переплёта и обложки, обтянутой кожей, этот кладёзь знаний стал уходящим символом былых эпох. Осветлённые до белоснежного состояния волосы девушки опускались прямо на книгу, переплетаясь в страницах. Умудрённый лик девушки вызывал только уважение к ней, а её светло-голубые глаза, небесной расцветки, так и излучали внутренний свет. Лютер всегда находил Хельгу умной и не лишённой женского обаяния девушкой. Но вот только приверженность идеям ультрарадикального феминизма делали её бойца против всего, что лежит поперёк её мыслей. Нацепив привычные для себя джинсовые одеяния, и сапоги на высоком каблуке, она с фанатичным безумием гоняла всякого, кто ей покажется угнетателем. Однако все заметили, что в последнее время она стала меняться, становясь несколько спокойнее и даже улыбчивей.

Взгляд юноши пошёл дальше и встретил на своём пути Артуа. Юноша как всегда уткнулся носом в руку и повалился на парту, досыпая потерянные часы прямо в кабинете, приводя себя в тонус. Рядом с ним таким же образом поступил и Жебер, решивший погрузиться в омут собственного дрёма.

Однако ни эти парни, а та, что сидела за ними привлекла

глаз и чувства Лютера. Дрожащий взгляд упал на миловидную субтильную девушку с подстриженными под каре темноватыми волосами. Её миловидный лик, в котором присутствовали лёгкие нотки недосыпа, отчего образ становился ещё умильней, внушал в сердце юноши трепет и чувство тревоги. А взгляд посеребрённых драгоценных глаз, схожих с двумя бриллиантами, направленный порой прямо в очи парня, приводил его в исступление и тотальное ощущение скованности. Сегодня девушка выбрала для одежды неброские одеяния, делавшие её только привлекательней. Высокие кожаные сапоги поверх белых джинсов и простая тёмная кофта в этот день служили её одеждой.

Что ж, только при одном виде Амалии тревога, страх, любовь, трепет, жар и бред накрывали душу Лютера, заливая её inferнальным огнём собственного чувства, как бы поэтично это не звучало, но такова есть истина, терзавшая сердце парня. Да, скромность и сомнения, накрывшие с его головой, стали воплощённым роком для юноши.

Внезапно в кабинет прошёл ещё один парень. Высокий юноша, под метр восемьдесят, широкими шагами пересёк порог кабинета. Лютер сразу уставился на него, распознав в нём черты хорошего знакомого. Слегка небрежные светло-русые волосы содрогались при каждом шаге парня. Словно оточенные из северных скал и суровые черты лица так и исторгали северный холод в аудиторию. Зеленовато-болотистые глаза устремились только в одну точку, явно давая

знать намерения и цель. На высоком и прилично крепком парне развивался длинный осенний плащ, обшитый изнутри дополнительной тканью, адаптируя его под зимние условия. Кожаная сумка перекинулась через плечо и подпрыгивала при каждом шаге, а полусапоги на ногах подмяли под себя плотные чёрные джинсы, отчего весь образ парня, чем то навеяно напоминал солдатского офицера.

Лютер тут же оторнул взгляд от парня и мельком, еле заметно направил его на Хельгу. Глаза девушки, оторвавшиеся от книги, без отрыва смотрели на вошедшего парня, пожирая его собственным взглядом. Лютер раскинулся мыслями, представил, что к чему и усмехнулся в душе.

Тем временем вошедший парень мгновенно достиг нужной парты и занял своё место рядом с Лютером.

– Ну, здравствуй, Габриель. Ты сегодня задержался.

Протянув руку и заключив её в рукопожатии, парень ответил:

– Едва не заблудился в здешних дебрях, Лютер. Тоже рад тебя видеть.

Два парня похожи друг на друга практически во всех чертах, различия хоть и обширны, но не значимы. Основные аспекты характера слишком схожи, включая неприязнь всего «Свободного» и отчуждение идейного диктата. Когда неделю назад Габриель объявился в их группе, то тут же Жебер в шутку назвал его и Лютера «побратимами». Но все восприняли это не как шутку, а указание на очевидный факт. Что

ж, всего за пару дней Габриель смог познакомиться со всеми ребятами и стал хорошо общаться с ними. Только Джон его сторонился, говоря, что с теми, кто близко жил к Рейху «так и веет вонючим ветром тирании и диктата». Однако его подруга, Хельга, приняла Габриеля более чем положительно, неожиданно для всех став прекрасно водить знакомство с Габриелем. Этому удивился даже сам Джон, став часто упрекать свою либерально-боевую подругу в том, что она предаёт свои идеалы. Но чем дальше продолжалось общение и знакомство с новым парнем, тем больше ей становилось плевать на советы Джона, который без перерыва якшался по судам и отстаивал свои права с особым остервенением.

– Ну, что сегодня у нас?

Лютер обратил взор на своего друга, с которым последние дни прекрасно общался. Несмотря на разницу в обучении, на удивление всем новоприбывший отлично впитывал экономические науки, обгоняя по умениям даже тех, кто обучался этому целый год. Но вот различные лекции про уважение ко всему, что движется и ползает, про толерантность и уважение к вещам, от которых тошнило и Лютера, Габриель воспринимал, мягко говоря, плохо. Он их просто не слушал, пропуская мимо ушей, всю ту ересь, которую гнал лектор, которого допустили прочесть один-два часа свои лекции.

– Ничего хорошего, Габр. Всё как обычно. – Удручённо ответил парень. – Как вчера добрался до дома? Не заблудился?

Светловолосый юноша учуял нотку дружеского подкола.

– Нет, всё нормально.

– Честно, я думал, ты сломаешь ему руку, когда он тебя взял за плечо.

– Не люблю, когда вторгаются в моё личное пространство.

– Вот только этими словами ты и спасся от полиции.

На лице Габриеля проступила лёгкая улыбка. Он внутри себя усмехнулся и порадовался тому, как всё сложилось вчера после учёбы. Он и ребята как всегда возвращались из института внезапно, подобно грянувшему грому, на них налетел один из сторонников звероформирования и импульсивной уринофилии. Одетый в джинсовые балахоны, запачканные и исторгающие стойкий запах мочи, он едва ли не запрыгнул на ребят, став им с пеной у рта доказывать, что обращение в животное и любовь к биологическим отходам есть одно из проявлений Свободы. Он положил руку на плечо Габриеля, пытаясь заставить его выпить бутылку с жёлтой жидкостью, но юноше стало это настолько противно, что он буквально вывернул руку непонятному человеку, да так, что тот взвыл, и на его вопли прибежала полиция.

Неожиданно скрипнула дверь, и все ребята поспешили встать. Габриель отринул свои мысли, с воспоминаниями и поспешил пошевелить конечностями, поднявшись со стула. В аудиторию пожаловал странный человек.

Его руки сильно гипертрофировались после локтей, и, переходя в ладони, сжатые в кулаки, больше похожие на два

больших молота. Остальные части рук казались несколько мизерными перед тем, что опускалось после локтей, отчего человек навеивал аудитории образ мультипликационного героя. Лицо, да сам человек представился довольно морщинистым, покрытым искусственными блестящими разноцветными бородавками. Аккуратно подстриженная, но не короткая борода, покрылась россыпью страз и предстала в самых разных цветовых тонах. Глаза так и пылают адским огнём, ибо залиты ярко-оранжевой краской.

По-видимому, мужчина потянулся, чтобы почесать шею и его пальцы, с маникюром и накладными ногтями коснулись жабо, вшитого прямо под кожу и представившегося наростами, словно незнакомец болеет бубонной чумой.

Габриелю сначала показалось, что у гостя из носа вылезла огромная сопля, но это всего лишь безумный пирсинг, в виде резиновой вставки, прошившей весь нос вместе с хрящом и костью.

Одежда приводит ребят, во многом защищённых Корпорацией от тлетворного влияния Культа Конституции и его прихвостней, в удивление и даже мало ощутимый ужас, разносившийся лёгкой волной по душе.

Кожаный, блестящий в свете фонарей купальник, с глубоким вырезом на груди, лежит на уже потрёпанном теле человека. Бока, покрытые розовыми татуировками и десятками блестящих металлических украшений, так и норовят выползти из купальника.

На волосатой груди, выступавшей из-под одежды, кожу стягивали нити, вшитые прямо в неё по подобию корсета. А ноги укрыли высокие латексные сапоги.

– Здравствуйте, студенты, – голос испоганенного человека звучал как крик умирающей чайки или подобно звучанию неумелой игры на скрипке, – я Марьяна-Андройд, член комитета по обучению высшего образования концепции «Развитого Либерализма» и сегодня меня позвали к вам, чтобы я рассказало вам о ней.

Лютер, повернулся к своему малоразговорчивому товарищу со словами, произнесённые шёпотом:

– Раньше таких... монстров на кострах сжигали, а сейчас они в почёте и чести. Куда же мир катится.

– Он давно скатился. – Мрачно и угрюмо прошептал немногословный Габриель, смотря на всё это либеральное «великолепие»

– Так! – Внезапно заскрипело на высоких тонах Марьяна с надутым обгородившемся лицом. – Мне нужно изложить вам концепцию, поэтому не перебиваем меня!

– Господи, оно чуть не лопнула. – Отпустив своему товарищу, шутку скоротечно произнёс Лютер.

– Итак, в чём же заключается наша великая концепция «Развитого Либерализма»? – Риторическим вопросом обозначилось начало рассказа. – Это, прежде всего не просто идея построения развитого либерального общества, а не иначе чем наш образ жизни. Посмотрите на меня. – После этих

слов ребята неохотно, но обратили взгляды на безумного рассказчика. – Я и есть полное, абсолютное воплощение этой концепции и если вы уверуете моим слова, то вступите на путь противоположный.

– Чёртов либеральный иерофант. – Шёпотом озлобился Габриель.

– Я говорю сегодня вам, – символично разведя уродливыми руками, продолжало брэнчать Марья, – что в концепции есть правда и истины, ибо вы слепцы, а я поводырь в мир Свободы и Прав. Но довольно, переходим к сути.

Оно на секунду оторвалось от рассказа, обратившись к записям, которое принесло в огромных накаченных ладонях и через пару секунд вновь стало говорить, словно напевая рвущую слух коробящую мелодию:

– Начнём с образа построения нашего государства. Несмотря на то, что мы строим аппараты управления свободными, они по своей природе есть суть тоталитаризма. Запомните! – Вновь, срываясь скрипучим голосом, в несправедном порыве воскликнуло оно. – Государство всегда подавляло, и будет подавлять ваши естественные Права и Свободы, ибо оно рождено для этого. И все государственные слуги ваши первородные враги. Государственная бюрократия нуждается в том, чтобы её топтали и вмазывали в грязь.

– Безумие. – Воздух, подгоняемый негодованием Габриеля, настолько сильно резонировал о связки, что вышел практически в голос, но Марья это не заметило, опустившись в

глубины «проповеди».

– И не смотрите, не верьте слугам тоталитаризма и его институтам, ибо их существо – подавить ваши Права и Свободы. Но что же делать!?! – Риторический вопрос прозвучал так мерзко, что Лютер взялся за ухо, а рассказчик не унималось и твердило с двойным рвением. – Для этого и существует бюрократия гражданская, исходящая от народа Свободного и лишённого традиционалистских предрассудков и отвергаемая идей дремучие тоталитарные. – Оно приложилось к горлу, словно сорвало голосовые связки и, судя по голосу, его тембру и звучанию, они должны были просто перегореть.

Но пара секунд и безумный голос снова зазвучал, резонируя со всем, что есть и, звеня в головах студентов:

– Да, я говорю о «Вестниках Свободы». – Лицо, покрытое морщинами и бородавками, Марьяны исказилось в гримасе торжества и расплылось в безумной улыбке. – Именно эти граждане встали на защиту наших Свобод и Прав, каждый день, ломая идейные хребты тоталитарному государству. И именно они стали нашей гражданской бюрократией, которая с помощью законов и архизаконов, смогла унижить всех слуг государства и втоптать их в грязь. Всё наше общество есть общество равных граждан. Но они суть равенства среди равных членов общества. Поэтому концепция «Развитого Либерализма», развитая Культурой Конституции предполагает для «гражданско-либеральной бюрократии» улучшенное социальное обеспечение, пенсии первого класса, десят-

ки льгот, бесплатное страхование и ещё сотни различных гарантий. – Лик рассказчика стал несколько спокойным, но вот губы отошли широко и на свету блеснули разукрашенные зубы, и вновь полилась гнилостная речь. – Вы подумаете, что это несправедливо?

– А почему бы и нет? – Не отходя от принципов шёпота, вымолвил Лютер, сложив руки на груди, с презрением смотря на Марьяну, продолжавшей «проповедовать».

– Да, кто-то скажет, что они этого не достойны, но вы ошибаетесь, ибо те, кто борется за наши Права и Свободы, каждый час, справедливо отнимая их у государства, выдёргивая из его загребущих лап, просто должен быть на всяком обеспечении. Если они борются за наше фривольное благополучие, то почему они не должны получать соответствующее? Именно поэтому концепция «Развитого Либерализма» предполагает для «гражданско-либеральной или народно-либеральной бюрократии» улучшенное обеспечение.

Приверженец идей свободы внезапно замолчал, явно обдумывая следующий пункт разговора.

– Так, теперь мы поговорим с вами о единстве нашего свободного народа. Как сказано в одном из посланий Форуму Свободы – «все мы едины в своём потреблизме, гедонизме и отвержении всех старых ценностей и идей». Очень давно нас убеждали в том, что нельзя вставать на путь безграничного потребления и утех, но почему? Именно в потреблении всего и вся состоит один из крохотных элементов госпожи Свобо-

ды. Мы потребляем то, что хотим. – Выделив взбалмошной интонацией последнее слово, человек воскликнуло с двойным рвением. – И это наша суть! Мы все потребленцы и это истина, ведущая нас к свободе, ибо отринув древние догматы сдержанности, мы можем, надеется на истинное освобождение. Да, у нас нет наций, ибо их такое множество, которое не способен подсчитать ни один реестр. В нашей стране нет угнетаемых, ибо все равны в своём стремлении к освобождению от морали древних эпох.

– Так зачем говорить про равенство, если оно есть? – Не выдержав, задал вопрос Габриель.

Лютер удивился такой вольности своего друга. В Либеральной Капиталистической Республике, если кто-то начинает задавать сомнительные вопросы к Вестнику Свободы, могло последовать наказание за «Сомнения в либерально-просветительском курсе страны и её граждан». Но Габриель словно жил в ином мире, и не знал всех этих правил, как будто не в этой стране был рождён...

– О чём вы говорите, гражданин?

– Я всего лишь спрашиваю, зачем бороться за равенство и Свободы если они... достигнуты у вас. Зачем нещадно... репрес... гнать тех, кто по-вашему «угрожает» свободе своими мыслями, если свобода о которой вы говорите предполагает свободомыслие? Это как вести борьбу за воду, находясь в резервуаре с ней.

– А почему я услышало отвращение при словах «Свобо-

ды»? – Решило докопаться Марьяна. – И вы хотели сказать «репрессии»? Бросьте, в нашем обществе не существует «репрессий».

– Вам показалось.

– Но ладно. – Блестящие зубы вновь поползли вперёд, знаменуя расцвет зловещей улыбке. – Вот мы и подобрались к главной сути концепции «Развитого Либерализма». Главный элемент «концепции» не прославление «гражданско-либеральной бюрократии», не наше единство в потреблении и удовольствиях. Это всего лишь производная от ядра «концепции». Её суть заключается в долгом переходе к высшему уровню свободы, апофеозу либерализма. Культ Конституции, когда построил наше свободное общество, определил, что переход к полной Свободе пока невозможен, но есть его предпосылки. А поэтому нужно отложить на неопределённые лета восход в стадию «абсолютного просвещённого либертинизма» или просто «абсолютного либертинизма». А период длительного перехода должен ознаменоваться концепцией и обществом «Развитого Либерализма».

– Слишком сложно. – Мрачно изрёк Габриель, подперев подбородок ладонью. – И зачем нужно гнать всех несогласных с этой концепцией.

– Потому что переход к Свободе невозможен без подавления антисоциальных элементов её отвергающих! – Искажив лицо в ярости, вскрикнуло Марьяна. – Наше своенравное и вольное во всём общество, прежде чем стать абсолютно

Свободным должно отчиститься от шелухи, его окаймляющей, подобно рабским кандалам и чугунным цепям. – И потеряв грудь, Марьяна договорило. – Сейчас построен базис, осталось только идти через окружение развитости институтов Прав и жить в мире «развитого либерализма».

– И когда же будет свершён переход?

– В тот момент, когда слуги и прихвостни государства повергнутся бюрократией народной, когда все граждане станут безотносительно едины в своём стремлении получить удовольствия, за секунду после того, как наши граждане отринут все мысли и идеи, противоречащие Свободе. И тогда все сплетутся в едином вихре освобождения, лишившись нужды в семье, традиции, государстве и прочей анти вольной ереси.

– И сколько ещё ждать осталось?

– О, я понимаю ваше нетерпение перейти к полной Свободе, – с улыбкой полной безумия, начло твердить существо. – Но подождите, ибо концепция «Развитого Либерализма» предполагает, что вы должны насладиться всеми преимуществами свободно-общественного социального строя. Именно «концепция» должна показать, как государство, смываемое порывом Свободы, должно отойти на второй план, него пока его существование необходимо, как площадки реализации наших целей. Погодите и насладитесь вдоволь, тем, что оно вам предполагает. Пока возводятся институты общественные, оно должно поработать на нас, а значит, и сохра-

няться на оставшиеся мизерные участочки мировой истории этот тоталитарный угнетатель.

Внезапно в купальнике у рассказчика зазвенел телефон. Пара минут разговоров и Марьяна, попрощавшись со всеми, поспешило покинуть аудиторию. Габриель, памятуя о сути кавардака, в котором оказался, сделал вид, что всё нормально и не удивлён «проповедью». Но всё же Лютер видел некую угрюмость. Как на его лице повисла маска удивления, глаза расширились, и в них засияло ошарашено изумление, накрывшая душу.

– Габр, чему ты так удивлён?

– У нас в... на границе с Рейхом не было такой систематизации безумия, Лют.

– Привыкай. Оно не сказала, но суть концепции – взять всю либеральную чушь и дерьмо, да и предать этому красивый вид. Привыкай, таков наш «свободный» мир.

Глава четырнадцатая.

Апогей мизандрии

Днём этого же дня. Феминистская Матриархальная Республика.

«Все мужчины являются угнетателями с рождения, ибо живут и существуют только для этого. Никогда и ни в какие времена мужско-ориентированные гендеры не были и не станут союзниками для женско-ориентированного гендера.

Сам факт их существования является угрозой для женщин. Каждый взгляд их таит скрытое насилие и чувство совершенства. Смотря на нас они представляют, как станут эксплуатировать. Когда эти существа просят нас улыбнуться, то от нас требуют эмоционального обслуживания. Подсказать что-нибудь это есть обслуживание информационное обслуживание мужско-ориентированного гендера. Они только и видят в нас слуг своих потребностей и самим своим существованием заявляют о собственном превосходстве над нами.

Но что же делать для нас женщин и женско-ориентированных гендеров? Быть наглыми и настойчивыми. Лезть в то, что всё ещё зовётся поганым словом «семья». Вырывать оттуда всех тех, кто похож на нас, и гноить любого «маскулита». Наша священная задача изолировать, загнать и забить

любого мужско-ориентированного гендера.

А в этом деле нам поможет Культ Конституции. Именно он стремится помочь в нашем великом деле установления равенства и Свободы. Именно Культ приструнит всех угнетателей к ноге. Да, если мужско-ориентированные гендеры находятся под пятой Культа Конституции и надлежащих организаций, зовут себя феминистами, то можно их принять в наш мир, но с опаской.

Будущее будет за нами!»

– Предисловие из «Великой Матриархальной Конституции».

Небосвод покрылся толстой пеленой серого облачного одеяла, Настолько грузный, серый, тяжёлый, похожий на бетонный навес, облачный покров внушал в каждого жителя этих мест уныние и печаль, соизмеримую с чувством тотальной обречённости. Но вот жительницы здесь себя чувствовали уверенно и даже радостно, подобно тому, словно находятся в земном эдеме.

В Либеральной Капиталистической Республике не приветствовались слова «мама и «папа» в обороте, наряду с обращениями «девушка» или мужчина», мисс» или «сэр». Но вот если представительница женско-ориентированный гендера сама себя называет «девушка» и пишет на одежде, обращайся ко мне «мисс», то это только приветствовалось, как величайший акт выбора свободы в гендерном самоопределе-

нии. Только обращение к личности по гендерному признаку оскорбительно, но не само нареkanie.

И сей край, находившийся прямо посредине Скандии (Скандинавский полуостров), ровно между Северо-скандинавской Теократией, Южно-скандинавской Технократией и Восточной Бюрократией. Зажатая со всех сторон Феминистская Матриархальная Республика, или просто «Скандийский Матриархат», выступала прибежищем для всех, кто считает себя девушкой и вступивших в какую-нибудь феминистскую организацию, и неважно в какую. Главное факт «членства в великом деле освобождении женщин от влияния наследников минувшего дряхлого патриархата». Без этого, казалось бы пустякового факта девушку даже не станут оберегать, будь то от реального насилия или излишних придиорок со стороны Механизма Свободы (Правительства). Приверженность идеям ультрарадикального феминизма разделила женщин на «своих», то есть оберегаемых, и «чужих», представлявшиеся в глазах феминисток тупыми курицами, отвергающими собственные права и свободы.

Мало кто понимал это безумие, но все его принимали, как должное. Даже мужчины, прибывшие сюда, обязаны мириться с тем, что с ними станут обходиться как с мусором.

И Эрнест это понимал. Парень, выбравший под одежду самые неброские и грубые одеяния, готовился к тому, чтобы продолжить путь. Под брезжащие звуки лопастей вертолёта, разгоняющих снежные массы, он в мыслях инстинктивно

шептал неразборчивые и не неумелые моления Богу, в которого мало верил.

– Ты точно готов? – спросила рядом стоящая сублильная и слегка худая девушка, положив жилистую руку на плечо мужчине, примяв серую ткань пуховика. – Может пойти с тобой? Я всё же девушка, ко мне должны относиться с почтением. Если пойдёшь ты, то боюсь, тебя могут не принять там и погнать назад.

– Да, – подавленным голосом зазвучал ответ в пространстве. – Я несколько дней к этому готовился.

– Просто будет напрасно, если всё будет напрасно.

Мужчина обратил свой взгляд в глубокие карие очи девушки, в которых находил доброту и тепло, греющее его душу. Чуть смуглое лицо девушки, окаймлённое капюшоном алого пуховика, так и источало всеми своими чертами заботу и обеспокоенность о мужчине.

– Эбигейл, со мной идёт эскорт из четырёх наёмников. Что со мной там может случиться? – и потянувшись к серым утеплённым штанам, зацепив пальцами, небольшой предмет и вынув, его мужчина протянул его девушке. – Если сотовая связь перестанет ловить, то воспользуйся рацией.

– Хорошо. Воспользуйся, а теперь иди. Я заплатила вертолётчику. Он нас будет ждать столько, сколько нужно.

– Ты так добра. – Слабо улыбнувшись, тепло проговорил Эрнест.

– Только возвращайся скорее.

Мужчина крепко обнял девушку и отправился в недолгий путь. Сзади него пристроилось четверо человек, с вооружением в виде автоматов и штурмовых плазменных карабинов, идя за депутатом подобно теням.

Эрнест постоянно оглядывался по сторонам. Но пространство вокруг сжимали только высокие сосны и ели, создающие непроходимый лес. Шаг в лес и можно было уже потеряться в нём, навечно заблудившись в непроходимых дебрях Скандийского Матриархата.

К единственному в этих захолустных местах поселению вела непроходимая практический весь год дорога. Только летом можно было по ней пройти, но осенью её размывали дожди, зимой по голову заметали снега, а весной превращали в месиво паводки. В основном все, кому составляла крайняя необходимость, нанимали вертолёты и долетали до специальной площадке, которая на удивление всем расчищалась, вместе с дорогой к ней ведущей.

Эрнест уверенно шагал вперёд, сметая сугробы перед собой. Щёки покраснели от колкого холода, конечности неме-ли, теряя чувствительность, но мужчина не останавливался. Его вперёд толкало не просто любопытство.

Эбигейл по своим каналам смогла выяснить, куда определили бывшую жену мужчины – Маргарет. Она сама вызывалась работать в самом заброшенном и глубоком регионе, именуемом «Заброшенная Коммуна».

Дело в том, что вся Феминистская Матриархальная Рес-

публика делилась на коммуны, где в центре были не города, а специальные поселения, в которых проживали девушки, и откуда происходило всё административное управление.

В каждой коммуне, несмотря на броские заявления о равенстве, солидарности и сестринстве, существует жёсткая иерархическая система, с точно отведёнными полномочиями и ролями. Высшим органом управления Скандиского Матриархата признавался «Круг Сестёр», состоящий из тысячи выбираемых всей «Республикой» девушек или женско-ориентированных гендеров, но на деле вся власть принадлежала правительницам коммун – Верховным Матерям, держащих всех и вся в железных перчатках.

Эрнест насмеялся над этой системой, считая её подобием воплощения тюремного правления, построенного наяву. «Те, кто заявляют о свободе, равенстве, взаимоуважении и помощи, живут как в колонии» – постоянно повторял себе мужчина.

Но сейчас ему не до смеха. Парень с трудом смог обнаружить свою не угасшую любовь, вычислить её место на карте и сейчас, всеми фибрами души он хотел лишь одного – увидеть, посмотреть в глаза и понять: осталось между ними хоть что-то, есть ли будущее у них. Однако, несмотря на тайные надежды, принявшие форму болезненного упования, мужчина осознавал, чем всё кончится.

Дорога заметена, снега по пояс, но Эрнест без усталости расстилал серебряный покровы, словно корабль на морской гла-

ди. Даже вооружённые до зубов наёмники, ветераны множества боевых действий, не поспевали за парнем, утопая в море прохладного снега.

Через несколько минут пути, пролагаемого через лесные дебри, завиднелись лёгкие очертания серой полосы. С каждым шагом она становились всё отчётливее, приобретая точные контуры, перестав сливаться с горизонтом.

– До Актирии ещё пара километров! – перебивая завывания северного ветра, воскликнул один из наёмников.

Но Эрнест его не услышал, ибо шагал к своей цели, как замороженный, не отступаясь от своей цели. Его шаг, несмотря на сопротивление ветра, и снежных сугробов, не делался медленнее, словно сами мышцы, отринув всякую усталость, проклиная себя чувством, тащили тело вперёд.

– А чёй-то он такой ретивый? – Поинтересовался у своих «коллег» один из наёмников.

– Не знаю. Топай, давай. Нам не за разговоры деньги платят.

Спустя час беспрестанной, неумолимой и непрерывной ходьбы по сугробам группа смогла достигнуть высоких стен поселения, носившего красивое название – Актирия.

Высокие, ровно десять метров, выставленные из бетонных блоков стены так и давили на души своей монументальностью. Стены наверху усеивались вьющейся смертельными кустами колючей проволоки, из которой торчали гниющие конечности, зловеще развивающиеся обрывки одежды и да-

же кости. Через каждые сто метров исполинской стены располагались сторожевые вышки, с торчащими в лес стволами не то что пулемётов... самозарядных автоматических пушек, способных разорвать в клочья лёгкие танки.

Перед группой возникли высокие чугунные ворота, с толщиной самого металла не менее десяти сантиметров. На фоне самих ворот, выделялась небольшая дверца, предназначенная для повседневного входа или выхода из поселения.

Как только пятеро мужчин стали приближаться к двери, на них, из сторожевых башен, высотой в пятнадцать метров, издав страшный скрежет, обернулись дула автопушек, готовых одним залпом оставить от парней только яркий алый след на снегу.

Эрнест механическим движением руки достал из кармана баннер и ловко расплёл его пальцами. Кусок ткани в эту же секунду стал дёргаться под действиями воздушных масс, его трепетавших. На выкрашенном в ярко-ядовитый лиловый цвет, знаменательном полотне промелькнули под солнцем символы сжатой в кулак ладони, оканчивающейся древним символом феминизма, и двух клинков за ним.

Автоматические пушки в эту же секунду сняли с наводки парней, вновь уставившись в лес и выжидая появление оттуда любого непрошеного гостя, готовясь его порвать в клочья.

– Вот это гостеприимство. Сразу становится понятно, кто тут истинный хозяин. Дают тебе понять в какой ты тюрьме.

Слова наёмника не вызвали в душе Эрнеста усмешки или

веселья, ибо вся его мысли занята сейчас совершенно иным. Десятки самых различных сценариев крутились в его разуме и все они так и норовили увести его сознание подальше от реальности, погрузив в самую суть раздумья, лишая ощущение реальности.

Мужчина аккуратно свернул полотнище и определил его в карман. Эрнест мысленно воздал хвалу Эбигейл, которая дала ему свёрток с тканью. Девушка объяснила, что это специальный пропуск, без которого «проблематично» войти в поселение, но Эбигейл не сказала, что могут и расстрелять.

Эрнест подошёл к чугунной двери и ударами кулака стал вызывать следящую за входом девушку. Кожа на ладонях с каждым ударом прилипала к металлу, но мужчина не замечал этого. Он колотил снова и снова, пока на ладонях не проступила кровь, и куски кожного покрова не остались на двери.

Через пару секунд такой само экзекуции послышались звуки дёргания ключа в дверном проёме, и через секунду она отворилась ровно на треть, повиснув на пятидесяти цепях.

– Чего надобно?

В голосе звучало злоба, отторжение, ненависть и ещё буря самых противоречивых эмоций к мужчинам, но Эрнест сжал волю в кулак и спокойно ответил:

– Я Эрнест Калгар...

– Мне плевать, как тебя зовут маскулит поганый, говори, зачем пришёл сюда в наш мир истинного освобождения? Ес-

ли ищешь жертв для угнетений, то я тебе сейчас вгоню свинца в задницу и пушу на корм собакам.

Мужчина сдержался. И снова, в полном спокойствии он зашевелил губами и говорит:

– Я депутат от Форума Свободы, представитель интересов Корпорации «Восточное Единое Торговое Собрание», а так же, – мужчина сглотнул слюну, и его уши уловили позади металлическое звучание того, как предохранитель спускается, – являюсь членом комитета по надзору за положением женщин в благополучных с точки зрения равенства регионов.

На самом деле Эрнест и не знал, есть ли такой комитет. В Форуме свободы их столько, что никто не возьмётся сосчитать, а подделать документ принадлежности не составляло труда, что в принципе Эбигейл и сделала.

– Подайте тогда ваше удостоверение.

Эрнест вытянул из куртки бумагу и протянул к цепям. На секунду из цепей высунулись цепкие пальцы и молниеносно вырвали её прямо из рук мужчины, успев только лязгнуть металлом. И через несколько секунд бумага вернулась в виде сморщенного комка, упав на снег.

Затем дверь просто закрылась, и до ушей донеслись звуки лязга металла. Мужчины стояли на морозе больше пяти минут, прежде чем все цепи и щеколды отпрянули от двери, оставив её держаться только на одних петлях.

– Заходите, уполномоченные угнетатели.

Эрнест поспешил перейти порог и как только он переступил черту ворот, его взгляду предстал вид поселения, внушивший в сознание парня ощущение ничтожности и мизерности.

Вперёд стелилась широкая асфальтовая расчищенная дорога, упирающаяся только в ещё одни ворота, расположившиеся на расстоянии трёх километров от места, где он стоял. По бокам, у стены, целый метр представлялся ямой с колами, наполненной смердящими и вонючими биологическими отходами. Смердящую и опасную яму ограждали от основного поселения сетчатый заборы с колючей проволокой, через которые не каждый альпинист перелезет.

Зрение мужчины напряглось, и он в дурно пахнущих канавах смог уловить очертания плавающих там костей и останков людей, словно их туда кто-то сбросил... или помог сброситься.

Эрнест, подгоняемый волей и страхом оставаться тут, зашагал вперёд. Его окружали довольно широкие домики, собранные из деревянных досок. Они чем-то навеивали образ лагерных домов, использовавшихся военными для жилья или содержания заключённых.

– Бараки, что тут ещё сказать. – Отпустил шутку кто-то из наёмников.

Депутат видел подобные дома в учебниках по истории. Широкие, объёмистые и простые, они навеивали образ построек из концлагерей в «древней войны всего мира против

фашистской тоталитаристской нечисти».

Среди этих удручающих построек бродили девушки, облачённые в телогрейки и рваные одежды, выглядевшие как нищенки на центральном рынке. Рядом с ними могли попадаться мужчины, но только в ещё более рваных одеждах, идя по снегу босиком и с рабским ярмом на шее. В лице каждой женщины в этой части поселения, да и мужчины тоже читались тревоги, жалость, боль и негодование.

– Держи людей наготове, что-то тут нечисто. Чую я, будем пробиваться с боем. – Проговорил один из наёмников, отдав приказ своим людям.

Внезапно на пути группы появилась одна из девушек, одетая намного лучше, чем все остальные. Блестящий белый пуховичок, так и контрастировал с чёрными штанами, покрытым кожаными сапогами на высоком каблуке. А круглые очки на её лице придавали лёгкой умиленности её образу.

– Я Мира, кураторша Актирии и требую узнать, зачем вы тут появились.

Голос её звучал требовательно и даже нагло, но мужчина продолжал держать себя в руках. Он всего лишь подал толстый пакет документов, сунув его ей прямо в руки, со словами:

– Посмотрите. Тут всё ясно изложено.

Девушка выхватила его из рук и стала лихорадочно изучать его, скрупулёзно рассматривая каждую страничку и едва ли не каждую букву. Все простояли минут семь, пока ку-

раторша усвоит суть документа.

– Что ж, мне не сказали о вашем прибытии. Обычно это спускается Культом Конституции... ладно, пойдёмте, вам нужно обсудить все дела с Верховной Матерью. – И спустив голос до угрожающего и негодующего, девушка, указав на вооружённых наёмников, Мира воскликнула. – А это что ещё за шкафы и проклятые мускулиты?! В нашем селении не может быть вооружённых мужско-ориентированных гендеров!

– Это моя охрана, предоставленная Корпорацией. Если есть какие-либо вопросы, то советую обратиться к ней.

– Вопросов нет. – С бессильной злобой прозвучала реплика.

Шестеро человек стали продвигаться по широкой дороге вперёд, ведущей к огромному дворцу, выполненному из массивного дерева в скандинавском стиле, сиявшим своим великолепием из всех концов Актирии.

Они шли очень быстро и дома мелькали так, словно они бегут. Но всё стало головокружительно меняться. Через несколько сотен метров стали попадаться дома совершенно иного качества и типа. Многоэтажные или индивидуальные, чёрные или белые, неважно какого размера и какой приверженности в цветовой палитре, все они лучше чем то, что на окраинах.

И жительницы тут выглядели намного лучше. Облачённые в нормальные одежды: от пуховиков до тяжёлых курток,

с их лиц не спадали улыбки и внутреннее излучение счастья, словно они пребывают в сущем раю. Игривые, радостные, весёлые девушки кардинально отличались от своих сестёр с окраин.

Однако положение мужчин не отличалось, ибо они ходят теньями среди девушек. Многие попадались в обносках, босые на ледяной земле и асфальте. Лики отражали сущность изнеможения и маску застывшей боли, словно это рабы,... но ведь это и есть рабство. Как считала добрая часть всех феминисток – «рабство, принижение и боль – вот три состояния, когда мужско-ориентированный гендер не угнетает. А если он не угнетает, значит, таковым должно быть его существование, ибо на этом будет покоиться равенство».

В нескольких десятках метров от Эрнеста, у самого дома, в клетках жил мужчина. У его ног валялась алюминиевая миска, наполнена застывшей на морозе баландой. Бедолага постоянно трясся и стонал, как будто он пёс, а не человек. Ещё пара часов и он в конец околеет.

Эрнест, ведомый негодованием, повернул голову в другую сторону, и вновь его накрыло отвращение. У одноэтажного широкого дома, стояли в ряд мужчины, с цепями и ярмом на шеи. Цепи приковывались к большому камню, а на шеях висели таблички с ценником. Полтора феминца, один феминц... Непомерно дёшево, если учитывать, что феминцы и федералы практически одного номинала. Эрнест покопался в памяти и вспомнил, что примерно столько же стоит его

завтрак в парламенте.

Негодование, отвращение, тошнотворные ощущения снова обурили душу парня. За дни работы в парламенте он смог побороть свои чувства, но при виде истинного «равенства» между мужчиной и женщиной, злоба и гнев снова брали верх в сознании и душе депутата.

И чем дальше в Актирию, тем больше становилось «истинно свободных женско-ориентированных гендеров, уравнённых в правах с мужчинами» и самих «мужчин, которые больше не посмеют угнетать женщин». Ценники на шеях, клеймо обладательницы, клетки и конуры, цепи и кандалы: всё это становилось только началом, лёгким преддверием перед ужасающей действительностью.

Все три километра пути, взирая на помпезность жизни «угнетаемого пола», Эрнеста брал святой гнев и хандра бессилия. Он стал свидетелем того, как худощавый парень, осмелился поднять взгляд на свою хозяйку, но та его громгласно и с пеной у рта обвинила в том, что он собирался её домогаться и умозрительно эксплуатировал. Взяв толстенный кнут, она стала бить точно в цель. Через минуту побоев мужчина ослеп на один глаз и пал без сил на холодный снег, свернувшись калачом у дома, держа окровавленный лик.

Но время шло, и группа всё ближе подходила к великолепному дворцу, возвышающемуся на пятьдесят метров вверх, проминая души своей монументальностью и величием. Его окружал внешний двор, набитый солдатками,

окружённый десятиметровой стеной, где только один вход и один выход.

– Открывайте! – встав у двери, воскликнула кураторша. – Пришли парламентарии-проверяющие.

Мощные ворота, выполненные из стали, украшенные безумными узорами и символикой, с металлическим стоном и плачем материи разверзлись, впустив группу вовнутрь. Эрнест бегло оглядел внешний двор. Но на вид ему попались только группы солдаток с оружием наперевес, стойки с оружием, манекены для тренировок и прочие атрибуты военной касты, покоящиеся на расчищенной от снега каменной плитке. Пройдя ещё два десятка метров, депутат взошёл на высокую лестницу, по крыльцу, подступивши прямо к огромным резным деревянным воротам. Через секунду они распахнулись, пропуская гостей.

Внутреннее пространство крепости приводит в состояние эстетического восторга, ибо «Приёмный Двор» не мог быть похож на захолустье. С четырёх сторон окружали деревянные стены, в которых копошатся служанки и рабы, обслуживая элиту, а на самих фортификационных постройках службу несут стражницы, незаметно передёргивая затворы. Со стен свешивались десятки лиловых флагов, мотив которых ясен и понятен. Открытое небо над головой и отсутствие крыши только усиливали ощущение вольностей. Пол под ногами стелился брусчаткой, издавая каменное треньканье при каждом соприкосновении каблуков.

Однако самое примечательно таилось впереди. На огромном золотом троне, утеплёнными мехами и системой подогрева, со ступенями к нему, восседало нечто похожее на человека. Тучное, размазанное в пространстве существо смотрело на вошедших. При каждом вздохе содрогалось множество участков непокрытого тела, словно оно состоит из холодца. Заплывшие жировыми волнами обвисшие ноги, руки, словно распухшие от ультра агрессивной бубонной чумы руки, накрашенные губы, и простирающиеся на шести подбородках волосы вживлённой бороды. А на голове переплетались в косы сальный и блистающий седой волосяной покров. Одеждой для такого существа служит небольшая мантия, слегка затворяющее смуглое кожаное покрытие.

– Господи, из какого музея этот мамонт сбежал? – Отпустил шутку один из наёмников.

Рядом с ним стояла девушка в латексной одежде и фиолетовой причёской панка с кнутом на бедре. По левую же сторону от непонятого существа стояла девушка с таким количеством волос, что один её вид навевал Эрнесту образ одной мохнатой обезьяны, которая обросла толстым слоем шерсти. Но вот каждый волос этой девушки блестел в поту, а по внутреннему двору гулял стойкий аромат испарины и фекалий.

А у подножья трона расставлены столы с тысячами различных яств, которыми ужираются представители феминистской элиты. В дорогих пальто, сделанных из настоящей кожи, с золотыми кольцами и перстнями на пальцах, они по-

жирали такую пищу, о которой большинство обычных жителей страны могли только мечтать. А возле трона и столов прислуживал «класс угнетателей» с кандалами на руках и в лохмотьях на теле.

Весь образ увиденного напомнил Эрнесту уроки истории и рассказы о феодальных королях, античных рабов и концлагеря. Только тут, в Матриархате, все смешивается воедино. Каждый момент истории сплёлся друг с другом, породив ужасающую искажённую реальность.

– Я, у-у-ах, – сошла огромная масса плоти на отдышку. – «Верховная Мать» Актирии. Мне все тут подчиняются и служат, знайте это. Зачем пожаловали в наш мир равенства, маскулиты проклятые? – Внезапно заговорило существо, вырвав Эрнеста из его мыслей.

От такого голоса Эрнесту сразу стало не по себе, как будто ударили по его мозгу, но он снова сжимает волю в кулак и стал говорить:

– Я Эрнест Калгар, депутат Форума Свободы, пришёл к вам с проверкой.

– Хах, дамы вы знаете кто этот угнетатель?

– Нет, – все дали ответ.

– Как не знаете? – Голосом, полным удивления произнесла Верховная Мать. – Это червяк, который пришёл нас проведать и уйти отсюда, получив пару отменных пинков на прощание.

– Подождите. Я, наверное, знаю, кто это! – Воскликнула

девушка с кнутом. – Очень давно, во времена до моего обращения в феминистскую истинно либеральную веру я жила обычной жизнью свиноматки и прислуги.

– Маргарет. – С трепещущим сердцем, шёпотом выронил Калгар, смотря на искажённое в злобе и ненависти лицо бывшей жены, продолжавшей рассказ.

– И из той, во истину тёмной и дремучей жизни я помню это имя. «Эрнест», так, вроде, звали моего бывшего мужа. – На девушку тут же все бросили взгляд, полный непонимания и презрения, отчего феминистка тут же оправдательно затараторила. – Да, до становления меня в вашем сестренстве, я пребывала в гнилой жизни угнетёнке, но теперь, с помощью гипноза у меня вырвали эти воспоминания и отчищена от традиционалистской скверны!

– Маргарет... – Узнав изменившуюся до безумия, возлюбленную, прошептал Эрнест, приложив руку на сердце, едва не упав, но наёмник сзади поддержал его.

– Скажи, моя милая, у тебя могут быть мужья? – Язвительно, почесав третий подборок, обратила к девушке вопрос «Мать».

– Все они угнетатели и рабы, достойные того, чтобы лизать грязь с подошвы вашего сапога! – Громогласно отчеканила Маргарет.

Эрнест обратил свой, пылающий отчаянием и безумием взор прямо в лик девушки. Но залитые чёрной краской глаза не способны выдать самую простейшую эмоцию, остава-

ьясь оплотом равнодушия. А на лице, усеянном татуировками и пирсингом, не дрогнула ни единая мускула. Маска равнодушия и «Свободы» повисла на лице Маргарет, сжигая все чувства Эрнеста.

Парень понял, что стало с ней. Как ей промыли мозг, и каких теперь Маргарет идей привержена. Что ж, Эрнест шёл через райский ад на земле, ради одного этого момента, чтобы заглянуть в глаза и душу бывшей жены, любви и увидеть там... потерянную бездну, ничего. Эрнесту оставалось только доиграть выбранную роль. Подвести к концу начатый цирк.

– Как же ты изменилась Маргаритка, – шёпотом провещал сам себе депутат.

– А что это тут уловил мой слуховой аппарат? – Изливаясь слюной в разные стороны, содрогаясь волнами жира на теле, громогласно вопила женщина. – Марга, а ну-ка покажи своё истинное отношение к угнетателям!

Девушка в мановение ока сорвала кнут с бедра, занесла его и простёрла через пол двора. Кнут, покрытый стальными шипами, и обитый медью, коснулся раба, держащего графин с водой рядом со столом, издав смачный шлепок. Спустя мгновение мужчина брызнул кровью из спины, обронил посуду и пал замертво, а Маргарет тем временем машинально сложила кнут, встав по стойке смирно.

– Понял, поганец, – вновь заговорила женщина, будто откормленная для того, чтобы давить борцов сумо одним сво-

им видом. – Тебе не стоит юлить и играть с нашими девчонками. Марга, рассечёт тебя пополам, а Верика, – и ткнул разбухшими пальцами на женщину, будто бы покрытую шерстяным покровом, – наша главная бодипозитивщица, сломает тебе хребет одной левой. – И задыхаясь от собственного веса, на пике отдышки Верховная Мать кинула. – Говорите, зачем припёрлись?

Эрнест молчал. С одной стороны ему хотелось выхватить у наёмника пистолет и расстрелять эту тушу, обратив её в дымящийся кусок мяса, стараясь как можно дольше продлить её страдания. Но... депутат обратился к литании, взял свои эмоции в кулак и только благодаря одной силой воли не сорвался.

– А ведь хорошо вы устроились, «угнетаемый класс». – С нотками негодования полилась речь. – Не думаю, что всё это одобряют в центре.

– Уже одобрили! – Вместо Верховной Матери воскликнула одна из объедавшихся феминисток. – Все те мужчины, которых ты видел, подписали бумагу, контракт, на то, что их будут кормить, греть, поить, а они на нас работать. Их никто не заставлял его подписывать. Наши агентессы разбросаны по всей стране, и именно они собирают для нас великую дань – бомжей, нищих и бедных, которые работают на нас. Поймите, один росчерк пера их делает такими, ибо мы никого не принуждаем к этому. У нас страна свободная – каждый может стать рабом.

– Видно же...э-э-у-у-х-х, – выдохнув отдышкой, затворила глава «колонии», – мальчик новенький...э-э-у-у-х-х, не разбирается во всём.

– Я не понимаю, зачем эта бутафория в колючей проволоке и в тех ямах с дерьмом? Кого вы пытаетесь ею напугать?

– А кто это сказал, что эта бутафория? – Воспротивилась Верика. – Это следы тех псов, попытавшихся от нас улизнуть. Кто-то не захотел исполнять условия подписанного контракта и решил произвольно покинуть нашу великолепную коммуны. Я даже помню, как сама пару хребтов переломила. Как стонали и кряхтели они, как хрустели шеи и позвонки.

– И всё это возможно в стране, в которой «уважаются права и свободы всех и вся». Какая ирония.

– В нашей Матриархальной Конституции сказано, что Феминистская Матриархальная Республика создана для женщин и женско-ориентированных гендеров, а значит и править нам, а не вам, маскулитам проклятым.

Эрнест просто сглотнул и продолжил диалог, стараясь сильнее сдерживать злость и гнев, постепенно овладевающие душой:

– А как же ваши «сёстры» на самом краю Актирии? Почему они в такой нищете?

– Потому что у нас иерархия свободных! – Воскликнула другая феминистка из элиты, облачённая в чёрное пальто. – Для того чтобы продвинуться дальше по лестнице, нуж-

но хорошенечко послужить на благо поселения. Только побыв в «шестёрках» пять лет после прибытия можно надеяться стать кем-то лучше.

– Иерархия свободных,... какая ирония. – Мрачно констатировал Эрнест. – Прямо как в тюрьме.

– Э-э-у-у-х-х.... Ты ничего не поднимешь.

– Ну да, от вашей мизандрии просто тошнит. – Гневно выпалил мужчина.

– Мизандрия?! – Золотой трон скрипнул от того, что «мать» вцепилась в подлокотники со всей силы. – Разве. Это ваше состояние, в котором вы не посмеете нас угнетать, это эволюция всего мужского пола и мужско-ориентированных гендеров... Э-э-э-у-у-х-х-х. После этой эволюции вы действительно перестаете нас угнетать и ждате, обслуживая всякого рода. Поверьте, это и есть истинное равенство, ибо в нашей великой Республике мы добились того, что ваш проклятый брат больше не смеет нас умозрительно, эмоционально и всячески эксплуатировать всех женщин. Разве это не прекрасно, больше не чувствовать себя угнетаемой? Как смешно, но палка и юридический факт из вас обезьян сделали существ, отчасти похожих на людей, ибо истинным человеком может быть только девушка, как апофеоз творения эволюции биологической. Именно женско-ориентированный гендер есть «Номо Liberus», то есть высшая степень развития человека! Э-э-э-у-у-х-х-х.... Я надеюсь, что мы донесём эту волну равенства до всех уголков Либеральной Ка-

питалистической Республики.

– Ваш мир – тюрьма! – не выдержав напора чувств, взревел Эрнест. – Вы как бывалые преступники, или крысы в стае – жируете за счёт и на силах тех, кого поработили, или считаете «молодыми сёстрами, которые должны познать суть служения феминизму». Вы как преступный авторитет, но только обрюзглый расплющенный в пространстве.

– Тюрьма, у-у-ух? – на глубоком вздохе удивилась гротескная женщина. – И что же вас навело на такую мысль?

В ответ Эрнест лишь метнул взгляд полный боли и печали на обезображенную Маргарет и едва не прислался. Его сердце вновь кольнуло и он взялся за грудь, сжав на себе одежды.

– А-а-а-а! – затянула «мать». – Вот оно что! Тюрьма говоришь... мы можем с тобой поговорить без твоих цепных псов?

В ответ мужчина слегка кивнул и отправился вслед за «королевой» этого места, слушая стоны, и больные восклицания тех, кто тащит этот

Через пару мгновений они оказались в Ледяном Саду – всюду и везде виднеются скульптуры, высеченные из замороженной воды, вперемешку с искусственными деревьями и кустарниками, от которых исходят вполне натуральные ароматы дубовой рощи, вперемешку с приятным запахом пихты и липы.

– Где мы?

– Ещё в моём дворце. Ледяной Сад – произведение искус-

ства феминистской цивилизации, но я позвала тебя, у-а-ух, – тяжело выдохнула «мать», – для другого дела.

– Как? – утёр слезу Эрнест со щеки. – Как вам удалось её сломить? Почему она теперь служит этому мракобесию?

– Ага, у-у-ух, ты схватил-то темку. Пойми, маскулит проклятый, твоя девка теперь моя... она поняла всю истинность нашего учения и присоединилась к нашему великому делу.

– Но как? – возмущённо спросил парень. – Какими способами вам удаётся ломать души и рассудки?

– Что ж, думаю в стороне от твоих дружков и слишком впечатлительных сестёр можно сказать... да и если ты это расскажешь тебе никто не поверит. У-ух-х. Сначала в тюрьме её подвергли тяжким истязаниям, дабы измотать тело и разум, а затем ей пришли наши феминистские миссионерки и устроили ей бомбёжку любовью, показали, что только новое сестринство может её спасти. Да и в придачу к этому считай, её истязатели оставляли только тогда, когда рядом были эмиссары феминизма и, в конце концов, нам удалось надломить её рассудок, и она стала всё больше проводить времени с теми, кто нёс ей облегчение от мук.

– Но это не может так изменить человека.

– Да, маскулит треклятый, ты прав, помимо всего прочего ей добавляли в еду токсины и специальные вещества, дабы повысить восприимчивость к нам. А затем её забрали сюда, обложили любовью и уважением, и она растаяла как воск. Только тогда мы жёстко ограничили её питание, обрезали

сон и оградили её мозг от продуктов способствующих мышлению. А затем неделя гипнотических сеансов, и «обращение в феминизм» – приятие новой сестры в наши ряды.

– Вы же с ней поступили, как это делают секты! – прокричал в гневе Эрнест.

– Пускай, у-у-ух. – Главное, мы получили новую сестру, которая теперь нам служит верой и правдой. Забудь про свою жену... она теперь моя и феминистского сообщества собственность.

Эрнест с «матерью» покинули Сад и устремились обратно – туда, откуда ушли. Мужчина с досадой ещё раз посмотрел на свою жену и понял, что Маргарет теперь потеряна навсегда – её разум сломлен, душа искалечена, как у сектантов в тоталитарном культе.

– Давай-давайте! – надменно закричала в спину Эрнесту, верховная феминистка этого городка. – Проваливайте, а я сейчас порезвлюсь на славу с сестрой Маргой, и ты тварь рано ил поздно сюда попадёшь!

Мужчина не удержался, злоба и ненависть к этому убогому существу взяла верх над холодным разумом. Его рука скользнула по столу, и цепкие пальцы захватили гранённую двухкилограммовую пепельницу, в которой всё ещё светится тлеющий пепел. Эрнест мгновенно развернулся, чем заставил публику напрячься и швырнул произведение искусства в рожу «Матери». Тяжёлое изделие прилетело в голову, расшибив гранями бровь и повредив глаз, отчего женщина

неистово взревела и ухватилась за око, в области которого всё покрылось кровью.

– Скотина! – кто-то прокричал со стороны.

– Ты посмел напасть на «Мать»! Мы вас уничтожим! – взревела одна из феминисток-солдаток, передёргивая затвор, а в ответ наёмники вздёрнули автоматы, готовясь тут устроить перестрелку.

– Не трогайте их! – тревожно заголосила кураторша. – Они из Корпорации!

Бессильная злоба и ярость повисли в пространстве. Маргарет готовилась сорвать кнут, но остановилась. Эрнест видел, что его бывшая собиралась располосовать, отчего ему стало ещё больнее, но всё же он нашёл в себе силы покинуть это место достойно, не устроив от негодования и омерзения бойню.

– Я буду писать в Культ Конституции! – прокричала «Мать» вдогонку, держась за выбитый глаз, но Эрнесту уже всё равно.

Глава пятнадцатая. «Души бастион пламенеющий»

Полдень следующего дня. Город Микардо.

Все дивились тому, что разворачивается на улице и в пространстве города. Улицы, скверы, парки и дома утопали в солнечных массах. Вечная пелена серости и облачных масс, издавна накрывавших несменяемой пеленой город, развеялись, предоставив город на солнечный взор.

Ликованию нет предела, и оно простирается по всему Микардо, начиная от невзрачных парков, куда стекалось множество людей, дабы отметить долгожданное появление солнечного диска над небом, вплоть до душ самих людей, истинно радующихся проявлению небесного света во всей своей красе.

Лёгкий морозный ветерок гулял по улочкам и скверам дальнего в Республике, как и для самого Диархата, города. Ветер, гонимый с севера, обрёл довольно игривые и шаловливые формы, поднимая в воздух всякую мелочь, весело её швыряя и всячески с ней забавляясь.

Горожане истинно дивились такому исходу событий, и повелению судьбы, которое привело к тому, что солнце теперь вновь воссияло над их головами и лучи главной звезды опять греют дома и сердца людей.

Естественно, все стали искать причину столь прелестного события и быстро её обнаружили в благосклонности Корпорации «Южный Поток», державшей эту часть страны в ежовых рукавицах. Оказалось, что Компания «во имя дарования гражданам нескольких солнечных дней прекратит работу производств, загрязняющих небосвод, и понизит цены на ряд товаров». Но истина оказалась прозаичнее. Некоторые люди видели, как Компания вывозит на огромных грузовиках какие-то ящики и станки, и завозит новые, что, скорее всего, было сменой оборудования. Но объявление Корпорации направлено не на отвлечения внимания, а на потребителя, ибо за первые сутки такой «благотворительности» прибыли «Южного Потока» в этом регионе возросли на двадцать два процента.

Однако простым жителям просто всё равно на такие объявления, ибо радость от появления солнца накрыла всех. И каждый постарался выразить своё ликование в меру своей распушенности.

Тут же в местную администрацию города было подано тридцать два предупреждения о проведения шествий. Тут не просили позволения, а предупреждали, так как разрешения не требовалось.

Первым и самым массовым митингом должен стать парад ЛГБТПАиПНА, собравший под свои знамёна сорок тысяч горожан. Вторые после него собирались расхаживать десять тысяч из различных организация, отдавшим души идеи

Чайлдфри. Они даже арендовали в частных детских домах триста детей разных возрастов, чтобы посадить их в клетки и провести по городу, тем самым показывая, что нужно огородить всех чад от «нормального цивилизованного общества». Ну а так же сторонники культа Чайлдфри каким-то невиданным образом обзавелись ста килограммами использованных памперсов, для того чтобы закидывать ими толпу зевак и участников, и доказать, как противны и омерзительны все дети. Ну и третьим в этом параде станут последователи различных движений, посвятивших свои души растерзанию удовольствиям. Пять тысяч гедонистов собирались прокатиться по городу и показать, как под солнце хорошо совокупляться со всеми возможными предметами, принимать яды и токсины, получая безграничные судороги удовольствий, сношаться с животными, упиваться тысячами сортов алкоголя и всячески утопать в «Правах Потребления».

Для местной администрации последние самые нежелательные шествующие фанатики своих идей, ибо после них приходилось прибирать от трупов множественные улицы и дороги, ибо «соратники по потреблению» так агонизировали в удовольствиях, что под конец оставалось меньше половины участников.

Культ Конституции в Микардо приободрился и заработал с тройным рвением. Теперь в местную конституцию они хотели ввести «право на получение солнечного света», и вписать несколько строчек, сумасбродного смысла, вроде: «при-

родно-небесные силы обязаны доля благополучия граждан раз в месяц предоставлять солнце, ибо так прописано в Конституции». Но тут же немногочисленные защитники природы заявили, что у неба не спросили, хочет ли оно показывать солнце или нет, тем самым нарушили его право на предоставление природных благ. Синоптики, посмеявшие заявить, что появление солнца не зависит от «выбивания прав у неба», а неразрывно напрямую связано с деятельностью труб Корпорации, в момент заклеились Культуром Конституции приверженцами тоталитарных порядков и «проклятыми традиционалами», а с подачи Корпорации отправились в безвременный неоплачиваемый отпуск, пока не найдут себе другую работу. Однако, Культ Конституции и природы защитники заключили с «Южным Поток» договор, по которому на один раз в месяц Корпорация прекращает выбросы в небо, а те им компенсируют убытки в двукратном размере. И сегодня утром Совет Города стал думать о введении для всех, кто не относится к «Вестникам Свободы», налога на солнечный свет.

Одно появление солнца вызвало столько переполоха и перемен-фикций, от которых могла закружиться голова. Но находились те, кто просто радовался появлению солнца и образованию ледяной корки на снегу. Их мизерное ничтожество, но их видно невооружённым взглядом. Они с лёгкостью опознаются: по здоровому взгляду, лишённому приторному стремлению к Свободе; по уверенной, но не наглой походке;

и по истинной радости и нефальшивой скорби на лицах.

Пятеро ребят спокойно расхаживали по городу, не опасаясь даже Культистов-Конституционалистов и Фем. Патрули, шныряющие подобно гиенам в поисках бессильной против них жертвы.

Жебер Вирилис, Ансуа Торн, Амалия Илия, Лютер Калгар, и Габриель. Пять студентов после очередных занятий в ВУЗе спокойно двигались по одной из улиц, сжимаемой невысокими пятиэтажными домами, обклеенными разноцветными объявлениями.

Первый парень сегодня выбрал для одежды элементы классического костюма, только полностью белые, начиная от туфель и заканчивая пиджаком. Ансуа же предпочёл одежды чёрных оттенков, начиная от кожаного жакета, вплоть до обуви, отдалённо напоминающей мокасины. Единственная девушка не стала сильно наряжаться, надев на себя только брюки, туфли, рубашку и лёгкую куртку, пренебрегая даже самым простым макияжем, ибо красивое лицо могло задеть чувства самых ярых из «генеративных участниц бодипотива». Лютер так же решил сегодня одеться несколько невзрачно, и его атрибутами сегодня стала тёмная мешковатая кофта с высоким горлом, джинсы и ботинки. Но Габриель... Этот парень словно бы чувствовал себя свободнее всех в этой группе, придя в том же размахистом пальто, в полусапогах и плотных джинсах.

Несмотря на всю внешнюю помпезность, фривольность и

свободный стиль Габриель чувствовал себя внутренне скованно и ощущал чужаком в непонятном мире. И даже та самая концепция «Развитого Либерализма», которую его уши услышали вчера, и сознание распознало всю её безумность. «Новый дивный мир», в который он умудрился попасть, для юноши, попавшего из мира «Империи камня и веры», казался чуждым и диким. Воспитание, ставшее стержнем и сутью для души, праведностью, уважением, сдержанностью и ещё десятком постулатов доброй морали, столкнулось с адским неистовством неизведанного мира, где балом руководили все дьяволы слуги, как их называли в Империиал Экклесиас – похоть, потребление без границ, жестокость, распущенность, да и все семь смертных грехов. Габриель, сдерживаемой лишь одной волей, чувствовал на душе колкий и тяжёлый камень, тянущий всё его естество в бездну уныния и печали. Парень ощущал себя полудрагоценным камнем и будто его нерадивый ювелир, архитектор судеб, пытается вставить не в ту оправу. Ему колко, тяжело и больно, но всё ещё небесный ювелир пробует закрепить его в лоне новой и неподходящей для этого камня жизни.

Воспитанный в Рейхе, возвращённый на его постулатах и принципах праведности, Габриель с омерзением смотрел на окружающую его действительность. И только ребята, с которыми он успел подружиться, стали для него опорой в новом мире. С Алехандро, Верном и Элен он виделся только вечерам и то только разве слушал их рассказы о том, как они

учатся. И с каждым подобным днём парень всё дальше отдалялся от своих друзей и становился ближе к новым знакомым, всё теснее с ними общаясь.

Однако даже сейчас Габриель ощущал себя отчуждённым ото всех. Груз прошлого, идущий тенью из самого Рейха все ещё тяготил его, не оставляя ни на шаг. Да и сам парень боялся невзначай проговориться, откуда он родом, а не как представлено в легенде.

– Габриель, почему такой хмурый? – зачесав длинноватые волосы с чёлки за ухо, задорно спросил Ансуа, чем вырвал юношу из его рассуждений. – Сегодня солнце выглянуло, есть повод радоваться!

– Да ладно тебе Анс, – в разговор вмешался грузный Жебер. – У них на границе там, наверное, этого солнца хоть отбавляй. Не так ли?

– Солнца много, – тяжело выдавил немногословный Габриель, памятуя о днях в Милане. – Но теплее от этого не становится.

– Кстати, нам твои друзья рассказали, что у тебя у вас очень мало этих «Вестников Свободы». – Выделяя интонацией глубокого пренебрежения вмешалась в разговор единственная девушка.

Рядом идущий Лютер уловил в словах Амалии, пренебрежение ко всем содомитам, что пробежалось в душе тёплой волной. Калгар радовался тому, что дама не разделяет идей из концепции «Развитого Либерализма».

– Мы жили в отдельном доме, на самом крайнем городе. Там их действительно мало. – Пояснил Габриель, пересказывая легенду прямо на ходу, плавно переходя к вопросу. – Кстати, как вам они?

– Кто? – Усмехнувшись, промолвил Лютер.

– Знакомые мои.

– Вроде неплохо, – с положительной оценки, сказанной довольным голосом, взял отклик Ансуа. – Они конечно учатся на другом факультете, но с виду выглядят ничего. Мне даже удалось поговорить с одним парнем. Как там его... ах да! Верн.

Габриель, смотря на Ансуа, тут же вспомнил очертания лица и нотки характера своего старого смуглого товарища, встречающегося с Элен. Ансуа и Верн во многом были похожи, начиная от манеры одеваться, до еле ощутимых ноток себялюбия в характере. Но всё же Верн, в глазах Габриеля и его представлении является более компанейским, дружелюбным и необязательным в различных делах. Ансуа строго ограничивал меры должного поведения с другими, активно общался только с друзьями, и ставил себя в строгие рамки поведения, чтобы не попасть в какую-нибудь оплошность.

– Элен какая-то странная. – Скоротечно изрекла Амалия. – Любит баловаться с лёгкой косметикой и наряжаться, словно идёт на праздник. Габриель ты бы ей объяснил, что так можно и штраф схлопотать.

– За что?

– Ты как будто с другой страны. – С некой серьёзностью вымолвил Жебер, отчего Габриель подмял губы и видимо напрягся. – За слишком женственный вид её могут остановить феминистские патрули, и заявить, что подобным видом они оскорбляет всех любителей естественной красоты и вызывает у мужчин желание её умозрительно эксплуатировать.

– Откуда это? – в вопросе промелькнули нотки ошарашенности. – Я ещё не разобрался с законами.

– Прямым из Феминистского Кодекса, – ответила Амалия. – Ей конечно за её проступок могут вынести предупреждение... а могут и штраф. Даже я стараюсь одеваться... красиво не чаще чем пару раз в месяц.

– Да ладно, – голос Лютера не ощутимо, но дрожал, – ты и так каждый день выглядишь красиво, несмотря на то, чтобы одела.

Габриель уловил струнами души эту дрожь, и она оказалась для него больно знакомой. Для него чувства давно отступили на второй план, практически растворившись, но ранки остались по-прежнему не заживлёнными и терзали ощущениями ненужности, обиды и отторгнутой эмоции привязанности, душу.... Так давно по количеству и насыщенности событий, но по времени мизерно мало.

Новенький юноша обратил свой взор на Амалию и увидел, как девушка покраснела и слабо улыбнулась, ответив Лютеру:

– Спасибо. Приятно.

– Ох, Лютер, осторожней бы с комплиментами. Сам знаешь, что за них может последовать. – Предупредительно предрёк Ансуа. – Обидеть чувства «Вестника Свободы» и задеть его право на необижаемость... может не лучшим исходом закончиться. Сам знаешь.

– Конечно, знаю! – Возмущённо, но с юмором, воспламенил чувствами Лютер. – Я знаю, что комплимент есть форма эксплуатации женщин, как заявляют все «защитницы прав женщин». Пускай, но почему я не могу похвалить эту прекрасную девушку, – положив руку на плечо Амалии, дрожа тембром, говорил парень, – если она действительно прекрасна и одним своим видом делает этот мир светлее?

Всех накрыла волна лёгкого смеха, которая мгновенно сменилась на каменные лики. По злой насмешке судьбы их ликование и радости прекратились, ибо впереди заканчивалась улица, и плиточная дорога переходила в серую парковую зону. В метрах двухстах огромная ржавая арка, с осыпавшейся бетонной конструкцией, обозначила вход в парк. За аркой распростёрлись множественные снежные поля, на которых резвились и предавались множествам утех десятки горожан.

Габриель напряг зрительные нервы и увидел уже ставшую привычной картину удовлетворения всех возможных похотей и нужд. Несколько десятков человек сплелись в акте совокупления, и их ахи, возгласы и вздохи повисли вожделенным ореолом над парком. Аромат курительных смесей и сла-

щаво-липкий запах токсинов дурманящим кулаком бил прямо в нос, заставляя носоглотку испытывать щиплющие чувства. Человек тридцать там, на холмиках парка катались, плакались и смеялись, будучи угашенные в наркотическом угаре.

Все упивались иллюзорной крохотной свободой как могли в этом либеральном мире. Однако ребята тут же отвлеклись на иное.

– Вы эксплуатировали нашу дорогу несколько километров, – внезапно зазвучал мужской голос сзади, – за пользование нашими дорогами мы взымаем плату.

– Не напомните, а вы кто? – Сурово задал свой вопрос Габриель.

Мужчина, облачённый в дырявое светлое тканевое пальто, потёртые туфли, грязную шляпу, имеющий услужливые черты лица, выпрямился во весь рост и с радостью и гордостью в словах, чётко ответил:

– Мы есть держатели прав на владение, распоряжение и управление дорогами города Микардо. Взяв бесконкурентную монополию на дороги муниципального образования, мы предлагаем на рынке обслуживания уличных дорог самые лучшие условия. Мы есть Общество Улиц города Микардо и за свою скромную работу требуем всего лишь небольшой внос.

– За право пользоваться дорогами и ходить по городу? – въедливо спросил Габриель.

– За право пользоваться лучшими улицами Микардо. Наш свободный рынок предполагает приватизацию всего и вся, и, пользуясь этим Общество Улиц города Микардо, купив их, содержит в самом лучшем виде, ибо ни государство, ни муниципалитет нее способны были этого сделать.

– А если у кого-то нет денег? Если кому-то необходимо срочно попасть в больницу? Что делать тогда?

– Наш справедливый рыночный мир, прежде всего, требует оплаты за свои услуги, ибо таковы условия контрактов и соглашений. Если... а пускай превозмогает свои болезни. Обществу Улиц города Микардо плевать на это.

– Безумие.

– Не сумасшествие, а свободная либеральная рыночная экономика, ориентированная на получение максимальных прибылей. – Горделиво заявил человек и тут же перешёл к упрёку. – У вас, что, разве нет денег?! Я тогда вызываю полицию, чтобы они их выбили! – И тут же мужчина потянулся к свистку.

Внезапно ему легла женская рука на плечо, с отлично исполненным маникюром и накрашенными в чёрный цвет ногтями, примяв плечо, а в кармане дырявого пальто игриво забренчало пара монет.

– Вот, успокойся и не кипишуй, – мгновенно зазвучали приятные слова. – Тут за двоих.

– Хорошо. Приятно иметь дело с людьми, осознающими преимущества и обязанности по рынку. – Кинул представи-

тель Общества Улиц города Микардо и поспешил ретироваться.

Человек, отпрянул, представив виду ребятам прекрасную девушку. Выбеленные длинные волосы аккуратно ложились на джинсовую куртку, лишённую всяческих символов опознания, а на рукаве зияла пустота. Джинсы на ногах покрывались кожаными сапогами старой, древней, кройки и образа. Светло-голубые глаза девушки смотрели на ребят, что с крайним удивлением взирали на эту картину.

– Вы не против, если я с вами пройду? – Не отрываясь от лика Габриеля, смущаясь, задала вопрос девушка, слегка улыбнувшись.

– Конечно Хельга, – голос Жебера принял антураж насто-роженности, – но нам через несколько минут расходиться.

– Но никто не будет против. – Голос парня показывал, что Габриель словно щегольнул перед остальными.

Души ребят резонировали от ощущения лёгкого страха, удивления и смущённости. Ещё позавчера Хельга их сторонилась, но сегодня готова с ними пройти. Ещё вчера ярая и безумная феминистка, терзающая всех, кто посмотрит на неё косо, шла вместе со всеми и готова радоваться жизни, вопреки нагнетаемой обстановки из журналов «Свобода в опасности», «Берегись традиционала» и всему тому подобное.

– Амалия, – обратилась Хельга, – а почему ты сегодня не одела ту прекрасную кофту с рисунком?

Все вострепнулись от вопроса, словно он прозвучал как гром среди январского небосвода. Никто не ожидал такой речи, и ребята едва ли не впали в ступор, идя по городу, но Амалия оперативно ответила:

– Да она в стирке. Завтра одену.

– Одень-одень, тебе очень идёт.

Беседа готова перерасти в нечто большее но, путь и нужда диктовали свои условия.

– А тут мы разойдёмся. – Огласил Ансуа. – Я с Жебером в бар.

– Я с Лютером собиралась в магазин. – Добавила Амалия.

– Ну, тогда, пожалуй, я ещё пройду с Хельгой, – тяжело выдохнув, произнёс Габриель.

Расставание друзей длилось не более десяти секунд. Все попрощались быстро, неприлично скоротечно, ибо знали, что встретятся ещё завтра. И тогда Габриель один остался с девушкой, решив её проводить до ближайшей остановки, чувствуя на подсознательном уровне, что должен сделать.

Пара двинулась дальше. Их души захлестнул ярый разговор, и они ударились в обсуждение всего, что можно. Говорили о кино, о цветах, о дорогах, зданиях, машинах и всему, что вообще взбредёт в голову. Габриель таки не замечал, как проходит время, и пути становится всё меньше.

– Скажи, а кто были твои родители? – спросила Хельга, ожидая услышать радостный рассказ о прекрасном детстве, но в ответ послышался лишь холодный тон, оттеняющий пе-

чалью:

– Я... я... даже не знаю, как сказать. Мои родители... я рос без них.

– Так, стоп...

– Да. Если спросишь, куда они делись – их репрессировали.

На мгновение между юношей и девушкой возникла лёгкая напряжённая тишина, пока Габриэль её не оборвал своим вопросом:

– А кто твои родители?

– Понимаешь, – слово отдалось свинцовой тяжестью. – У меня их тоже не было, только они умерли, ещё в раннем детстве.

– Святый Боже, помилуй, – выпалил юноша мысль, пришедшую незнамо откуда. – Что с ними стало?

– Отравились... продуктовая компания поставила некачественную пищу, а магазины не соблюли условия хранения. И...

Речь девушки сильно дрогнула и она остановилась. Тревога, а вместе с ней слабость и душевный огонь вселились в тело и её ноги не желают идти дальше. В глазах сверкнула боль, и Хельга коснулась очей, утирая влагу, тело же едва задрожало.

Габриэль не знает, что делать и как успокоить девушку. Полагаясь на предчувствие, он подходит к ней и просто принимает, позволяет ей почувствовать тепло души, ощутить

себя защищённой и под надёжным покровом.

– Тише, всё в порядке, я с тобой. Они, наверняка, сейчас в лучшем мире.

Хельга почувствовала, как ей стало чуть лучше, спокойнее. В кой-то момент Хельге не хочется оттолкнуть от себя парня, считая его приверженцем «губительного патриархата», а, наоборот, в ней появилось ощущение лёгкости и нужности.

Вместе они пошли дальше, уже болтая на более приятные темы, и рассказывая друг о друге всё больше. Габриэлю нравится кампания этой молодой девушки, так же как и ей, присутствие его. Габриэлю и Хельге думается, что они друг в друге нашли человека, который чем-то схож с каждым из них, в котором есть таинственная родственность.

– Габриэль, – трясаясь голосом, обратилась девушка, – я никому не говорила. Но тебе думаю можно. Я пишу стихи.

– Прекрасно. А расскажешь что-нибудь из написанного.

– Только не суди строго. У меня плохо получается писать.

Рифмы нет.

– Обещаю, не буду.

– Вот моё четверостишие:

«Рукой любви разожжём мы наш пыл

Откинув хлад душу пленяющий,

Искренне я хочу, чтоб и у меня был:

Души бастион пламенеющий»

– Это прекрасно! – громогласно восхитился Габриэль, по-

нимая, что эти стихи лишь опосредованно связаны с поэзией, демонстративно, похлопав в ладоши, ощущая суть четверостишья в своей душе. – Ты не сомневайся у тебя хорошие прекрасные стихи. Знаешь, я бы слушал их ещё.

Губы Хельги разошлись в искренней широкой улыбке, подгоняемые душой, желавшей почувствовать заботу и уважение. А бледноватая кожа девушки приобрела розоватый оттенок, явивший её душевное состояние смущённости и нечто большего, чем банального животного влечения, проталкиваемого всем из «Кодекса Потребления» и основ законодательства «о получении удовольствия».

Их путь постепенно подходил к своему логическому завершению. Но парень даже этого не замечал, уставив и пригвоздив свой взор к лику девушке, и обращая все мысли к ней. Юноша трепетал душой, словно горит и трещит осенний лист. Габриель ощущал, как бастион душевной коросты трещит по швам готов лопнуть и кануть в небытие. Но всё же Габриель прекрасно знал, что ещё рано, а поэтому решил пойти по старинке.

– Может, завтра ходим в кино? – предложил юноша.

– Хорошо. Я буду рада, – слегка дрожащим голосом ответила Хельга, приобняла парня и скрылась в автобусной толпе.

Глава шестнадцатая. Прогнившая филигрань управления

Вечер того же дня. Гостиница «Акробат» в «Центре Свободы»

«Для пущей демократичности, мы требуем учредить народные комитеты в нашем Форуме Свободы, то есть в самом Федеральном Сенате. Мы отказываем Федеральному Сенату в его просьбе самому состоять из комитетов и утверждаем, для большего охвата народных масс и привлечения их в управление, необходимо создать комитеты, в которые будут созываться «Вестники Свободы» и помогать решать проблемы Федеральному Сенату, указывая ему на проблемы и редактировать законы.

В чём же суть комитетов, если есть Федеральный Сенат? Форум Свободы, как собрание самых передовых идей и их вершитель, позволяющий исполнение. Федеральный Сенат это механизм принятия законов, в нашей великой идее «Разделения Властей». Комитеты же есть способ народной регуляции Форума Свободы, чтобы у нас не была республика парламентская, а чтобы наш орган законодательства уравнивался со всеми в своих возможностях.

Да, пожалуй, чтобы больше соответствовать курсу демократичности, народовластия и Свободы, необходимо назна-

читать комитеты, которые станут направлять Федеральный Сенат в его деятельности».

– Послание Партии Сохранения Свободы и Веры в Конституцию при создании Форума Свободы.

Комнатка в гостинице не сияет верхом роскоши и помпезности, однако не уступает в своей практичности. По сравнению со старой гостиничной комнатой, в которой жил раньше её нынешний владелец, это помещение казалось новому постояльцу более практичным и удобным.

В вентиляцию установили специальные ароматизирующие установки, поэтому всё помещение, от потолка, до самых скрытных уголков наполнили щиплющие нос ароматы апельсина и лимона. А множественные кондиционеры работали так настойчиво, что вся комната пропиталась истинной свежестью.

Внезапно в дверь, сколоченную из крепкого дуба, с множеством самых различных узоров и рисунков, постучались. Стук пробежал по всему комнатному пространству, достигая ушей её постояльца.

Не дождавшись ответа, гость решил войти. Золотистая узорчатая дверная ручка припустилась к низу, и петли слегка скрипнули, знаменуя то, что в них слишком много грязи, пыли и их пора смазать.

На паркетный пол ступил невысокий каблук красной туфли. Одевание шаркнуло куском длинной чёрной ткани по

полу. Гостья медленно вошла, осматривая комнату, удивляясь её антуражу.

Стены, медленно перетекавшие в потолок, имели коричневый, древесный окрас, отчего складывалось ощущение, словно дама оказалась в лесной дубраве. Потолок и стены не имели чёткой границы перехода, и комната прямо на глазах приобретала мягкие и обтекающие формы. Единственная комната в гостиничном номере не изобилировала помпезными и роскошными вещами, отвечая только принципу практичности.

Взор девушки пал на мебель, со скрупулёзностью изучая всё возможное. В самом углу своё место заняла телевизионная панель-проектор. Её суть заключалась не в трансляции на экран, а создание голограммы высокого качества прямо в воздухе, при возможности отражать её на предметы. Так же, с помощью специальных распознавательных датчиков с голограммой можно активно взаимодействовать, непринуждённо изменяя изображение.

У стены, по правую руку от девушки, место отобрала широкая тисовая двуспальная кровать. Застеленная белоснежным бельём она представляла сущность аккуратности постояльца, ибо кровать он всегда застилал сам. Спальное место предстало столь широким, что между входом и местом у единственного окна, служил единственный узкий проход, сжимаемый размашистым комодом с шестью отделами и умным зеркалом, представленным над ним.

Гостья метнула взгляд в сторону зеркальной поверхности и тут же узнала его. Зеркало «Умка», представило собой наложение из множества специальных пластинок, работающих и как видеокамера и как преобразователь изображения. Стоило нажать всего несколько кнопок на панели под зеркалом, и оно в секунду исказит изображение под любые нужды владельца.

В комнатке девушка узрела единственное зеркало, занявшее свою позицию рядом с окном, занавешенным тюлями и занавесками.

Внезапно дверь возле телевизора поднялась, забираясь в коричневый кусок стены, издавая истошное звучание механической работы. Когда неотличимая от остальной стены, дверь вобралась, из образовавшегося помещения на тёмно-бардовый ковёр ступил подошвой туфель, мужчина.

Как только вошедшая девушка разглядела значимые черты его образа: чёрный, вымытый и оттого приобретший схожесть с сеном, короткий волос, лишь слегка касавшийся уха; утончённые грани лица, гармонично сочетавшиеся с эффектом вытянутости; тонкие губы, под которыми начинала пробиваться волоски аккуратно прибранный бородки; и водянистые светло-голубые глаза, в которых за долгое время зажегся свет надежды, то на её губах, не теряя секунды, расцвела улыбка.

– Почему так долго не открывал? – голос дамы доносил до ушей мужчины игривое и несерьёзное возмущение.

Парень посмотрел на то, как вырядилась его знакомая, отчего ему стало ещё приятнее от встречи с ней. Ничего лишнего или излишне приторного. Неяркие красные туфли касались пола, прикрываемые слегка чёрным платьем. Волосы её закручивались в аккуратные локоны, ниспадавшие на плечи, а карие глаза сияли подводкой и выразительной тушью, что только придавало девушке ощущение таинственности и загадочности.

– Яблоко мыл, – подняв руку, в пальцах которой сжималось алый, налитый и сочный фрукт, по-простому дал ответ мужчина. – Будешь?

Гостя осмотрела мужчину, находя в нём обычного и простого парня, не склонного к показухе, гордыни и самолюбия, которые проявляли гомосеки, чтобы попетушиться перед своими партнёрами. Аккуратная и наглаженная рубашка идеально садилась на нетолстое тело парня, при этом, не заправляясь в брюки, отчего парень казался ещё стройнее. Выглаженные до состояния стрелок брюки накрывали чистые до блеска туфли.

– Эрнест, конечно буду. – Легко, не завлекая, но игриво и с лёгкой улыбкой дала свой ответ дама, всё продолжая легко улыбаться.

– Хорошо, Эбигейл. Сейчас нарежу и принесу тебе. А ты, пожалуйста, присядь на кресло.

Девушка направилась к креслу. Она пробежала через узкий вход и поспешила расположиться в кресле, обитом при-

ятным гладким кожаным покровом, от прикосновения с которым кожа Эбигейл содрогнулась, а сам разум гостьи поспешил уйти в воспоминания недавнего времени.

Что ж, девушка искренне радовалась тому, какой предстал перед ней Эрнест, ибо первые часы после возвращения из коммуны его лик отразил все уровни девяти кругов Данте, которые описал сам древний поэт.

Эбигейл спросила, что там случилось, но Эрнест дал только один ответ: «Нет больше Маргарет, есть только Марга». Но потом, ... похоже, парень смирился с вечной потерей своей жены. Она для него не просто умерла, а потеряна навсегда, ибо есть то, что хуже смерти – продаться либеральным псам, ходящим под знаменем порока. Парень просто принял факт отсутствия жены и стал жить дальше, задвинув неприятную ситуацию в дальний ящик души, забыв про всё это.

– Ох, Эби, осторожнее. – Выйдя из второго помещения и протягивая часть яблока, сказал мужчина. – Оно ещё мокрое. Аккуратней, а то испачкаешься.

– Ой, да ладно. – Забирая блюдо с разрезанным фруктом, бросила Эбигейл. – Лучше расскажи, как тебе эта комната, номер?

– Намного лучше, чем прежний номер.

– Ну, так, Корпорация тебя хвалит. Ты бы знал, как радовались в руководстве, когда узнали, что ты там сделал, а когда пришли последствия. Тебе только одним броском удалось сэкономить несоизмеримое количество денег, – не уби-

рая улыбки, сияя светом счастья из глаз, твердила девушка. — Когда ты рассказал о том, что натворил, я думала, тебя просто уберут с поста парламентаря.

Эрнест усмехнулся. Погрузившись в глубины памяти, он сожалел лишь о том, что выстрелил в разбухшее колено, а не разжиревшую харю, белую от количества принятого кокса.

Как только парень покинул пределы Коммуны, Верховная Мать обратилась к Культуре Конституции с десятками претензий и жалоб. А через час все СМИ крутили сюжет, как государственный парламентарий покушался на жизнь женщины, «стоящей на переднем крае обороны Прав и Свобод всех женско-ориентированных гендеров, и ведущая беспрестанную борьбу за них». Были прокручены интервью, с видными политиками и учёными, громко и помпезно говорящими о недопустимости новой вспышки сексизма и женоненавистничества.

Через прогнившие, коррумпированные и пролоббированные нити управления сторонницы феминизма стали проводить митинги во всех городах, отлавливая незадачливых мужчин и мужско-ориентированных гендеров и издеваясь над ними, затравливая и пытая. Органы муниципального и государственного управления заявили, что «так все женщины выражают свою активную гражданскую позицию по животрепещущему вопросу и имеют право на это, так как реализуют право на акт возмездия за притеснение» и ничего предпринимать не собираются, ибо всё в рамках «либераль-

ной традиции» и по концепции «Развитого Либерализма».

Но когда было совершено пара нападений на работников Корпораций, частные войска наёмников Компаний тут же сделали пару вылазок, устроив светопреставление из залпов резиновыми пулями и забросав толпы участниц митинга светозумовыми гранатами. Все выступления и протесты по стране, словно по единой команде, успокоились.

Однако Эрнест в этом конфликте только выиграл. Феминистская Матриархальная Республика, тут же разорвала все контракты и соглашения с Корпорацией, от имени которой в парламенте работал Эрнест, но Компания только ликовала.

Вся суть сводилась к тому, что при выполнении всяких договоров представительницы Скандийского Матриархата заявляли о льготах к себе и даже требовали бесплатного оказания услуг поставок товаров, потому что они женщины и имеют на это Право, как класс угнетаемых. И через прогнившую систему судов, прислужницы Феминизма превращали каждый год для Корпорации в чёрную дыру убытков и трат.

Один точный бросок порвал все контракты разом, освободив Компанию от всех обязательств, но, Корпорации любили заключать договоры так, что если они расторгаются в одностороннем порядке, то за это налагается штраф. И тут же юристы Корпорации принялись заваливать судебными исками Матриархат, уже предвкушая выбить денег.

Тем временем Культ Конституции обратился с прошением остальным Корпорациям с просьбой о начале поставок

товаров в тот регион, но все промолчали, и поэтому стал проводиться выборы поставщика. Компании с истинным страхом ожидали его результатов, уже подсчитывая расходы на «лиловую дыру» как называли все Феминистскую Матриархальную Республику.

А Калгар вышел победителем. Его не только не лишили поста в парламенте, но и улучшили условия труда, подняв при этом жалованье в пол раза. На этом ограничились, высказав надежды на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

– Не убрали же. – Выпрыгнув из своих мыслей, улыбнувшись, произнёс Эрнест. – Даже похвалили.

– Ничего себе похвалили! – голос Эбигейл наполнился удивлением и радостным восклицанием. – Тебе дали новый номер, подняли жалованье и сняли меня с поста твоего куратора.

– Как сняли? – ошарашено спросил мужчина. – Этого быть не может. Ты шутишь. Я ещё мало знаю про здешнее устройство, чтобы ты уходила. – В голосе Эрнеста так и металась печаль и негодование.

– Я никуда ни уйду, – не теряя игривости в словах, загадочности во взгляде, успокоила дама парня. – Меня просто сняли с поста куратора, так как посчитали ненужным мне больше выплачивать зарплату за твоё обучение. Сказали, что ты и так достаточно понял капиталистическую «кухню» парламента.

– То есть ты больше не придёшь? – Меланхолия и нарастающая печаль изобилием лились из души в голос Эрнеста. – На этом всё?

Девушка струнами своей души смогла уловить всю суть уныния в речи, и тут же её дух запротестовал, подавая это под прикрытием фривольности:

– Конечно же, нет, милый. Я и дальше буду ходить. Я же знаю, как тебе нужны познания о парламенте и что тебе ещё предстоит многое узнать о том, как он устроен. Я не могу тебя оставить.

– Ты так добра ко мне... – теплом прозвучали слова, – может, тогда расскажешь о комитетах нашего парламента? Просто я назвал один из них в той коммуне, не зная, что это вообще из себя представляет.

– Хорошо, – вольность из голоса тут же исчезла, перейдя в сухое и даже чёрствое повествование. – Комитеты никогда не входили в Федеральный Сенат, являясь его направляющими, как и для всех трёх ветвей власти.

– То есть? Как можно не входить в него и в тоже время направлять? Это звучит абсурдно.

– Для тебя может и так. Я понимаю, проработав в Восточной Бюрократии, где источник для судебной, законодательной и исполнительной власти един и это Узел, тебе трудно воспринимать идею разделения властей.

– Как власть можно поделить?

– Ох... чувствую, перед рассказом о комитетах тебе при-

дётся рассказать и про разделение властей в Либеральной Капиталистической Республике.

– Ну, расскажи. – Щегольнул Эрнест.

– Суть разделения властей сводится к тому, чтобы мудрость законодательной деятельности, сила исполнительного действия и справедливость судейского решения никогда не преобладали друг над другом и не встречались, ибо это нарушит сам принцип деления.

– Но как такое возможно? Разве содействие органов государства не является залогом его функционирования?

– Не здесь. Культ Конституции точно дал знать, что есть разделение властей. В его понимании это полнейшее отделение ветвей друг от друга, чтобы они исполняли свои обязанности суверенно и в раздельности друг от друга, так как это является основным залогом в утверждении государственной свободы.

– И как это на практике реализуется?

– Всё просто. Все члены федеральных властей отделены друг от друга. Так, по архизакону «О ветвях власти» на службе не один из членов ветви власти не должен пересечься с представителем другой, так как это породит в них желание тотализировать государственную власть. Так, если судья в суде пересечётся с чиновником, не сумевшим вовремя сдать пост, и заговорит с ним, они оба могут отправиться под заключение. А оттуда в тюрьму.

– Похоже на бред.

– Так и есть. В идеи разделения властей всё сводится к тому, что государство нужно разделить на три враждующих между собой института, никак не взаимодействующих, и служащих лишь закону, выполняющих свою работу отдельно друг от друга. И чем дальше они будут друг от друга, то тем «либеральней» станет институт государства.

– И как они работают? Как всё ещё не развалилось? – В голосе вновь зазвучали ноты грубого возмущения. – Так же просто невозможно работать. Нет системы, нет общения. Нет ничего... Есть лишь живущей своей жизнью Федеральный Сенат, независимый Механизм Свободы (Федеральное Правительство) и гуляющее само по себе государственная часть Правосудия Свободы (Верховный Судебный Совет)

– А всё к этому и сводится. – Сложив руки на груди, заявила девушка, доев своё яблоко, поглотив даже косточки. – Знаешь, я всегда вспоминаю слова одного выступающего от Культа Конституции: «Государство – есть главный враг перехода на следующий этап свободы, а поэтому наша задача, как слуг и предтечи Свободы, сделать всё, чтобы управляющие государственные структуры пали и сгнили. Мы будем искать и забивать слуг государства, ибо в этом состоит суть перехода на следующую ступень социальной эволюции». А Главный Частный Институт Социологии провёл исследования, которыми распылял на каждом углу, утверждая, что государство доживает свои последние дни.

– Не понимаю, как можно разложить государство. Как

можно разорвать его на три части.

– «Divide et imperia». – С толикой гордости и утвердительности сей слов в бытии, высказалась девушка.

– Разделяй и властвуй. Ну что ты хочешь этим сказать, Эби?

– Сначала, Партия Сохранения Свободы и Веры в Конституцию сделала так, чтобы ветви власти больше друг с другом не общались, сделав их максимально, как можно дальше, отделёнными друг от друга. Она разбила единый государственный механизм, заставив его гнить и агонизировать в собственной беспомощности, называя всё это «Сутью и истинностью правильного понимания идеологии разделения государственной власти». А потом все три ветви по отдельности разрушались. Всё управление прогнило и стало не возможным без частных элементов.

– Хах, – усмехнулся Эрнест, – ты так говоришь, слово эти самые частные элементы паразиты. Я смотрел один фильм, и вот там, – неконтролируемо показывая пальцем на рот, выговаривал мужчина, – показывали, как паразит прикрепляется к языку рыбыны. Сам орган атрофируется, а его роль выполняет паразит, попутно высасывая кровь из бедной рыбки.

– Умница! – Хлопнув в ладоши, радостно воскликнула Эбигейл. – Только что одним примером описал положение всей нашей действительности. Многие ветви власти не просто облеплены паразитами, убери их и все системы падут, ибо государство настолько ослабело и прогнило, что не спо-

способно само справляться с вызовами общества, всё как и задумывала концепция «Развитого Либерализма» с её идеей слабого государства. Ты просто молодец. – И выдержав паузу, девушка просительно изрекла. – Только ты не говори никому, что я так выразилась про «Капиталистические Субъекты» и Вестников Свободы». А то... ну ты сам понимаешь.

– Конечно, Эби, можешь на меня положиться. Кстати, а как частные органы вплетаются во власть?

– Легко. Самый яркий пример это судебная система. Верховный Судебный Совет составляют девять судей от государства, двенадцать от корпорации и десятка от организаций «Вестников Свободы». Верховный федеральный судебный орган состоит больше чем на две третьих не из государственных судей. А дальнейшее деление судов на государственные, корпоративные и сообществ. Нет единой судебной системе, ибо «во имя свободы и большей демократичности правосудия» её сделали «общедоступной для всех. – С веянием меланхолией закончила ответ Эбигейл.

– Ну а как правительство? Разве оно так сильно сгнило от этого разделения, что не способно к жизни?

– Правительства в регионах ещё продолжают выживать, дёргаться, цепляться за права, бороться и существовать. Это у вас в Восточной Бюрократии, самой «недемократичной области», остаются сильные полномочия у вашего правительства. Но вот сам Механизм Свободы... он превратился в живого мертвеца.

– Почему?

– Ты хоть знаешь самую министерскую систему?

– Нет.

– Тогда я расскажу, чтобы ты понимал. Во главе всего и вся стоит «Гранд-Министерииум», орган управления из всех министров. Среди них выбирается Гранд-министр, следящий за управлением всего министерства. Как следящий... отыгрывает полученные деньги, так как он назначается собранием всех министров.

– А что с ними не так?

– Практически всё. Конституционного министра назначает Култ Конституции, и он проводит только их политику и желание. Министра экономики выбирают все Корпорации, и он диктует только их волю. Министр Гражданского Общества назначается референдумом всех «Вестников Свободы». Министр Проведения Политики Раскрепощения избирается всей страной. Министр Феминизма назначается «Кругом Сестёр». Ну и остаётся на откуп государству только министры экологии, конфедерально-федеральной политике, науки и образования и иностранных дел. Не густо, так ведь? А это я ещё не назвала десятки различных «Вспомогательных» негосударственных организаций, «содействующих демократичной работе Механизма Свободы».

– Чьи это слова? – угрюмо задал вопрос Эрнест. – Опять какого-нибудь конституционалиста-окультиста?

– Практически. – Слова резонировали об душу бессили-

ем и потухшей злобой. – Он был одним из ЛГБТПАиПНА, а сейчас работает на ассоциацию «Фетишизм без границ и возрастов».

– Вот как... Разносторонний парень.

– Он себя парнем не считает. И девушкой тоже. Это существо само себя назначило «Прогрессирующим транспанантигендером».

– Кем?

– Не заворачивайся, – махнула рукой Эбигейл. – Это бесполоя штука, которая совокупляется со всем, что движется. Ах, я забыла, так же это существо заявило, что всё это необходимо для обеспечения народовластия и утверждению демократии. Мол «для того, чтобы усилить в работе институты гражданского общества, обеспечить общедемократический и народно-управленческий принцип, необходимо разделить государственную власть с рынком и свободомыслящим обществом».

– Больше похоже на бред.

– А как ты думаешь, все они приходят к власти? Чем «либеральнее» твои предложения, то тем больше шансов у тебя на уютную должность. И чем больше у тебя «Рейтинг Свободы», тем больше к тебе благосклонно общество и все... «Вестники Свободы».

Эрнест ощущал, как дёргается речь Эбигейл, как она становится всё гневливее и жесточе. Парень чувствовал струнами души, как ярость и злоба распалются вокруг девушки,

да и сама смуглявая кожа, начинает краснеть.

– Успокойся, – тихо, но слышимо вымолвил Эрнест – Давай я принесу тебе... выпить.

– Ох, ты так добр ко мне, но не нужно. Я, наверное, опять слишком разошлась в своих размышлениях? Опять покраснела как сеньор-помидор? – Взор дамы снова заиграл светом, а на губах расцвела игривая и невинная улыбка. – Просто мне тяжело смотреть на всё это. Я выросла в нормальной, семье, где отца зовут папой, а матерью, мамой. В семье, где алкоголь детям дают попробовать несколько капель в шестнадцать лет и то шампанского на новый год. У меня была семья, где нет семейных оргий и «проявлений свободы и прав на удовольствие... где дети содержатся в строгости.

– А где сейчас твоя семья? – Сев на кровать, практически вплотную к девушке, задал вопрос Эрнест.

– Спасибо Корпорации. Отец и мама живут на корпорационном пособии, как почётные работники. Две сестры работают в управлении по документоведению, а брат силовиком в их охране. – И выдавив улыбку, девушка взяла театральную паузу, придя в себя, продолжила с пущей лёгкостью. – Я же тебе обещала рассказать про комитеты, как я могла забыть это. Про самое главное же не сказала.

– Если ты не хочешь, не говори. Лучше давай я заварю чаю, и мы вместе выпьем зелёного успокаивающего?

– Твоя доброта бесконечна, но всё, же, если я обещала, то расскажу.

– Хорошо. Говори.

– О комитетах... Всё дело в том, что они являются не просто направляющими в жизни Форума Свобода, а его управлением. В руки Федерального Сената вложили права принять законы, а формирует повестку для принятия закона комитеты.

– Это как? То есть Форум Свободы это не орган власти, а всего лишь конвейер по изданию новых законов? А те, кто от Корпорации, и мы в том числе, лишь для того, чтобы следить, как бы не приняли закон против наших интересов? Я просто не могу представить себе «чудесную» систему.

– Всё так, как ты сказал. Сам Форум Свободы является государственным лишь в той части, где его есть Законодательный Конгресс. И то, ты убедился на практике, что большая его часть состоит из посланцев от «Вестников Свободы».

– То есть сам Федеральный Сенат истинно-государственный только на четверть? Если палата Регионального Собрания формируется с подачи Корпораций? И его полномочия ещё сильнее уменьшаются комитетами.

– Фактически, всё так, как ты сказал. Именно комитеты формируют повестку дня для парламента. Так же, «во имя избегания контакта между ветвями власти и возможности диктаторского посылы» ни Верховный Судебный Совет, ни Механизм Свободы не имеют право выступать с законодательной инициативой.

– А кто же с ней выступает?

– Тут и гадать нельзя. Только они формируют законопроекты для утверждения или опровержения.

– Комитеты. – Словно разгадывая загадку, произнёс Эрнест, мгновенно перейдя к просьбе. – А расскажи что-нибудь о самих комитетах.

– Если будет стоять выбор между свободой и благополучием людей, они всегда выбирают первое. Я помню, как год тому назад встала острая проблема водоснабжения в ряде посёлков на юге отсюда. Граждане буквально умирали без питья, и от антисанитарии. Появился замечательный законопроект, как улучшить и переделать старые трубы. Проще говоря, ряд законов, посвящённых реформам. Но комитеты, а именно по Антисексизму, по делам Сексуального Просвещения среди Дошкольно-ясельного Уровня и по Социальному Обеспечению «Вестников Свободы», решили направить свободные деньги не на реформы, а на покупку оборудования для казино в Скандийский Матриархат.

– Так что всем закончилось?

– Сорок процентов сельских жителей умерло, остальные решили уйти из тех мест, а Верховные Матери подали жалобу в суд за задержку на четыре часа доставки новых игровых автоматов. Конечно, трубы позже починили, но воды туда не дали до сих пор, потому что никто не готов за неё платить.

– Не слишком «демократичные» комитеты. – Саркастично и язвительно подметил Эрнест.

– Да не то ещё было. Помню, как полгода тому назад необходимо было оперативно разработать поправки к умирающему закону «О социальной помощи гражданам». Поправки требовали несколько миллиардов федералов. Но комитет по Делах Комитетов заявил, что хватит кормить тех, кто не «учувствует в великом деле построения абсолютного либертинизма». Так было отменены все оставшееся

– Так это получается? Все грани и сама суть управления государством прогнили. Всем заправляют в нашей стране комитеты от «Вестников Свободы». Тогда это получается какая-то «Республика Комитетов».... «Комитетно-корпоративная Республика». – Надсмехаясь над системой, констатировал мужчина.

– Да, Эрнест. Теперь ты понял суть управления всего и всем в Либеральной Капиталистической Республике. Государство гниёт в собственной слабости, а на его всё ещё живом трупe проросли паразиты.

– Уж слишком поэтичное сравнение.

– А другого тут и не применишь. Всё так и есть, как бы не хотели обратного. Эта истина, видимая невооружённым глазом.

– Что ж, – широко разведя края губ в улыбке, – давай я тебе сделаю зелёного чаю.

– Давай. – Согласилась девушка, смотря на то, как спина Эрнеста пропала в кухонном помещении, скрывается под одной из стен.

Глава семнадцатая. Крысиные идолы

Спустя два дня. Полдень. Город Микардо.

«Для повышения уровня анти семейности в нашем развитом либеральном обществе, руководствуясь Антисемейным кодексом, так же основами законодательства о «Приоритетном развитии прав чайлдфри», мы санкционируем применение в дошкольных, школьных и Вузовских программах применение трудов легендарного мыслителя и философа-расплителя Ароиза «Пошляка». Так же с помощью его трудов мы надеемся до конца разрушить все фундаментальные основы так называемых «традиционно-тоталитарных общественных основ».

– Объяснительная записка министра науки и образования.

«Мы требуем ввести «лайки» как валюту для оплаты товаров и услуг разного рода. Это послужит повышением обзорности многих происшествий, а так же усилит рыночную конкуренцию среди обладателей социальных сетей. Если лайки не будут введены, как оплата, то мы, как активная часть гражданского общества, так же «Вестники Свободы» требуем ввести конвертацию «лайков» в федералы.

Так же мы требуем ввести льготное положение блоггеров

в средствах массовой информации, как активных гражданских представителей информации».

– Письмо Культу Конституции, Форуму Свободы и Механизму Свободы от «Общереспубликанского Союза Блоггеров».

Несмотря на время, мрак, серая тень, повисшая над городом, нее спешила отступить. Грузные, серые, тяжёлые и налитые свинцом облака занавесили небесную твердь, накинув пелену и вуаль серости на весь город, расположившийся в глуши от всей Либеральной Капиталистической Республики.

Сквозь городские улочки и проспекты не носилось не единого ветряного потока, вселившего ощущение свежести в бранный народ Микардо. На улице колом встала только морозная атмосфера, щипавшая кожу всякого, кто сегодня покажется снаружи из дома.

Пара дней солнечного океана принесла с собой огромные изменения и порой даже очевидных. Исчезли огромные снежные сугробы, наваянные чёрным, красным и синим снегом, лишь слегка припорошённым грязно-белой массой. Пока высокие трубы заводов Корпораций не выбрасывали тонны отходов в воздух, и небосвод над городом плескался солнечными ваннами, противные сугробы исчезли, растаяв на разноцветные и смердящие лужи.

Изменения в природе такие обширные, что сумел быстро растаять снег, покрывавший дороги у города, и в бесконеч-

ных серых, мрачных, покалеченных и покорёженных лесах. Теперь больные, извращённые и свернувшиеся серые лысые деревья стоят в полном бесснежье, открыв на вид покрытую тёмной вуалью землю, такую же чёрную и бесплодную, как и вулканические пустоши.

Тем временем Корпорация заявила, что именно её заводы выбрасывали отходы с концентрацией железа, меди и ещё ряда отравляющих элементов, чтобы, когда выглянет солнечный диск, весь снег в округе быстро растаял. Местный городской совет, во главе с двумя мэрами, тут же отписал «Южному Поток» в пользование несколько миллионов федералов, под ставку минус сто процентов. Оформлено, как «кредит на выгодных условиях», но фактически выбивание денег из города.

Но пока сияло солнце, произошли и изменения иного характера. Городской совет, с подачи «природы защитников» и Культа Конституции ввёл налог на солнечный свет, обосновав это затратами на «соглашение» с Корпорацией. Однако сделано это снова в угоду классу привилегированных, ибо те, кто именовался и имел удостоверение «Вестника Свободы» избавлялся от всяческой уплаты. Это объяснили «необходимостью увеличить нагрузку на антисвободных элементов и повысить приоритет борющихся за Права и Свободы».

Всё-таки в городе прошли не просто марши, и митинги... их решили объединить в одно огромное шествие, гордо названное «Пикет Вознесённых». А вознесёнными себя счита-

ли расфуфыренные и безумно одетые ЛГБТПиИПНА, «Общества защиты от детей» и «Последователи тысячи культов самоудовлетворения и удовольствия».

Одно только шествие повергло бы в шок любого нормального человека, жившего в докризисной эпохе. Люди и звероформированные, в бандажах, перьях, латексе, под звуки плёток и стоны, шагали по колено в дерьме, которое раскидывали чайлдфри, убеждая всех, что иметь детей всё равно, что окунуться в деревенский сортир, и вся это процессия утонула в «продуктах» само удовлетворяющихся гедонистов и без конца срыгивающие внутренности от передозировки токсинами.

Но люди, пришедшие посмотреть на такое проявление гражданской активности, только радовались и ликовали такому положению дел, с энтузиазмом вливаясь в бурный поток.

После окончания празднества, половина дорог Микардо была так уделана, что по ним невозможно проехать на автомобиле, ибо добрая часть проспектов и путей усеивалась сотнями трупов граждан, погибших от наркотиков, плавающих в смердящих нечистотах. Уборочным командам пришлось несколько часов беспрестанной работы, чтобы отчистить улицы.

Ну и последним значимым событием последних дней стало образование Микардской Церкви Солнца. Горожане, вступившие в неё, ассоциировали себя с солнцем и его

проявлением, выкрашивая себя полностью в жёлтый цвет, несмываемой краской. Так же эти люди предпочитали ходить без всякой одежды, ассоциируя себя с солнцем, которое наго.

Трое сейчас спешили на учёбу и как раз смотрели на процессию жёлтых и голых людей, ставших в круг и призывающих на импровизированном алтаре солнце. Десять голых, но ярко жёлтых, сияющих фосфорной краской, горожан, собрались в круг, во дворе между зданиями, и, приплясывая, заклинали о появлении духа света.

– Вот сумасшедшие. – Кинул паренёк в тёмно-синей ветровке, засунув руку в карман чёрных джинсов.

– Да ладно, они радуются солнцу. Это же так мило. – Сказала высокая беловолосая девушка, поправляя кожаную, отчётливо видно, женскую куртку. – Они же теперь его увидят через год, наверное.

От сказанного девушкой, парень в ветровке цвета ночи, слегка вздрогнул, и переглянулся, словно не верит услышанному от прекрасной дамы, как будто это прозвучало странное, доселе неведомое звучание и произошло фундаментально невозможное.

– Габриель, – вновь заговорил хлопец в чернявой куртке, – а ты что замолчал. Мне нужна поддержка.

Юноша в длинном пальто, идущий рядом с высокой дамой, придерживая её за руку, лишь усмехнулся, края его губ потянулись, создавая лёгкую улыбку, а в зелено-болотистых

очах промелькнула искра лукавства:

– Пускай порадуются, Лютер. Может и безумие, но безумие милое.

Калгар не слышимо усмехнулся. Он обратил свой взор направо, и ему на глаза попало истинное чудо этих проклятых мест: закоренелая феминистка в прошлом, абсолютная мужененавистница несколько дней назад, сейчас, в этот момент времени и бытия спокойно шагала рядом с Габриелем, держа его за руку, отпуская конечность, если только впереди попадётся Феминистский Патруль, который может и дубинками отделать за такой проступок, являющийся «предтечей перед одним из видов эксплуатации и угнетения женщин – отношений».

Девушка шла рядом с Габриелем, и сам её лик отражал весь свет и радость этого бренного мира. Светло-голубые глаза девушки так и лучились пёстрой палитрой тысячи всевозможных отрад.

Лёгкий, будто бы нанесённый вуалью ушедшей моды, макияж, так и подчёркивал все достоинства Хельги, не делая их вызывающими и бросающими, дабы не привлечь ненужное внимание. Тот, ради кого этот макияж наметён на светлый лик девушки, уже оценил его.

Лютер невольно вспомнил, как Габриель рассказал ему про тот самый поход в кинотеатр, ставший вершителем новых отношений. Как ни странно, но Хельга выбрала мелодраму. Причём это не фильм про то, как два влюблённых муж-

ско-ориентированных гендера влюбляются друг в друга. Нет, фильм пестрел изобилием нормальной и древней любви.... Конечно, это вызвало бурю негодований у сектантов ЛГБТ-ПАиПНА, которые брызгая слюной во все стороны, обкидав голограмму-экран мусором, покинули кинотеатр, прикрикивая, что будут жаловаться.

Но сие старая история, древних, забытых под тленом «Свободы» чувств словно разожгла из искры внутри девушки самое настоящее пламя, забытое под постулатами «феминисткой независимости». И после сеанса, Габриель решил проводить восхитительную Хельгу до дверей её дома. Оба человека неистово дрожали, но это не сотрясения страха и не хандра от болезни.... Нет, нечто совершенное и лучшее. Огонь пламенеющих чувств схватил в оборот две души, закрутив их в бесконечном вихре заливающей дух страсти. Да, всё закончилось признанием двух душ в неистовстве собственных чувств и пламенным поцелуем. А сегодня они уже вместе шли и спокойно разговаривали.

Триада быстро прошла через всевозможные улицы, выйдя практически к ВУЗу, увидела довольно встречающуюся в центре «Цивилизации» картину: непонятно, мужчина или женщина, во фривольных одеждах, найденных, словно на помойке, выполняет некое омерзительное действие, а именно оно ело старые тухлые яйца, задорно причмокивая, поглощая одно за другим, при этом сложив пальцы в знаке «ОК».

– Эй-эй-вэй! – Раздался истошный визг сумасшедшего,

снимавшего сей странное действо на широкий, но тонкий, как игральная карта и гибкий телефон. – Жри яйца активней! Моя подписота не оценит такого отстойника!

– Я больше не могу. – На грани издыханий и обморока жалобно кинул горожанин, бомжеватого вида. – Не могу. У меня болит живот, тошнит. У меня кружится голова. Ещё немного и меня стошнит, или я сдохну.

– Как ты смеешь скулить! – Вспылил, по-видимому, парень, в блистающих одеждах, покрытых серебряными блёстками и, не убирая телефона пнул бездомного под дых. – У тебя контракт сволочь. Если ты его нарушишь, у меня сорвутся десятки тысяч «лайков». А это несколько десятков федералов. Жри поскуда, у тебя ещё одна крыса на очереди! Если ты её не проглотишь, я тебя на органы распилю!

– Я помру сейчас! – Вскрикнул бомж. – У меня руки немеют!

– Хм... смерть в эфире... Да это же возможно миллион «лайков»! – Повернувшись к бомжу, с рдеющей яростью в зенках, плюя слюной через фиолетовые зубы, блоггер зарорал. – Жри сволота! – И нанеся удар прямо в челюсть бомжу, нагло заявил. – Если ты сдохнешь, представь, какие меня ждут прибыли.

Габриель, Лютер и Хельга уставились взглядом, наполненным негодованием и осуждением, на сей противную картину. В душе каждого кипела ярость, бил адреналин и сердце стучалось в праведной ярости об стенки рёбер. Каждый же-

лал подойти к блоггеру и его самого заставить поедать тухлые яйца.

– Может...

– Нет, не «может», Габриель, – сурово оборвала своего парня Хельга. – Он защищён контрактом и делает всё для утверждения саморегуляции среди субъектов гражданского общества.

– Он, наверное, не понял. – Голос Лютера пылал яростью.

– Не понял.

– Ну конечно, прожить на отшибе цивилизации, в лесу, как йети, – но тут же, почувствовав лёгкий, но колкий удар в руку, нанесённый длинными женскими пальцами, ослабленно и потерянно заговорил иначе. – Прости меня, я... я сорвался. Не должен был... Слишком тяжело на это смотреть. – Оставив позади омерзительную картину, переходя через дорогу, извинялся Лютер.

– Всё нормально. – Габриель как всегда прибывал в своём не многословии и мрачной речи. – Просто расскажите про это всё.

– А у вас в Федеральной Швейцарской Конфедерации этого разве нет? – Голос Хельги преисполнился крапинами удивления. – Почему ты так мало мне рассказывал о своём доме?

– Нет, – и, руководствуясь интуицией, обняв свою девушку за талию, облегчённым, не угрюмым голосом добавил. – Вот будем сегодня гулять, я тебе расскажу о доме.

– Что ж, давай я Габри, просвещу на эту тему. – Лютер гнежливо сплюнул в лужу, и от тут же с испугом отпрянул, когда одна из внезапно выскочивших «телодательниц» потянулась к нему.

– А это что за женщины?

– Индивидуальные предпринимательницы без образования юридического лица. Торгуют своим телом на все стороны. А иногда умудряются и, увеличивая территорию прогулок, охватывать новые рынки сбыта, когда появляются в школах и государственных институтах

– Ох, лучше расскажи мне про...

– Я понял, – резко оборвал Лютер Габриеля. – То, что ты видел, называется «Становление развития социальных сетей и сферы гражданского развлечения». Блоггеры добились того, чтобы за их... «репортажи» и выходы количество поставленных «лайков» переводилось в деньги... Ну ты же должен это знать.

Габриель напрягся. За время жизни в Рейхе он никогда не сталкивался с какими-то «лайками», некими «блоггерами» и развлечением в социальных сетях. Юноша даже не подозревал этого, но каждый день, проведённый в Либеральной Капиталистической Республике, он сталкивался со странными явлениями. Парень наблюдал, как сотни человек ходят с телефонами в руках, словно они выросли в их организм и превратились в органы. Бесконечная съёмка всего и вся, око народа постоянно следило за самим этим народом через пря-

мые трансляции и блоггерские «репортажи». Порой происходила съёмка каких-то нелепых и безумных явлений, за которые в Рейхе сулила каторга на мануфактории.

Юноша не понимал, как можно проводить полжизни с телефоном в руках и всё о своей жизни выкладывать в так называемом интернете. И тем более его душа сотрясалась при каждой мысли, что друзья раскроют его истинный дом. Поймут, заподозрят неладное, задав какой-нибудь наводящий вопрос.

– Что-то припоминаю. – Пытаясь создать вуаль понимания и причастности к этому миру, кинул юноша.

– Габриель, так это ещё не всё. Ты, наверное, не слышал про закон «О блоггерском капитале».

– Ну, это не совсем закон. – Вмешалась Хельга. – Скорее выброшенный в действие недоработанный недозакон.

– Да ладно. – Махнул рукой Лютер. – Все его недостатки и противоречия концепции «Развитого Либерализма» отлично покрываются архизаконом об «Интернет-деятельности». Вот там отлично рассказывается про «права и свободы групп блоггерской деятельности».

– Ох, у меня с законами сложно, – тяжко, с хмурым лицом, выдал воздух Габриель. – Может, расскажите о них подробнее? А я вам потом за это в следующий раз проезд оплачу?

– И только? – голос передавал в пространстве игривое и демонстративное возмущение.

– Хорошо, моя дорогая, – слова чувств, сказанные таким

суровым гласом, показались Лютеру слишком топорными, и он в мыслях усмехнулся, – тебе я куплю ещё тот медальон.

– Я люблю тебя. – На пике счастья и глубоко душевного ликования промолвила Хельга. – А про законы пусть тебе расскажет Лютер. Честно говоря, я в них мало что понимаю. Читала разве что «Феминистский Кодекс», но... – обратив свой взгляд, полный радости, первобытного счастья, полностью срывающему голос разума, девушка прошептала – нахожу его не актуальным и слишком предвзятым.

– Вот оно как, – затянул Лютер. – Хорошо, расскажу.

– Пожалуйста, напомни мне, кто такие «блоггеры»?

– Хорошо, Габр. Это не просто граждане, ведущие блог в интернете, социальной сети, как это было в докризисной эпохе. Культ Конституции представил это как «почётную работу, находящуюся на первых рубежах великой народной битвы за свободу и демократическое устройство общества».

– Какие помпезные слова. – Усмехнувшись, подметил юноша. – Твои?

– Упаси Боже. Это показывали по телевизору, и как член Куклы Конституции распаялся на эту тему. Так же их там называли передовыми элементами электро-экономики и рекламной деятельности.

– Я пока не понимаю, что в них особенного.

– Они как главные крысы в огромной стае, – юноша взял театральную паузу, осмысливая речь. – По крайней мере, стали такими. Я не знаю, как то было до меня. Законы их

положение так возвысили, что они теперь больше схожи по положению с «Вестниками Свободы», а некоторые даже совмещают.

– По сути.

– К примеру, закон о «Блоггерском капитале» позволяет им устраивать такие выходки, которые не доступны большинству простым гражданам. Если он заставит... есть дерьмо прохожего и это заметит полиция, то, как только блоггер предъявит своё паршивое удостоверение, его отпустят, ибо, как говорит сам закон: «для достижения большей аудитории, а значит и развития рыночной интернет-экономики и завоевания достижений либералистской демократии, блоггеру позволено безнаказанно исполнять шокирующие и эпатажирующие поступки и вещи, а так же принуждать к этому и остальных граждан, за исключением «Вестников Свободы». – Прочитывая строки нормы права, Лютер, на срыве голоса вспылал духом. – Теперь ты понимаешь, что ними не так? Для завоевания аудитории они могут тебя заставить делать всё что угодно, а если об этом посмеет подумать обычный гражданин, то его упекут за решётку, за «принижение чести и достоинства».

– Паршиво с ними дело.

– Ох, ещё как! Ты не читал весь закон. Знаешь, почему я их называю главными «крысами» в стаях?

– Нет.

– Они формируют мнение той безумной толпы, что зовёт-

ся свободными гражданами. За ними, их идеями и воззрениями готовы пойти в ад. Они стали новыми кумирами этого мира. Не учёные, ни творцы, как было сотни лет тому назад, а люди с игрушкой в руках. Помню случай, был он ещё в Норманнском Свободном Княжестве. К нам приехал один из самых знаменитых блоггеров во всей стране. На его выступление собралось сто двадцать тысяч человек и тридцать пять тысяч... звероформированных. Они смотрели на него, как на живого бога во плоти, повинуюсь всему тому, что он скажет и веря каждому слову. Так тот блоггер, чтобы собрать миллиард «лайков», сначала прыгал и кривлялся как сумасшедший на сцене, а потом, почувствовав себя королём толпы, стал им отдавать такие... поручения. Часть собравшихся он заставил драться насмерть, ещё часть окунул в омут оргии, некоторых заставил кушать землю и пить воду из канализации, а кого-то и нападать на прохожих. В общем, погибло больше тридцати тысяч посетителей его концерта.

– Его осудили?

– А за что? В архизаконе по прямому записано: «для создания демократичного духа, блоггеру дозволяется устраивать всякий эпатаж без наказания, ибо так реализуется его священное Право на предпринимательскую, интернет и социально-общественную деятельность». И будь прокляты их «блоггерские контракты».

– Контракты? – Вопрос Габриеля прозвучал с удивлением, раздавшимся эхом среди двора, в котором шли ребята.

– Кабальный договор. Подписав его, ты становишься буквально рабом для блоггера и он, чтобы «реализовать свой возможности в развитии интернет-демократии», ну и конечно, для получения максимального количества «лайков» будет выжимать тебя по полной, пока не будут выполнены все договорённости по нему. А контракт вещь такая... Как утверждает Культ Конституции – нет ничего выше договорённостей, запечатлённых в договоре. Иначе говоря, подмахнул бумагу и тут же превратился в раба.

Габриель погрузился в собственные рассуждения, но его глаза заметили двух девушек впереди на расстоянии пятидесяти метров, с яркими блестящими нашивками, ведущими милую беседу. Юноша памятовал о словах своей возлюбленной, поэтому опустил руку с её талии и продолжил путь, делая вид, что они с Хельгой друг другу никто. Девушки понятен такой порыв. Но феминистский патруль снял дубинки с бёдер и грозным шагом направился к парням.

– Стой! – крикнула одна из девушек в чёрной военной форме. – Почему этот женско-ориентированный гендер в компании двух мужеподобных червяков? А ну-ка, решили «шланги» эмоционально-визуально эксплуатировать женщин?!

– Ох, нет. – Мягко воспротивилась Хельга, приняв инициативу полностью на себя. – Я не против того, чтобы они шли рядом. К тому же, знаете блоггершу «Чайка»?

– Конечно. – Восхищённо вострепнулись дамы. – Мы её

подписчицы. Столько блогов про женские права и столько репортажей о природе. Как её можно не знать? – Удивлённо заключили дамы.

– Так вот, она советовала при такой встрече с мужчинами не набрасываться на них сразу, ибо они могут идти с позволение женско-ориентированного гендера. А лучше пропустить их и пойти искать реальные факты нарушения равноправия. – Издевательски вымолвила Хельга, с ещё большим удовольствием смотря на то, как патруль, с удивлением и неистовством в глазах исполнил это и быстро ретировался прочь.

– Мда, эти блоггеры точно, как царьки среди мешанины. – Мрачно констатировал действительность Габриель.

– Практически Габр, – смотря на массивное здание ВУЗа, молвил Лютер, – они короли среди крыс, не иначе. Боги среди толпы, которые служат самым низменным порокам общества «Развитого Либерализма».

Глава восемнадцатая.

Безумие на конвейере

Тем временем. «Центр Свободы»

«Наш род, род свободы может выродиться. Мы понимаем это, ибо принятие Свободы, в её чистом, совершенном и непререкаемом виде, губительна для такого ничтожного и тираничного вида, как люди. Но мы же не хотим, чтобы великий замысел утверждения Свободы не прервался вместе с последним, живущим в Либеральной Капиталистической Республике?»

Именно для этого мы требуем учредить Инкубатории, продляющие жизнь нашим великолепным свершениям, по утверждению Свободы в этом несвободном мире. Не думаю, что найдутся те, кто будут протестовать такому решению.

К тому же, для ограждения всех детей от тлетворного влияния семейной тирании (что является само собой разумеющееся в такой свободе противном поганом институте, как семья) мы требуем совершенствование Ювенальной юстиции, и превратить её в Гранд-Ювенальное правосудие».

– Требование от Культа Конституции к комитетам Форума Свободы.

В городе вечного пиршества снова шли парламентские

приятия, заканчивающиеся лишь одним – принятием пакета документов «продвигающих общество развитого либерализма к установлению абсолютной свободы». И каждый день, а точнее его завершение, отмечался целым празднеством, где все радуясь прославляли утверждение новых элементов «разложения государственности» и усилению всего гражданско-либерального.

Но правовая система такова, что новые законы ложились на старые акты, а давнопрошедшие никто не отменял, и получалось копирование норм. Так статьи закона могли попадаться в различных документах и законах вплоть до трёх тысяч раз, с абсолютной схожестью текста.

Однако никто не спешил отменять старые законы и различные нормативные документы, ибо это могло «задеть, разрушить и ослабить уже утверждённые Права и Свободы, что неминуемо приведёт ко всему срыву концепции Развитого Либерализма, а это строго недопустимо». В Федеральном Сенате никто и не решался поднимать вопрос об отмене старых законов, ибо за «покушение на установленную Свободу» можно и отправиться в тюрьму на шестнадцать лет.

Все ветви власти захламлялись сотнями тысяч одновременно действующих постановлений, решений, законов, указания и всему подобному. Все правовые бумажонки стали подобны ковру, засеивающему правовое поле, и чем больше их становилось, то тем больше закрывалось дыр в законах.

Именно так и предполагалось, в правовой системе, при-

нявшей фантазмагорию юридического засорения, именуемой «Либерально-демократической правовой структурой». Чем больше законов, утверждающих Права и Свободы, то тем больше правовых дыр, которые они закроют, а все противоречащие друг другу нормы применялись по одному условию – если статья утверждает большую свободу, то значит и действовать будет она.

Но вся система стала настолько громоздкой и неповоротливой, что всем судам, начиная от судов сообществ и заканчивая государственными, дозволялось принимать решения на основании «Либеральной Традиции». Если деяние или преступление не противоречило концепции «Развитого Либерализма» и всего лишь помогала в утверждении свободомыслия, то всё решалось в сторону того, кто изволил применить «свободный выбор».

И всё бы хорошо, но проблема, появившаяся со временем, поставила всю Либеральную Капиталистическую Республику, на грань жизни и смерти. Как и любой край старой Европы, во время полыхающего апофеоза кризиса, вся Республика встала перед вопросом вымирания, которое с жестокой логичностью ударило по всей стране, поставив её перед суровой действительностью, из которой был найден один из самых эффективных, но не двухзначных методов...

О нём знали все и принимали, как должное, но мало кто ведал об его составляющим. Но любому парламентарии диктовала законная необходимость посетить места, где «куётся

будущее всего свободного мира».

– И куда это мы сейчас едем? – Прозвучал вопрос в салоне автомобиля. – Надеюсь не в Федеральный Сенат?

– Нет, Эрнест. Мне Культom Конституции поручено показать тебе одно очень важное место и рассказать о сути глубинной Республики.

– Ох, Эбигейл, – лицо мужчины исказилось в недовольстве, – мне хватило прошлого «просвещения» про ветви власти. Не думаю, что ещё что-то сможет меня удивить. – Парень прикрыл тонированное окно, чтобы не видеть плескающийся Садам на улицах. – А куда мы точно едем?

– В глубины города. – Переключив передачу, поправив локон, скоротечно ответила Эбигейл. – Там нас ждёт послушник Кукльта Конституции. Он нам и устроит экскурсию по Инкубаторию.

– По чему? – Вопрос пробежал с особой въедливостью. – Эби, ты наверное помнишь, где я работал и не разбираюсь в особых словах.

– Подожди, скоро узнаешь.

После произнесённых слов, двигатель машины взревел и устремился по дорогам с удвоенной скоростью, довозя пару до места назначения с двойным рвением. Но парень даже не почувствовал, как сердце машины заработало. Конструкция автомобиля глушила всякую тряску и дрожь корпуса, не то, что грубые машины в Восточной Бюрократии, больше похожие на квадратные трактора, созданные лишь для того, что-

бы проламывать леса и давить сугробы.

Эрнест не смотрел в окна, ибо не хотел вновь чувствовать под горлом и испытывать желудком тошнотворные рефлекс-ы. Парень смирился к тому, что творится на заседаниях Форума Свобода, как тамошние «парламентарии» без конца пребывают в наркотическом угаре, утопают в собственных нечистотах и делают всё, что им позволил «Кодекс Потребления», горделиво, с напыщенной мордой называя это «само инициативностью в сфере принятия законов». Но вот что стелилось на улицах «Центра Свободы» невозможно сравнить с тем, что вытворяли в парламенте, ибо всё «баловство» парламентариев это детские шалости с уличной Гоморрой. Тысячи одинаковых фриков в своём безумстве устраивали тысячи извращений над собственным телом, порой со смертельным исходом. А стайки блоггеров это всё запечатлевали и получали «лайки», которыми потом расплачивались. Всё сводилось к тому, что подписчики выставляли своему блоггеру регламент, в котором какое-нибудь действие или эпатажное видео оценивались в определённое количество «лайков» и блоггер шёл на всё, чтобы исполнить бесконечные просьбы свих подписчиков и удовлетворить неутолимый голод безумной толпы.

Внезапно машина резко повернула в сторону, да потом ещё, пока не подъехала к одному из высоких, в сто этажей, постройке, исполненной стеклянными панелями, сверкающими как бриллианты.

Эрнест приоткрыл окно, чтобы на него посмотреть. Вход в здание чем-то напоминал широкий и роскошный проход в отель. Такой же помпезный ковёр, расстеленный, словно для богатых толстосумов и пара человек частной охраны, с автоматами наперевес.

– Я совсем забыла. Сначала нам нужно было сюда заехать. – Покорила себя Эбигейл.

– Так мы сюда и приехали? – Поправив белый рукав на рубашке, слабо улыбаясь, проговорил Эрнест.

– Я забыла предупредить об этом того послушника. – Девушка почесала голову. – Надо позвонить и предупредить его.

– Кого?

– Жди здесь. – Очень быстротечно кинула девушка и покинула автомобиль, взяв небольшую бежевую кожаную сумочку, хлопнув дверью.

Эрнест остался сидеть один в машине, лишь слегка припустив стекло машины и просушиваясь к разговору:

– Алло, здравствуйте. – Приложив пластинку к уху, обратила в приёмник свою речь Эбигейл. – Я звоню предупредить, что мы опоздаем ровно на час.

Затем целых полминуты дама стояла и выслушивала импульсивную тираду, доносившуюся из трубки.

– Я всё понимаю, но мне об этом сказали в последний момент и я забыла. – Вновь губы Эбигейл смолкли, но через десяток секунд разверзлись с искренней благодарностью. –

Спасибо вам.

Девушка застучала каблуками по бетонным плитам, ко-
стяшкой пальца постучала в стекло, приговаривая:

– Выходи, всё в порядке. Можем спокойно идти. Нам поз-
волили задержаться. – И припустив губы к небольшой щёл-
ки между краем тонированного стекла и корпуса двери, по-
лушёпотом промолвила. – Давай скорее, тут нет ни одного
«Вестника Свободы». Но это пока.

Эрнест вцепился в дверную ручку и постарался как мож-
но быстрее её отодвинуть. Хлопок и дверь потянулась нару-
жу, а за ней и мужчина, цеплявшийся остроносими туфля-
ми за небольшой порог, и всё же задевши чёрными брюками
небольшой металлический заусенец.

– Вот чёрт. – Выругался парень.

– Что случилось? С заботой и настороженностью прозвучал в пространстве вопрос от Эбигейл.

– Штанину порвал.

– Ничего страшного. Если порвёшь и вторую, то сможешь
сойти за модника. Сейчас популярно так ходить. Один мод-
ный дом даже выпустил коллекцию рваных брюк из шёлка. –
Губы изумительной дамы разошлись в улыбке. – Только не
знаю, кому эта коллекция нужна.

– Я читал про это. – Задирая голову вверх, ища конец сто-
этажного небоскрёба. – В «Новостях». Её раскупили меньше
чем за час.

– Вот как. А ты и за новостями следишь?

– Пойдём уже. Как говорится, раньше начнём, раньше выйдем.

Пара быстро стала продвигаться к входу. Эрнест оглядывался по сторонам, в поисках неприятных ему граждан, но первые двадцать метров он наблюдал только людей одетых в более-менее приемлемые одежды. Штаны, словно стянутые у венецианского шута времён средневековья, и такой же костюм казались ещё самым безобидным повседневным костюмом в «Центре Свободы».

Следующие двадцать метров стали всё чаще попадаться люди в чёрных, но расшитых золотой нитью, балахонах. Красивые узоры, так и ложились на атласную ткань цвета бездны.

– Стоять! – Громоподобно произнёс один из бойцов, передёрнув затвор. – Документы или проваливайте отсюда!

Эбигейл залезла в сумочку, покопалась в ней несколько секунд и протянула два прозрачных диска, протянув их охраннику, который медленно, размашисто и непринуждённо взял их из рук и подключил к какому-то устройству, похожему на древний секундомер.

– Можете пройти. Оба. – Голос бойца витал в звуковых образах, напоминая раскат грома или оглушительный рык медведя.

Эрнест и Эбигейл проскользнули мимо двух громил-солдат из частной Компании и проникли в здание.

Приёмная представилась мужчине слишком помпезной

и нагло, надменно полыхающей роскошью. Это огромное помещение, облицованное мраморной плиткой из розового минерала и усеянная по различным уголкам множеством серебряных статуй с изображениями счастливых детей, которых под ручку ведёт однополая пара.

– Вот это домина. – Голос Эрнеста разбежался эхом по всему холлу, наполняя его сотрясением звуковых волн каждый уголок. – Мы в Восточной Бюрократии умирали от холода, а здесь вон – всё мраморе.

– Есть какие-то проблемы? – Мелодия из гортани сзади зазвучала как пение двухструнной расстроенной скрипки. – Может я вам смогу помочь чем-нибудь? Вы только скажите это.

– Да, мы ищем Мастера-Ювенала Притуса Проллера.

– Конечно. Он находится на четвёртом этаже, в кабинете сорок два. Вас проводить туда?

Эрнест ощущал мозгом, как корявый голосок девушки отражается у него в голове и резонирует со стенками черепа. Мужчина почувствовал всеми костями черепа этот проникающий противный голос.

– Спасибо. – Скоротечно бросила Эбигейл и устремилась к первому лифту, стараясь как можно быстрее и увести за собой Эрнеста.

Дама поцокала каблуками по мраморному полу к стеклянно двери быстрого лифта и ловким движением палец активировала несколько кнопок, приведя в действие новенький

механизм.

– А-а-а, что это за голос? – Возмущённо и держась за большие уши, в еле сдерживаемой злости, спросил Эрнест, заходя в лифт.

Эбигейл прикоснулась к ушам и вынула оттуда две крохотные, полупрозрачные пластинки, невинно ответив:

– Прости, я забыла тебе дать их.

– Кого?

– Понимаешь, эта девушка, она думает, что является чайкой, – Эбигейл тут же взялась за поручень, так как лифт устремился вверх, – и помимо перьев под одеждой прислуги, сделала себе ещё и соответствующий голос, но во время операции что-то пошло не так. Поэтому без специального устройства её слушать невозможно. Когда она отдаёт приказы, новенькие работники обливаются кровью из ушей.

– Жуть.

– Ты ещё не видел тут человека-паука.

– А это что за насекомое? – С удивлением спросил Эрнест, сказав лик в непонимании.

– А ты представь себе мужчину с восьмью руками, на ладони которых прикреплены накладные железы, выделяющие специальный клей, с помощью которого можно цепляться за стены.

– Похоже, мы приехали. – Указав на открывшуюся дверь, вымолвил парень.

Пара тут же покинула лифт и за сущие секунды нашла

нужный кабинет, обратившись туда со стуком.

– Входите! – Послышалось за банальной плоской дверью, выточенной из куса хорошего дуба.

Эбигейл и Эрнест одновременно приложились ладонями к дверной ручке, отчего почувствовали теплоту кожных покровов и содрогнулись душами от такого касания. Произошла секундная заминка.

– Да входите уже!

Эрнест прикоснулся к золотистой ручке и отпирал дверь, следуя старым традициям, позволяя даме пройти первой, а потом и сам проследовал вовнутрь, захлопнув за собой кусок древесины. Кабинет не огромен, скорее больше напоминая хорошо обустроенную коморку. Выкрашенные белой эмалью стены отражали свечение источников света, выражая их в бессмысленной композиции ламповых бликов. Под ногами оказалась обычная клеёнка чёрного цвета, резко контрастировавшая со стенами. А впереди имелся только небольшой столик, за которым сидел мужчина в блестящей розовой рубашке и что-то печатал на интерактивном ноутбуке.

– Здравствуйте, парламентарий Эбигейл. – Как только мужчина поднялся, Калгар углядел на работнике и синюю юбку, прикрывающую волосатые ноги, и подводку для глаз на лысой и морщинистой голове и накрашенные губы. – Ах, вы мне привели нового парламентария для разъяснительной беседы?

– Да, только можно побыстрее, а то нам ещё в Инкубато-

рий.

– Ах, Инкубаторий, – склонив голову, в извращённом тоне вымолвил мужчина, – прелестное место. Ладно. – И сделав голос намного строже, человек продолжил. – Прежде чем я начну, хочу вам сказать, что Гранд-Ювенальное управление не является частью Механизма Свободы. Мы давно работаем в структуре Культа Конституции, а поэтому наша встреча не является преступной. Это понятно?

– Вполне. – Эрнест сжал зубы в неопишуемой ярости, помня о том, кто позволил забрать у него сына и только из-за правил приличия Калгар себя сдерживал, чтобы не накинуться на работника и не растерзать его.

– Хорошо. Я Мастера-Ювенал Притус Проллер, работник этой отрасли уже двадцать лет и моя задача разъяснить вам парламентариям, какие законы нужно принимать для более благотельной работы. Задача всего ювенального правосудия состоит в том, чтобы передать детей из неправильных семей в правильные околосемейные сообщества. Так мы повышаем их благополучие и заботимся о детском воспитании.

– Это как? – Проскрипел зубами Эрнест, рыком задавая вопрос.

Эбигейл знала о проблеме Калгара, и что ему пришлось пережить, поэтому легко, практически подобно дуновению ветра коснулась руки парня, чтобы успокоить его.

– Как? Мы изымаем детей из неправильных семей и передаём к тем гражданам, осознающим необходимость воспита-

ния детей на принципах Свободы и саморазвития. У нас так даже имеются списки, согласно которым мы в год должны изъять у «несвободных» семей до сорока процентов детского капитала и передать их в семьи «Вестников Свободы».

– А за что изымают?

Работник заученно ответил:

– Детей, во имя их благополучия и лучшей жизни, а так же избавления от угнетения, эксплуатации, и тираничного воспитания можно изымать по следующим причинам. – И прокашлявшись, накрашенный мужчина зачитал с бумажки. – За: принуждение ребёнка ко всякого рода работе, если он того не захочет того сам; неправильное с точки зрения принципов «Свободы» воспитание, опирающееся на тоталитарно-традиционные постулаты; принуждение детей к посещению учреждений для обучения, если он того сам не захочет; неисполнение детских пожеланий; препятствие ребёнку в сфере реализации его «Самости». – И вновь прокашлявшись, приложив кулак к горлу, вновь заговорил. – Полный список есть у нас на сайте. Лучше туда зайдите и прочитайте. Хорошо?

– Да. А вы не изымаете детей у «Вестников Свободы»?

– Конечно же нет! – С расширенными глазами, ошарашенным видом, воскликнул работник. – Как утверждает Культ Конституции: «Вестники Свободы есть передовая часть общества развитого либерализма, не способная тому, чтобы причинить вред детям, ибо они настолько просвещены, что

способны иметь власть над детьми».

– Понятно.

– Я вам сейчас расскажу самое главное. Суть в вашем парламенте, что за три года вы должны принять хотя бы сотню актов, расширяющих наши полномочия по отношению к семьям, отвергающих прогрессивное либерально-просветительское воспитание. Дело в том, что «Вестникам Свободы» по определённым особенностям не дано иметь потомство или это не так часто, как бы хотелось. Культ Конституции определил это как «величайшая жертва, принесённая во имя дела утверждения Свободы». Поэтому, Культ Конституции и создал нас для решения этой великой миссии. Мы должны, нет, мы обязаны сделать так, чтобы «Вестники Свободы» смогли познать радость воспитания детей! – Горделиво, с нотками лже-патриотизма воскликнул Притус. – Изымая детей у тиранов и диктаторов, отвергающих общество развитого либерализма и передавая их истинно прогрессивно мыслящим гражданам, мы приносим ещё одну оплату «Вестникам Свободы» за их великий труд. Это понятно? Теперь вы осознали свою часть работы по услужению «Вестникам Свободы»?

– Абсолютно. – Еле сдерживая гнев, охвативший каждую клеточку его естества, и желание наброситься и избить до состояния полусмерти, всё боле казавшееся вот-вот исполнимым, проскрипел Эрнест.

– Тогда пошли вон отсюда. У меня ещё много работы. –

И лукаво улыбнувшись, Мастер-Ювенал добавил. – У меня есть ещё триста семей, из которых мы собираемся выбить детский капитал. И мне надо придумать за что.

Эрнест, сжимая кулаки и зубы от злобы, развернулся и направился к выходу, с ярым желанием покинуть этот кабинет. И как только дверь проскрипела несмазанными петлями Калгар словно выпрыгнул за порог, пропуская Эбигейл.

– Проклятье, я его там чуть не придушил.

– Успокойся. Тише.

– Не могу, Эбигейл. Ты знаешь...

– Да, я знаю, что стало с Лютером. Но его же отдали никуда. Он сразу пошёл в ВУЗ Корпорации.

– И, слава Богу. Но остальные дети. – Возмущённо прошипел мужчина. – Они за что должны расплачиваться?

– Эрнест.

– За то, что их родители нормально воспитывают? За то, что родители не потакают всякому капризу и содержат своё дитя в строгости? За что?

Эбигейл приложила мягкую ладонь к щеке мужчины и ласково, томно, полушёпотом произнесла:

– Я тебя понимаю. Это недопустимо, но мы в таком положении, что мало можем что-либо изменять. Знаешь, как сказано в одной очень старой книге: «Мы не вольны выбирать времена в которые жить».

– Я помню книгу, но не помню конец цитаты. – На губах парня проступила улыбка. – Ты права. Я всё ещё не смирился

с потерей Лютера, я не никогда не прощу этой системе, что у меня отняли сына.

– Эрнест, поверь, всё ещё наладится. Всё будет хорошо. – Твердила девушка, буквально умоляя парня успокоиться.

– И всё же... да ты права. – Обхватив руку на щеке своей ладонью, мужчина опустошённо добавил. – Просто поехали в этот Инкубаторий и закончим на сегодня, а то мне становится плохо.

– Хорошо.

Пара за пять минут успела спуститься на лифте в просторное помещение, прошмыгнуть мимо «чайки» и сесть в автомобиль. Эрнест не стал даже ремня цеплять, наплевав на правила дорожного движения. Их путь длился меньше десяти минут. Машина, ведомая современным мотором на мощных батарейках, остановилась возле высотного здания, обитым металлическими листами и сверкающим под светом тусклого солнца. Само здание ограждалось высоким забором и имело практически абсолютную схожесть с огромным заводом, не хватало только дымящейся трубы. У единственного входа, представленного пропускным пунктом в высокой стене, роилось два десятка солдат.

– Ты зачем привезла меня на завод? – Усмехнулся Эрнест.

Эрнест с Эбигейл быстро, стараясь шевелиться, как будто от этого зависит их жизнь, покинули автомобиль и едва ли не бегом направились к входу, на фоне которого восстала незначительная, малозаметная фигура.

Только подбежав к КПП, Эрнест смог отчётливо уловить детали человека. Невысокий рост, балахон из дорогушей атласной ткани, с особым изобилием усыпанный драгоценными камнями и капюшон на лице, полностью скрывший его очертания.

– Стой Эбигейл. – Махнув рукавом, приказал странный человек, ясно похожий на какого-то монаха с обложки учебника по истории. – Я магистр начальной ступени Культа Левиафаний. Послушник, который должен был вас встретить отправлен мною по важному поручению.

– Нас досматривать не будут?

– Нет, парламентёр Эбигейл. Я договорился. А теперь, пожалуйста пройдётесь. Но вынужден предупредить, что я не смогу вас впустить на Инкубаторий, так как мне не дано разрешение. Так что просто пройдёмся, и я объясню коллеге, что к чему.

Триада прошла за КПП и тут же направилась к ближайший небольшой садик с искусственным прудиком и невысокими зелёными кустарниками, так и веющими ароматами пластика и пластмассы.

– Вы знаете, что такое Инкубаторий? – Прозвучал вопрос от магистра Культа Конституции.

– Нет.

– Тогда я вам, пожалуй, расскажу. Все мы знаем, что наше народонаселение в Либеральной Капиталистической Республике не склонно к самостоятельному продолжению рода,

ибо большинство людей заняты великим делом построения «абсолютного либертинизма». Общество развитого либерализма построено, но за этим есть и свои жертвы, необходимые для создания либерально-общественных институтов.

– Уважаемый магистр, – вмешалась Эбигейл, – у нас заседание через час. Можно чуточку быстрее.

– Конечно, если у вас воистину будет процесс принятия актов утверждающих новые Свободы, да будут они благословенны, то и задерживать я вас не стану.

– Спасибо.

– Жертвы требуют покрытия. – Продолжил магистр. – Люди, занятые свободой не могут множиться и плодиться, так как заняты иным. Многие «Вестники Свободы», хотят иметь детей, но не могут ввиду принесённой биологической жертвы. И тут на помощь всем пришли мы. Культ Конституции в своей милости учредил создание Инкубаториев, откуда и будет продолжен род либеральный, да не оскудеет он никогда. – Вздев руки к небу, культист затвердил с пущей вдохновлённостью. – Инкубатории есть священная земля, откуда истекает жизнь нашей великой страны!

– А как это происходит? – В словах Эрнеста пробежала тень дрожи.

– Сначала мы думали о клонировании. К великому сожалению, план клонирования провалился, и нам пришлось искать иные пути решения проблемы. Мы стали брать у женщин оплодотворённые яйцеклетки и помещать их в специ-

альные условия, эмитирующие условия содержания и развития в...

– А откуда вы берёте эти яйцеклетки? – Удивление в вопросе, прервавшем магистра, явилось нескрываемым.

– Способов получения множество. У нас есть двадцать миллионов «Кабинетов Зачатия» по всей стране, где за хорошую плату можно после совокупления отдать нам свою яйцеклетку. Так же мы насильно изымаем их у беременных женщин не из «Вестников Свободы», за преступления, противоречащих принципам свободного мироустройства. Так же мы, как способ наказания, ввели «Насильное Зачатие». Преступницы против свободы приговариваются к такой процедуре, дабы они смогли послужить великому делу укрепления общества развитого либерализма.

– А что потом?! – в возмущении вскрикнул Эрнест.

– Не кипятитесь, вы не чайник, – в издёвку произнёс магистр. – Когда срок содержания в «имитационном поле» подходит к концу, ребёнок буквально вылупляется из специального покрытия. Наша задача его содержать несколько дней, а потом мы их отдаём на воспитание в детские дома или в антисемейные объединения «Вестников Свободы», дабы они привили новорожденным все просветительские принципы на которых стоит наше общество. КПД Инкубаториев составляет девяносто пять процентов.

– А где ещё пять? – Давясь комом в горле, еле как выдал Эрнест.

– Ну не все процедуры отлажены, а поэтому какую-то часть детей мы теряем. Проще говоря, не всё доходит до конца конвейера, но эта лишь капля в море радости, которую получают «Вестники Свободы», получая дитя. Вот ради них и должна существовать такая система, так как ею и держится всё наше общество развитого либерализма. Без неё наш либерально-просвещённый род давно бы вымер, и остались одни тоталитарно-традиционные дикари, гетерасты и прочие психи. – И приложив руку к вибрирующему карману, магистр с фанатичной улыбкой сказал. – Простите, звонят.

– Ты как, Эрнест?

– Эбигейл, давай не пойдём сегодня на заседание. Мне нужно выпить, – с глазами полными шока молвил парень. – Пока я не напьюсь, я не смогу смириться, что это безумие теперь на конвейере. Это же фабрика по производству детей и этому сумасшествию не будет конца. Никогда.

– В какой бар пойдём? – понимающе спросила девушка.

Эрнест кинул взор полный праведной ярости на магистра и разглядел, что тот стоит у пруда и собирается сделать шаг назад. У туфли мужчины валялся камешек округлой формы, больше напоминающий мячик. Эрнест слегка его подтолкнул туфлями и, схватив Эбигейл за руку, скоротечно покинул парк под звуки всплесков и истошного крика.

Глава девятнадцатая. Мир клонированных «индивидуальностей»

Город Микардо. Спустя три дня.

«Индивидуальность граждан самый важный аспект составляющей концепцию Развитого Либерализма. Каждый волен решать, кто он есть, чем является, пускай даже его выбор подходит к самому краю всякого здравомыслия. «Люди»? Это слишком броско и неподобающее обозначение для наших граждан, ибо само естество индивидуальности вольно избирать свою наружную сущность. У нас есть орки, жуки, гномы, звери, эльфы, птицы, феи и ещё тысячи самых различных определений и нареканий самих себя. Людей мало, и в этом совершенство Свободы, ибо сама личность должна выбирать, кто и что она есть.

Так же мы требуем ввести особый правовой режим для «копий» всех деятелей либерально-просвещённой богемы. Мы знаем, что в нашем обществе есть тысячи, если не сотни тысяч граждан, вызывающих интерес подражания своего образа у сотни тысяч других жителей страны. А по этому, мы просто обязаны прировнять к «Вестникам Свободы» всех тех, кто отдают свою уникальность на жертвенный алтарь свободы, ибо она и диктует этим ход жизни.

А те, кто смеют, в пресловутой дремучей нравственно-

сти, покуситься на сей свободный выбор гражданина, должен быть привлечён к уголовному наказанию, ибо Свобода это есть высшая ценность нашего либерального рода, его мера и судья, ради которой и стоит существовать».

– Проповедь-Эпистола Культа Конституции Форуму Свободы.

Небосвод над отдалённым городком, нашедшим свою жизнь на отшибе Либеральной Капиталистической Республики, спешил выкраситься в тёмные и грузные свинцовые тона, наполненный химическим грузом, способного просыпаться на бранный город, в виде снега, с обилием самых необычных элементов химической промышленности.

Мороз и холод, по мере продвижения и вращения земного шара подступал всё сильнее, начиная сковывать лютыми морозами окрестности и половину континента. Гольфстрим практически не грел, и из-за того рокового каприза природы в своё время ледяная рука зимы сковала половину Старого Света.

Но не сейчас холоду править торжество и справлять победу над теплом. Атомные войны в прошлом, грандиозная работа заводов, наполняющих всё воздушное пространство быстро нагреваемыми элементами, деятельность Компаний по «термической защите населения» приводила к весьма определенному исходу – извращённое тепло, вызванное победой и издевательством над природой, витало сла-

бым ядом, согревая тленную жизнь, всё ещё пытающуюся доказать справедливость и истинность своих законов морали.

Но пара, гулявшей по городским улочкам, не приходило в ум, размышлять о подобном экологическом и природном коллапсе, ибо две души и разума, обуреваемы совсем иным состоянием, исключаяющим подобные, как им бы показалось «забавные размышления».

Два человека идут по ночным улицам отшибенческого и полузабытого города Микардо. О населённом пункте помнила разве что Корпорация, выработками производства которой, повисшей в воздухе микрочастицами, одевалось две фигуры, медленно продвигающиеся по кривым улочкам.

Фонари вокруг издают не яркий и ослепляющий свет, как то рекомендовалось, а тусклый, слабый, трепещущий в сгущающейся тьме огонёк, слабо освещающий пространство под ногами. А некоторая часть источников света не работала вообще.

Из-за такой фонарной композиции складывалось ощущение, волнующее чувство у пары, что они попали в фильм ужасов, самый настоящий хоррор и вот через секунду на них, по закону светового жанра так и должен был кто-нибудь наброситься, и закончить миловидное действие прогулки.

Но никто не нападал, а пара так и продолжала гулять по кривым улочкам, раскинувшимся вдоль трассы. Оба человека понимали, и помнили уроки истории, а отчего зна-

ли, что когда несколько Корпораций поделили сферы влияния и пододвинули во всех ветвях власти беззаботно пирующий Культ Конституции, то буквально через неделю большинство норм качества стали рекомендательными и незначительными. Так появился и стал абсолютно нормальным и часто потребляемым хлеб из гранул, похожий на мочалку, капуста из пластика, картофель, выращенный из специального порошка и шоколадка в руке девушки, идущей в паре...

– Стой, что ты ешь? – Внезапно встрепенулся юношеским голосом, в котором так и чувствовалась вплетённая обеспокоенность, рядом расхаивающий товарищ. – Там же нет совсем шоколада!

– Это самое лучшее, что у нас есть в городе, – с толикой невинности ответила девушка, обратив свой взор на парня, и юноша посмотрел в её промелькнувшие серебром в свете тусклых фонарей глаза.

– Это же нельзя есть, – бросил юноша, почесав свои короткие чёрные волосы, потянулся в карман ветровки. – Вот держи, это мне дал Габриель.

– Ох, что это? – спросила подруга, коснувшись аккуратными пальцами шероховатую поверхность бумаги. – Я не узнаю такой этикетки.

– Потому что это настоящая бумага, а под ней настоящей шоколад. – Выдержав лёгкую усмешку, бросил парень. – Когда наш новый друг попробовал наши конфеты, его едва не стошнило. Он сказал, что этим крыс можно травить.

– Ну, мы же, как то это едим. – В словах промелькнула тень возмущения.

– Он мне и передал этот шоколад. Габриэль сказал, что вкуснее я не ел и не попробую. – И ткнув в сторону несурьезного батончика, завёрнутого в ярко-блестящую упаковку, шутливо сказал. – Лучше выкини её, а то вспыхнет.

– Что сделает. – Голос девушки сотрясся от смешка. – Вспыхнет? Как это вообще возможно? Лютер, не носи чепухи.

Даже тусклый свет фонарей не мог скрыть улыбки парня, ширящейся с каждой секундой. Юноша, улыбаясь, взял в руки, буквально выхватив, батончик в свои руки, нашёл у себя в кармане зажигалку и поднёс пламя к шоколадному покрытию. Через секунду шоколад, да и весь батончик вспыхнул ярким сине-жёлтым пламенем, озарившим местность подобно яркому светилу во мраке, заглушив даже слабое свечение фонарных столбов.

Пальцы разжались и полыхающая головёшка пала на землю, попав в выбоину в плитке на дороге, продолжив гореть и громко трескаться, слово кто-то разжёт костёр из поленьев. И спустя мгновение воздух наполнил вонючий аромат, лишь отдалённо веющий запахами мазута и горячей нефти. Вся остальная палитра ароматов была настолько непередаваемой и смердящей, что Лютер тут же принялся тушить батончик туфлями, но он не унимался и продолжать полыхать светом ярче фонарей, продолжая озарять местность.

– Надо было твой батончик вместо фонарей тут повесить. Эффекта было бы больше. – Слова юноши вновь изобиловали старой неприязнью к «частно-коммерческой инициативе», приведшей к практически полной потере качества товаров.

– Воу, как он горит. – Диву далась девушка. – Из чего он такой состоит?

– Ингредиентов достаточно много. Сама шоколадка могла быть сделана из нефти, горючих веществ. Начинка... спрессованное и размягчённое дерево, посыпанное сахаром и услащённое, чтобы напомнит вафлю.

– Я до сих пор не понимаю, как такое допускают до прилавков. Это ведь, невозможно есть. А я это ещё собралась кушать. – Уходя подальше от пламенеющего шоколада, аккуратно, стараясь не порвать, разворачивая бумажную упаковку, недовольно твердила девушка.

– Амалия, ты прекрасно знаешь, почему это всё лежит в торговом обороте. – Злобно начал Лютер, циркулируя руками. – Корпорации правят торговым и финансовым балом, и они сами этого не скрывают. – И прикоснувшись к коричневому покрытию кожаной курки спутницы, парнишка краями пальцев заботливо стряхнул чёрную пыль. – Прилипло у тебя что-то.

– Что ты имеешь в виду? – смущённо произнесла вопрос Амалия, кладя шоколад в рот. – «Правят балом».

Лютер ухмыльнулся, замедлил шаг, и ласково обхватив

девушку за плечи, сжав со скрипом кожу из которой состояла куртка, повернул корпус изумительной пассивности налево, указывая своей рукой в бескрайнее просторы.

Пара шла по кривой разбитой дороге, возле трассы на самом краю города. За довольно машистой магистралью простиралась целых полтора километра искусственной пластмассовой травы, игриво... и фальшиво заигрывавшей зеленью со всяким, кто на неё посмотрит. Но указание Лютера, как и вектор, заданный его рукой, упёрся в огромные, исполинские, не вмещающие взгляд блестящие металлическим покрытием заводы с чёрными трубами. Каждый завод настолько расплывался в пространстве и устремлялся к небосводу, словно споря с Богом, что человек мог почувствовать себя ничтожным муравьём рядом с ним. А таких заводов и производств вокруг города самая настоящая цепь.

– Теперь ты видишь.

– Как восхитительно! – визгом, полным счастья и изумления вскрикнула Амалия, невысоко подпрыгнув и обернувшись к Лютеру с очами полными радости и детского, наивного удивления.

– Не понял.

– Я про шоколад. Он действительно... он... – замешкалась, дама, не в силах от удовольствия подобрать слово.

– Настоящий.

– Да. Это такой вкус. Он не приторный, не липкий. В нём, как во всех старых книгах и технологиях: «умеренная горь-

кость идеально сочетается с терпкостью и толикой добавления сахара». Это восхитительный шоколад.

– Я же говорил. – Лютер улыбнулся, ощущая, что Амалия буквально у него в объятиях и радуется чему-то настоящему, не фальшивому и искреннему и тут же приятное тепло захлёстывающей волной пробежало по огрубевшей душе.

– Спасибо тебе, Лютер. Пожалуй, я бумагу от шоколада сохраню себе. Может, потом в интернете найду шоколад и закажу себе ещё.

– Хм, а дай-ка бумажку. – Попросил Лютер, точно помня, что раньше нигде и никогда не видел таких этикеток и упаковок вообще.

Пальцы юноши коснулись бумажного покрытия, а зрительные нервы напряглись, стараясь в тусклом свете различить символы. Слабо, вяло и практически не различимо, но чётко напечатанные буквы прояснились на бумаге, выдавая её истинное место происхождения:

– Интересно. Тут написано, что это: «Шоколад производства компании «Альпийское Солнце», произведённый по «Имперский ГОСТ-ППК015». Одобрено министерством по Надзору и Производству Шоколадной Продукцией».

– Может это название дочерней компании у какой-нибудь Корпорации? – Предположила Амалия. – Сам знаешь, что в «целях укрепления бизнеса и для привлечения потребителя, коммерческим лицам дозволяется писать на этикетках всё, что угодно».

Лютер улыбнулся, обхватил девушку за плечо и ласково сказал:

– А это тему ты усвоила. – И протянув кусок бумаги, в которой ещё оставалась только начатая плитка лакомства, произнёс. – Пойдём, посидим. А шоколад заberi себе. Посмотрим, что нам выдаст твой поисковик.

– А куда мы пойдём?

– Я знаю, тут поблизости один ресторан. – Юноша в усмешку, смешанную с хвастовством, дополнил. – Я там был пару раз, очень пафосное место. Но и у него есть пара... недостатков.

– Ты про «Мутный Глаз»? Я его знаю. Там обычно собираются... особо прогрессивные. Только вот я не помню когда.

– Будем, наедятся, что их сегодня там не будет. – Мрачно понадеялся юноша, смотря на миловидный лик девушки и погружившись в недавние воспоминания.

Парень помнил, словно это случилось вчера, как он в ресторане попал на какой-то сумасбродный фестиваль, где «люди», обклеенные голубиными перьями, в кожаных изодранных обносках, прикрывающими меньше половины тела, танцевали, пили и горланили песни. Юноша отчётливо помнил, как всё это дело снимали блоггеры, напрямую транслируя в региональное телевиденье, порой только подначивая и раззадоривая толпу, чтобы сорвать куш «лайков». В итоге всё празднество закончилось в трёх местах: на танцевальной площадке, где на нитках, прошив всё тело, подвесили трёх

«человек»; за барной стойкой, где употребив некачественный алкоголь, празднующие навечно заснули в собственном, исторгнутом из желудка завтраке и на улице, где случилась потасовка. И ни один блоггер не стремился это прекратить, только сильнее затягивая нити, окуная лицом во рвоту и распаляя драку. Прибыла полиция, чтобы арестовать зачинщиков, вызвать скорую и снять с нитей, умывшихся кровью и собственным безумием «людей». Мигом «на крыльях Свободы» прилетел и Культ Конституции, вступивший в перепалку с полицией. Блоггеры, пенясь от сумасшествия и фонтанируя слюной во все стороны, заявили, что полиция нарушает их право на получение известности всеми доступными средствами, а так же смеет нарушить «Свободу получения удовольствия всеми возможными способами», гарантированной Кодексом Потребления. Культ Конституции спросил у пирующих, мешает ли им полиция получать удовольствие и развлекаться. Празднующие граждане, с заплывшими от сумасшествия и наркотического угара, те, кто «остался в строю», ответили, что «проклятые инструменты принуждения к несвободе мешают». По итогу, прибывшие полицейские были уволены через три дня и оштрафованы за «препятствие к получению Свободы удовольствия и угрозу получения блоггерами популярности и дохода в виде «лайков».

Лютер ушёл из ресторана на том моменте, когда один из ликующих, в глубочайшем состоянии токсического опьянения, вбрёл в голову, что за ним охотиться индейцы, выпрыг-

нул в окно с третьего этажа. Тогда посетители и решились позвонить в полицию.

– Надеюсь, Амалия, – с тяжёлым грузом изрёк Лютер – что сегодня там только мы сможем быть.

Пара устремилась дальше по разбитым дорожкам, на которые падал слабый свет фонарей, совершенно не освещающий ничего. Городские компании, подчинённые Корпорации, и её дочерним предприятиям, берегли буквально на всём, стараясь выжить максимальные прибыли. Так и с фонарями, в которых энергоподача и мощность электричества настолько маленькая, что его едва хватает зажечь лампочку.

Но дело касалось не только лампочек на фонарях, ибо являются пиком айсберга рыночного деспотизма. Так плитка, из которой состояли дороги, по которым продвигалась пара, сделаны из настолько некачественной смеси, что после пары дождей камень обращался в пыль. Одежда, сидящая на Лютере и Амалии, сделана, сшита из такой ткани и кожзаменителя, что с «радостью» отдавала свою краску на кожу, буквально вгрызаясь в кожные покровы. А качество самого материала подобно лёгкой вуали, что на теле, и в ношении, давно не задерживалось, вечно рвась и портясь.

Лютер пребывал в собственных раздумьях, погрузившись в тему, которую и сам затронул. Возле него, приятным для юноши ореолом раздавалась лёгкое чмокание, и Лютер припустил голову, обратив свой взор на субтильную девушку, что с лицом полного радости продолжала поглощать насто-

ящий шоколад.

Юноша огляделся по сторонам и втянул полной грудью воздуха. Но его глаза усмотрели лишь мир, построенный для «свободы», диктуемой теми, кто правильно её понимает. Его лёгкие заполнились десяткам приторных и противных ароматов, оставивших химическую горечь на гортани. И тут парень постиг суть либерального бытия: ради идеи возвеличивания всего свободного, пришлось искоренить мораль и все «традиционно-тоталитарные социальные институты», вроде семьи, дружбы... осталось лишь похоть и извращения. А воздух? А воздух показал Лютеру, что весь мир существует лишь для обеспечения нужд Корпораций.

– Лютер, – внезапно вырвала девушка парня из его угрюмых размышлений, – а как тебе Габриель и Хельга?

– В смысле как? – Усмехнулся юноша, разведя руками.

– Ну, как тебе их пара? Я просто никогда не думала, что наша Хельга, феминистка с роду. Да так и...

– Я тебя понял. – На губах Лютера проступила улыбка. – Меня просто сейчас больше заботит увиденное у Дома Бескультурия. Никогда не видел такого количества... одинаковых людей.

– Ну, для тебя может и они и одинаковые. – Пожала плечами Амалия. – Скорее всего, так они пытаются показать свою «Самость».

– Ах, ну да. Сами себя они называют теми, кто, таким образом, проявляет свою индивидуальность. Но ведь они так

похожи. И разве в своём безумии они не равны? Отказаться от своего образа?

В речах парня полыхало негодование и рвалось осуждение того, что его сегодня постигло у входа в ВУЗ. Парень весь день вспоминал, как на экскурсию в Микардо приехало «Общество Копий Суперзвёзд и Всех Известностей». Но и не только. Граждане, копирующие мультяшных персонажей, становясь с ними неотличимыми. Да и ещё множества тех, кто отвергнул свой истинный облик в сторону наигранных, безумных и несуществующих образов, гордо называя это «Проявление индивидуальности, как отвержения собственного лика».

– Практически пришли, – поправив куртку на девушке, страхнув навеянную рудную пыль, произнёс Лютер и указал рукой на горящие огни, посреди крошечной тьмы, – ещё сотня метров.

– Я знаю. – Душа Амалии запела так, что и губы невольно разошлись в тёплой улыбке, но тут же развеявшейся в вихре беспокойства. – Лютер, только не говори на лю... граждан, что они безумны.

– Амалия, дорогая моя, – юноша осмотрелся по сторонам, чтобы из тьмы не вылетел феминистский патруль и его не повязал, за комплементарно-эмоциональную эксплуатацию, – я не идиот, чтобы так говорить. Знаю, что за это можно отправиться в тюрьму.

Пара уверенно подошла к зданию, стоявшему на окраине

города. Всё пространство возле трёхэтажного ресторана покрывалось брусчаткой, на которой лежала лёгкое покрытие, как будто, тюль ночи. А у самой двери сидели две своеобразные «статуи». Два оголённых мужско-ориентированных гендера, с избытком волосяного покрова сидят на брусчатке, прибитые мошонками к ней.

Парень подошёл к тяжёлой двери, выточенной из берёзы, и потянул её на себя, стараясь как можно быстрее минуть «статуи», тут же она со скрипом поддалась и впустила пару вовнутрь.

Красная гранатовая плитка, выдраенная до блеска местными уборщиками, застелила весь пол, в котором теперь можно увидеть собственное отражение. Прямо напротив вошедших красовалась барная стойка, за которой работали две, по всем признакам женщины, в розовых латексных костюмах, обитых мехом.

– Пошли в самый угол. – Прошептал юноша, смотря на плоский потолок ресторана, облицованный мраморной плиткой, со свисающими с него гирляндами-люстрами, исполненными по образу половых органов, тут же договорив. – А то тут как-то не совсем уютно.

Парень с девушкой прошли за самый крайний столик, в квадратном помещении расположившийся прямо под лестницей, отчего их просто не стало видно для практически всего остального опустевшего зала, чему душевно порадовались Эмилию и Лютер, специально отсевшие от всех.

Но ликование, бурей разносившееся по двум душам слишком рано изволило закончиться. Берёзовая дверь скрипнула и в неё в буквальном смысле слова вломились орды «граждан». По залам раздалось радостное улюлюканье, торжественные возгласы, крики счастья и призывы к торжеству, помпезности и понеслась музыкальная шарманка, наполнившая вместе с вошедшими три этажа.

Гнев и злоба сцепили цепями душу юноши. Он напряг взгляд и присмотрелся к тем, кто посмел нарушить покой вечера, так бесцеремонно появившись. Но чего-то уникального он там не нашёл. Десятки «граждан» похожих на знаменитых звёзд и артистов, героев сериалов и просто копии других, стали бурным наплывом заполнять ресторан.

– Боже праведный, то сумасшедшие тут надерутся в хлам, то психи порежут. А теперь вон объявили. Как их там?

– «Общество Копий Суперзвёзд и Всех Известностей». – Ответила девушка, сложив руки на груди, как будто бы защищаясь от нахлынувших гостей, и тут же попыталась успокоить парня. – Лютер, откуда у тебя к ним такой негатив?

– Просто не люблю всех этих «Вестников Свободы». Уж слишком они... навязчивые для общества. Чуть что скажи им не так, как они думают. Сразу окажешься в тюрьме или местах похуже.

– Лютер, я тебя предупреждала. Будь поосторожнее с выражениями в отношении них. – Серебряные глаза девушки налились беспокойством и блеснули в слабом и холодном

свете. – Я не хочу, чтобы тебя забрали куда-нибудь в Унитарную Исландскую Анархистскую Унитарную Коммуну и в её тюрьмы, где «перевоспитывают» таблетками и дубинками на либеральный лад.

– О чём я и говорил. – Паренёк слабо, скорее, от бессилия улыбнулся, осмотрелся по сторонам и убедился, что за ними никто не смотрит, а значит и не удастся оскорбить чувства всех антитрадиционалов, взял небольшую аккуратную ладонь Амалии в свои, будто бы грея и ласково шепнул. – Поверь, я от тебя никуда не денусь и никогда не оставлю.

– Лютер отпусти, – заёрзала и замешкала Амалия, исказив лицо, гримасу в смущении, – вдруг нас кто-нибудь из ЛГБТПиИПНА заметит. Нас же обвинят в злостной пропаганде тоталитарно-традиционных ценностей. Ты же знаешь, что это противоречит принципам Свободы.

– Тогда я плевать хотел на такую «Свободу».

Внезапно, цветок, раскинувший широкие и длинные чёрные листья возле пары, за которым юноша и девушка спряталась, слабо прошелестел, как листва на осеннем дворе и раздались голоса, направленные в сторону барной стойки:

– Мы потом вам отдадим. – И уже подходя к столику, где мирно проводила время парочка, гражданин обратился к сидящим. – Надеюсь, вы не откажете нам в удовольствии тут присесть, а то все места практически расхвачены?

Лютер кинул быстрый взгляд, чтобы определить, кто к ним подошёл. Ладонь своей любви он отпустил в тот момент,

когда шелест достиг его уха. Глаза юноши уловили общие черты двух человекоподобных граждан. У первого одежды практически на теле не имелось, кроме куска длинной шерсти, большей похожей на оторванный у какого-нибудь зверя-мутанта хвост. Но вот кожа персикового цвета подошедшего интриговала больше... Блестящая, как яблоко натёртое воском, натянутая, словно простыня на кровати и прошитая безумным узором. Голова красовалась сумасбродной стрижкой: волосы собирались в пучки и вытягивались вверх, отчего всё напоминало образ спины ежа с редкими иголками. Зашитые губы же приводили любого, ещё трезво мыслящего человека в неподдельный ужас.

– Конечно можно. – Тяжело произнёс Лютер, смотря на то, как голый гражданин, стараясь не сгибать конечностей, уселся на стул, похожий на трон, стоявший рядом с Амалией.

Второй гражданин шокировал чуть меньше, но оттого не казался нормальным в глазах Лютера. Подошедший так же поспешил присесть, но только расположился рядом с юношей. Парень посмотрел на его и смог увидеть странный образ. Лицо после десятков пластических операций стало напоминать лик одного известного киношного персонажа. Но вот вшитые в череп широкие уши из плоти, похожие на слуховой орган летучих мышей, контрастировали с зелёной растительностью на голове у гражданина. Сама одежда на нём явилась нечто средним между одеяниями средневекового шута и камзолами нового времени. Вот только третий рукав,

торчащий из груди и вываливавшаяся оттуда синюшная рука из плоти «немного» смутили пару.

– Ну, здравствуйте, – слащаво заговорил второй, – я Сен Акено.

– Так же зовут одного героя из фильма «Завоеватели». – Конституировала девушка, стараясь показаться не подавленной таким «изящным» видом.

– Конечно вы правы, гражданино, – и маленько кивнув головой Сен отошёл от темы, – простите, я не знаю, как вы себя гендерно ориентируете, поэтому я вас буду звать «гражданино». – И тут же с гордостью человек заявил. – Да, я сто сорок тысячная легальная копия этого актёра. Ох, а сколько же ещё не зарегистрированных.

– А кто ваш напарник? – Вопрос от юноши прозвучал тяжело, ибо на душу давил сам факт присутствия рядом таких «людей».

– А это? Безголосый «Бабтариус». Официально заверенная восемьсот третья живая копия.

– Подождите. – Возмутилась девушка, опустив взгляд в экран телефона. – Тут сказано, что Бабтариус это детская кукла.

– Вы совершенно правы, «гражданино». Мой напарник считает, что он та самая кукла. Кстати, вы не знаете, но он выпускник колледжа по «Подражанию Знаменитым Персонажам». Так сказать, он с роду шёл к своей мечте, в которой реализовалась Свобода, по потере уникальности лично-

сти, для реализации творческой индивидуальности. – На пике гордыни, со слюной, потёкшей по губам, накрашенной розовой помадой, вымолвил Сен.

– А сколько в вашем Обществе таких копий? – Не поняв хвастовства Акено, задал вопрос юноша.

– Ох-оха-охушки. У нас есть тридцать легальных копий Сена Акено, восемьдесят четыре копии актёра сериалов «Радужные Страсти» Вероны Дикого. Самое большое число это двадцать одна тысяча официально зарегистрированных

– Так это же персонаж из... как его... тот старый жанр... его ещё Культ Конституции в докризисном мире объявил «одним из первых ростков свободы в искусстве». – Держась за голову, силилась вспомнить Амалия.

– Это Аниме. – Утвердительно произнёс Сен. – Вы бы видели, как люди вытягивали себе лица, резали плоть, меняли глаза... И всё это ради того, чтобы достичь того полуреального совершенства, которым пылает Верона. Но никто так и не смог уподобиться ему в своей Свободе отвержения личности. Да и так же у нас по мелочи есть сотни мелких копий всех известных людей и звероформированных.

– Динго. Это же собака из фильма «Любовь не имеет ограничений в видах и биологии».

– Вы правы, гражданино. Вот и пять человек в прошлом, посмотрев нехитрый фильм о том, что Свободе нет предела, решили стать собаками. И это совершенно правильно, я считаю.

– Скажите, – едва дрожа голосом, заговорил юноша, – вам и вправду так хорошо отдавать личность, становясь тенью, копиями тех, кому вы подражаете? Это же идолопоклонничество живым не богам.

– Ох, вы не представляете, сколько людей с радостью отдают свою личность, взамен на проявления «индивидуальной самости». Таких по всей стране миллионы и они едины в своём желании стать на кого-то похожими. К тому же, если гражданин себя чувствует кем-то, то почему он не может этим стать? Вы же понимаете, что «Великий замысел Свободы заключается и в том, чтобы свободно отказаться от собственной личности и свободно выбрать другую форму существования».

– Культ Конституции. Проповедь Механизму Свободы №45. – Пояснил Лютер.

– Вы правы. Наш мир это не только царство свободных рынков, апофеоз свободной любви, полноценного определения. Наш мир это и Свобода отказа от своей личности, чтобы стать едиными в похожести на кого-то другого. Поймите, вы живёте на отшибе, но когда прибудете хотя бы в столицу вашей Диархии, ваши глаза увидят тысячи похожих людей. И это есть одно из фундаментальных столпов концепции Развитого Либерализма.

Лютер не шокирован, но сознание негодует от слов, так и полыхающих двоемыслием, и противоречием. Юноша понимал, что пора отсюда уходить и быстро нашёл способ по-

кинуть «Вестников Свободы»:

– Амалия, – обратился Лютер, смотря на то, как глаза девушки сверкнули, – что ж мы сидим? У нас ещё рефераты на завтра. – Бросил парень и скоротечно неприлично покинул ресторан с Амалией, оставив сотню как под копирку сделанных «индивидуальностей».

Глава двадцатая. «Империя свобод, разделённая» или солнце тирании рынка

На следующие сутки. «Центр Свободы». Вечер.

«Для всякого рынка утверждения мы должны дать частным лицам полную свободу предпринимательства и оградить от произвола государства, как института тоталитаризма. Рынки должны стать настолько свободными, насколько это возможно по всему человеческому естеству. Всякий контроль, надзор, управление или негласная слежка за субъектами экономической свободы должны прекратиться немедленно, если мы хотим установить господство и бурное развитие рыночной экономики, ибо рынок есть один из наивысших уровней развития Свободы в сфере экономики.

Никто не должен просовывать свои загребушие лапы до рыночной экономики, в том числе и надзорные государственные органы, которые должны будут в скором времени прекратить своё существование, ибо ничто не может лезть в свободную деятельность рыночных субъектов.

Наша великая цель – всё превратить в рынок, где он решит, что необходимо. Должна произойти монетизация всего, что только есть и обернуть в рыночную цену души людей,

как и их самих, сделать ходовой товар, если того захочет сам рынок.

Рынок будет сам решать, что производить, как производить и какого качества, ибо и в этом состоит его миссия установления экономико-рыночной свободы».

– Памфлет Партии Сохранения Свободы и Веры в Конституцию всем «Органам гнилого тоталитаризма». Датируется числом перед присоединением Бретонского Двора к «Республике».

В помещении теплота настолько сильна, что пришлось у потолка установить кондиционеры, нешумно работающие и исторгающее освежающий воздух в разгорячённое пространство.

Погода за готическими окнами проглядывалась слабо. Виднелась разве что тонкая граница заката, за которую погружалось солнце, утягивая за собой день. Вокруг солнца витал огненно-алый ореол, словно вся небесная твердь горела от стыда при виде того, что происходило под ней. А на фоне яркого и многозначного заката пылали угольки, ставшие чёрными тенями зданий. Город смотрелся прекрасно, изумительно и потрясающе, воцарившись посреди небесного полотна догорающего захода.

Два человека, продвигались по тёмно-зелёным, болотистого цвета, коридорам. Шарканье чёрного платья, звонкий стук каблучков по полу, облицованному белой мраморной

плиткой, слились воедино с тяжёлым, раздававшимся эхом металлического звучания и шелеста тканей на шёлковых брюках.

Девушка и мужчина торопливо переходили из коридоров в коридор, с лестниц в лифты, поднимаясь всё выше, стараясь как можно быстрее оказаться на пятисотом этаже мону-ментального шпиля.

– Ты помнишь, какая у нас сегодня задача? – Голос девушки был строг как никогда ранее.

– Стараюсь не забыть, Эбигейл. – Завернув за угол, с грузным ликом вымолвил мужчина. – Но боюсь, после того, как мы посетили тот «конвейер по производству детей», меня мало, что убедит.

Губы Эбигейл разошлись в лёгкой улыбке, а на щеках проступил алый румянец. Девушка подняла небольшую сумочку, и вынула оттуда две пластиковые карточки и протянула их идущему парню:

– Вот, держи. Это твои пропуска.

– А почему два и пластиковые? – Эрнест спросил, открывая стеклянную дверь, пропуская девушку на лестницу.

– Корпорации придерживаются самых жёстких технологий в сфере контроля. Поэтому так всё... капитально.

– Надеюсь, они там договорятся. – Закончив подниматься по лестнице, открывая дверь для девушки, вымолвил парень.

– Пришли. – С чувствующейся отдышкой и покраснев-

шим от нагрузки лицом кинула девушка.

Перед парой оказалось небольшое помещение, самый верх шпиля. Всё так же, в таком же едином стиле: стены облицованы тёмно-зелёной плиткой, а пол устилался мрамором. Только вот потолок... устремлялся вверх, как будто это купол готического собора. А впереди мощная бункерная дверь, выплавленная из металла, и усиленная так, что её и плазма не разьест.

– Ваши пропуска.

Эрнест обратил свой взор на источник звука и увидел необычную картину: человек и машина. Боец, облачённый в чёрные одежды, с высокими сапогами и плазменной винтовкой наперевес, стоял и смотрел на пришедших, ни проронив слов. И тут же, с коротким автоматом, на тонких стальных ногах, установился металлический корпус, к которому крепились две, похожие на спички руки и голова, с фасеточными зрительными установками.

Рука Эбигейл протянула две совершенно белые пластиковые карточки, и механическое существо своими тонкими пальцами выхватило их, погрузив под механическую конечность. С Эрнестом произошла та же самая история и только тогда робот совершенно машинным голосом вымолвил:

– Можете проходить. – И сказав, одной рукой, прицепившись пальцами к рычагам, отверзнул массивную металлическую дверь, пропустив пару.

Как только парень переступил порог, его кожные покровы

обдулись освежающим и приятно пахнущим воздухом, даже рубашка спокойно пропустила сей воздушные порывы.

Виду представилась совершенно небольшая зала. Всё говорило о том, что пара оказалась на самом верху грандиозного шпиля «Совет Корпораций», расположившись под его куполом. Эрнест обратил взор вверх и его глаза усмотрели, что потолок уходит вверх, собираясь в единой точке, ставшей самым пиком, пятисот этажного небоскрёба.

Помещение, как на удивление, не подкупало мышление своим помпезным и роскошным видом и образами роскошной жизни. Всё настолько серо и уныло, что могло стать на душе меланхолично, если бы не строгий готический стиль, в котором и был исполнен шпиль.

В самом центре раскинулся круглый массивный стол, на котором, красовалась вырезанная из красного дерева карта Либеральной Капиталистической Республики, а над ней висела её голографическая копия.

Вокруг стола своё место заняли восемь стульев, с очень высокими спинками. Сделанные из дерева сидения, с богатой, но сдержанной резьбой, больше походили в глазах Эрнеста на престолы, предназначенные, для истинных владык сей брэнного и безнадёжного мира.

Семь человек уже заняли свои места и ждали восьмого. Эрнест и Эбигейл отошли в сторону и заняли свои места у единственных окон, прямо напротив двери. Парень направил броские взгляды на сидящих.

Шестеро мужчин, разного телосложения, возрастов и обликов, но одетые неприлично одинаково, как-то странно соблюдая старый стиль – чёрные тканевые пальто, отличные брюки, туфли, пиджаки, рубахи и ещё неисчислимое множество аксессуаров.

Но среди мужской компании красовалась и одна девушка. Стиль её одежды отражал строгость: рабочая юбка, рубашка и женский пиджак. Но лёгкий макияж и покрашенные губы придавали бизнес-леди непринуждённый образ женственности.

– Вот и наши секретари! – Бровадно вскрикнул лысоватый полный мужчина, держащий сигару в зубах.

– Где твои манеры, Лициний. – Усмехнулся худощавый парень в пальто. – Разве так, встречают тех, кто задокументирует наше заседание?

– Ты прав, Валерий. Я с этими делами совершенно потерял манеры. – Вытащив из зубов сигару, мужчина облокотился на спинку стула. – Совсем скоро варваром стану.

– Главное не оскотиниться до состояния тех, кто величает себя «Вестниками Свободы». – Девушка сложила руки на столе в замок. – Вот кто, но они совершенно не допустимы до нашего общества. Один из таких пытался научить мою дочь «либеральности». Потом на него на выставках из «скульптур плоти» рассматривал император «Нэшт’Ар-Варо» – Ларманской Империи.

– Вероника, нельзя быть такой жестокой к ним. – Усмех-

нулся седовласый мужчина, поправив манжет. – Эта тупая мешанина нам приносит столько денег, что мы теперь сами власть.

Эрнест лицезрел тех, кто управляет сим миром. Представители всех Корпораций собрались здесь, с целью перекроить рынки и установить свой диктат над всей экономикой и политикой Либеральной Капиталистической Республикой.

Парень погрузился в неглубокие воспоминания и готов был рассмеяться как сумасшедший. Идея свободного рынка, без всякого вмешательства, позволяющий получение максимальных прибылей привёл к тому, что всё пространство заняли Корпорации.

В молодости, при восстании из пепла многих постулатов либерального мира, в ново созданной «Республике» имелось миллионы компаний и предприятий. Но потом что-то пошло не так и через несколько лет фактически осталось несколько.

Не стало всей конкуренции, а рынок превратился в один огромный гегемон, диктующий свою волю и потребителям, и работникам. Первые не могли потребить лучшую продукцию за меньшие деньги, а вторые обязаны жить на работе в бараках и работать до смерти. Однако тысячи смертей рабочих на заводах и фабриках называли не иначе: «Изношенность человеческого капитала», а несчастные случаи от потребления товаров: «Жертвой предпринимательству и необходимостью свободного рынка в условиях низкой цены».

Но по всем законам либерально-рыночного ада, не по-

лучилось на рынках монополии. Сразу несколько Корпораций разделили Либеральную Капиталистическую Республику. Эрнест даже запомнил те дни, когда все главы подписали между собой договор «О невмешательстве в сферу влияния». Это послужило отправной точкой для начала тирании Корпораций.

– Никогда не думал, что попаду на сходку тех, кто поделит наш мир. – Шёпотом и с ухмылкой обратил свои речи Эрнест в ухо Эбигейл.

– Ты о чём? – Недоуменно спросила дама.

– Ты читала книгу «Империя свобод, разделённая»? Произведение от целого коллектива авторов?

– Нет. – Качнув головой, ответила Эбигейл.

– В книге изображены сегодняшние рели. Авторы в ней рассказали, как Корпорации растащили страну сферы влияния и гребут с территорий беспроцентные прибыли. Так же они писали, что всей внутренней экономической и внешней политикой руководят главы Корпораций, решая вести жизнь лишь то, что им выгодно. Но самый большой акцент они сделали всё же на том, что Корпорации растащили всю страну на запчасти, организовав из неё несколько конкурирующих лагерей.

– И что же стало с авторами? – Вопрос прозвучал с сарказмом.

– Их арестовали и отправили в тюрьму за «Сомнения в либерально-рыночном устройстве экономической сферы». А

так же за «Активное противодействие субъектам свободного рынка».

Внезапно по зале раздалось клацанье металлом об каменный пол, разорвавшее тихий разговор пары. Эрнест неподвижно стоял на месте и поэтому знал, что его туфли с металлической подошвой не могут брэнчать.

В помещении появился высокий мужчина, с серебряной сединой, венчавшей голову и плечи. Лицо вошедшего отражало глубокую умудрённость, прожитый опыт, а в глазах так и читалось чувство превосходства над присутствующими. Пальто с его тела буквально свисало мешком, а левый рукав отсутствовал. Вместо него, как и на месте руки, красовался блестящий механический протез, игравший бликами, в свете уходящего за горизонт солнца. А правая рука сжала ручку палки, на которую оперился тяжёлый корпус пожилого человека.

Все представители или главы своих Корпораций встали с места, чем высказали почтение к вошедшему. Седовласый мужчина оглядел их и заговорил:

– Можете присесть. А секретари, – указал металлическим пальцем на Эрнеста мужчина, – пускай приступают к протоколированию и созданию документов по нашему заседанию.

Эбигейл вынула устройство, похожее на мраморный шар. Но тут же, после щелчка оно повисло в воздухе и заиграло голографическими схемами, сверкающими синими неоновыми цветами, словно паутина. Эрнест и Эбигейл стали

ей управлять, прикасаясь пальцами к сенсорным точкам, создавая электронные документы.

– Уважаемые участники, нужно составить видео-протокол о присутствии. Необходимо чтобы вы назвали присутствующие Корпорации. – С дрожью попросил Эрнест, став ждать отклика.

Северный Торговый Совет, Южный Поток, Восточное Единое Торговое Собрание, Монетарно-финансовый Двор, Империя Банков, Водно-Торговый Доминат, Аэровоздушный Союз: всё это посыпалось ответами на просьбу парня. И как только все смолкли, седой, только вошедший, всех осмотрев с оценкой, тяжело и грузно вымолвил: «Генеральный Тотал-Корпарацион».

– Ну что ж, – тяжёлым, глубоким голосом и размеренной речью стал изрекать убелённый сединами мужчина, – начнём наше ежегодное заседание. И как всегда, с предложениями, по улучшению эффективности сотрудничества я прошу выступить Веронику.

– Спасибо вам, – произнесла кареглазая дама, вставая с места, Антиан Вероний, что позволили мне начать первой. – И направив свои глаза ко всем, с рассеянным по зале взглядом, девушка начала доклад. – Корпорация «Северный Торговый Союз» недавно получила тендер от Культа Конституции на поставку продовольствия, энергоресурсов, техники, строительных материалов, товаров лёгкой промышленности и предметов роскоши в Феминистскую Матриархаль-

ную Республику. – Очи девушки налились негодованием, а губы скривило в злобе. – Как вы знаете, это самый убыточный договор, который только можно получить. У нас уже одно поставка чайников обошлась им бесплатно.

– Ближе к делу. – Грозно выдал Антиан.

– Поняла. Я предлагаю для компенсации убытков нашей Корпорации законодательно ввести налог на всех феминисток за содержание их республики. Если хотят, чтобы их сёстры хорошо жили, то пускай платят.

Вероний поправил седые волосы, ниспадавшие на плечи. Его лицо перекошилось в неодобрении, а глаза так и сверлили буром девушку.

– Вероника, если вы учили наше соглашение с Культотом, вы обязаны знать, что мы не должны трогать треклятых «Вестников Свободы». Наш новый налог вызовет неодобрение с их стороны. Не забывайте, с какими психами мы делим этот мир.

– Может, – в спор вмешался блондинистый мужчина в пиджаке, – вы сможете компенсировать ваши убытки, просто увеличив нагрузки в ваших частных тюрьмах? Я слышал, что в Шотландском Герцогстве, которое вы держите, у заключённых в день девять свободных часов. Предлагаю ввести им только пять часов на сон, и чтобы всё остальное время они работали. Так вы повысите производительность труда и доходность от их работы.

– Мы это прорабатывали, – оппонировала девушка, – мо-

гут всколыхнуться правозащитные организации не подчиняющиеся нам.

– Мне всему вас учить? – В вопросе в каждой букве вплеталась явная надменность и гордыня. – Сначала пустите слух по всем прикормленным вами СМИ, что в тюрьмах вспыхнул бунт. А бунт пускай вспыхнет против «Вестников Свободы». Тогда все «правозащитные» организации с пеной у рта вас станут призывать, чтобы вы так мордовали зеков, чтобы все права «Вестников Свободы» не были нарушены. И не бойтесь действовать дерзко. По закону, для достижения максимальных прибылей, мы можем пойти на всё, и нам ничего не будет.

– Спасибо. Ваши мудрые слова будут приняты нами к сведению. – Присаживаясь с уважением проговорила Вероника.

– Позвольте теперь мне выступить. – Попросил полный мужчина уже без сигары в зубах.

– Ну, давайте. Посмотрим, что нам скажет Империя Банков.

– Спасибо. Мне хотелось бы с вами согласовать деятельность банков в Республике «Атлантическая Вестфалика». Дело заключается в том, чтобы поднять ежемесячную ставку до девяноста процентов. Но нам нужно создать спрос на наши услуги, а самым популярным в вашем регионе является жильё. Вы можете поднять цены на жильё, что мы могли привлечь клиентов?

– Конечно можно, но только на месяц. Составим соглаше-

ние по образцу № 474. Хорошо?

– Да будет так. Ещё бы я хотел попросить у Монетно-Финансового Двора нам распечатать несколько квадриллионов марок.

– Ох, зачем вам столько? – Приложив руку к подбородку, удивленно задал вопрос зеленоглазый мужчина в тканевом камзоле.

– Мы хотим начать выдачу кредитов под осуществление перелётов на курорты. Аэровоздушный Союз уже дал своё согласие поднять цены на сто процентов в «Германской Марке». Теперь нам нужны деньги, чтобы дать им эти бумажки.

Мужчина покрутил блестящую золотую монету в руках и после дал ответ:

– Хорошо. Но только вы в Южном Диархате должны банках разместить тридцать триллионов диариев. Туда скоро придёт новая партия прошлогодних автомобилей и товаров лёгкой промышленности. Людям понадобятся деньги на их покупку.

– Мы так и сделаем. – Подбросив монетку радостно изрёк мужчина.

Антиан нахмурился. Его хмурый лик через слова изрёк и недовольство:

– Вы же рынок. Так и будьте диктаторами всей экономической сферы. Я давно хотел попросить Монетно-Финансовый двор, чтобы он обвалил ценность валюты Бретонском Двору.

– А чем вызвано такое желание их финансово унижить? – Перебирая монетку между пальцев, поинтересовался представитель Корпорации.

– Местная аристократия отказала нам в уравнивании цен между обычными гражданами и «Вестниками Свободы». – Пожилое лицо скрючилось в гримасе ярости. – Там заявили, что это является «покушением на либерально-народную бюрократию и ограничением их в достойном существовании». Пусть теперь утонут в деньгах, нежели ещё раз посмеют такое завить. Хотя я их просил это сделать всего на месяц.

– Кстати, – в общий разговор ввязался щуплый, похожий на подхалима парень, – я как представитель Южного Потока прошу купить у Генерального Тотал-Корпарациона три тысячи работников на наши заводы в Федеральной Военной Республике. У тамошних вояк не хватает рук, чтобы месить цемент. Мы даже в регионе через их генералов рабочий день до двадцати часов подняли, но прибылей больше не стало.

– Можно. – Согласился Антиан. – Тогда вы нам должны за полцены передать восемьсот тысяч пластиковых гробов.

– А почему в этот раз так мало? – Усмехнулся представитель. – Обычно на приграничных заводах у вас работников больше погибает.

– Это не для тех шелудивых псов. – Злобно кинул Антиан. – Вчера от потребления нашей марихуаны и кокса на «Федеральном Фестивале Наркоманов» погибло тридцать тысяч граждан. Наркотик оказался настолько низкого качества, что

многие отхаркивали свои лёгкие. – На кривых губах Верония расцвела ехидная улыбка. – Выжившие даже попытались в суд на нас подать.

– Их послали?

– А как же? Ведь мы допустили «незначительный» просчёт. Мы всё делали по статье закона, который нам разрешает для оптимизации производства и увеличения свободы и экономической выгоды отступить от качества. Конечно, всех родственников суд приговорил к тому, чтобы они оплатили нам уборку и покупку гробов.

– Я до сих пор не понял, а зачем столько-то? – С расширенными глазами вопрошал парень. – Куда вам ещё нужно?

– Понимаете, – речь Антиана стала размеренной, – вчера нам на ряде предприятий пришлось поднять рабочий день до пятнадцати часов, уменьшить зарплату и начать добавлять в пищу рабочим обезболивающие и стимуляторы, чтобы боль пропадала и они не чувствовали, что баланда которую они едят – синтетическая. Но всё же чувствую, что скоро эти гробы будут нарасхват у родственников... В ближайшие дни может там быть выброс радиации. А работу приостанавливать неохота. Потеряем прибыли.

– Уважаемый Антиан Вероний, позвольте спросить. – С интересом заговорил высокий и широкий мужчина с бритой головой.

– Конечно.

– А что с рыночно-товарной системой «Глаз». У вас есть

перспективы её развития. Проблема в том Водно-Торговый Доминат перестал получать прибыли от неё. Да, благодаря неё мы можем следить за миллиардами потребителей, знать их точное местоположение, отслеживать семейное положение и всё вплоть до интима, что нам позволило оперативно им подбирать товары и услуги нуждающиеся в них. С помощью встраивания специальных жучков, для «развития тела» и приложений для их гаджетов мы знаем всё. Но теперь это стало приносить много денег.

– Да, перспективы однозначно есть. – Сложив руки на груди начал шевелить губами Антиан. – Через Форум Свободы мы хотим уже принудительно вживлять или устанавливать на гаджеты гражданской мешанины отслеживающие устройства. Только теперь они с помощью психо-волн будут генерировать желание что-нибудь купить, даже если гражданин этого ранее не желал.

– У нас же есть такая система? – Скептически обозначил высокий лысый парень. – Только у нас она работает в магазинах. Никто не уходит без покупки. Вы знаете, – взбодрился рассказчик, – если потребитель не купит чего-нибудь в магазине, то у него начинается ломка, как у наркомана. А тех, кто всё же подходит к кассе в портах без покупки, мы его принуждаем к покупке. Нечего нарушать наше право на получение прибылей.

– А как же потребитель? – Вмешалась вероника.

– Поймите, потребители это те, кому нужно впихнуть то-

вар несмотря ни на что. Когда мы вводили систему штрих кодов-кошельков на кожу, никто не возмутился, ибо знали, что оплатив эту процедуру, им не придётся носить с собой карточку. А теперь мы можем с помощью неё всё. Вы не особо противились, когда мы стали ещё и устанавливать со штрих-кодом и микроампулы с ядом и устройство для импульса энергии. Ведь когда гражданин при смерти, и ему «помогают» уйти из жизни, вы радуетесь, что ваши ритуальные компании могут оказать услуги. Если они их оказывают, значит, вы при прибылях.

– Ладно, тише. – Потребовал Антиан. – У нас на повестке встал один вопрос: как будем дальше делить страну? У меня, как у президента своей Корпорации есть претензии к портам на всём западном побережье. Почему доставка и отправка грузов на запад стала во много раз дороже? Если можно, мы готовы выкупить порты и людей в них.

– Слишком не стабильная обстановка сейчас в тех регионах. Поэтому мы и повышаем цены. – Разведя руками, пояснил, лысый мужчина.

– Так же у меня есть претензии по рынкам сбыта в Скандии. Наше соглашение скоро перестанет действовать, как будем делить тот регион? Там есть месторождения и леса, которыми я хочу обладать.

– Я предлагаю продолжить сотрудничество в уже заданных рамках, – встряла Вероника, – так все сферы влияния идеально отражают наши возможности.

Эрнест наблюдал за всей процессией переделки и фантазмагии крупных сделок. Протокол составлялся, как по маслу и им уже отмечено несколько возможных соглашений, стоимостью в несколько миллионов федералов.

Но тем временем у парня кровь кипела от ярости и негодования, бурлила злоба, подогреваемая продолжающейся сутью дискуссии. Он не вживлял штрих коды и прочие устройства под кожу для «облегчения жизни», и всегда предчувствовал почему. Но теперь он убедился, что вместо диктаторского государства пришло тоталитарное рыночное общество, с «Большим Рыночным Братом» в виде Корпораций. За несколько дней для Эрнеста оказалось слишком много шока. Остервеневшая ювенальная юстиция, прогнившее и мёртвое государство, конвейер по производству младенцев: всё это, да ещё и тирания рынка теперь давили тяжким грузом на искалеченную душу мужчины. В один момент он едва ли не рухнул, но Эбигейл схватила его за ладонь, отчего парень воспрял духом. На заседании «Владык Мира» ещё много чего обсуждалось, начиная от введения новых налогов до возможности нападения на соседей. Но всё сводилось к простой идее: рождение, жизнь и смерть человека теперь зависят только от воли Корпораций. Конец всего обозначился фразой, под поднятый Антием бокал шампанского:

– Выпьем за господина «фон Рынок» и его тиранию. Благодаря ему мы боги этого мира и можем решать судьбы людей. Ну, точнее их наиболее выгодно монетизировать.

Глава двадцать первая.

Воля Корпорации

Следующие сутки. Город Микардо. День.

Телевизор Лютера разрывался от новых сводок новостей. Парень уже собирался выходить из дома, как буквально застрял в дверном проёме и прилип ушами к последним сводкам, внимательно выслушивая каждое слово.

Все сводки новостей без умолка, взхлёб зачитывались последними данными по решению собрания всех Корпораций. Тысячи изменений последовали за только одну ночь. У парня постепенно складывалось впечатление, что всё происходящее в стране – это одна большая кабала всех Компаний. Через телевизор вещали о повышении цен на тысячи товаров, понижение стоимости на другие в ходе производственной оптимизации, то есть последовало новое снижение качества. Юноша краем уха уловил, что Корпорации решают ввести двадцатичасовой день для низкоквалифицированных рабочих, ведущих свой труд в шахтах, заводах и фабриках. За повышением времени последовало логичное понижение зарплаты и качества пищи. Всё это Корпорации преподнесли, как «суверенную волю рынка, принципом свободы рыночной экономики и правом на свободное ведение деятельности».

Душа парня с негодованием воспринимала всю информацию, но понимание того, что в этом мире есть только Корпорации и Культ Конституции, разделившими сферы общественной жизни, остужало всякий пламенный пыл бунта.

Так же Корпорации через СМИ заявили о том, что на телефоны и компьютеры будут созданы тридцать новеньких приложений, облегчающих жизнь обычным гражданам. Только для активации приложений придётся передать все биометрические и персональные данные, вплоть до самых сокровенных подробностей. Для нескольких рабочих на предприятиях Корпораций установка этих приложений станет обязательна, как процедура «клеймения» для несменяемых и самых ценных работников.

Юноша ещё долго мог слышать о грядущих изменениях, но требование прибыть в университет взывало к исполнению. Парень дотянулся до тонкого, похожего на карточку, пульта и одним нажатием на кнопку заставил экран потемнеть, а новости скоротечно прекратить эфир в доме.

На улице погода не вызывала прикрас или эстетического удовлетворения. Лишь бесконечная серая череда тяжёлых грузных облаков, повисшая над городом, готовившаяся снегом обрушиться на город.

Кожные покровы парня ощутили лёгкое прикосновение восточного ветра, не обжигающее холодом, а подобное касанию пера. Но так же кожа юноши уловила, что ветер постепенно набирал силу и готовился перерасти в нечто более по-

рывистое и шквальное.

– Здравствуйте, – тошнотворным голосом, полным двуличия и крысиной натуры, наполнилось пространство, – вы должны заплатить за пользование дорогами города Микардо.

– Вы, что, дежурите у моего дома? – Возмутился Лютер, одарив поборника холодным взглядом.

– Что вы, я один из многих. – Выговорил собиратель пошщины, и сунул руку в карман своего дырявого пальто. – Вот моё удостоверение. И у меня есть полномочия вас проинформировать о нововведениях Общества Улиц города Микардо. Вы хотите ознакомиться с новыми...

– Да хочу. – Исследуя карман своей куртки согласился Лютер, оборвав сборщика денег.

– Первое что...

Внезапно у дороги, возле которой расположился дом Лютера, пронёсся автобус, набитый «Вестниками Свободы» из «общества любителей поедания фекалий». Под общие дикарские крики и первобытные оры они выбрасывали из окон автобуса упаковки, полные биологического отхода.

Юноша успел вовремя увернуться, но вот поборник, который активно что-то рассказывал, попал под «Свободу проявления своей позиции». Отчего Лютер готов пуститься в смех, но всё же сдержал себя, и едва ли не срываясь на гогот, обратился к человеку:

– Что вы там говорили про нововведения? А то я не совсем услышал из-за проезжающих.

Убирая «проявление самовыражения» с затылка, искривив голос в сдерживаемой ярости, собиратель денег сдержанно ответил:

– Первое, что вам нужно знать, что согласно вчерашнему протоколу заседания Корпораций «для обеспечения рыночных нужд Корпораций на содержание дорог увеличиваются тарифы». Так же согласно Резолюции «Южного Потoka», для «аккумуляции всех средств и улучшения рыночной эффективности» и реализационному постановлению Общества Улиц города Микардо у всех домов будут установлены специальные барьеры, которые будут регулировать: сможете ли выйти из дома или нет. Для того чтобы вы вышли вам нужно будет заплатить за пользование уличными системами. – Ехидно улыбнувшись, в шутку склонившись, поборник добавил. – Так что больше меня вы не увидите. Корпорация теперь будет следить за тем, выйдете вы на улицу или нет.

– Ох, сколько вам нужно за улицу?

– Три федерала или сорок тысяч диариев. – Протянув руку, обтянутую в тканевую беспалую перчатку, произнёс мужчина.

Юноша нащупал в кармане несколько крупным монеток. Парень зацепился пальцами за три монеты и, вынув из кармана чёрной куртки, кинул их в ладонь поборника. Три монеты, блеснувших золотыми оттенками в тусклом свете солнца упали в ладонь человека и тут же скрылись под сомкнувшимися пальцами.

– Я вас благодарю. Скоро нужда во мне отпадёт.

Лютер оставил порог собственного дома и быстрым шагом направился к ближайшей остановке. Юноша старался не смотреть по сторонам, чтобы не привлекать внимания своим странным видом. Да, джинсы, похожие на чёрные брюки, остроносые туфли, бежевая рубашка под чёрной курткой в Либеральной Капиталистической Республике: вся эта одежда для большинства населения носящих штаны с мотнёй до стоп, одетых в радужные перья, с намордниками на лицах или вовсе без одежды – есть странные одеяния.

Вокруг пространство сжимали разноцветные, от количества наклеенных реклам, невысокие дома. Едва ли не в каждом доме расположилась какая-нибудь мастерская или ресторан. Тысячи, десятки тысяч красочных вывесок пестрели самыми различными «заманчивыми» предложениями: от покрытия всей кожей длинными шелковистыми волосами, до накачивания мышц такими препаратами, от которых человек становился похож на игрушку, наполненную воздухом.

Взгляд Лютера каждый раз падал на подобные вывески и юноша понимал, что все они подчиняются одному хозяину. Для видимости могут быть созданы и дочерние компании и «полунезависимые» предприятия... не имело смысла. Все денежные потоки утекали в один карман и исполнялись приказы одного командира. Всё, что касалось экономики, в этом городке подчинялось только Корпорации.

– Всё как обычно. – Шёпотом сказал юноша, смотря на то,

как в пивных лужах забавляются несколько старух.

Они катались в этих водоёмах, оставленных выпивохами, потребившими вчера пять цистерн напитка, сделанного из порошка. Лютер смотрел на то, как несколько бабок катаются в лужах, припадая временами к пиву и поглощая его.

Юноша, покопавшись в глубинах памяти смог их узнать. Это частницы движения «Инфантилизм и Детство без конца». Они практикуют полное ребячество и несерьёзное отношение ко всем вещам. Детское инфантильное поведение всего лишь вершина айсберга. И ситуация, когда старуха начинает в магазине детских игрушек топтать ногами, биться в истерике и кататься по полу, слёзно умоляя свою взрослую дочь купить куклу – лишь сущая незначительность. Порой всё доходило до большего абсурда и становилось видно, что пожилой человек или «звероформированный» полностью невменяем. Но никто, ни полиция, ни больницы для душевнобольных не спешили забирать их, ибо так сказал Культ Конституции. В одной из его проповедей-обращений сказано: «если гражданин проявляет свою самость, лишь укрепляющую Свободу и ей соответствующую по образу и подобию, то никто и ничто не может быть остановлено в таком проявлении, каким бы оно не было, ибо Свобода не может быть ограничена. А больницы для душевнобольных занимались лишь теми, кто посмел выступить против такой Свободы, ставя им диагноз «Прогрессивное тоталитарное расстройство личности, угрожающее общественной Свободе».

Юноша не стал останавливаться и смотреть, как пять старух катаются в пиве и высасывают вчерашнее пиво. В их глазах парень смог узреть только блеск безумия и потерянности бытия, отчего Лютер мрачно усмехнулся.

– Логичный конец. – Тихо прошептал парень, оставив позади бабуль.

Его путь лежал много дальше и парню нужно стать незаметным, чтобы не привлечь внимание Феминистского Патруля, готового за один взгляд на девушку или женско-ориентированный гендер отделать дубинками так, что ни один хирург не сможет сшить разорванные мышцы или собрать раздробленные кости.

Тут же на память Лютеру пришёл случай, как он был на дне рождения папиного друга, полтора года тому назад. Все ели пили, пока в квартиру не ворвался спецназ и всех повязал. Другу отца вменяли «методическое нарушение права женско-ориентированного гендера на получение отдыха и удовольствия». Оказалось, что этот друг, работая в одном региональном органе государственной власти, не позвал на день рождения участницу «Феминистского надзорного комитета», наблюдавшей об их деятельности и чтобы она не нарушала права женщин. Девушка как-то узнала об этом и возомнила себе, что должна быть приглашена и проследить, что даже тут не должно нарушаться прав женщин и всех женско-ориентированы гендеров.

Всё закончилось тем, что отца друга осудили за «Пре-

пятствие раскрытия личной жизни государственного служащего общественным интересам», «препятствие работы органов феминистского надзора» и за «методическое нарушение права женско-ориентированного гендера на получение отдыха и удовольствия». В конце концов отправился друг семьи в тюрьму за всё это.

Внезапно воспоминания юноши развеялись, как туман в солнечный и жаркий день и его уши наполнил сладкий упительный голос.

– Молодой человек, не хотите попробовать самое увлекательное удовольствие в своей жизни?

– Что? – Лютер развернулся в поисках источника звука.

К нему подкралась, по всем признакам девушка, сверлящая парня взглядом полным вожделения и желания.

– Кто вы? – Скоротечно задал вопрос юноша, быстренько осматривая и изучая хорошенькую особу. – Что вам надо?

Пока женско-ориентированный гендер формулировал ответы, парень осмотрел с ног до головы особу. Прекрасные ярко-синие волосы, подобно водопаду, со всеми эффектами от краски, спускались прямо до поясницы. На юношу смотрели два глаза, сформированы по типу розовых гранёных кристаллов. Черты лица имели общую миловидность. Грудь прикрывал кожаный топик, но вот белоснежный живот похож на мольберт, исписанный картинами, нанесёнными иглой татуировщика. Прекрасные аккуратные пальцы на руках выкрасились в фиолетовые цвета, словно кто-то перекрыл

доступ крови туда. Длинные и стройные ноги, в мини-юбке, на каблуках так и манили своим вожаделенным видом.

– Я говорю. – Упоительным, приглушающим всякую бдительность голосом «запела» девушка. – Что за скромную плату вы можете получить самую возвышенную степень удовольствия. И всё по заниженной цене?

– Чего ради? – Грубо, задал вопрос Лютер, всеми силами души противостоя искушению.

– Корпорация, которой подчиняется наш «Союз Публичных Домов Диархата», снизила цены, по которым мы предлагаем свои услуги. И совсем скоро будет ещё меньше. – Девушка прилизались неприлично близко.

– С чего это всё? – Держась из последних сил, чувствуя сильнейшее напряжение, спросил юноша.

– Все Корпорации хотят сделать право на получение удовольствия обязанностью, и тогда все должны будут удовлетворяться. – Уже перейдя на шёпот похоти, лаская парня гладкой ладонью по шершавой щеке, сладко напевала гетера.

– Они давно хотят это сделать. – Сдержанность медленно покидала юношу, ещё пара секунд и он сломается.

– Но в этот раз они очень близко подошли к этому. – Лаская ухо Лютера языком, шептала девушка.

– Нет.

– Да-да... сдайся уже. Отдайся в порыв собственным инстинктам. Получи удовольствие и отринь поганую личину праведности.

Мышцы парня налились силой, и внезапно воля взыграла с новой силой в парне. Его руки коснулись оголённых плечей граждански с низкой социальной ответственностью и, несмотря на гул в ушах, Лютер всё же оттолкнул девушку и попятился назад, тут же споткнувшись и рухнув на холодную плитку.

– Может он желает кисоньку?

Лютер бросил взгляд на то, обо что его ноги стукнулись, и увидел, как к нему подбирается девушка, с конечностями, переделанными под кошачьи лапы, покрытыми коротким чёрным мехом. А из головы, прорываясь сквозь волосы, торчала пара ушей. На Лютера смотрели два больших кошачьих глаза, созерцающих ему прямо в самые глубины души.

– Идите прочь! – Вскрикнул юноша, резко поднявшись и с ускоренным шагом направившись как можно дальше от этого проклятого места, не щадя мышц на ногах, доводя их до боли.

Лютер помнил образы этой организации и знал подобных девушек. Это «Гетеры-сирены». В свои горловые связки они врезали голосовые устройства, вызывающие на звуковом уровне, действуя на мозг, вожделение и нетерпимое желание удовлетворить животные потребности. А одно прикосновение к их модифицированной коже вызывало сильнее сексуальное возбуждение. И за подобные «модификации» голоса и кожи Компании ничего не было, ибо она «использует свободу метода завоевания рынка и все средства для полу-

чения свободных прибылей».

Корпорации давно использует «Гетер-сирен», чтобы получать прибыли с огромным количеством нулей. Раскинутая сеть борделей: от захолустных деревень, до самого «Центра Свободы», приносит многомиллиардные доходы в федералах.

Лютер давно следил за тем, как из квартала в квартал Корпорации объявляют о том, что собираются сделать «право на получение удовольствия» обязанностью и снижают цены на подобные услуги. Но как только сбор денег становится меньше, и все прибыли уменьшаются до состояний перед объявлением, Корпорации тут же отказываются от идеи и возвращают цены на прежние уровни.

Подобные думы могли долго терзать рассудок парня, но вот он практически добрался до остановки. Уже засиял вдалеке по серой улице козырёк, под которым могли прятаться от дождя и автобусы стали проноситься всё чаще. Юноше понадобилось три минуты, чтобы различить первые силуэты.

Высокий парень, на котором отлично сидела кожаная чёрная куртка, с полу сапогами и штанами занял место рядом с несколькими подростками. Рядом с ним, странно близко стоит столь высокая девушка, с белоснежными локонами, уходящими за спину. Джинсы цвета моря, высокие кожаные сапоги и кожаный жакет поверх тканевой тёмной кофты. Рядом с похожей на любовную парочку диадой кружили ещё два человека с такими же навеиваемыми образами. Высокий

смугловатый парень, в джинсовых одеждах, начиная от мокасин и заканчивая курткой. Рядом с ним, прижавшись, своё место заняла прекрасная особа. На представительнице прекрасного пола сияли самые роскошные и неожиданные, для Микардо, вещи: обувь с высоким каблуком, чёрное платье и тоненькая тканевая курточка, отлично гармонировавшая с общим видом смуглой девушки с длинными чёрными волосами.

Лютер усилил напряжение в мышцы и ускорил шаг, стараясь как можно быстрее приблизиться к людям... столь знакомым и тёплым. Всё остальное пространство для него перестало существовать, только цель, а путь предстал одним коридором.

– Ну, здравствуй! – Подняв руку, с улыбкой вскрикнул светловолосый высокий парень.

– Что голосишь!?! – Обойдя размалёванного и «украшенного» перьями прохожего, криком обратился юноша.

Лютер протянул руку и крепко сжал в настоящем мужском рукопожатии ладонь друга, обтянутую перчаткой.

– Ах, а это наши новые знакомые? – Растянув губы в непринуждённо улыбке, бросил Лютер взгляд на двух смугловатых человека.

Юноша, похлопав по плечу друга, перешёл к другим, протянув руку, желая поздороваться.

– Я Верн Мерилий. – Ответив на приветствие, обхватил своей ладонью конечность Лютера парень и заключил в ру-

копожатие.

Тут же двум парня пришлось посторониться и пропустить высокую, очень похожую на женщину, дамочку. Два с половиной роста, в ярко-розовом платье и с двумя поводками в руках.

В первом поводке у неё в ошейнике заключена самая обычная собачонка, скорее всего болонка. Но вот второе существо.... На широкой, покрытой слизью шее сомкнулся мощный тугой ошейник, стянувший дыхательные пути. Вся кожа покрывалась чешуёй, от которой сочилась странная жидкость, игравшая бликами на солнце, которого не было.

Рот «питомца» скорее всего, резали до ушей и вставляли дополнительные десна, в которые встроили и зубы. Сами жевательные приспособления срезаны, а вместо них красуются наточенные клыки, прорывающиеся сквозь окровавленные губы.

Сам вид существа, к позвоночнику которого прикрепили массивный и толстый хвост вызывал только жалость. Хирурги сначала сломали конечности, потом выправляли их в неправильную сторону, чтобы некогда человек стал рептилией. А человеческие фиолетовые глаза только подкрепляли жалость.

Дамочка прошла рядом с двумя питомцами, оставив стоящих ребят без кого-либо внимания.

– Надеюсь, она на высоких ботфортах.

– Нет, Верн, – Лютер, уловив нотки омерзения в голосе товарища, вмешался, – это такие ноги. Вытянутые ноги, а если точнее, то со вставками металлических стержней в кости.

– А где у вас водятся такие большие ящерицы? – Вопрос Элен прозвучал в такой детской наивностью, что и Лютер и Хельга готовы пуститься в несдерживаемый и некультурный смех.

– Я не знаю ни одного вида ящериц и хладнокровных, у которых были бы человеческие и живые глаза. Нет, уважаемая Элеонора, это один из тех, кто зовётся «звероформированным». Наши хирурги смогут вас переделать на любой лад, сделав из человека животное.

– Омерзительно. – Тошнотворные рефлексy практически возобладали в смуглой девушке.

– Всё это называется Свободой выбора формы существования и самоопределения. – И тут же перейдя с претензией, Лютер атаковал словестно своих новых знакомых. – Так, у вас в Федеральной Швейцарской Конфедерации не было такого явления? Как так в одном из самых просвещённых регионов и не существовало такого. – Допытываясь, лицо парня искривилось в недоверии: нахмурились брови, исказились губы и в глазах промелькнул вотум недоверия.

– Всё было, – речь Габриеля звучала размеренно, – только вот живя постоянно на самой границе, такого не часто видишь.

– Лютер, хватит докапываться. Лучше пойдёмте в универ-

ситет. – Броское звучание речи Хельги наполнилось посылом защиты своего парня, и юноша уловил его.

Калгар оглянулся по сторонам. Машины гоняли по дороге, где-то за углом уединились «активные пользователи права удовольствия» и уже помирают там с пеной во рту и в судорогах экстаза. Ветер вновь доносил мотив ароматов, наполненных приторностью и наркотическим дурманом.

Практически все горожане снова «живут в кайф», а не прильнувшие к «Вестникам Свободы» опять будут принижены «ради установления великого царствования свободы». И посреди всего бала правит Корпорация, которая токсикоману поднесёт любимый токсин, алкоголику поднимет из складов литры спиртного, похотливому укажет путь в бордель, где он может надругаться над самым здравым смыслом.

– А где ваш друг, Алехандро? Он где? – Угрюмо, задал вопрос Лютер.

– А он теперь гуляет с вашим Джоном. – С посылом явного обвинения ответила Элен. – Наш старый товарищ покрасил себе ногти в красный цвет, перекрасил волосы, залил глаза фиолетовым. – С каждой секундой атмосферы претензии в словах и речи Деголь становилось всё больше. – Затем он накачал губы и вставил себе по шестому пальцу на ноге.

– Вот и потерял ваш друг. – Равнодушно констатировал Лютер. – С Джоном лучше не общаться.

– Соглашусь с Калгаром. – Вмешалась Хельга. – Я долгое время общалась с Джоном. И он действует, как дурман, за-

ставляя любого человека изменятся. Меня он как-то убедил стать... ну, в общем неважно. Он наплёл, что мои права нарушаются и он мой единственный друг-парень. «Луч света во тьме», блин.

– Ладно. Сейчас нам нужно идти. Времени мало осталось.

Все поступили, как и предложил Габриель: сошли с места и, напрягая ноги, направились прямо в ВУЗ, смотря на то, как город преобразается по корыстной воле Корпораций.

Во многие парки и зоны природного отдыха вход стал платный с сегодняшнего дня. Компания назвала это «компенсацией» за то, что в некоторые продукты стала добавлять пищевые заменители и они стали дешевле.

Ещё одной новостью стало спонсирование Корпорацией «Культа Пищи» во всех своих регионах. Любители вкусной, вредной и пленяющей вкусовые рецепторы продукции готовы заплатить множество денег, чтобы Компания им предоставила самые яркие эмоции в их жизни. Приравненные к «Вестникам Свободы» и оттого необыденные члены общества «Развитого Либерализма», потребляли каждый день столько еды, что можно порвать кишечник. Но растворы, вызывающие рвотные рефлексы опустошали желудки потребителей, чтобы они снова могли забить их до отказа вкусной пищей. И так процедура продолжалась до тех пор, пока еда не исчезнет. Те, кто поклонялись на пищу теперь стали скупать у Корпорации в два раза больше пищи, готовясь к призыву «Богов Еды». Продукты, напичканные галлюциногена-

ми, в количествах равных нескольким десяткам тонн, будут съедены теми, кто воздерживался от всякой еды целый месяц. Тех, кто увидел «богов» во время «пищевой литургии», объявляли «святыми». Но мало кто выживал после тотальной обираловки, однако воля Корпорации заключалась лишь в прибылях и ни чем больше.

И самым главным решением городского ройного отделения Корпорации по Микардо стало прекращение деятельности всех частных социальных служб. Все государственные социальные службы давно канули в лету, как институт контроля государства за народонаселением... и потому что Корпорациям это мешало вести «свободную рыночную экономику, направленную на извлечение максимальных прибылей». Теперь в этом регионе Корпорация сворачивает деятельность частных социальных служб, закрывая всю сеть подобных услуг. Но все понимали, что это ненадолго. Как только спрос снова образуется, Корпорация вновь появится, а тому малому незначительному меньшинству, не способному передвигаться или выполнять жизненно важные функции придётся потерпеть, пока у Компании тут вновь не появится спрос. «Южный Поток» уже подсчитал, что умрёт несколько десятков граждан, но через месяц спрос на социальные услуги возрастет, и прибыльнее будет не эксплуатировать оборудование.

Лютер видел это недавно по телевизору, буквально час назад. «Свободная воля рынка есть путь к процветанию цивили-

лизации и улучшению качества жизни» – утверждает Культ Конституции. Но юноша понимал, что прогресс есть там, где присутствует готовность отдавать деньги. Если денег нет, то ты становишься, выброшен на обочину жизни, в одиночестве и забвении. Такова воля Корпораций, которые ни при каких обстоятельствах не собираются терпеть убытки.

– Кстати ребята, – голос Хельги вырвал Лютера из его размышлений, – может, сегодня после учёбы сходим куда-нибудь?

– А куда!?! – Прерывая машинный шум, воскликнул Верн.

– Я предлагаю в один ресторан. Он недавно открылся, я видел на сайте города. Называется «Босния».

– Нет, Лютер. – Речь Габриеля снова плескалась тяжестью, а речь не изъясляла многословия. – Не нужно туда ходить.

– Почему?

– Его уже наводнили «Вестники Свободы». Мы проходили там с Хель и видели, как два мужика пригвоздили мошонку к плитке и руки приковали к стене, растягивая тело.

Горло Лютера невольно сглотнуло, а желудок готов отказаться от всего, что получил сегодня утром. На парня подействовала не информация, что сделали с собой мужчины, ибо у ресторана «Пять акров» мужики привязали себя за гениталии и подвесили, став качаться на ветру у входа, как ёлочные игрушки. Новость, что так быстро «Вестники Свободы» оккупировали новый ресторан, вызывала шок, разносившийся энтропией по душе юноши.

– Так куда пойдём? – Элен вопрошала с детской готовностью посетить хоть какое-нибудь место.

– Потом решим. А теперь поторопимся.

Группа увеличила нагрузку на корпус и мышцы ног, переходя практически на бег. Улица за улицей, остановка за остановкой, дорога за дорогой и ребята вышли к последнему переулку, за которым крылся их корпус. Ещё пара минут и ребята смогли добраться до металлического забора.

Товарищи вошли в ВУЗ, где их встретила Амалия, на которой аккуратно сидели тёмные, слегка мешковатые одежды. Её серебряные глаза блеснули в свете ламп, в тот момент, когда за порог прошёл Лютер.

– Ребята, – дёргаясь от волнения голосом, обратилась милостивая девушка, – я вас ждала. У нас через две минуты общее собрание в актовом зале на четвёртом этаже.

Юноши и девушки не стали тратить времени на приветствие с Амалией. Все ринулись на нужный этаж, чтобы послушать, что скажут главы университета. Лестница за лестницей, ступени уже смешались в один бесконечный ряд, который нужно пробежать как можно быстрее. Лютер ударил с половиной силы ладонью в дверь и открыл её настежь, не дав соприкоснуться ей с косяком, пока все ребята скоротечно не минуют порог четвёртого этажа.

– Что тут происходит? – Задался вопросом Габриель, при подходе к дверям актового зала, но ответа не нашёл.

Ребята минули порог актового зала и заняли на алых мяг-

ких креслах свои места. Их отдышка доносилась до самих уголков большого и резонирующего помещения, так как все остальные студенты старались пребывать в тишине. Алые лица, покрасневшие глаза, блестящая от пота кожа и чуть засаленные волосы стали атрибутами только пришедших студентов. Спустя полминуты, когда зал наполнился ещё, на полукруглую сцену, собранную из больших дубовых досок, пожаловал высокий, культурно одетый мужчина, чья борода аккуратно сводилась в норманнскую косичку. Он прошёл к трибуне, гордо стоявшей посреди сцены, оказавшись на фоне бардовых занавесок.

– Здравствуйте, дорогие студенты. – Голос говорившего в микрофон парня обладал достаточной мелодичностью. – Я буду немногословен и краток. Для оптимизации расходов Корпорации этот университет будет закрыт через пять дней. Оборудование, ваши контракты, то есть вы, куплены другими, и отправляетесь в Уэльский Олигархат. Такова воля Корпорации. Это прямой приказ Контр-Совета «Южного Потока». – Быстро договорив, мужчина оперативно скрылся со сцены под громкие выкрики недовольствия.

– Похоже, я знаю, что мы будем делать. – Пытаясь перекричать вскрики всеобщего негодования, обратился Лютер к ребятам. – Отмечать переезд. Воля Компании отправила нас за тысячу километров отсюда. – И повернувшись к недавним друзьям, саркастично вымолвил. – Вот и мир посмотрите. Иронична получалась «Воля Корпорации».

Глава двадцать вторая. «Компания всегда платит по своим долгам»

Спустя сутки. Бретонский Двор.

«Теперь же мы просто обязаны поговорить о статусе государственных служащих, если собираемся строить демократический мир.

Согласно концепции «Развитого Либерализма», принципам гражданского общества и полной открытости всей деятельности органов государства статус государственного служащего должен быть приравнен к самому низкому, среди всех «антисвободных элементов».

Все должны понимать, что слуга государства есть пособник всего тоталитарного и уничижающего Свободную гражданскую волю самовыражения. Они есть порождение подавления наших Свобод и прав. Всё общество должно уставиться и внимательно следить за слугами государства, вплоть до раскрытия подробностей их интимной жизни, ибо даже тогда приспешник тоталитаризма способен помышлять о том, чтобы нарушить наши священные Права и Свободы, которые мы с такой силой отвоёвываем для народного блага.

Но что делать и куда деться нам? Есть ли те места, чтобы прильнуть и найти убежище для душ своих? Согласно концепции «Развитого Либерализма» и активному гражданско-

му обществу у нас есть либерально-народная бюрократия, которая в своей извечной борьбе противостоит всем прислужникам проклятого тоталитаризма. Именно «Вестники Свободы» должны направить нас к тому, чтобы мы достигли своих целей по установлению Свободы.

А поэтому мы должны искать слуг государства, менять их, скидывать с трона, обменивать и продавать, ибо только тогда государство может кануть во тьму, чтобы концепция «Развитого Либерализма» восторжествовала».

– Письмо от магистра первого уровня Культа Конституции ко всем Корпорациям и социальным организациям.

Город предстал в ослепительной красе, с накинутой пеленой уныния. Утренний ветер, нагоняемый за несколько километров от моря, наполнял свистом и прохладой серую и хмурю площадь. Массивный небосвод над городком представлял удручающее явление. Складывалось такое ощущение, что над головой зависло несколько тонн бетона и свинцового налёта, готовых обрушиться на прекрасный город и засыпать его десятками метров снега.

Городок явился в особом великолепии. Алые, белые, жёлтые и серые дома, выполненные в архитектурном стиле барокко, составили основу этого славного города, ставшим оплотом управления всего Бретонского Двора.

Но ни один дом в столь прекрасном городе не мог сравниться по своей роскоши и помпезности с «Аристократи-

ческим Двором» – огромным дворцом, ставшим апофеозом всей роскоши и величия Бретонского Двора.

Регион, ставший во время Великой Европейской Ночи и Континентального Кризиса прибежищем для всех, кто считал себя аристократией, укрепил свои позиции и сегодня предстаёт в особом блеске. Достойный Двор, ставший собранием самых аристократичных особ, и правящий всем регионом направляет средства мудро, насколько это возможно. А столицей Бретонского Двора стал недавно возведённый город «Аургилия».

Но ни смотря на всё красоту и прикрасы города его до краёв наводняли «Вестники Свободы», без устали насаживающие свою точку зрения всему, что способно двигаться. А тех, кто посмел не согласиться, отправляли напрямиком в тюрьмы где «во имя становления Свободы в личности» применяли множественные пытки «переубеждения».

Однако, как и для всякого мрачного жанра тут существует своё, чистое противоречие, идущее сквозь аккуратные улочки. По городу, постепенно пробиралась пара человек. Они не держали друг друга за руки, так как это есть «оскорбление чувств ЛГБТПАиПНА» и «пропаганда традиционно-семейных ценностей». Двое, объединённые одной историей и работой расхаживали по главной площади.

Парень и девушка прибывали в полнейшей взаимной душевной гармонии друг с другом, предаваясь общению и обычной прогулке по красивым местам. Только вот всю ра-

дось и счастье в своих сердцах они получали далеко не от гуляний по главной площади и визуального совершенства зданий. Души, столь близкие, наполняет светлое ощущение отрады из-за близости друг другу.

– Как тебе город? – Прозвучал мягкий женский голос.

Мужчина повернул голову и с радостью посмотрел на свою спутницу. Не высокого роста с длинными темноватыми волосами, ниспускавшимися локонами до плеч и светлыми кончиками. Одежда прекрасной девушки отражала её физическое совершенство. Женские брюки, отражавшие всю строгость, прекрасно гармонировали с тёмной стильной кофтой, а невысокие каблуки придавали пару сантиметров роста даме.

Как только парень обратил свой взор, на него посмотрели два карих глаза, в которых отразилась вся суть ликования души. Похожие на топазы, они так и лучились радостью, захлёстывающую душу парня. Только одни зеницы, их тёплый взгляд, для мужчины стоили больше чем весь город, в котором они гуляли. Накрашенные губы вновь разверзлись, неся упоительный голос:

– Эрнест, может, ответишь? – И кинув взгляд по сторонам, девушка шутливо и игриво добавила. – Если ты так будешь смотреть на меня, тебя арестует Феминистский Патруль.

– Да мне всё равно. – На выдохе ответил Эрнест. – Эбигейл, если бы ты знала, что только взгляд твоих глаз стоит

больше чем всё состояние Аристократического Двора. – И кинув руку в сторону огромного возвышающегося над всеми постройками, дворца с золотыми конусными крышами и флагами, сплетёнными из нитей серебра, меди и бронзы. – Для меня ты ценнее, чем весь этот дворец.

На лице дамы расцвела непроизвольная улыбка.

– Эрнест, ты так мил.

Но внезапно прозвучал громкий хлопок, и раздалась вспышка света, сопровождаемая громким и надменным голосом:

– Так стоп мотор! Отснято!

Вокруг прекрасной пары забегала киносъёмочная жизнь. Облачённые в несуразные одежды операторы убрали оборудование со съёмочной площадки. Всю кампанию по съёмки стали моментально сворачивать. Пара человек даже столкнулась, когда перетаскивали аппаратуру в автобус.

– Если сломаете что-нибудь, вырежу из вас органы и продам! Тупые вы животные! – Звучал такой же надменный голос.

Эрнест, Эбигейл отстранились от общего действия, заняв место на самом краю съёмочной площадки. Мужчина, никогда не бывав в городе, направил взор на площадь и стал её рассматривать.

Везде и всюду расхаживали граждане, облачённые преимущественно в арлекинские костюмы венецианской республики или иного государства Нового Времени, или как его

называли историки Либеральной Капиталистической Республики – «Время возрождение первобытного либерализма».

– Так, теперь вы!

Пара обернулась, Калгар прекратил созерцание прекрасного и посмотрел в сторону, ища источник звука. К Эбигейл и Эрнесту спешно подходил высокий человек, с бритой головой, похожий на «байкера» словно сошедший с картинок из учебника по истории.

– Да-да, наши актёришки.

– Что вам надобно? – Вежливо задал вопрос Эрнест.

– Отдать вам гонорар. – Хищно посмотрев, злобно сказал мужчина грубым и ржавым голосом. – Вы отлично сыграли. Теперь кампании Культа Конституции, Общества по Притеснению Государства и Комитета по Установлению Анти-гетеросексуальной Свободы пойдут с двойным рвением.

– А как вы нас покажите? – голос девушки играл осуждением и сдержанностью.

– Как я покажу проклятых слуг главного тоталитарного института? Как я предъявлю просвещённой общественности депутатов, якобы борющихся за наши права и Свободу?! Ха! Представьте, что гуляет влюблённая парочка, но это не как у всех нормальных граждан. Все совершенно вменяемые граждане предпочитают пары своего гендера, а тут бац, – яростно жестикулируя руками, пояснял режиссёр, – и мужчина с девушкой, попирающие чувства всех геев, лесбух и

других просвещённых «Вестников». – Подняв руку вверх и словно чертя буквы, режиссёр продолжил. – И тут появляется надпись: «Каждый день по статистике несколько разных гендеров появляются на улице в состоянии отношений. Будь с прогрессом найди и доложи о проявлениях гетеросексуальной любви».

– То есть вы против любви мужчины и женщины? – Буря эмоций и негодований плескались через край в душе Эрнеста, ещё грань и он готов с кулаками наброситься на «режиссёра».

– Во-первых, – дёргая пальцем в поучительной манере твердил «человек», – всё цивилизованное общество «Развитого Либерализма» давно отошло от таких понятий, как «мужчина» и «женщина». Будь я проклят, но это нарушает Свободу на выбор гендера, ибо нашими законами Свободы признано уже более ста пятидесяти полов. Во-вторых, два противоположных гендера могут тискать друг друга и проявлять другие мерзостные действия неправильной любви, но делать надо это не в публичном месте. Я даже не буду пояснять вам, почему. Вы же разбираетесь в сортах вашего традиционно-ценностного дерьма? Не так ли?

Эрнест держал себя из последних сил. Он яростно желал взять рядом валяющуюся железную арматуру и месить режиссёра до тех пор, пока его лицо не станет кашей. Калгар прошёл много, начиная от первого явления «свободы проявления» в зале заседания Федерального Сената и заканчивая

разделом всего либерального мира Корпорациями. Однако мужчина до сих пор привыкнуть не мог ко всему безумию, что вихрем кружится вокруг него.

Режиссёр отдал деньги девушки и направился к автобусу. Даже сейчас Эрнеста не покидало желание швырнуть ему камень вслед. Депутат уже проклял тот день, когда покинул Восточную Бюрократию и стал свидетелем танцующего безумия, устроившего целый бал в бранных душах.

– Пойдём Эрнест, нам тут делать больше нечего. Может, прогуляемся в центральный парк?

Мужчина залез в карман пальто, нащупав там пару небольших золотых монет. Затем рука Калгара оказалась в брюках, но там пальцы ощутили лишь пустоту.

– Прости, Эбигейл. У меня всего три федерала.

Голуби взмыли, ввысь пролетев над парой, отчего волосы девушки чуть встрепнулись.

– У нас же теперь есть гонорар. – Подняв конверт с деньгами, с эфемерной улыбкой произнесла дама. – Может, на него и сходим?

– Нам же назначили встречу в ресторане «Благородный Стаут». Я думаю нам нужно пойти туда. Сказали, что дело касается нас и двух Корпораций. Похоже, это важно.

– Хорошо, – расстроенным голосом, окинув рассеяно серую главную площадь, согласилась Эбигейл. – Ты прав. Я сама об этом не подумала.

Эрнест не стал более что-нибудь говорить. Он лишь при-

метил сторону и пошёл вперёд, ступая подошвой туфлей на тонкий, но скрипучий слой снега.

Вокруг стелилась прекрасная картина. Главная площадь носила название «Каменный Сад», ибо всё в ней собрано из камня. Четыре фонтана, брусчатка под ногами, лавочки и клумбы: всё созидалось серым и холодным камнем, никак не намекающим на роскошь и помпезность. Однако в этом и заключалась вся изумительность «Сада».

Эрнест кидал взгляд в разные стороны, но находил лишь камень, которому придали плавные, изящные и текучие формы. Каменные лавочки своими ручками напоминали стальное извилистое литьё. Фонтаны, из которых били водяные потоки, так и сияли искусной резьбой и преображением камня.

Внутри главной площади гуляли очень странные люди. Костюмы их пестрели яркими и цветастыми красками, как будто это италийская аристократия времён возрождения. На лицах многих проходящих повисли маски, предпочитаемые некогда на венецианских балах. Складывалось такое ощущение, будто все горожане сошли с древних картин прямо в этот город. Эрнест находил это «милым помешательством» на древней моде и совершенно безобидным, по сравнению с тем, что творилась в регионах с «Повышенной оценкой Свободы».

– Эбигейл, зачем нас пригласили сюда? Разве всё нельзя решить в «Центре Свободы»?

– Я не знаю, Эрнест. – Свернув с площади, произнесла спутница. – Это воля наших хозяев и воли другой Корпорации. Им зачем-то понадобилось нас вызывать сюда.

– А как ты нашла «Рекламную команду»? – Приложив руку к спине Эбигейл, как бы заставляя её ускориться, спросил мужчина, обходя лужу.

– Ох, если бы не они, нам пришлось плотить всю сумму за билеты. Самолёты сейчас для всех депутатов дорогие. А вот «Вестники Свободы» и те, кто с ними могут лететь за двадцать процентов от полной цены.

– Сколько они хоть нам заплатили?

– Сто федералов.

– А по местной валюте? – Заворачивая на небольшую улочку, успел задать вопрос Эрнест.

– Около тысячи дертеций. Нам ещё повезло, что мы заключили с ними договор в самолёте. А то бы нас просто...

– Кинули.

Пара, сойдя с узкой дорожки, свернула и провалилась в пространство между плотно прилегающими домами. Подошвы их обуви ступили на небольшую площадку, вымощенную маленькими мраморными плитами. Впереди возникло двухэтажное здание, с белоснежным фасадом, исполненным в архитектурном стиле рококо. Возле входа, представленными двумя светлыми деревянными дверями, обитыми позолотой, гордо, словно выросли две серебряных статуи, изображающих богиню Афину. Рамы окон обивались

золотом, отчего обливались светом и играли десятками отблесков.

– Неплохой ресторан. – С чувством культурно-эстетического резонанса выдал мужчина. – Никогда в жизни не видел таких домов.

– Ничего. – Шутливо усмехнулась Эбигейл. – Ты ещё не видел дворец. Вот там можно потерять сознание от количества роскоши. Бретонский Двор это единственный регион, способный держать достоинство.

Пара продолжила путь, и за их спинами оказался порог ресторана. Двери захлопнулись, как бы намекая, что назад пути нет. Эбигейл и Эрнест зашагали и зашли вовнутрь заведения.

– Роскошь превыше всего. – Единственное, что с удивлением высказал Эрнест, увидев окружение.

Стены обивали бархатные бардовые обои, отлично сочетающиеся с чёрными занавесками, касавшимися дорогостоящего деревянного паркета. По углам у окон, под темное освещение, создававшее атмосферу интриги и закрытости, были поставлены столы с длинными креслами, обитыми кожей.

Но пара не успела долго насладиться прекрасным видом ресторана, ибо их тут же окликнули. Сидящих в такое время суток мало, музыка не играла, поэтому парень и девушка быстро сообразили, мгновенно подойдя к самому углу, оказавшись в наиболее затемнённом месту.

– Вот и они. – Произнёс сидящий за креслом мужчина

в малиновом пиджаке, улыбнувшись другому парню, уже в синем пиджачке. – Ну, пусть садятся.

– Позвольте представиться. – Тихим, не осязательным голо- сом заговорил чернявый, но полный мужчина в синем пи- джаке. – Я агент Генерального тотал-Корпорационного, пред- ставляю интересы Корпорации.

– Зачем мы понадобились такой Компании? – Сохраняя милое лицо, лживую улыбку и поминая подобранную сал- фетку, обратила вопрос Эбигейл.

– Дело в том, что Корпорация Единое Торговое Собрание приобрела у нас несколько предприятий в Скандии. Сейчас её капиталов хватило, чтобы оплатить четыре завода и две школы. Осталось пять детских садов, четыре супермаркета, шесть малых магазинов и одна текстильная фабрика. Нам предложили взять за текстильную фабрику человеческим ка- питалом.

– Вы нас продали? – Возмутился Эрнест с таким негодо- ванием, что все официанты бросили на него неодобритель- ные взгляды.

Худошавый блондинистый паренёк косо посмотрел на па- ру, развёл плечами и руки и с чувством исполненного долга гордо произнёс:

– Компания всегда платит по своим долгам.

– И не только деньгами. – Мужчина в синем пиджаке до- стал несколько листков бумаги и кинул их на стол. – Теперь всё ваше имущество, движимое и недвижимое, которое бы-

ло вам передано Корпорации и куплено вами на её деньги, теперь принадлежит нам.

– Как? Как это возможно? – В негодовании перебирал листы Калгар. – Все наши вещи стали вашими?

– Поймите, для Корпораций все государственные служащие лишь человеческий капитал, необходимы для удовлетворения воли рынка. Мы, естественно на пару с Культурой Конституции, смещаем, выбираем, назначаем, а если и нужно – свергаем слуг государства. Для этого и принимаются законы, делающие вас самих человеческим капиталом, с которым можно сделать всё, что угодно. И это будет называться «независимая диктовка народной воли государству». – Блеснув безумным взглядом, мужчина грозно договорил. – А теперь выбирайте, вы с нами или вернётесь голыми в... никуда?

– Мы с вами, – мило улыбаясь, нащупав ладонь Эрнеста под столом и обхватив её, заключив в объятия, мило ответила Эбигейл. – Компания всегда платит по своим долгам.

Глава двадцать третья.

Либерально-племенной строй

На следующий день. Окрестности города Микардо.

«Мы обязаны это сделать, как скорбно это не звучит. Сердца переполняет печаль, а глаза полны слёз. Наш святой долг теперь оградить тех, кто слишком упился свободой и теперь представляет угрозу для тех, кто стремится построить до конца социум «Развитого Либерализма».

Да, есть такие, кто сошёл не туда, занимаясь развитием всего свободного. Дикие, озлобленные и самые пылкие «Вестники Свободы» полностью отдались раскрепощению и теперь их наполняет чистая, но первобытная Свобода. Это другая ветвь пика развития и эволюции либерализма. Дурная ветвь.

Граждане, не способные больше держать себя под контролем из-за переизбытка Свободы и не способные его контролировать должны быть вывезены за пределы населённых пунктов. Но они ни при каких обстоятельствах не должны быть умерщвлены, ибо всё ещё являются «Вестниками Свободы», только уже в изменённых формах, которые способны нанести вред проявления всяких Свобод у других Вестников.

Сошедшие с пути достижения нами «абсолютного либер-

тинизма» «дикари» должны быть изолированы от всего цивилизованного общества, без особого ущерба им. И пусть таковое исполнится, как бы тяжело мне не было бы писать эти строки».

– Гроссмейстиарий Культа Конституции в послании «Ко всем».

Шёл десятый час. Утро во всю силу торжествовало, готовясь переходить в день, а там и до вечера недалеко. Небосвод над мрачным и потерянным городом оставался таким же неизменным, как и над всем западным побережьем. Химические клубы дыма присоединились к природному капризу, создав толстенную пелену из серых непроницаемых для яркого солнечного света, грузных облаков.

Ветра практически не слышно и не чувствовалось, только разве лёгкие дуновения поднимали в воздух редкие листья и небольшой мусор. И в принципе жители городка уподобились ветру, старавшись не соваться на улицу, прибывая дома или на работе, отдавая последнее здоровье Корпорациям.

Казалось, вся жизнь в городе замедлилась, но как будто бы для равновесия весов, всё действие переместилось в иные места. Сегодня лес возле Микардо обратился в арену главных действий за последние месяцы.

Сотни вольных дружинников, получивших что-то получше старых ружей, несколько сотен наёмников Корпорации и пара десятков добровольцев на краю леса копошились у па-

латок и передвижных командных пунктов. Вся эта масса при поддержке полка армии и гвардии Культа Конституции готовилась обрушить молот яростного гнева на тех, кто отдался во власть дикарской свободе.

Всё началось вчера вечером. По дороге ехал автобус с делегацией из представителей управляющих членов «Южного Потока» и пары видных чинов из Культа Конституции. Автобус остановился с поломкой – длинным шипом пробило колесо. А дальше всё понеслось, как в заправских боевиках.

Автоматные очереди и десятки хлынувших из кустов существ уже мало похожих на людей, окружили вспышками автобус. Через несколько минут боя всё было кончено. Дикари несколько часов всячески развлекались с телами делегатов, считая это проявлением «Свободы». Как только игрушки надоели, надругательства кончились, а сами растерзанные тела оставили у автобуса, мощными металлическими инструментами пригвоздив делегатов к обшивке автобуса. Они так и пробыли, пока тяжёлый БТР из армейского патруля их не нашёл.

Реакция последовала незамедлительно. Корпорация и Культ Конституции договорились обо всём буквально за несколько минут. Лицензия на истребление всех «Ультралиберальных недикарей» была выдана через двадцать минут после того, как весть дошла до первого уха в Корпорации. Теперь «Южный Поток» собирался отчистить лес от наводивших его одичавших либералов.

И большинство собравшихся граждан под городом бились за звонкую монету, ибо знали, что за военные операции Корпорация платит щедро, а за возмездье во имя мести, все цены и стоимость военного ремесла подскакивала в три раза...

Всё же исключения стали неотъемлемой частицей сошедшего с ума мира, словно неизвестный архитектор судеб нуждался в тех, кто пойдёт против всего.

Из болотного цвета палатки выступил выше среднего роста мужчина. Начисто выбритый подбородок и щёки не оставляли никакой брутальной растительности, которую любили выращивать «Любовники Одина» в Скандии. Лишь голая кожа, покрытая ссадинами. Довольно размашистые черты лица отражали суть хладной сдержанности, а в нефритовых глазах пламенела холодная ярость, полня ледяного безразличия. Короткий чёрный волос едва блестел из-за того, что голова пару дней не мылась.

Ноги мужчины укрывались в военные сапоги до колен, покрываемые тяжёлыми щитками. Торс защищался пластинчатой термостойкой чёрной как ночь бронёй, которую не брали пули автоматов и плазма. Ноги укутывались в плотные комбинезонистые штаны, способные выдержать ножевой удар и прямой выстрел из пулемёта. Руки закрывали перчатки с бронированными пластинами, с портативным ударостойким компьютером на правой руке. Горло прикрывал горжет, спокойно держащий выстрел из лазерной винтовки.

Шум и суматоха витали вокруг парня, в которой он явил-

ся как оплот стабильности. Всё вокруг него суетились, отчего он стал подобен статичному «оку бури» вокруг которого разворачиваются странные действия.

Мужчина оглянулся по сторонам. Палатки, люди в разных: рваных, военных и гражданских одеждах бегали возле него куда-то. Кто-то мог разговаривать в группах, ведя беседу только о своём. Из палаток то и дело спешили показаться пара человек, только цеплявших на себя броню.

Нога, закованная в сапог, ступила на землю, и тут же раздался хруст немногочисленных пожухших листьев. День солнца растопил практически весь снег в лесу, явив свету грязные и мутировавшие, непонятных форм полотна листьев, павших со скрюченных деревьев.

Лёгкие парня втянули воздух, но тут же горло и вся носоглотка прочувствовала першение и горечь, а мозг выдал единственную мысль – воздушные массы слишком загрязнены.

– Э-э-э-стебан!

Мужчина оглянулся в поисках источника звука, который выдал сильно знакомый набор букв. Посреди шума в военном лагере, и суматохи, среди извращённых и скорчившихся деревьев парень узнал знакомые очертания. Именно этот человек, одетый сейчас по военной форме, рассказал ему, как одичали жители Микардо. Как сначала триста человек стали кидаться на горожан, но безумие распространилось подобно яду. И культы, секты, объединения, заигравшиеся со сво-

бодой и ставшие серьёзной угрозой для жителей, отправлялись в леса, из которых стали совершаться нападения. Так и появились кордоны, дружинники и жертвы. А потом весь лес вокруг Микардо по заявлению самих дикарей разделился на четыре племени, в котором существовали свои практики проявления «Свободы».

– Эстебан. – Приложив руку к плечу, пол дружески похлопав, начал атлетического телосложения с короткими светлыми волосами карими очами, дружинник. – Вот, как я тогда и обещал, мы выступили против них.

– Хм. – Мрачно ухмыльнулся Командор. – Не думаю, что нас хватит. – Голос Эстебана продавливал душу своей тяжестью. – Их там несколько тысяч. Или десятков тысяч. Будет много жертв.

– А у нас оружие лучше. Ой, не думаю, что самодельные топоры и старые автоматы смогут нам противостоять.

Командор нутром почувствовал браваду знакомого. Эстебан отлично знал это состояние, когда, воодушевлённый новым оружием и жадой возмездья за потерянных друзей, ты рвёшься в бой, думая, что превосходство на твоей стороне. Очень глупая ошибка, окупаемая литрами крови.

– Эти леса, – указав правой рукой сторону пугающей чащобы начал мужчина, – их дома. Они знают каждый камешек в нём. Я чувствую, бой будет неравным и далеко не в нашу сторону.

– Тогда нам понадобится мужество таких бойцов, как

ты. – И, с улыбкой, указав большим пальцем через плечо, дружинник кинул. – Иди, там твой матёрый друг оружие раздаёт.

Эстебан в ответ не проронил никакой эмоции. Он просто двинулся дальше, угрюмо продвигаясь по лагерю. Командор, идя меж палаток, кого только не увидел. И подразделения армии Либеральной Капиталистической Республики, облачённые в сине-голубые пиксельные камуфляжные одежды; местные формирования в бардовой свободной форме, чем-то отдающим духом старины. Гвардия Культа Конституции прибыла в экзоскелетах, сияющих серебром. Сто воинов в костюмах, дающих трёхкратные показатели и неоспоримое преимущество. Пока мужчина шёл, он даже встретил парочку солдат прибывших сюда из соседних с Микардо районов. Ну и помимо всех военных к масштабной операции присоединились вольные дружинники и обычные люди из деревень, которым надоели нападения дикарей, ударившихся в радикальный либерализм.

Командор, проходя через ряды палаток, вышел к местности, отчищенной от деревьев. Всю полянку загромождали военные грузовики и множество пластиковых, стальных и деревянных ящиков, в которых хранилось вооружение.

По матёрому голосу, наполненному сотнями претензий ко всем разом, вперемешку с нецензурными выражениями, Эстебан узнал Ротмайра, которому Корпорация поручила раздавать оружие и патроны.

– Что ты тут бузишь? – Подойдя к деревянному столу у одного из больших грузовиков, спросил Командор, смотря на высокого мужчину, облачённого в чёрную военную экипировку, как у спецназа Рейха.

– Ох, твою ж мать, зачем ты согласился на такие условия? Могли бы там работать и хоть в тухлявой лачуге волочить жизнь и прожигать её. А теперь мы окунулись в самое дерьмо, что вылезти из него, благоухая как розы, увы, не получится.

Губы Командора разошлись в улыбке, отдающей болью и бессилием, с тысячей печалями, горящими во взгляде.

– Ты сам помнишь, что Габриеля перебрасывают в Уэльс. А там у нас нет связей, нет знакомых. Для полк-ордена это слишком далеко.

– И? – Скепсис так и лился из одной буквы.

– Нам нужно где-то жить. Что-то есть. Я поговорил с людьми из «Южного Потока». Они обещали нам, если мы поучаствуем в операции, то помощь будет оказана.

– Каким образом? – Оперившись руками на стол, спросил Ротмайр. – Ты и сам прекрасно знаешь, что там всем крутит другая Корпорация.

– Они обещали обо всём договориться. Сказали: «Если сможешь нам отомстить за наших людей, то мы найдём тебе и твоим ребятам хоть дворец. Это не просто бизнес. Теперь это дело репутации и чести».

– У Корпораций нет чести. – Достав на стол револьвер и

тряпку, кинул грубо собеседник. – И зачем ты потащил всех? Этого Верна, Элен и их новых друзей? Твоё же дело касается только Габриеля. – Выдержав двухсекундную паузу, Ротмайр вновь обратил свою речь в уши товарища, искривив лицо в недовольстве, словно съел лимон. – Хотя к тем двум я привык. Зачем нужно было тащить их новых знакомых и девушку Габриеля? – Отдав револьвер подошедшему дружиннику, обратился с вопросом мужчина.

– Ротмайр, просто смирись. – Не дрогнув ни одной мышцей на лице, дал ответ парень, сложив руки за спиной.

– Хорошо, что хоть того Алехандро не потащил с собой. А то он совсем сошёл с ума. Я даже думал скинуть его с балкона, когда он укоренный туда вышел.

– Мда, ты прав. – Почесав подбородок, рассудил Командор. – Слава Богу, он решил выйти замуж за своего «Джона» и отправляется с ним теперь в «Центр Свободы». А то пришлось бы его вырубить и вывезти в этот лес, чтобы он за нами не уплёлся.

На пару секунд наступила тишина. Ротмайр обратился к аккуратной чистке электрической винтовки, а Эстебан ушёл в свои мысли, которые довольно быстро развеялись зазвучавшим вопросом:

– Как думаешь, сегодня многие полягут?

– Не знаю. Слишком мало информации. – И повернув корпус, осмотрев копошащихся людей, чистящих оружие, читающих молитву своим богам или просто нервно курящих, Ко-

мандор заглянул в их глаза, тут же распростёр руку. – Посмотри на них. Они не бойцы. Лишь малая часть здесь воевала. Дикарей за чертой города тысяч двадцать. Это по старым данным.

– Но ведь у нас оружие. – Достав ящик гранат, гордо заявил Ротмайр с бравадой в очах. – Мы покрошим этих чертей самым совершенным вооружением. Лезвия из стали и пороховые автоматы не эффективны против лазеров и плазмы.

– Против тех, в чьём мире мы чужаки, самое совершенное оружие лишь может уравнивать шансы. Не более того. Нас тысячи, их десятки. У нас плазма, энергия, а у них безумное либеральное неистовство и знание территории. Сегодня мы встретили достойного противника.

Ротмайр покачал головой и развёл края губ в злобной улыбке так широко, что показались зубы-лыки. Матёрый мужчина пропал под столом и появился через пару секунд, держа в руках чёрный предмет.

– Если ты встретил, достойного противника, то и оружие тебе понадобится подходящее. – Раздался глухой звук соприкосновения дерева и металла. – Проклятье, но это самое совершенное, что мне удалось найти. Корпорация рекомендовала передать это оружие бойцам из Культа Конституции, но пошли они к чёрту, я думаю, тебе это больше понадобится. Те бугаи в консервных банках и так справятся.

Рука Командора коснулась металлического корпуса ору-

зия, со скрипом исследуя каждый сантиметр инструмента войны и её смертельной симфонии. Корпус, магазин, дуло, предохранитель: всё это сильно напоминало древнее оружие производимое в стране, которая славится своим оружием и очень странным народом, которому не чужды крайности и которыми он живёт.

– Это же...

– Да, АК-1. К нему подходит, как и плазменный патрон, как и обычный, так и батарею от плазменной винтовки можно подцепить. Есть подствольный гранатомёт, который способен запускать и небольшие ракеты. В общем, не оружие, а самый настоящий контрабас оркестра военных действий. – Словно заученно произнёс Ротмайр, вытащив к нему боеприпас. – Вот тебе несколько магазинов.

Созерцание Эстебана прервал дикий рёв, разразившийся адским шумом по всему лагерю. Моментом позже к звуку сирены, слившись в единой несуразной музыке, присоединились и вопли воинов, смешанные с чёткими приказами командиров. Бойцы стали строиться сквозь ряды деревьев, вставая по стойке смирно.

Командир снял с пояса каску, с прикреплённым к ней противогазом. Чёрные блестящие материалы заменили хладное выражение лица, а на мир теперь смотрели не нефритовые глаза, а два тёмно-синих визора, обрабатывающих массивы информации разом, в том числе и считывая данные с обеспокоенного лица Ротмайра.

Через несколько минут все возможные воины, которых удалось собрать, собрались в одном из четырёх лагерей, раскинутых у города. Шестьсот бойцов, готовых обрушиться на дикарей смотрели на командующего лагерем, готовившись его внимательно выслушать и сорваться в лес.

– Солдаты! – Убрав архаичную рацию в карман бронежилета, обратился седоволосый командир. – Я майор Марлен, назначенный «Южным Поток» и Культурой Конституции главой вашего лагеря. – Прокашлявшись и обратив взор синих глаз в смиренно стоящих разношёрстных бойцов, майор перешёл на вольный разговор. – Нам предстоит тяжёлая задача – зачистка леса и выход к их племенному центру, который называется «Грапттана». Против нас выступят, по первичным данным разведки, около двух тысяч варваров. Себя они называют «Миноркорум». Устройство у этих дикарей – племенное и всё общество разделено на несколько групп, среди которых. – Став загибать пальцы продолжил майор. – Захваченные рабы или «приспешники отсталой свободы», Вольные Жители, Войны, «Либерос-шаманы», «Отцы Свободы» и ещё несколько. Во главе них стоит совет из двадцати «Шаманов первосвободников», проповедующих... а не важно. – Махнул рукой Марлен. – Нашей целью является уничтожение их совета и племенного центра. Есть вопросы?

– А что в них такого уникального? – Прилетело откуда-то из строя. – Чем они отличаются от остальной массы дикарей? – Этих объединяет неистовая жажда к извращениям. Они

так себя, когда выходят к цивилизации, и называют «племя». – Осмотрев стройные ряды, майор ещё раз обратился. – Ещё есть вопросы? Тогда готовьтесь. Общее наступление через три минуты.

Как только Эстебан сделал шаг в сторону, готовясь подойти и потолковать со своими знакомыми, звонкий голос майора его окликнул. Командор, получая звук через ушные фильтры, заметил седовласого мужчину, который махая его подзывал. Эстебан, в такой экипировке, по сравнению с остальными воинами, больше похожий на тяжеловеса, как можно быстрее развернулся и грузными шагами направился к мужчине в чёрно-серой пиксельной форме.

– Я так понимаю, вы Командор Эстебан?

– Тут я не Командор. – С грустью, через звуковой преобразователь подметил мужчина.

– Корпорация сказала, что вас так можно называть. – Смотря в бумажку и отрываясь на броски взглядов в лес, проговорил Марлен.

– Вы волнуетесь? – Подметив дёргания Марлен, вкрадчиво спросил Командор. – Почему?

Мужчина искривил губы в усмешке, которая так и отдавала отчаянием, злобой и негодованием, выразившимся в сарказме:

– А вы как думаете? – Взгляд офицера наполнился мольбой. – Несколько сотен против десятка тысяч. «Южный Поток» просил не оглашать данные разведки, но тепловых сиг-

натур, показанных со спутника, слишком много. Да ещё и...
– прервался майор.

– Что?

– В Микардо и соседних городах прокатилась волна митингов. Все стали защищать «Лесных Вестников Свободы». Граждане посчитали, что мы убиваем за нарушение прав свободы выражения, право места жительства и тому подобное. В общем, мрак полный. Отряды «Южного Потока» пока ещё держат волну.

– Вы же понимаете, что все погибнут, не дойдя до племенного центра. – Безжизненный и механический голос Эстебана не мог передать всего недовольства, таящегося в душе. – Многие не смогут выжить и в первой волне, не говоря о штурме их... столице.

– Мы ничего не можем поделать. Нас всего несколько сотен. Я лично просил дать нам несколько полков наёмников Корпорации, но всё тщетно. Там сказали, что расходы слишком высоки.

– У вас есть план действий? Осталось полторы минуты до начала штурма. – Командор мрачно усмехнулся. – Боюсь, ваша Корпорация будет больше сожалеть о том, если все бойцы полягут, и её заводы останутся без защиты, как и сам город.

– Поэтому вы здесь. Я лично у полковника просил, чтобы вас определили сюда. – В глазах майора проскользнул блеск, полный решимости. – Где-то в этих лесах, есть вождь всех племён. Это Дарний. Наш механик и инженер. Этот идиот

изобрёл себе продвинутый экзоскелет и сбежал в леса, возглавив дикарей. По данным разведки, он сейчас шныряет где-то неподалёку.

– И я так понимаю, моей задачей станет его обнаружение и ликвидация.

– Да. Но так же «Южный Поток» просит вас найти весь племенной совет Либерморманнитов и его уничтожить.

– Я это должен сделать в одиночку?

В ответ майор лишь пожал плечами и выдохнул:

– Мне ничего про это не сказали. Вы свободны, выполняйте приказы.

Командор не опешил или впал в стопорное удивление, как то бывает, когда выдают непосильные приказы. Мужчина лишь приподнял своё оружие, подцепил к нему обычный изогнутый магазин и передёрнул затвор, пуская патрон и направляя его точно по пути из широкого дула.

Минута подошла к своему логическому завершению, и раздался оглушительный рёв сирены, ставший призывом к началу операции. Десятки людей, с автоматами, пистолетами, винтовками, плазмоганами и прочим оружием, разделённые на отделения, направились в утробу леса, прямиков в зубы к дикарям.

Экипировка Командора обладала электроникой и механизмами усиления показателей бойца, чем то отдалённо напоминающими экзоскелет. Эстебан преодолевал расстояния быстрее всех, оставив позади волну наступления. Под тя-

жёлтыми сапогами хрустели немногочисленные листья, и мялась чёрная земля, похожая на вулканический пепел. Шум раздавался эхом, пролетающим сквозь скрюченные и извращённые деревья, своими чертами навеивающими образ ведьмовского леса.

Впереди раздался сухой треск и злобные говоры обрывистого языка. Через секунды раздались щелчки и деревья плюнули щепами. Визоры Эстебана различили впереди двадцать тепловых сигнатур, обозначившихся в пространстве и помеченных на общей картинке.

Палец, получив приказ, нажал на курок, и тяжёлые пули полетели вперёд, со скоростью набирая большой свист. Дикари, измазанные грязью, без волос, в кусках мусора вместо одежды, мелькали меж деревьев, пытаясь скрыться от роковых выстрелов. Но убойность АК-1 такова, что выпущенные пули прошивали деревья, разрывая животы и отрывая конечности противнику. После каждого выстрела, секундой позже громopodobного залпа, раздавались крики агоний, разлетающихся эхом по лесу.

Командор выпускал по одному патрону и как только двадцатый, из тридцати пяти, покинул магазин, визоре больше перестали находить «живые» цели. Эстебан опустил дымящееся дуло и поднёс компьютер на руке, сверив геолокацию. Впереди, в метрах пятисот от него раскинулась деревенька. Раньше её заселяли обычные граждане... а теперь там празднуют пир дикари. Вся деревня была вырезана, а её жители,

точнее части тел, пошли на утеху звериным потребностям. Мужчине пришла мысль вычистить этот оплот дикарей.

Пробежав метров сто пятьдесят, Эстебан наткнулся на идущее контрнаступление. Огромной мешаниной, безумной волной, одетые во всякий мусор, с листьями резины и металла вместо брони, держа в руках самодельные мечи, топоры, трофейные винтовки и автоматы, дикари, переговариваясь на обрывистом, резком и грубом языке шли навстречу захватчикам. И им ничего не стоило заметить впереди стоящего Эстебана. Раздался страшный вопль, похожий на рычание, дикари, став неистово бесноваться, сорвались с собственных мест.

Пальцы Командора сжали автомат, палец нажал на курок, и дуло автомата разверзлось очередями, пробивавшими по два или три тела. Живой танк, крепость в чёрном, противостоял своре нелюдимов, бегущих на него подобно своре собак, теряя «собратьев и сестёр» по безумию.

Опустошённый магазин пал на землю. Рука загнала новый, затвор передёрнут, и новые очереди стали косить толпы улюлюкающих и ревущих варваров. Эстебан сорвал чеку с гранаты, похожей на баллончик и метнул её в толпу. Раздался оглушительный шумовой удар, и зарево яркого света ослепило всякого на расстоянии сорока метров. Только визоры и слуховые каналы ослабили действие гранаты, и Командор с радостью смотрел на то, как его противники, взявшись за окровавленные уши, выронив оружие, шатаются в

непонятном состоянии с пустотой в глазах.

Вновь раздались рокочущие залпы, и земля оросилась литрами крови. Дикари издавали жуткий горловой звук, падали на обagrённые мёртвые пески. Топоры, клинки, винтовки и сами трупы усеяли вместо листьев ковром подножья сухих деревьев. Командор продвигался сквозь шум битвы и её ярость подобно мрачному вершителю судеб. Ни крика, не злобы, ничего из его уст не прорывалось, лишь холодный и методичный расчёт по уничтожению. Но тем временем его душа преисполнена пламенем гнева и войны. Автомат в его руках не умолкал, продолжая нести смерть. Но и противник не робкого десятка и как только ошеломление едва минуло, багровый и наркотический туман позвал в битву. Вокруг Эстебана сжималось кольцо из нескольких десятков нелюдей. Командор мог видеть их лица: перекошенные, напичканные металлом так кожи не видно, изуродованные до нечеловеческого состояния; в разноцветных глазах лишь пустота и злоба.

Командор стал отступать назад, выходя из круга. Многие оставались лежать на земле, так и не перейдя к наступлению и только одному, вознеся топор, удалось добраться до Эстебана. Но удар прикладом в челюсть и выстрел в упор, снёсший нижнюю часть лица, остановил безумно рычащего дикаря. Облитый жёлтой краской безумец, заливаясь алым потоком, распростёршись «улёгся» на землю. Эстебан, кинув взгляд по сторонам, опустил автомат, из дула которого вали-

ли клубы пара.

Всё пространство вокруг усеяли разорванные трупы и оторванные конечности с выпавшими внутренностями. На лицах противников застыла маска, с которой они жили всю жизнь – ярость и гнев. Земля под ногами стала невыносимо мокрой от пропитавшей её крови. Сам воздух пропитался железными нотками крови и горечью пороха.

– Приём! – Раздалось из приёмника.

– На связи. – Грубо дал ответ Эстебан, приложив палец к компьютеру.

– Говорит Антоний. – Голос прерывался статическими помехами. – Противник остановил наше наступление по всем фронтам. Ты единственный, кто прорвался так далеко. Поэтому Корпорация решила дать тебе существенную помощь.

– Какую?

– «Южный Поток» решил поднять бомбардировщики в воздух. Как только обнаружишь столицу племени, дай сигнал, чтобы они могли нанести удар.

Связь оборвалась. Командор деактивировал приёмник, пару секунд уделил размышлениям, но сначала решил проведать деревню, быстрым бегом направившись туда.

По дороге Эстебан встречал не менее трёх раз волны противников. Двадцать, пятнадцать и тридцать дикарей. Все они нещадно уничтожались, оставаясь устилать сухую землю леса, заливая его отравленной кровью. Через двадцать минут интенсивных боёв Командор вышел к поселению.

Вся деревушка представляла из себя круг домов, пребывавших в запустении. Перекошенные, похожие на одноэтажные бараки, уходившие под землю, дома стали единственными в заброшенном поселении. На растяжках и станках, на кольях и необычных конструкциях в самых извращённых формах закреплены свежие тела, вокруг жужжали тучи мух. У старых и развороченных домов, от которых тянуло гнилью, валялись различные приспособления: бандажи, плётки, бутылки, кляпы и ещё множество предметов дикарского «быта».

Композиция поселения явилась кругом построек, где на расчищенной площадке, в самой середине, возвышался высоченный столб. У него валялось три оголённых трупа, с надрезами, из которых сочилась белая маслянистая жидкость.

Усилители слуха уловили стоны и плач в одном из построек. Ни одного дикаря на удивление в поселении не водилось. Командор повернул тело в сторону источников звуков и визоры различили дом, ушедший под землю, отчётливо отдающий образом землянки с крышей, покрытой ковром мягкого мха. Стены развалюхи окутывались чёрными кусками сгнившей ткани и всяким «мягким» мусором. Даже пытались приколотить доски.

Нога Командора выбила сгнившую дверь, разлетевшейся фонтаном трухи, а фонари на шлеме тут же активировались, освещая пространство. Страшная вонь, способная свалить любого человека ослабла через респиратор, а вот увиденное

нельзя было куда-нибудь скрыть.

Жужжание насекомых заполнило всё помещение. В углах забился десяток обнажённых людей: мужчин и девушек, лет так от двадцати и заканчивая, сорока годами. Под ногами подошва липла к полу. Эстебан обратил внимание под ноги и заметил, что десятки трупов догнивают в нечистотах, медленно разлагаясь.

– Что вы тут делаете? – Спокойно и мягко спросил Командор.

В ответ раздалось лишь рыдание, пронёсшееся гулом в сердце Эстебана, и в этот раз он спросил намного мягче:

– Я от Корпорации. Как вы сюда попали?

– Мы пленники! – Смешано с плачем, дёргаясь голосом, ответила черноволосая девушка. – Нас тут держат для. – Сквозь неистовое рыдание Командор услышал лишь несколько отчётливых слов. – Своих обрядов.

– Да. – Поддержал из угла перепуганный мужчина с лицом, исполненным маской ужаса. – А как только с нами сыграются, ритуально убивают. Только перед этим насилуют. Они называют это «отпеваниям свободой заживо».

– Слушайте сюда. Я не могу понять ваших страданий и представить, что с вами делали. – Я всё видел на улице. – Голос Командора моментально обрёл командирские черты. – В лесу идёт битва, и соваться туда рискованно. Остаться тут, значит погибнуть. В километре отсюда позиции лагеря. Вам нужно прорываться туда. – Внезапно вне помещения раздал-

ся механический металлический скрежет, разрываемый усиленным безумным смехом. – Проклятье, что ещё там.

Приказав отсиживаться здесь, Эстебан вышел прочь из подвала, и его виду предстало непонятное механическое существо. Ноги, блестящие из-за того, что собраны из железа, выгнутые, как и птицы, крепились к широкому, похожему на блок разных коробок корпусу. Руки существа представляли собой широкие трубообразные конечности, увенчанные окровавленным молотом и пикой, обвешанной кишками как гирляндами.

– Так тварь! – Машинным голосом взревела тварь стоявшая прямиком у высокого каменного обелиска. – Ты решил покуситься на нашу великую Свободу?! Отвечай живо, а не то покрошу на колбасу!

Командор узнал железную тварь, а точнее того, что сокрыто под ней. Трудно не опознать единственный свет науки в дремучем озверевшем дикарском краю.

– А ты тот псих, который украл у «Южного Потока» технологии? – Сжимая автомат, молвил Эстебан.

– Так это они тебя послали разрушить наш идеальный мир?! Я порву тебя на куски и пушу на корм звероформированным! – Топнув ногой, сотрясая землю, орал сумасшедший.

Командор хладнокровно впал в короткие рассуждения:

– Идеальный мир? Всё ваше общество обагрено кровью и впало в извращения. Это безумие, а не идеал.

– Нет, он идеальный, ибо мы Свободны во всём, чём только можно! – Голос звучал с маниакальной дрожью, полной сумасшествия, и сумасбродности ещё добавляло то, что пилот машины вертит пикой и смотрит как мясистые «гирлянды» перекатываются. – Наша свобода самовыражения на высоте! Мы живём, как хотим и совокупаемся со всем, что есть на Земле! Мы убиваем, кого хотим, ибо в этом есть Свобода действий! Делаем со всеми, что хотим, так как это наша воля! Наши извращения есть проявления Свободы мысли и творчество на максимальном абсолюте! Ах-ах-а-а-х-ах!!! – Дикий смех безумца внезапно сменился спокойной, но глубокой речью. – Там, за лесом, в городе не понимают, что мы вершина эволюции либерального строя. Они боятся это признать. Познав Свободу, вкусив и испив её сполна, становишься «диким». Но это не дикость, ибо Свобода в чистом виде не может стать ею. Это наша суть и пик.

– Вы живёте, как первобытные дикари.

– Ибо таков великий замысел Свободы. Существа, разделённые с государством, отделённые от всех принципов морали и вонючего традиционализма нравственности, обречены, обратиться в племена, объединённые одной из многогранных идей Свободы и её проявлений в реальности.

– Твои слова лишены смысла!

– Нет, это, – пауза мыслей вылилась в одно единственное выражение, отразившая смысл дикарей. – Это есть либерально-племенной строй. Как высшая ступень коммунизма,

отличная от первобытного тысячелетиями, только с переложением на иную идеологическую материю. – И направив колючесть с пикой, безумец выкрикнул. – А теперь умри!

Вспышка, шлейф дыма и в корпус механической твари неожиданно ударился снаряд. Прогредел страшный взрыв, но конструкция не повредилась, а машина развернулась с диким скрежетом и дала залп. Спустя секунду пика, больше походившая на кол уже торчала из груди бойца с гранатомётом.

Командор тем временем подцепил боевую энерго-батарею и окатил вспышками энергии Корпус экзоскелета. Яркие жёлтые лучи, под звучание треска, ласкали корпус, но не пробивали его, оставляя лишь маленькие выбоины. Эстебану тут же пришлось отпрыгнуть, чтобы уйти от мощного удара молота, сотрясшего землю.

– Тебе меня не одолеть! – Вскрикнул Дарний, занося молот для ещё одного удара, снося обелиск – Я отдам твой труп активным неосексофилам!

Пальцы коснулись батареи и настояли её на выдачу всей энергии разом. Залп и яркая вспышка света накрыла железные пластины, приласкав их так, что оплавился кусок корпуса, который потёк оранжевой рекой. Но и автомат на некоторое время потерял способность к стрельбе. Эстебан отстегнул батарею и подогнал обойму с плазменными пулями. Второй залп из гранатомёта вспыхнул огненным цветком на корпусе робота, разворотив все пластины, куда пришлась ласка энергии лазера. Визоры шлема моментально обнаружили

живые ткани. Пара залпов из АК-1 и всю деревню накрыл неистовый крик сумасшедшего, ставшего вождём. Прodelав пару шагов экзоскелет обесточился, и пал на разгорячённую от интенсивного боя землю, издав противное шипение. Командор бросил презрительный взгляд на падшую тварь. Но его презрение никому не было суждено увидеть сквозь безжизненные стёкла.

– Эстебан! – Прозвучало воззвание. – Не ты один смог пробиться!

– Малик? – По голосу ориентируясь, переспросил Командор. – А ты как сюда пробился?

– Связи больше нет. – Речь Малика всё сильнее наполнялась беспокойством. – Её отрубили дикари, включив глушители. Наступление провалилось по всем фронтам. Гвардия Культа Конституции где-то пропала около племенной столицы. Все племена объединились против нас, и перешли в контр-наступление. – Указав рукой в сторону, араб произнёс. – Мы зачистили пещеры к востоку отсюда, где обитали их обыденные жители.

– Теперь у них нет вождя. – Ткнув дулом в сторону кучи металла, гневно выдал Командор.

– Так это их вождь!?! – Удивлению в голосе Малика нет предела, хоть и ошарашенное лицо скрывал респиратор.

– Да. Он самый. И поняв, что руководства больше нет, они сами перебьют друг друга. – Повернувшись к разваленному дому, с состраданием и трепетом, Эстебан обратился. – Там

есть люди. Выжившие после нападений. Их нужно отсюда вывести и как можно скорее.

– А ты что будешь делать? Не уж, то кинешься «в горнило битвы, на наковальню войны»? Как тогда?

Эстебан задумчиво опустил голову. Блестящая маска, холодное стекло визоров не способно было показать всю грузность и печаль, обуревавшие душу Командора. И всё же голос, шедший из-под костюма, как будто прошивался нитями меланхолии:

– Мне надоела битвы за чужие идеалы. Корпорации, Микардо, Культ Конституции... пусть сами воюют. Дикари с их «либерально-племенным» строем, порождения того мира, который они сами построили. – Обратив палец к дымящемуся трупу Дарния, Командор отчётливо и сухо произнёс. – Я исполнил свою часть контракта. Мы воздали по долгам и чести Корпорации. А теперь уматываем, чтобы не разделить участь с теми, кем «приукрасили» эту деревню.

Но словно испытывая судьбу и стойкость бойцов, в поселение стали врывать толпы дикарей. Сначала вторжение ознаменовал дикий рёв, завывания и гул, перекричавшие эхом разносившиеся автоматные очереди в лесу. Без одежды или с ней, дикари, измалёванные фекалиями, с безумными рисунками на теле, так скривили лица в бесконечном мучении и ярости, что казалось, будто это демоны, вышедшие из глубин ада.

Командор обратил дуло автомата и присоединился к ад-

скому хору оружейных очередей. По его броне запрыгали пистолетные и винтовочные пули, с лязгом отскакивающие от брони. Плазменное содержимое очередей АК-1 испаряло части тел дикарей, лежащих пачками на обгащённую землю.

– Нас окружили! – Прокричал кто-то из солдат.

– Выводите пленных! – Жестикуюлируя приказал Командор, отстреливаясь от толп нелюдей. – Отступайте к лагерю!

– А чем ты займёшься?

– Придётся биться до победного!

Эстебан больше не слышал слов Малика, ибо битва забрала его душу и пленила разум. Чувства войны усиленно пульсировали в крови, усиливая из без того могучую силу костюма. Автомат грохотал и дёргался в цепких руках, изрыгая пламя. Пули летали подобно заведённым мухам, разрывая тела противников.

Среди покошенных домов скользко промелькнули, силуэты и у разрушенной стелы показалась пара звероформированных, безумно рычащих, с шипастыми ошейниками и яростью в глазах, посаженных в изуродованные лица. Клики против пули. На огромной скорости, цепляясь лапами в землю, некогда бывшими руками, твари атаковали солдат, как заправские боевые псы. Одна из «собак» опрокинула бойца и вцепилась ему в шею. Крики агонией разнеслись по всей деревни.

Командор, подгоняя магазин свинцовых пуль, передёрнул затвор и вновь дал залп. Человеческий скулёж пронзил уши.

Дуло автомата на секунду перестало изрыгать пули, чтобы потом вновь окатить свинцом врага.

Группа не могла покинуть поселения. Пленные сжались от страха, боясь сделать шаг, а дикари, потерявшие всякий человеческий вид, продолжали напирать. Эстебан сорвал гранату и швырнул её в толпу варваров. Затем туда жен прилетела следующая. Огненный вихрь, разбросавший тела, закрыла плотная дымовая пелена, через которую и покинули люди окружение, оставив Эстебана один на один с врагом.

– При-м. – Сквозь статические помехи прерывисто вылетело из рации.

– Да!?! – Окатив ещё пятерых дикарей, вопросительно крикнул Командор, снимая магазин.

– В... метрах от тебя... засаду... гвардия.

Связь пропала. Эстебан примерно понял, что имели в виду на другом конце линии. Противника становилось всё больше и нужно действовать. Рука Командор коснулась последних светошумовых гранат и швырнула их в сторону. Ослепительная вспышка озарила пространство, сбив с толку всех наступающих. Когда же временная слепота минула, их врага и след простыл.

Командор нёсся со всех ног. Пространство вокруг него заполнили деревья и мелькающие силуэты варваров, чьи лица и тела давно потеряли всякую человечность. Мужчина знал, что они хотят его убить, а потом использовать тело для «утешения свобод». Такого он с собой позволить не мог. Арома-

ты крови и звуки выстрелов ореолом встали над лесом и дикарей всё больше.

Внезапно всё отчётливее стали звуки пальбы, и ароматы жженой плоти усилились многократно. Речь становилась всё понятнее, а дикарей, стекающихся к месту, как можно больше, словно это пчёлы, летящие на мёд.

Спустя секунды Командор вышел к небольшому, ровно по щиколотку, озерце, провалившегося в лесное углубление, в компании шестерых гвардейцев Культа Конституции.

Яма, в которой велось сражение, окружена трупами, и ещё тысячи рвутся к ним. Сверкающие огнём дула тяжёлых пулемётов и трубы огнемётов без отдыха крошили и жарили врага. Эстебану ничего не сказали, когда он ворвался сквозь пелену битвы, лишь бы он только не мешался.

Командор живо подсоединил энерго-батарею и присоединился к общему хоралу битвы. Его автомат поливал трещащей энергией десятки дикарей за секунды, выжигая им плоть, останавливая на подходе. Огнемёты экзоскелетов выжигали местность напрочь и через минуты боя сухие деревья загорелись бодрым пламенем. Эстебан чувствовал битву, держась на краю обороны, он словно влился в неё. Пули разили без промаха, отрывая куски тел либеральным дикарям, вооружённых старьём. Окуренные дурманом, обколотившиеся наркотиками они напирали безумной волной ужаса и тут же срезались автоматными очередями и заградительным огнём пулемётов. Настоящая война посреди «мира справедливости

и либеральной праведности» бушевала ярым огнём.

– Проклятье, столица! – невзначай выругался Командор, от досады.

– В пятисот метров отсюда! – ответил кто-то из гвардейцев. – У нас нечем пометить её.

– У меня есть сигнальная ракетница. Прорываемся!

Механизм войны вышел из «оркестровой» ямы дабы нести симфонию войны дальше. Семеро воинов, облачённых в самые совершенные доспехи, прорывались к столице племени, сметая всякого, кто встанет у них на пути. У Командора давно закончился боеприпас к АК-1 и он его перекинул, вооружившись клинком и пистолетом.

Утопая в кровавом наступлении, кромсая дикарей и выжигая их лучами пистолета, Эстебан рвался с особым неистовством. Его клинок за пять минут продвижения рассёк не один десяток горловин. Весь лес стал буквально гореть, и воздух заполнил едкий дым, но потерявшего рассудок Командора этого не останавливало, ибо он бился до последней капли крови.

Врагов, особенно у столичного селения, стало в сотни раз больше, и по броне стрекочут пули, выпущенные из простейших автоматов. Но Эстебан, отдавшийся во власть битвы, потерял связь с реальностью, став кошмаром для дикарей. Мрачная решимость, неистовая жестокость и кровожадность, в окружении гвардейцев, сделали его настоящим ангелом смерти, выкашивающим десятки врагов.

Клинок обломился, батарея закончилась. Тогда Командор отбросил предавшее его оружие. Кулаком он сокрушил череп противника, размозил лоб стальными элементами перчатки, нёсшего массивный самодельный двуручный меч, и подобрал его. Грубый, несуразный, в руках, усиленных технологией костюма, тяжёлый меч превратился в смертоносное оружие. Его клинок не резал, а буквально разрубал кости, заставляя вопить дикарей от боли.

Вокруг бушевало пламя, и летели искры, кипела битва, а варвары, терзаемые гневом за смерть вождя, желали разорвать всех, кого видят, но не могли приблизиться, чтобы затопить волной тел группу. Но они могли добраться до того, кто шёл впереди, однако там их ждала только смерть. На острие атаки, впереди копья, размахивая клинком бой вёл Эстебан. Его броня помята, визоры залиты липкой кровью, системы отказывают, а меч с каждым взмахом становится тяжелее, но он не остановится даже на секунду. С каждым ударом окровавленный и измаранный во внутренностях двуручный меч пожинал ещё одну жизнь, а потом и ещё.

Залпы десятков орудий, вой, крики агонии, вопли и треск полыхающего леса: всё это слилось в единую музыку сегодняшней войны, а её дирижёр – Командор, отпросивший оковы сдержанности, превратившись в безумного берсеркера.

Битва затягивалась. Укрытый пеленой крови, неся воздаяние сотням врагов Эстебан потерялся в шторме битвы, раз-

давая только смерть. Шестеро гвардейцев стреляли из всего, что только есть, чтобы держать сотни нелюдей на расстоянии.

Взмах, удар, крик как услада для ушей – темп битвы Командора. Кровь рекой стекала по броне, а мышцы налились безумием, огнём, пылающим в венах, но и меч обломался, не выдержав кровавого темпа битвы. Нечем больше наводить террор. Но впереди показались иные виды.

Огромный город на холме, похожий на исполинскую деревню и растающий целыми участками в леса. Слишком большой даже для половины Микардо, но так сильно похожий на крупнейшее деревенское поселение. Небольшие домики, собранные из груд мусора и местной древесины, окружённые высоченным частоколом. Для Эстебана не нужно было никаких подтверждений. Он инстинктивно сорвал ракетницу и через секунд пять в поднебесье расцвёл алый цветок-салют.

С небес прозвучал оглушительный рёв, и через секунды яркое полымя залило окрестности. Как только столица засияла ярким пламенем, обрушившимся с небес, подобно небесной каре, дикари прекратили наступление, в страхе и ужасе обратившись в бегство от «серебряных воинов». Ревущие сопла истребителей стали поворачивать машины для повторного удара, чтобы вконец выжечь заразу с этих земель.

Ощущение реальности и сути происходящего вновь вернулось в разум Эстебана. Он посмотрел на руки, залитые

кровью, и попытался сделать шаг, но помятые пластины, боль, сковали его тело, подобно злобному параличу. Боли стало так много, что сам мозг решил «выключить» тело. Ноги Командора подкосились, и его грузное тело пало на чёрную, пропитанную кровью и золой безжизненную землю. Сквозь пелену на глазах он смог разглядеть только, как столица вновь окрасилась яркими тонами и до конца сгнула в вихре небесного огня.

Часть третья. Адский марш или пламенный привет из «Содома»

Глава двадцать четвёртая. Бриллиантовое обретение

Где-то на острове «Бриттов». Ближе к вечеру.

«Рейтинг Свободы – наше приобретение, мерило нашего мира, которому нет замены. Свобода есть всё для нашего великолепного мира освобождения от оков дремучести и неравенства, но нам надобно выделить тех, кто прилагает особое рвение и стремится установить мир свобод везде и всюду, и тех, чья ничтожная воля стремится утянуть нас обратно в стан дремучего тоталитарного традиционализма. А по сему мы выделили пять уровней рейтинга:

Первый уровень – высшая степень становления свободы. Им открыты все двери в нашем обществе Развитого Либерализма и любая поддержка, которую они запросят должна быть оказана. Первый уровень достоин самой лучшей социальной и государственной поддержки. Их степень просвещения Свободой настолько высока, что само общество позволяет им не работать, а стремится их обеспечить всем необ-

ходимым, чтобы не отвлекать «Вестников Свободы» от работы созидания великого либерального социума. Им представлены самые передовые блага: льготы, освобождение от налогов, дарение транспорта, почёт, передача в пользование трёх антропоморфных андроида и имущественная поддержка. Первого уровня достойны категории граждан, отказавшихся от собственной человечности, отрёкшихся от определённого гендера, людей и нелюдей вступивших в антисемейные объединения и отдавших личность в сторону индивидуальности. Первый уровень это костяк общества Развитого Либерализма, который должен оберегаться всеми способами, поэтому они имеют право запросить любую поддержку от любого учреждения, кроме Корпораций, и им обязаны выполнить любое их требование.

Второй уровень есть те, кто только встал на путь либерального просвещения. Любители собственного гендера или отказывающиеся от любви к живым или одушевлённым предметам вообще, отказавшиеся от естественной гендерной принадлежности и сменившие его на другой, заядлые участники потребления, трансформаторы тела или другие граждане, просвещённые не так сильно, как первый уровень. Они достойны того, чтобы получать хоть какую-то поддержку от социума Развитого Либерализма, дабы не предаваться унынию и продолжать путь становления в первом уровне.

И самый поганый, свободе противный третий уровень. Люди, живущие в старо-традиционных семьях, христиане

и мусульмане старого нелиберального исповедания и прочая нечисть, отвергающая ценности Развитого Либерализма. Они должны быть ограждены от всяких социальных благ и помощи со стороны. Те, кто попирают саму идею Свободы, не имеют права обеспечиваться от государства. Их мы должны оградить от помощи всякого негосударственного учреждения, ибо гражданское общество должно работать только на тех, кто ценит нашу «Концепцию». На третий уровень рейтинга должна ложиться вся тяжесть и обременение, которое требует общество. Налоги, в увеличенном размере, работа на самых опасных предприятиях, и всяческое унижение – вот, что должно стать нормой для третьей категории. Их мы обязаны оградить от Вестников Свободы, забрасывая на самые края от просвещённого общества. Так же только на эту категорию, с позволения сказать, граждан, возлагается воинская обязанность.

– «Чёрный Сонет» от Механизма Свободы.

Солнце постепенно опускается до края горизонта, заставляя тени, отражения мраком от предметов с каждым моментом становиться всё длиннее и больше, постепенно сливаясь с самой тьмой.

Всё небесное полотно вспыхнуло десятками оттенков тёплых тонов. Там, где солнечный диск готовился соприкоснуться с тонкой линией горизонта, небесная твердь выкрасилась в яркий цвет небесного огня. Обширные пространство

вокруг солнца обрели багряные насыщенные и яркие краски, варьирувавшиеся по гамме от обжигающе тёплых, до более прохладных. И только в самом конце небосвода, на востоке медленно подступали лиловые тона, на которых уже замерцали серебряные звезды.

Но город это едва ли волновало. Расположившись посреди возвышений у самих маленьких гор, знаменитых в юго-западной части бывшей Великобритании, населённый пункт, возведённый на деньги Корпорации, средства региональных властей и Культа Конституции вёл активный образ жизни двадцать четыре часа в сутки и семь часов в неделю.

Высокие постройки для сей города, уходящие порой на десять этажей в высоту, некоторые похожие на облицованные стекло панелями небоскрёбы, заняли своё почётное место в административном центре. И чем дальше к краям города, тем более он становился трущобным. Десятиэтажные здания уступали место постройкам в восемь этажей, пять и так пока всё не заканчивалось одноэтажными лачугами, сколоченными из досок.

Однако город, получивший название «Скатриума», не беспокоится по этому поводу. Как заведено во всём просвещённом мире, основанном на концепции «Развитого Либерализма», «Вестники Свободы» селятся в самых комфортабельных и улучшенных домах. А всех остальных, с низким «рейтингом Свободы», предпочитали закидывать как можно дальше, на самые края, где в основном Корпорации и рас-

ставляли свои массивные исполинские заводы.

Ветряные потоки, нагоняемые с запада, окутывали город с крыш самых высоких зданий, заканчивая улицами и канализационными стоками. Ветер, наполненный холодом зимы, он гонял мелкий мусор, поднимая ввысь и снежные песчинки, которые закручивало в вихре блестящим десятками оттенков серебра на солнце.

По этим самым улицам, медленно и не спеша, хрустя снегом, и пиная всякую мелочь, шагал высоковатый человек. Он пробирался среди трущоб в которых «Вестники Свободы» старились не появляться. На человека смотрели «истинные», как они себя называли бритты: темнокожие рабочие и смуглые арабы, выходцы из тех мест, где сейчас хуже чем в аду. Родители «истинных» бриттов пришли в те самые времена, когда Землю сотрясал Континентальный Кризис, и с годами, население, жившее испокон веков в землях Старого Света, испив лени и праздности, оставило одну из заповедей Божиих, став резко уменьшаться в числе, даже вымирая.

Однако человека не интересовала история, разве что одного потерянного родственника, к которому его тянуло больше года, но суровый либеральный закон жёстко ограничил право видаться.

– Хэй, Эрни! – В тени деревянного двухэтажного дома раздалось добродушное воззвание. – Ты куда! – С лавочки, вкопанной временем возле ветхой постройки, встал высокий чернокожий мужчина. – Ты куда пошёл?!

Парень выше среднего, в серой, как вся «радужная» действительность, куртке, набитой пухом, остановился. Под капюшоном томился слабый взгляд светло-голубых глаз, кидавших по сторонам обеспокоенные взгляды, полные страха. Руки стали судорожно бегать по карманам утеплённых джинсов.

– Не ищи. Я их выбросил. – Подойдя, сурово произнёс чернокожий мужчина, обратив взгляд карих глаз прямо в душу другому парню, поправив свой оранжевый утеплённый жилет. – Ты себя так загубишь. – Рука негра невольно пихнула мрачного человека в плечо. – Посмотри! Как же ты себя запустил. Твоя знает, что ты стал травить лёгкие?

– Она не моя. – Голос так и дёргался, как струна на поломанной арфе. – Как раз иду встречать её, Арсинис.

– Вот ты дурень, – упрёк прозвучал на всю улицу, наполненную отдыхающими работягами. – Она ради тебя стала жить в этой помойке. – Рука Арсиниса описала дугу, демонстрируя покошенные и развороченные улочки, заваленные мусором; как в кучах сора плодятся и играют крысы; разбитые дома, которым наспех сумели сами жители сделать сносный ремонт; показывая сам образ жизни обычных работяг, подписавших договоры с Корпорацией. Руки негра сошлись на плечах Эрнеста. – А теперь скажи мне, какая нормальная девушка, в наши беспокойные времена будет жить в таких кошмарных условиях?

– Нет таких. – Слова отчеканили безжизненностью и об-

речённостью бытия.

– А помнишь, какую ей предлагали работу? А? – Вызов настойчиво рвался в душу Эрнеста. – В чистом офисе, среди канцелярских крыс и с такой зарплатой, что я б мог... купить весь этот квартал. А на что пошла она?

– Осталась рядовым сотрудником на...

– Договаривай! – Рыком пронеслось возле всех здешних помоек.

– Низовой уровень. – С сочащимся из каждой буквы отчаянием твердил парень. – Документационный обслуживающий.

–О-о-о-о. Что-то ты совсем расклеился. Надо будет тебе достать настойки дядюшки Доминго. Лучшее средство от любой депрессии.

– Мне...

– Знаю-знаю. Нужно встретить Эбигейл. – Негр умолк, выждав пару секунд. – А пойдём-ка я с тобой пройду. А то ты натворишь глупостей. Доставай тебя потом из питомника.

Двое мужчин продолжили путь по улице. Пространство вокруг них сжимали самые настоящие трущобные кварталы. Пределом роскоши тут являются двухэтажные деревянные подгнившие дома, которые давно нужно сносить. А самым обыденным жильём для горожан стали самодельные домики, из каких только возможных материалов. Старые листы металла, навесы, брезенты и тому подобное: всё шло в ход. Мусор не вывозили из этого квартала, ибо у жителей нет денег,

чтобы постоянно оплачивать услуги уборочной бригады. Отчего среди построек и жилья витали стойкие ароматы смрада. Когда мусора становилось слишком много, его попросту сжигали.

Самое страшное, что рядом не было кладбища и людей сначала обжигали, а потом хоронили. Но сторало далеко не всё и захоронения часто размывало. Трупная вонь надоедала не меньше насекомых. А вспышки болезней стали довольно частым явлением, ибо никто не способен оплатить даже банальный осмотр. Все деньги уходили на налоги «Вестникам Свободы» и продукты.

Эрнест шагает рядом со своим другом и из-под капюшона рассматривал квартал, в который умудрился попасть. Его взгляд судорожно бегал в пространстве, отмечая как можно больше деталей.

На стенах домов повисли выцветшие и оборванные рекламные баннеры. Фундамент просел вместе с домами. Дороги прибывают в таком состоянии, что если над ямами поставить крышу, получится землянка. Впрочем, некоторые так и жили: выбирали яму, благоустраивали её и накрывали самодельной крышей, считая это «дешёвым доступным жильём».

Горы мусора в переулках резали взгляд и носоглотку только первые дни. Потом выработалась привычка. Отсутствие канализации и коммуникационных систем делали квартал невыносимым местом.

Но адские условия жизни не превратили «квартал ишаков», как его в презрение называли «Вестники Свободы», в рассадник бандитизма и жестокости. Люди, истинные существа, сплотились между собой. Тех, кого согнали и Корпорация и Культ Конституции, не устрашили реалии нового мира. Они просто жили, как и подобало обычному рабочему, надеющемуся на лучшую жизнь.

Неожиданно Арсинис обратился с вопросом, выбив из размышлений Эрнеста.

– Скажи, а почему ты как расклеился?

– Я больше не могу работать на этом проклятом Инкубатории! – Взревел парень и стал распалаться, отгоняя гневом душевный мрак. – Каждый день одно и то же. У меня нет больше сил, ставить подписи под графами: «Сколько детей перечислить в распоряжение Вестников Свободы», или «Сколько рекомендовано изъять детей у родителей с первым порогом рейтинга свободы». Я больше не могу смотреть на то, как девушек, не принадлежащих к «либерально-народной бюрократии», везут насильно оплодотворять «для нужд либерально-прогрессивного класса». Порой у них просто вырезают матку, чтобы удовлетворить те же нужды.

– «Рейтинг Свободы». Признаюсь, мало что о нём слышал.

– Бредовая штука. У нас, у третьего уровня есть два порога. «Первый порог» в рейтинге – ты свершал «преступления против общества развитого либерализма». С этим «по-

рогом» ты превращаешься в самую репресслируемую касту. Второй порог – ты не принадлежишь к «Вестникам Свободы» и ничего им не делал. Проще говоря, ты никто и звать тебя никак тогда.

– А сколько всего этих «порогов»? Ну, внутри других уровней? И что нужно стать, чтобы забраться на самый верх этого дерева?

– Всего шестнадцать, разбросанных по всем уровням. Самым высоким обладают только «Либерально-Анти-Святые» личности, прошедшие «Содомизацию Свободой». Среди таких Ароиз «Пошляк» и глава Культа Конституции.

– Содомизация? – оборвал негр Эрнеста.

– Когда-то, очень давно, если верить запрещённой книги – Старой Библии, далеко на востоке существовал город Содом. Он стал оплотом такого греха, что Господь, не признаваемый современной «церковью», решил стереть его с лица земли, залив небесным пламенем.

– И-и-и?

– Так слушай! – Оживлённо выдал Эрнест и его спутник понял, что смог выполнить задуманное – вырвать своего друга из лап меланхолии и печали. – Культ Конституции объявил Содом оплотом не греха, а центром просвещения на всём древнем ближнем востоке. И теперь, чтобы пройти в «шестнадцатый порог», нужно совершить такую... «просвещённую мерзость» и таких масштабов, которая хулит и попирает все основы и стержни старой морали. Вот, например

Ароиз устроил оргию на несколько десятков человек.

– Кстати, а почему ты до сих пор не уволился? – Понимая противность темы, быстренько сменил её Арсинис. – Если ты уйдёшь оттуда, я тебе быстро подберу работу. Да и как ты там вообще оказался?

– Всё началось с того момента, когда одна Корпорация нас перекинула другой, в счёт погашения долгов. – Эрнест перепрыгнул через яму, наполненную зловонными фекалиями. – Затем нас перекинули к региональному правительству. А затем скинули к Культуре Конституции. – Вытянув руку вперёд, устремив ладонь на горящие вдалеке небоскрёбы, мужчина с печалью вымолвил. – Эбигейл предложили работать там, управляющим в одной конторе.

– Но она отказалась и сама нашла работу за сущие гроши.

– Ты прав. Я до сих пор не знаю, почему. – Ответом на пророненную фразу стал неодобрительный взгляд Арсиниса. – И я был определён на Инкубаторий, который закинули за край города. – Показавши за плечо большим пальцем, тяжело сказал Эрнест. – Но я не могу там работать. Всё слишком тяжело. Мы там как на конвейере. Каких-то детей, ещё младенцев, принимаем, чтобы отписать их «Вестникам Свободы» на воспитание. А потом, что они с ними делают...

– А Что именно? Расскажешь? – Остановившись на заснеженном перекрёсте, в условленном месте, с энтузиазмом задаёт вопрос новый друг.

– Один пятилетний ребёнок, не хотел выплёвывать тара-

кана, которого жевал. Его мать даже не кричала. Просто попросила так не делать. – Эрнест прокашлялся, почуяв жжение в горле. – Но малыш, начитавшись про «активную защиту прав», позвонил ювеналам и с обиды пожаловался, что его мама нарушает право на получение удовольствия. Ювенальная Полиция быстро «упаковала» девушку и отправила её на носильное зачатие. А для мальчика нам было предложено подобрать более «либерально-компетентную» семью.

– И что же? Вы отправили?

– Мы могли только предложить. Мальчика отправили в одну семью, где семь пап. Они его стали одевать в розовые платьица и на короткую стрижку натягивать банты. Мальчик снова позвонил к ювеналам, сказав, что ему там «очень-очень» плохо. Но в трубке ответили: «Либерально-просвещённая семья не может вредить воспитанию ребёнка, так как по определению не может причинять вред. И против такой прекрасной семьи нельзя применить закон». Гудок.

– Вот это маразм. – Оглянувшись по сторонам, выискивая патрули «Свободомыслящих» с толикой страха обронил Арсинис. – Фух, надо быть тише. – Слова нового друга обратились прямо к Эрнесту. – Ну, так увольняйся, брат! У моего знакомого есть небольшая мастерская. У него как раз нет того, кто бы покопался в бумажках.

На губах Эрнеста проскочила улыбка, ставшая символом бессилия и внутренней подавленности:

– Ох, если бы всё станет так легко.

– Нет ничего проще. Взял, забрал документы и через несколько дней отдаёшь деньги на «Право увольнения».

– Не получится. Культ Конституции устанавливает на два месяца слезку всеми, кто уволился. Он хочет убедиться, что сотрудник имел «достаточные основания с точки зрения важности Свободы», чтобы покинуть их предприятия.

– Вот, холера! – Выругался Арсинис, задрав голову к небу, как цыплёнок. – И где наша региональная власть? Вот что они делают, чтобы улучшить жизнь обычным людям? Так и хочется согнать их сюда и провести разжиревшими рылами по асфальту, который давно сошёл.

– Ты про Комитет Десяти? Он же держит всю власть в вашем регионе.

– Да, он самый. – Тихо, едва ли не шёпотом негр добавил. – Поскуды разжиревшие. Свиньи обрюзгшие.

– Так он выполняет только волю Кюльта Конституции и Корпорации! – Как школьник, точно угадавший ответ вскрикнул Эрнест. – Ни Исполнительное Управление, ни суды, ни сам Комитет Десяти: никто не способен спорить с двумя титанами внутренней политики!

– Так зачем они нам?

– Они не для вас. Региональные власти существуют только для мастеров денег, и «просвещённого» вероучением в Свободу народа. На остальных они чихать хотели. – Слова Эрнеста всё больше наполнялись гневом.

– Зачем это всё? Зачем так нас мучить? – Арсинис и сам

не понимал, что для своего друга он задаёт темп вопросов, подводит к ним, на которые давно искал ответа сам Эрнест.

– Во имя идеи, – мрачно заключил на сущности своей родины Калгар. – Идея свободы личности, частного предпринимательства и рыночной экономики, самоопределения и свободного рынка. Вот что стоит у фундамента Либеральной Капиталистической Республики. – Речь Эрнеста обрела глубинные понятия, идущие словно от гласа души. – Но всё извращено. Практическая реализация этих идей в чистом виде для кого-то породила рай, а для кого-то сущий кошмар. Сами идеи встали в бесконечный абсолют, превратившись в одно из «ласковых солнц».

– Во что? – скрючив лицо в недоумении, изрёк Арсинис.

– Ты читал Сарагона Мальтийского?

– Нет.

– Он утверждал, что после Великого Кризиса, эры распада и хаоса Старый Свет накроют «три солнца». Каждое из них будет сверкать идеологией, которую изберут. И новые идеи станут скрепляющими вокруг разрозненных народов. Однако солнца станут настолько тираничными, что согласным они подарят ласку, а бунтующих сожгут в своём пламени.

– Ох, – приложив ладони к голове, выдохнул Арсинис, – всё слишком сложно. Можно как-нибудь проще, брат? Я окончил всего пять классов.

– А легче же не получится. Это же Сарагон. – Развёл ру-

ками Эрнест. – Просто нужно запомнить – чем благороднее и совершеннее идея, тем больше крови ради неё прольётся и она скорее всего превратится в ментального тирана.

– Хах-ах, – рассмеялся друг, оперившись на колени, словно впал в истерику, – видимо, кто дал нашей стране идеологию, настолько высок и благороден, что должен быть ангелом. Но посмотрев на нас, он просто улетел.

– Возможно, – края губ Эрнеста потянулись к непроизвольной улыбке.

– Так почему нам просто не объединиться и не выступить против всей пакости? Нас же многие поддержат. – В словах и тембре зажегся истинный революционный напалм, а произносимый голос с лица, стал абсолютно серьёзным.

– Потому что ещё больше нас задавят. Тех, кто хочет перемен в обратную сторону пара миллионов. А упившихся пьянящей свободой «пьяниц» нового мира в несколько десятков раз больше. Масса превратилась в мешанину и сожрёт тех, кто выступит против их мира «Прав и Свобод».

– Ох, лучше скажи мне, – топчась на одном месте, утирая слезу, выведенную истерическим смехом, заговорил Арсинис, – а что у вас с Эбигейл? Просто моя Марта считает, что вы любовники.

– Ох, нет. – Бурно запротестовал мужчина, как будто его обвинили в преступлении. – Мы просто хорошие коллеги.

– Но...

– И никаких тут «но».

– Однако ты хотел бы с ней встречаться?

Пауза стала ответом. Для парня, прожившего в трущобах, знающего людей, как родной квартал, сомкнутые губы Эрнеста и отсутствие, голоса уже ответили на вопросы.

– Я не знаю.

– Чего же тут не знать? Чувства это такая штука, что их либо чувствуешь, либо нет. Иного не дано. – Блеснул житейской мудростью Арсинис.

– Бывшая жена. – Промямлил Калгар, пытаясь сформулировать мысль, которую оборвал резкий голос другого парня:

– Что?! Ты ещё тяготеешь к той бабе, которая променяла тебя на кнут и тот разжиревший мяч, которым слоны должны в футбол играть? Как там эту гору дерьма звать?

– Верховная Мать.

– Ты ещё тяготеешь чувствами к той бабе, что теперь лобызает почерневшие пятки Верховной Мамке? Не разочарывай меня, парень. С тобой сейчас не она, а Эбигейл. Я думаю тебе всё понятно.

– Так точно. – Шуточно ответил Эрнест. – Как нельзя лучше.

– Правильно. – И потянув корпус в сторону, показывая ладонью в продолжение улицы Арсинис мягко произнёс. – Смотри, кто идёт.

Впереди, на фоне небоскрёбов и прогрессивной цивилизации, по разбитой улочке, напоминающей зону артиллерийского обстрела, в одиночества шла девушка. Звон её каблук-

ков, наверное, раздавался эхом по всему кварталу. Ноги в чёрных брюках привлекали своей стройностью и отсутствием спичечной худобы. Курточка, цвета тёмной ночи, доходила прямо до пояса. На матовый материал ложились выпрямленные оттенка капучино волосы, осветлённые до русого цвета к кончикам. Прекрасные глаза, похожие на драгоценные камни созерцали с надеждой и счастьем. Их взгляд стрелой уставился на Эрнеста. Крашенные и объёмные ресницы порхали, словно крылья бабочки.

Эрнест уже не посмел изречь фраз в стиле «она не моя». Мозг и душа не отвергали, интенсивно впитывая сказанную житейскую мудрость. Среди либерального безумия, сумасшествия красивых идеологий и полной оболваненной народной массы только простая житейская мысль, прошедшая десятки поколений, и оставшись нерушимой, может стать светом во тьме сгущающихся над обществом и душою туч.

– Так иди же к ней! – Буквально толкнув рукой в спину, сорвался Арсинис, желая помочь другу.

Как на зло или радость судьбе, Эрнест подчинился и пошёл вперёд, смотря, как девушка улыбается ему. Но Эбигейл определила каблук прямо в застывшую лужу и покатилась вперёд. Мужчине пришлось её подловить, но скорость такова, что девушка носом уткнулась в грудь парню, подавшись по инерции вперёд.

– Эрнест. – Порхая ресницами, отпрянула девушка от груди мужчины. – У меня тля тебя хороша новость.

– Какая же? – Встрепенулся сердцем Эрнест, заключив девушку в объятия.

– Я смогла. Эрнест, – волнительно, на пике радостной тревоги твердила девушка, – твой сын. Лютер. Он здесь. Учится в этом городе. Я нашла его.

Сердце Эрнеста не то, что затрепетало. Оно взорвалось бурей из тысячи эмоций, бешено стучась об рёбра, вот-вот их выбьет. Мужчина смотрел на девушку, в её прекрасные топазные глаза и шторм чувств брал штурмом его душу. Мышление отошло на второй план, отдав тело во власть глубинных и древних чувств.

– Вот молодец. Раньше бы так. – С широченной улыбкой изрёк Арсинис, смотря, как Эрнест пламенно и страстно целовал Эбигейл.

Глава двадцать пятая. «

Homo

Liberus

»

Уэльский Олигархат. Скатриума. Следующие сутки.

«Все великие народы и империи идей требовали от своего просвещённого населения одного – выдать новое, совершенно по-иному мыслящее существо, что своей приверженностью готово поколебать сами небо. Так в чём же теперь наша цель, как величайшей на земле либеральной империи? В чём истребования?»

Наша цивилизация нуждается в совершенно новом человеке, который сможет стать носителем ценностей концепции Развитого Либерализма. Всякая идея нуждается в новом виде человека, способного воспринимать и нести свет идеологии во тьму мракобесия. Наша наука выделяет такие древние виды: «Человек Первобытный», «Человек Рабовладельческий», «Человек Феодальный», «Человек Первобытного Протолиберализма»... и так далее. Есть даже такие странные виды: «Человек Антилиберального Коммунистического Толка» и «Человек Фашистский».

Так зачем же я перечислил в своём письме все эти виды? В чём моя драма? Дело в том, что нам тоже нужен свой вид, возвращённый на ценностях и принципах концепции Развитого Либерализма и который поведёт нас к становлению «Абсолютного Либертинизма».

А по сему, всем учебным институтам, школам и академиям, лично отдаю приказ выделить вид «Человека Свободного» и ввести его в научный оборот. Если Свободе нужен такой вид, значит, он должен быть и наука должна подчиниться этому.

Nomo Liberus».

– Письмо Гроссмейстера Куклы Конституции всем научным заведением.

Лютер спешил со всех ног в новый институт. Вокруг него кипела жизнь города: ревели энерго-моторы автомобилей,

резво носящихся по дорогам, люди текли по улочкам, желая как можно быстрее дойти до работы, всюду пестрели на огромных экранах изображения реклам, а в воздухе повисли десятки рекламных голограмм.

Шум и перезвон наполнили городское пространство, забиваясь в уши и отзываясь в мозге десятками различных звуков. Воздух пропитался от ароматов кондитерских изделий, химических веществ и стойкого смрада парфюмерии. Все запахи, смешавшись в единую симфонию, щипали нос тому, кто не привык к такому насыщенному с переизбытков оттенков амбре.

Улицы, собрание из блестящих светлых ударостойких панелей, сжимались высокими домами, устремившимися в поднебесье на десять этажей. И в каждой постройке, центрального квартала, имелись свои правила и законы.

Парень, бежавший сквозь улицы, проклинал пятиуровневую систему территориального дробления, ибо боялся, ступив подошвой не на тот участок, нарушить чужие правила. Федерация, регион, муниципальное образование, квартал, дом: такова суть пяти уровней рекомендуемого территориального устройства для «всего свободного мира».

Внезапно забренчавший в кармане куртки телефон заставил приостановиться юношу. Цепкие пальцы уловили вибрирующий предмет и подвели его к уху:

– Ало?

– Ты где? – Лился недовольный тяжёлый голос из труб-

ки. – Осталось всего пять минут до начала.

– Я забежал в Паспортный Отдел. Я вчера там забыл забрать документы.

– Можешь быстрее. Я больше не могу выносить вопросы от Амалии.

– Ничего Габри, держись. Ещё три минуты и буду на месте.

Лютер отключил связь и сорвался с места, усилив напряжение в мышцах в два раза. Юноша нёсся с двойным рвением, аккуратно обегая границы домов. Но слишком часто на маршруте бега возникали странные личности, ряженые, словно сумасшедшие.

Внезапно на его пути встала разбухшая смуглая женщина, похожая на бильярдный шар. Всего пара латексных одежд, нацепленных сверху, прикрывали её накаченное жиром тело.

– Не хотите ли послушать про богиню нашу...

– Нет, я спешу! – Проносясь мимо женщины, крикнул юноша, загнув за угол одного из высоких зданий, выйдя на расчищенную площадку.

Как оказалось, Уэльский Олигархат, ведомый десятью, самыми зажиточными и маститыми людьми не избежал того, чтобы стать оплотом для «Вестников Свободы» всех мастей и видов. Кого тут только парень не видел. От различных групп ЛГБТПАиПНА, диктующих свою волю городской администрации, до сообществ капрофилов и «бесполох прогрессистов». Так же город не избежал участи стать одной из

ячеек оплота радикального феминизма. Десятки феминизированных женщин, вместе с остальными «Вестниками Свободы» выходили в бедные кварталы, дабы «реализовывать право на получение Удовольствия» и «учувствовать в деле становления свободы и равенства любыми способами и методами», как сами заявляли.

Лютера от такой однотипности бытия уже тошнило. Юноша стал задумываться, а действительно ли во всех регионах набор безумия так одинаков, что от этого начинает кружиться голова, как на каруселях.

Но сейчас не до размышлений. Парень оказался на площадке, умощнённой гранитовыми плитами, обитыми по краям позолотой. Впереди возникло трёхэтажное приземистое здание, облицованное серыми свет поглощающими пластинами. Постройка, возведённая зодчими Корпорации в форме «Ш», обращённая зубцами к парню, блистала своей футуристкой.

Ноги донесли юношу до центрального «зубца», получивший название «Корпус №2». Камера над широкой стальной монотонной дверью распознала человека и за долю секунды идентифицировала его. Тут же дался приказ от датчиков в системе дверей: «Подняться».

Юноша прошмыгнул в проход, образованный тем, что огромный и массивный стальной блок, именуемый дверью, быстренько поднялся, втянулся в стену и пропустил парня.

Как только Лютер переступил порог, перед ним явилось

небольшое помещение, очень похожее на больничный кабинет. Избыточно белоснежный цвет бьётся в самые глазные яблоки, отчего их настигала лёгкая боль.

На потолке расположилось несколько длинных стеклянных панелей. Пара секунд и они замерцали ярким фиолетовым цветом, который пронёсся яркой ослепительной волной по всей комнате, настигнув даже самые незначительные уголки. Тут же раздался записанный звук:

– Процедура кварцевания начата.

Веки юноши зажмурились непроизвольно, чтобы ультрафиолетовый свет не навредил глазам.

– Процедура кварцевания окончена. – Таким же машинным, слегка отдающим помехами голосом прозвучало.

Впереди ещё одна дверь поднялась под стену и Лютер, волоча ноги, устремился туда. За порогом его встретило вполне нормальное помещение – вытянутый коридор, покрашенный известью.

– Осталась одна минута. – Голос диктора отдавал чёткостью и ясностью.

Лютер пробежал к лестнице и ступенька за ступенькой поднялся на третий этаж. Коридор промелькнул размытым пятном и не давал изобилия деталей, чтобы его запоминать.

Юноша ворвался в кабинет за секунды до того, как прозвенел оглушительный и доносящийся до всякого уха звонок. Растерянные взгляды ребят тут же пали на вовремя подоспевшего сокурсника.

– Хм, – протяжно затянул преподаватель, слившийся с большими кувшинами цветов, перед которыми расположился его стол, – а вы успели юноша до звонка. – Встав с места, поправив бежевый пиджак, протянув руку в сторону свободной парты, седой преподаватель заботливо вымолвил. – Ну что ж, присаживайтесь юноша. Вы достойны того, что быть здесь. – Пожилой педагог ехидно улыбнулся. – Раз бежали сюда, как подорванный, то явно стремились получить знания.

Сквозь стройные одноместные ряды прошёл парень и занял место там, где отсутствовал кто-либо. Прямо у окна, откуда проистекали прекрасные виды изумительного города.

Двери кабинета закрылись автоматически. Пластина металла намертво застыла на месте, выйдя из стены, перекрыв единственный вход и выход.

– Так-с-с-с, – вновь затягивая, склонившись над электронным журналом, затянул учитель. – Посмотрим, кого у нас нет, и кто есть.

Пара кликов и над деревянным полукруглым столом застыла голографическая проекция журнала, в которую педагог приготовился тыкать пальцем.

– Амалия Илия?

– Здесь. – Ответила миловидная изумительная девушка, выбравшая сегодня для одежды красную кофту с высоким горлом, джинсы и ботинки.

– Лютер Калгар?

– Здесь.

– Ох, так это вы у нас бегун-скороход. Надо будет запомнить, что вы такой марафонец. – Потешался преподаватель, мгновенно перейдя на следующего студента. – Габриель Сваргон?

– Здесь. – Прозвучал ответ полный грузности, исходящий от беловолосого юноши, сидящего в кожаном пальто.

– Хельга Браун?

– Здесь. – Ответом прозвучали буквы, выдаваемые от девушки, с обесцвеченными волосами, облачённой в джинсовые одежды.

– Джон...

– Отчислился. – Констатировал кто-то из толпы студентов. – Он теперь вышел замуж и уехал в Центр Свободы.

– Жебер Вирилис? – Не замечая перебившего, обратился к аудитории преподаватель.

– Здесь. – Дал ответ полноватый парень в белом классическом костюме и как ни странно редкой причёской.

– Ансуа Торн?

– Тут. – Скоротечно выговорил чернявый парень, накинувший на себя тёмную кофту и кожаный жакет.

Прозвучало ещё пара фамилий и имён, донёсших смысл, что все, кто нужно на месте и можно начинать занятия, но Лютеру всё равно на них, ибо те, кого он желал видеть уже рядом с ним.

– Так, а кто мне скажет из вас, – вдумчиво и вкрадчиво

начал учитель, – по какой цене сейчас котируется один «олигарииум»?

– Триста пятьдесят к одному федералу. – Подняв руку, гордо отвечает Жебер. – Возможно проседание рынка до четырёхсот.

– Ох, святые капиталы, – сняв очки, потеряв линзы, педагог усмехнулся. – Мда, сильно потрепала Корпорация валютный рынок Уэльского Олигархата.

– Мистер Джонатан, – обратился Лютер, – а почему так быстро обваливается валюта Уэльса? Ещё вчера всё было спокойно и никаких предпосылок не имелось.

Аудитория внимательно следила за каждым движением уст преподавателя при ответе, в памяти фиксирую смысл слов:

– Потому что, по последним данным финансового центра Генерального Тотал-Корпорациона, валюта Уэльса не отличается стабильностью и благонадёжностью. – Оглядевшись по сторонам, смотря через прикованные взгляды студентов, словно выискивая скрытую камеру или подсадного, академик с осторожностью добавил. – А так же, потому что руководство региона в лице Комитета Десяти отказало Корпорации в приватизации Олигархического Департамента по Управлению Школами. Вот Монетный Двор «невзначай» и выпустил несколько миллионов лишних купюр.

– Понятно. – Помотав головой, кинул Лютер.

– Так, ребятки, запишите тему лекции. – Под слова лекто-

ра зашелестели архаичные бумажные тетрадки и застрочили ручки. – А тема такая: «Принципы Экономического Управления на Предприятиях».

Ручки строчили как сумасшедшие, чтобы поспевать за каждым ценнейшим словом Джонатана.

– Принципов всего три: Выгодность, Законность и Приоритетность. При выгодности мы должны думать, куда направить средства. – Преподаватель резко развёл руками. – Так было раньше, а сейчас выгодность это, прежде всего максимизация прибылей от человеческого капитала.

– Человеческого? – Наивно проговорила Амалия.

– Конечно, люди тоже капитал. Такой же, как и станки, как и металл и руда. Он и его стоимость так же оценивается, как и партии древесины.

– И почём нынче человек? – С вопросом обратился Ансуа, сам ясно сознавая ответ на вопрос.

– Ох, – выдохнул учитель, – почему я милый юноша слышу в ваших словах столько недовольства? Люди, подписавшие с нами трудовой договор такие же вещи и «Принципы Рыночной Экономики», утверждённые как источник права, это подчёркивают. Сейчас, самая дешёвая сила стоит меньше, чем половина федерала. Но и живёт она не долго. – Пожал плечами педагог и язвительно договорил. – Лет пять на производстве и наступает изношенность капитала.

– То есть люди больше не работают?

– Они, как капитал, становятся... м-м-м, не выгодны нам.

Их руки слабеют. Ноги не так мощны, а мозг от двадцатичасового рабочего дня начинает портиться. Совершенно верно, – согласился сам с собой Джонатан, – они начинают портиться и нам приходится их перерабатывать.

– Переработка? А это что ещё за процедура?

– Как я мог забыть! Вы же ещё не проходили этой теми. – Морщинистое лицо преисполнилось удивлением и само порицанием. – Сейчас расскажу. «Переработка» – это когда человека или иное существо, тут всё зависит от того, кем оно себя мнит, отправляют в самые загрязнённые, радиационные или химически опасные предприятия. Поймите, – сокрушился академик, – мы не можем выбрасывать капитал, даже если он выработан. Такова воля рынка и его суть – использовать всё до самого уничтожения. Так же и человеческий капитал, отправленный на другие предприятия. Там они проработают ещё лет пять, до полной изношенности.

– Изношенность? Это когда...

– Да, милый юноша, это смерть. Но производственный, как и юридический термин этого явления – «Изношенность».

– И сколько в году так...

– По последней статистике, – оборвал профессор парня, зная наперёд вопрос, – во всех Корпорациях на производстве изнашивается больше ста тысяч работников. – Секундная пауза сменилась новой репликой. – Нам Механизм Свободы выплачивает ежегодно компенсацию за «изношенность».

– Почему?

– Как так вы не знаете наших правил?! – Возмутился академик. – Это же азы!

– Мы из другой Корпорации. Новоприбывшие. – Просто отвечал Ансуа, единственный ведя диалог с преподавателем. – Нами расплатились с вами.

– Я обеспокоен, молодой человек, – возмущение в очах профессора росло с каждой секундой, и лицо стало отражением бури, – как так в других ВУЗах не преподают основ управления и взаимодействия с государственными органами?

В ответ юноша лишь пожал плечами.

– Ладно, расскажу. Какой там вопрос был.... Ах да! Мы получаем компенсацию за «рыночно-капиталистические потери, направленные на развитие рынка и увеличение товаров общественного потребления». Проще говоря, нас объявляют Героями Капиталистического Труда и дают за это деньги.

Внезапно, разрывая канву урока, металлическая дверь за пару секунд втянулась вверх, позволив пройти вперёд названному гостю. Лютер скоротечно бросил на него взгляд, но увидел лишь высокую белокурую девушку, с ног до головы облачённую в белый медицинский халат.

– Мистер Джонатан, – голос прекрасной особы зазвучал подобно трели птиц, – вы обещали мне...

– Ах да! Совсем забыл. – Седой преподаватель приготовился поспешно покинуть аудиторию, напоследок обратив-

шись к ребятам. – Дорогие мои, лекцию закончит наш доктор социально-либеральных наук – Агнесса. Мне же сейчас уготована чашка крепкого кофе.

– Здравствуйте, студенты, студентки и если есть – студенто. – Под механическое звучание закрывающейся двери обратилась черноглазая дама к сидящим. – Мне поручено прочитать вам лекцию про идеологические виды человека в каждом периоде истории, но я коснусь всего нескольких.

– Идеологические виды. – Глас Лютера сочился недоверием к теме и женщине, у которой обе руки заменены на розовые протезы. – Я слышал только о биологических.

– Дело в том, – заузное начало сразу отключило внимание у половины аудитории, – что современная прогрессивная история выделяет виды идеологические, как форму идейной эволюции человечества.

– Уяснил. – Осознав, что материал создан специально «Вестниками Свободы», Лютер приготовился предаться собственным размышлениям.

– Начнём. Я буду говорить с более просвещённых видов. – Развернув из планшета голографическое изображение девушка продемонстрировала трёх совокупляющихся людей на фоне построек многотысячелетней давности. – Это исключительный вид. Существовал в «первом оплоте Прав и Свобод», который назывался Садам. Там есть ещё несколько городов, но история утеряла их имена. Название вида – «Человек Перволиберальный». Отличался повышенным уров-

нем свободы и смыслённости перед всеми остальными.

Изображение поменялось после момента, когда рука девушки коснулась голографических датчиков. В воздухе повисли картинки людей: женщин одетых в простые платья, мужчин в пиджаках и рубашках. Кто-то попадался в кепчёнке. Всех отличала простота и не загруженность на лицах, а так же взгляд, устремлённый к мечте. А позади витал алый стяг с золотистым серпом и молотом в углу.

– Это «Человек Протосоциалистический». Отличительные черты: презренный уровень к свободе, низкая либеральная дееспособность и одержимость бредовыми мыслями о равенстве.

Изображение сменилось на картинку, где на непонятном танцевальном полу, в дыму, танцевали люди, облачённые в ярких, оттого и безвкусных, во многом схожих с сегодняшними «тряпками», одеждах.

– Это «Человек Нулевой». Считается эволюционной, более развитой веткой предыдущего вида. Как говорят историки, этот вид впервые ощутил тягу к простейшим элементам Свободы.

Все фотографии быстренько поменялись на мужчин, накинувших тяжёлые балахоны из крапивы. Лица парней пугали своей перекошенностью, а руки нагноениями там, откуда выступили металлические каркасы. Позади них пылал закат, сделавший фон разорённого города ещё чётче. Под ногами у мужчин валялись пятирукие, шестиногие с хвостами и вы-

вернутыми конечностями существа с обликом человека.

– Это же вид «Человек Предлиберальный». Он стоит предпоследним в нашей ступени социально-либеральной эволюции. – Через секунду девушка, взмахивая руками над столом, свернула все картинки, с печальным видом обратившись к студентам. – Простите, у нас не так много времени, чтобы показать всех. Переходим сразу к «Человеку Свободному».

– Кому? – Схватив ручку в ручку, выкинул вопрос Жебер.

– Homo Liberus. Это самый прогрессивный вид, который существует на данный момент. И не каждый может себя приписать к этому виду. Даже я.

– Почему?

– Давайте я вам расскажу сначала их отличительные черты, и признаки и только потом вы мне скажете, кто может относить себя к такому столь развитому виду. Пройдёмся по сферам общества.

Лютер оставался беспристрастным к лекции, к тому же девушка стала что-то интенсивно что-то искать в своём планшете, лихорадочно мотая руками. Юноша полностью погрузился в воспоминания. Мельком пробежали образы того, как они прилетели в столицу региона, потом доехали сюда. В памяти всплыли виды разрушенных и нищих кварталов на въезде, резко контрастирующие с исполинскими заводами Корпорации. Практически всё большинство тех, кто сюда переехал, попали в обшарпанное, старое и практиче-

ски развалившееся общежитие. Пара студентов там уже погибла от старой электропроводки, но в местном академическом управлении Корпорации это назвали «жертвой накопления капиталов» и «несчастливым случаем». Лютеру повезло больше, так как на необычных щедротах, ему и его друзьям Компания выделила целый дом, в котором все смогли разместиться. Ну как выдали... дали попользоваться два года.

– Ах вот! – вскрикнула в порыве ярости барышня, чем вырвала Лютера из воспоминаний. – Нашла.

– Ох-х-х. – Мотнув головой, придя в реальность, выдал юноша, осознавая, что очень сильно хочет покинуть это место.

– В сфере Экономики, как заявляют учёные, Номо Liberus активен особо. Он выстраивает рыночные отношения, направленные на удовлетворения всех возможных потребностей. Номо Liberus в экономике идёт на максимальные рыночные прибыли и никакие «моральные» или «живые гуманистические» барьеры не должны мешать ему в этом. Если рынок, для удовлетворения потребуе крови, то ему надобно её предоставить. Главная цель для Номо Liberus в сфере экономики, построить общество бесконтрольного и массового потребления. – Девушка перешла на примеры, активно жестикулируя руками. – Этому есть подтверждения. Все же знают наши «чернейшие субботы»? – Дождавшись одобрителного кивка от всех, дама продолжила. – Еженедельно на них погибает десять или двадцать ты-

сяч человек и калеками остаются ещё сорок. Это величайшее достижение потребления! – Восхищённо заявила женщина. – Все гонятся за девяностопроцентными скидками и ради этого готовы пойти на всё. В этом и заключается экономическая суть Homo Liberus – задавить другого ради выгоды и этим проявить антиморальность и Свободу Удовольствия. Ради потребления Homo Liberus отрекается от другого представителя этого вида.

– А в других сферах? – Прозвучал вопрос из аудитории.

– В сфере политики Homo Liberus, говорят нам исследователи, стрит самое либеральное общество. Все государственные, а значит тоталитарные, институты порицаются общественно. Его служащие обязываются лизать пятки Homo Liberus и становятся инструментом воли для этого вида. Женщины Homo Liberus должны занять особое положение и привести все мужско-ориентированные гендеры в «бесугнетательское» положение. А эти гендеры не угнетают, когда служат женщинам. Институты «Свободы» превозносятся над государством, управляя им. Либерально-народная бюрократия, состоящая из Homo Liberus, играет ключевую роль в уничтожении несогласных с курсом свободы, как от элементов противоречащих Свободе. Так же Homo Liberus должны добить и уничтожить все тенденции к усилению государственных институтов, чтобы Свобода стала неконтролируема.

– Простите, – смотря на золотистые часы, обратился к де-

вушке Ансуа, – у нас немного осталось до звонка.

– Ничего страшного. Осталась единственная сфера. В духовной сфере Homo Liberus стремится к тому, чтобы, во имя Свободы, изгнать любой традиционализм и моральность в отношениях, ибо они главные враги любой свободной самости. Сексуальное просвещение с детского сада, уничтожение последних оплотов гетеросексуальной семьи, секс всех со всеми, признание прав ЛГБТПАиПНА приоритетными, так как в этом проявляется Свобода, признание тысячей фантазийных национальностей, закрепление неисчислимого множества гендеров и многое другое: всё это Homo Liberus осуществляет с улыбкой, ибо на этом зиждется свобода. Возведение потребления в абсолют тут так же играет ключевую роль, ибо человек отрекается от всех тоталитарных морализаторов и ударяется в пик собственных страстей. Отказаться от древней и затхлой морали, вот суть Свободы, а значит и сама жизнь Homo Liberus.

– Так кого же можно назвать Homo Liberus? – В вопрос Амалии закралась язва.

– Я думала, это вы мне скажите. – Слабо улыбнулась девушка и всё же сама дала ответ, с неопишуемой гордостью. – Homo Liberus есть наивысшие «Вестники Свободы» объединённые единой целью построения нового единого мира, лишённого шелухи в виде морали, лишённые всяких предрассудков. Поймите, – пламенным голосом обратилась к студентам девушка, наша цель, как и священная миссия Homo

Liberus, это вырастить нового человека, созданного для нового общества. И если Свободе потребуется приносить жертвы на костре, то Homo Liberus станет их свершать. — Звонок оборвал речь лекторши и Лютер, как и вся группа, поспешили как можно быстрее покинуть кабинет.

Глава двадцать шестая.

Государство по найму

В это же время. Городской департамент «Управления Олигархическими Финансами».

«Наёмничество – суть нашего свободного рыночного мира, лишённого всяких предрассудков в виде альтруизма, морального долга, патриотизма и прочей ерунды, сдерживающей Свободу во всех её проявлениях.

Кто же есть наёмники? Это не те, кто просто работают по договору. Наёмники есть группа людей, что во имя становления рынка, готовы отказаться от презренной морали принадлежности к кому-либо и стать вершителем воли контракта

Ну а что же с институтами государства? Как говорит нам теория договоров – оно тоже наёмное. Представляете, в нашем свободном мире всё покупается, всё продаётся, в том числе и линия государственной политики. Наёмное государство – вот к чему мы должны стремиться, ибо таким образом все субъекты рынка и народного управления смогут диктовать ему свою суверенную волю, которую он должен будет исполнить.

Наёмное государство не нуждается в том, чтобы оно искало указание для пути. Дорогу ему укажут его владельцы

и хозяева. Государство по найму есть залог того, что оно будет исполнять волю строго тех, кто заказал его, согласно священной рыночной воле контракта».

– Приказ-проповедь, Главного Антидуховного Совета Кухля Конституции.

Помещение хоть и не блистало великолепием или изыском, как то в органах «общественно-либерального управления», где есть и золотые статуи, но для слуги региональной власти это верх, о котором можно мечтать.

Выкрашенный в светло-зелёный цвет, с потолка до пола, он действовал на единственного владельца успокаивающе. Для человека, усердно кропающего над бумагами, фанатичное увлечение делами государства. Пускай делами неблагодарными, лишёнными достойной оплаты и погрязшими в бесконечных претензиях «О нарушении прав». Но для черноволосого мужчины это всяко лучше, чем пересчитывать младенцев или отписывать новые партии новопроизведённых детей в распоряжение «Вестникам Свободы».

Единственный стол, набитый бумагами, ибо проработав далеко на востоке, мужчина лишён навыка работы с голографическим планшетом; один стул на колёсиках, практический лишённый движения и с изорванным тканевым покрытием; одинешенек лишь диван, протёртый до такой степени, что коричневая ткань на нём стала белой и практический испарилась: всё это являлось бедной мебелью слуги властей

региона. Олиграхат не особо любил тратить деньги на дела государственные, предпочитая их больше вкладывать в дела Корпорации.

Раздался звук, оторвавший мужчину в белой рубашке от работы, заставив его обратить внимание на настойчивый стук в дверь.

– Проходите! – Крикнул мужчина, снова погрузившись в работу.

Дверь скрипнула, издав такой крик, будто она в этот момент готова сорваться с петель. В кабинет сначала ворвался запах дорого парфюма, и только потом появились зрительные образы. Высокий, плотный человек, в отчётливо мужском пальто, кожаные перчатки покрывали руки, удерживающие трость. Несколько седоватых волосков зачёсывались на бок, а на старческом лице читалось беспокойство и мудрость. Чёрные брюки, слегка покрывавшие кожаные туфли, так и сияли своей дороговизной. А наручные часы, слегка выглядывающие на стыке пальто и перчатки, так и манили своим золотистым свечением.

– Я смотрю, ты снова за любимым делом. – Голос пожилого человека прозвучал умудрённостью и дрожал от изношенности лёгких. – Я рад тебя видеть таким.

Калгар оторвал голову от бумаг и, увидев столь знакомые черты лица, невольно улыбнулся, указав на диван:

– Ох, Матвей. Присаживайся.

Вошедший мужчина презрительным взглядом окинул

изорванную мебель и посылком шутки произнёс:

– Эрнест, за что ты меня так ненавидишь?

В светло-синих очах работника Олигархата пробежал свет усмешки.

– Ладно, рассказывай, зачем так далеко прилетел. Что тебя так далеко от Восточной Бюрократии привело?

– Дык-с-с, извиниться. – Матвей сложил обе руки на трости, прежде чем продолжил. – Это ж тебя по моей вине так потрепало, и тебя продали, как тетрадки на школьном рынке.

– Ничего страшного. – Эрнест отложил работу. – Зато я...

– Встретился с Эбигейл? – Превентивно спросил гость, не снимая широкой улыбки, не лишённой подколки. – Да, мне уже всё рассказали и я знаю.

– Мда. – Вязкость и неудобства пролилась из слов Калгара. – Я только развёлся с Маргарет и тут. Сам понимаешь.

– Ты думаешь, плохо, что ты поступил, руководствуясь чувствами? – Упрёку в словах не было предела. – Послушай, юноша, как сообщают новости, твоя Маргарет стала у Верховной Матери одной из любовниц.

– Любовниц!?! – Мерзость и удивление срослись воедино в громком вопросе. – Это как?

– Да вот так вот. Ты же сам помнишь, что все феминистки, во главе Феминисткой Матриархальной Республике, проповедую ту мерзость, которую зовут «лесбийской любовью». – Матвей, активно жестикулируя правой рукой, словно намазывал слова на конечность, чуть пригнувшись. – Они назы-

вают это «первой и истинной любовью, ибо весь род мужско-ориентированных гендеров не способен к проявлению любви как такой». – Отвращение полыхало в каждой букве, произносимой мужчиной. – Современные ревнители женских прав считают, что в любом взаимодействии с женщинами мы пытаемся их угнетать, в том числе и в любви. А поэтому истинная любовь есть между двумя женщинами, а остальные должны ей подчиняться.

– Мерзость. В печку их всех.

– Согласен. – В воздухе промелькнула пауза, пока Матвей вновь сцеплял руки на трости. – Скажи, мне как ты работаешь?

– Хорошо. Занимаюсь практически тем же, чем и в Восточной Бюрократии. Не хватает только лютого холода и постоянных болезней.

– А чем занимается Эбигейл?

– Ей повезло чуть больше. – Эрнест подобрал пустой лист и стал его сминать. – Она работает в информационном отделе. Когда Культ Конституции нашёл на наши места работник более... обученных, нас просто передали региональной власти, как «человеко-капиталистический дар». – В руках у парня получился самодельный кораблик. – Вот в принципе и всё. Живём мы, конечно в квартире одного рабочего с его женой. Это в квартале бедных.

Нежданно-негаданно в кабинет ворвалось три, отдалённо похожих на нормального человека существа. Один из них,

пройдя резко пихнул Матвея в плечо и слуга Корпорации решил присесть, понаблюдать за действием.

Три «человека». Первый, самый тучный, с четырьмя подбородками, выкрашенный в алый цвет, с оголённым огромным, вылезающим пузом, мужчина. У него из длинных волос вылезали вставленные в череп бычьи рога, а из носа торчало огромное кольцо. Его налитые яркой алой краской глаза так и блестели от ярости. Второй, похожий на пернатого, худущий до изнеможения, так же мужчина. У него вместо носа светился зелёный клюв, а по всему телу натыканы фиолетовые перья. В глазах так и манила пустота. И третья, вся в татуировках девушка, с крабовыми клешнями вместо ладоней, выбравшая для одежды кожаную мини-юбку и нейлоновую куртку. Только вот её волосы представляли собой шипастые насаждения, высаженные как у ёжика.

– Вот скажи нам, дядя. – Грубо и не прилично, резким голосом, начал «бык». – Вот что ты творишь, гнида?

– Что собственно случилось? – Вежливо, сохраняя лицо и посматривая на Эрнеста, задал вопрос Эрнест.

– Скажи нам, гражданам, воюющим с вами, как с представителями тоталитарного института, почему ты так наглеешь? А?!

– Ох, я слышу на дню, что я слуга тоталитаризма раз двадцать. – Усердно делая вид работы над бумагами, отвечал Эрнест. – Выражайтесь пожалуйста конкретнее. Тогда я смогу понять, что вы хотите. – Лицо мужчины при ответе оста-

валось по-настоящему каменным.

– Почему Ассоциации ЛГБТПАиПНА, Свободному Обществу Потребления и Союзу Людей-Птиц было отказано в доступе к «финансовому кошельку города»?

– Потому что это ведение региональной власти. У этих обществ нет договора пользования «финансовым кошельком».

«Бык» со всей силу ударил по столу с такой силы, что он едва не развалился.

– Ты, смеешь от «Вестников Свободы» утаивать деньги государства. А как же народный доступ, гарантированный нам Конституцией? Мы обязаны получать доступ к деньгам государства, ибо «это лишь поспособствует народному благосостоянию». – Кого-то процитировав набычился мужчина. – К тому же, мы долго пишем снести этот хренов детский сад! Он мешает всем чайлдфри одним своим видом! Пусть эти свиноматки сами воспитывают своих личинов.

Эрнест понимал, что ответить нечем. На их стороне закон. Он, по букве закона должен отдать ключи и дать доступ к «финансовому кошельку» и оттуда пропадут все деньги, откладываемые на здравоохранение, ибо таким образом «реализуется право народа на доступ к государственности». Каскад бредовых законов позволял «Вестникам Свободы» разрушать целые детские сады, если они не принадлежат Корпорациям.

– Этот детский сад противоречит нашим требованиям, – завопила голосом раненной чайки «птица», – защищаемым

Антисемейным Кодексом, а именно: «Если учреждение, воспитывающее детей, не принадлежащие частному лицу, наносит вред интересам или убеждениям всех чайлдфри, то данное учреждение следует упразднить». – «Птица взревели как пикирующий коршун. – Так почему наши права не защищаются! А! Вы посмотрите, в Английской Республике уже давно введены ограничения для родителей не из «Вестников Свободы».

– Простите, – Эрнест говорил всё так же сдержанно, – но во всей Либеральной Капиталистической Республике введены ограничения. Вы сами знаете, что для всех родителей введены соответствующие ограничения. – Мужчина быстро нашёл нужный листок и стал зачитывать с него. – Так, родителям запрещается появляться с детьми в публичных местах, чтобы не нанести моральный вред чайлдфри. Так же во многих регионах уже запрещено иметь статус родителей для всех не «Вестников Свободы».

– К примеру?! А!? – верещала «птица». – Вы можете назвать примеры, или так и будите бросаться в нас голословием?!

– В «Центре Свободы», в Германской Марке, в Датском Демократическом Королевстве, в Федеральной Военной Республике. – Пока длилось перечисление всех регионов, мирно сидящий Матвей едва не упал в объятия к Морфею. – Вот и всё. В этих регионах запрещено иметь детей всем «антипрогрессивным социальным элементам».

– Но примеры?!

– Вы же должны помнить, как вчера полиция задержала одну мать.

– Мать?! Нет такого слова в нашем свободном лексиконе, ибо это оскорбляет права всех...!

– Я вас понял. – Остановил верещавший поток слов мужчина, искривив лицо в недовольстве. – Женско-ориентированный гендер, не зарегистрированный как член «либерально-народной бюрократии» вывел своего мальчика.

– Мальчика?! Как он мог определиться, кто он до своего совершеннолетия?! Вы не смеете его так называть!

– Хорошо. Ребёнка. Вывела своего ребёнка. Полиция её тут же задержала, так как это был «акт незаконного и нелиберального воспитания».

– Вот же хорошо, когда наша полиция работает на благо народа. Акт воспитания в несвободе и получи тюрьму. Вот это и есть либеральная справедливость. – Торжествуя, радовался «бык».

– У вас есть ещё какие-то претензии? – Зацепившись за нить, попытался соскочить со всех тем Эрнест.

– Нет, конечно! Почему, во имя становления сексуальной культуры и свободы сексуальных связей, в шестой класс не пустили гранд-растлителя Виколу?

– А зачем?

– Как же!? – Возмутилась женщина, как бешеная, начиная жестикулировать руками. – Он должен научить детей,

что само удовлетворяться, чем раньше, это хорошо, что отсутствие постоянного партнёра это правильно, что совокупление со всеми живыми существами есть Свобода сексуальности, а семья из двух человек это не семья.

– А раньше этому не учат?

– Для закрепления?! И начала практики! – Воскликнул «бык».

– К тому, когда решится вопрос о прекращении домогательств со стороны рекламной компании? – Возмущение, сплетаемое с уст девушки, ширилось с каждой секундой. – Меня, как представительницу феминизма, это оскорбляет.

– Как вас рекламная кампания может домогаться? – Удивление, выраженное в ошарашенном взгляде, настигло даже Матвея.

– Как? Я вам скажу! Мужско-ориентированный гендер, рекламирующий одежду, нарушает сразу несколько моих прав! Он смотрит на меня слишком вожделенно! – Женщина стала ходить по кабинету, словно говоря сама с собой. – У меня даже есть триста подписей от прогрессирующих феминисток. – От слова «прогрессирующих» на лице Эрнеста вспыхнула улыбка, сбившую женщину. – А...э... ах да! Он также во время рекламы призывает нас двигаться больше. Вы понимаете, что это прямой призыв женщины к действию, против её воли. Это её угнетение! Знаете ли...

– Что вы хотите? – Эрнест положил рядом бумажку, делая вид, что сейчас будет записывать за девушкой её требования.

– Мы хотим, чтобы этого мужчину привлекли к ответственности, за наше угнетение, как то было в Шотландском Герцогстве. – Поучительно тряся пальцев словно сарделькой, твердила женщина. – Один мужско-ориентированный гендер пошутил, в рекламе, что женщина должна быть с мужем. Его тут же завернули, упаковали и отправили в тюрьму, за принижение женских способностей к одиночеству и предпосылку тоталитарно-семейного угнетения.

Тут кабинет, посреди самого разгара диалога вошла субтильная девушка, на невысоких каблуках. На ней слегка трепыхалось синеватое платье, спускавшееся прямым до колен и покрывавшее руки до запястий. Карие глаза так и манили своим смазливym великолепием, а еле-еле смуглые черты лица внушали ощущение, что рядом с вами находится сошедший с небес ангел.

– Твоя внешность не соответствует Феминистскому Кодексу! – Взревела «птица». – Так ты только убеждаешь общество, что все мы милые и беззащитные! Как ты смеешь предавать своих сестёр!

Пожав плечами, разведя руками, девушка просто ответила:

– Я не принадлежу к феминисткам.

«Бык», приложив руку к подбородку задумчиво выдал:

– Если, гражданин не принадлежит к «Вестникам Свободы», то он может быть использован в целях удовлетворения потребностей становления Свободы всеми членами «либе-

рально-народной бюрократии».

– На что вы намекаете? – С тембром скользящего страха спросила Эбигейл.

– На то, что сейчас мы тебя будем использовать. Ну, для нужд Свободы. – Устрашающе изрёк мужчина в два метра высотой и ещё полтора в ширину, став устрашающе надвигаться на девушку.

Внезапно трость Матвей метнулась кверху, как шлагбаум, преградив путь «быку», отчего тот опешил.

– Ты чё дядя? Совсем попутал?

– Хм, не рекомендую. А то очень сильно пожалеешь. Я тебе-то рога пообломаю.

– Ну, попробуй, старый пердун.

Вызов принят. Матвей вынул, дотянулся пальцем до устройства у шеи, похожему на бусинку, отчётливо произнеся в неё:

– Ребята, быстро ко мне.

Через пару минут небольшой и тесный кабинет набили шестеро бойцов в синей пиксельной форме и тяжёлых ботинках. Настоящие бугаи, похожие на двухметровые шкафы. С такими и «бык» мог показаться маленькими. Горы мускул, а не жира, как их соперник.

– Звали, босс? – Обратился один из бойцов к Матвею, разминая костяшки.

– Конечно. – Пожилой мужчина поднял руку, указав на «гостей». – Выведете отсюда эту корову и двух куриц, и пусть

они забудут дорогу сюда.

Бойцы быстро взяли «быка» за рога. Раздался страшный хруст и два имплантата в черепе обломались. Но поступив более простым приёмом – заломив руки, наёмники быстро вывели всех прочь из кабинета.

Эрнест моментально подорвался с места. Он стремился как можно быстрее заключить Эбигейл в свои объятия, чтобы поскорее успокоить девушку, которую собирались использовать для «удовлетворения потребностей Свободы». Она не плакала и даже не беспокоилась. Обескураженность взяла верх над разумом и дама до сих пор пыталась понять, что здесь произошло.

– Совсем обнаглели. Дикое племя. Точно, одичали от своей свободы.

– Спасибо, Матвей. – Сокрушался Эрнест. – Ты спас нас.

– Да не за что. – Бодро провещал старик. – Если кто-то будет ещё донимать, зовите, мой охранники всегда выручат. – С добродушной улыбкой пошутил пожилой человек, тут же скинув улыбку. – А вы не слышали последнюю новость?

– Какую?

– Да, под Микардо бой был. Говорят, что народ возле города одичал так, что людей сгоняли прямо в леса. Там они и построили свою цивилизацию. А теперь они сгорели в огне тех, кто его породил. – Как будто издеваясь над всей либеральной действительностью, твердил Матвей.

– Скажи, ты же пришёл не только для того, чтоб сообщить

нам о новостях? – Держа за талию свою возлюбленную, обратился Эрнест.

– Да, я пришёл, чтобы вам сообщить о грядущих изменениях. – Лик Матвея отражал все грани серьёзностей, обладающей на пике параноидального беспокойства. – Мне сказали, что близок «Час Конца Найма».

– Что? – В один голос, спросила пара.

– Вы должны понимать, что наше государство живёт на основах идеи наёмничества всего и вся. Её выдвинул ещё «перволиберальник» Локк, как нам говорит история. Как вы думаете, сегодняшней визит этих сумасшедших был случайным?

– Не знаю. Я ничего не знаю, с тех самых пор, как покинул «Центр Свободы».

– Они тоже понимают, что грядёт «Великое Перезаключение Контракта». – Слуга Корпорации встал с дивана, сложив руки на трости. – Поймите, ещё Культ Конституции сказал, что с этим государством договор будет заключён на тридцать лет. Все понимают, что с уходящего исполнителя надо что-нибудь забрать, иначе потом будет поздно. Это шакализм в абсолюте.

– Подожди, а зачем нам это?

– Когда проходит «Час Конца Найма», все слуги государства автоматически складывают свои обязанности. Все ориентируются в этом смысле на Локка и его концепцию. Если государство – результат найма, то когда прекращается срок

действия договора, наступает анархия.

– И?

– Вы должны бежать. «Вестники Свободы» начинают думать, что момент «абсолютного либертинизма» вот-вот наступит и начинают отрываться во всю. И в первую очередь...

– На приспешниках всех тоталитарных институтов. – Закончил Эрнест, прижав девушку чуть сильнее.

– Государство по найму, – стал издеваться над концепцией Матвей, искривив голос в сарказме и иронии, – как считают они, это великая идея, согласно которой все институты «главного тоталитариста» служат идеям «либерально-гражданской бюрократии». Но у нас не получилось достойного и справедливого государства, ведущего грамотную политику. У нас получился безжалостное государство-наёмник, исполняющее волю против всех, кто не вошёл в круг избранных и бессильное, немощное против нанимателя. Чувствуя поддержку наёмника, те дикари, величающие себя «Вестниками Свободы».

– Как это понять? – Эрнест действительно не понимал того, о чём твердит ему Матвей, находясь так далеко от той кухни, где вершатся повседневные дела Корпорации и государства.

– Это «теория абсолютного договора», выведенная из идей Локка. Она и лежит в бредовой концепции «Развитого Либерализма», где государство отомрёт, когда кончится срок контракта.

– Так что нам делать?

Матвей развёл рукой, указав в сторону открытой двери и во всеуслышание заявил:

– Бери Эбигейл под руку, и бегите отсюда. Несите как можно дальше. – Член Компании призадумался, засуну руку в карман. Через секунду в пальцах, обтянутых кожаными перчатками сверкнула белоснежная бумажка, которую Матвей протянул другу:

– Держи. Там адрес, он тебе будет интересен. Верни себе остатки семьи.

Глава двадцать седьмая. «Семья» в сборе... переборе

Вечер. Скатриума.

«Семья? Что это для нас? Каково её место в мире, построенном на концепции Развитого Либерализма? – Это есть вопросы, на которые нет точных ответов, дающих нам понимание этого дремучего института, которому место на кладбище истории. Что ж, ведомый всеми либерально-свободническими доктринами я попытаюсь описать её статус и динамику.

Первая, самая просвещённая и свободомыслящая семья есть уже не семья, а собрание граждан, объединённых лишь одной священной идеей освобождения от моральных оков, сдерживающих всякое развитие личности. Тут нет брачных уз, только единое понимание того, что лучше сплестись в экстазе прогресса. Матерей, отцов, детей, дедушек и бабушек – нет, сама свобода отказывает в таких названиях, ибо они на протяжении тысячелетий оскорбляли тех, кто себя таковыми не считает. Звероформированные, ЛГБТПАиПНА, человекообразные андройды: все скрутились в танце освобождающей похоти, объединив себя антисемейными узами. Да, тут нет семьи, ибо название сие прогрессивному явлению – антисемья.

Но есть граждане, единящие себя не по старым дремучим

тоталитарно-традиционным законам, но и не вступившие за тонкую грань дарующей свободу антисемейной оргии. Мужско и женско-ориентированные гендеры, создающие одногендерные объединения, с целью любви есть ступень развития перед планкой освобождающей от всякой моральности. Одногендерные околосемья, где каждый их член сплёлся с агонией удовольствия и стал истинным адептом нашей великой Концепции, это путь к прогрессу Свободы. Их участников сей просвещённого объединения должно быть больше трёх, ибо свобода это явление массовое.

Два единых «Вестника Свободы», объединённые брачными узами есть начало либерального прогресса в отношениях. Звероформированные и люди, андройды и зоолюди, предметы и всё, что угодно – сочетание таких носителей либерального прогресса, в одной семье, где есть место, только двоим «Вестника Свободы», это самое начало пути антисемейного прогресса. Это есть полусемья.

И на самом последнем месте, выброшенная за всякую грань света прогресса, расположилась семья обычная, которая прислужник гнилого и противного нам каскада так называемых «традиционных ценностей». Тут нет свету прогресса, ибо граждане именуют себя там «мать» и «отец», «мужчина» и «женщина». Проклятье! Но это противоречит всякой идее освобождение от гендерно-родительских нареканий! Мы накладываем проклятье на такую семью. Анафема нашего просвещённого общества Развитого Либерализма»

должна попрасть эту семью. Спускайте псов развития с цепей и разрывайте это объединение на куски, во имя просвещённости и прогресса. Уничтожайте их, ибо так говорю не я, а сама концепция Развитого Либерализма!

Вот я и помог разобраться вам, что есть противная всякому либеральному прогрессу семья; только вступившая на этот путь полусемья; уверенно шагающая околосемья и самое просвещённое объединение, отринувшее тьму всякой ханжеской дремучести – антисемья. Почитайте три последних объединения, ибо они вступили на просвещённый путь Свободы и собирания Прав. И выжигайте огнём просвещения семьи традиционные, ибо они есть оплот антилиберлизации общества нашего».

– Закон-поучение Гроссмейстиария Кюльта Конституции.

Тучи медленно сгущались над городом, раскинувшимся прямо перед горами некогда гордого Уэльса. Тень падала прямо на огромные дома, и на кварталы бедных, словно возвещая о чём-то ужасном.

Холодный массив надвигался прямо с севера, гоня за собой и массивы туч, заставляя теменью, достойной торжества тьмы, стягивать небеса тяжёлыми, налитыми грузным свинцом облаками.

По последним новостям на Скатриуму с самого севера, со стороны Шотландского Герцогства и Ирландского Унитарного Консульства надвигается страшный и всепоглощаю-

ший шторм. Снежные бури, ледяные дожди и промораживающий до костей ветер накрыли плащом смертельной зимы весь норд и движутся на Уэльс, готовясь заключить и этот регион в свои морозные и штормовые объятия.

Но тем, кто пляшет в вечном празднестве плотского рая, всё равно на погоду, ибо ничто не может остановить оргий, направленных на получение удовольствий, что уже не право, а закон общества.

В пятнадцати городах Уэльского Олигархата уже даны объявления о начале «празднеств». Горожане, обезумевшие от пьянства Свободой, решили окунуться в импульсивную криофилию. Совокупление группами на снегу, набивание вен токсичными ядами и наркотиками, агонизируя от холодного прикосновения снега, противные действия со снегом, где он сам становится участником безумств: всё это стало лишь малой толикой изливающегося сумасшествия. В северных городах Уэльса, все мужско-ориентированные гендеры – обожатели розовых платьев, собирались пройти маршем по бедным кварталам, выискивая всякого, кто противиться новому миру и свободным устоям. Городские администрации уже выделили деньги на многотысячные марши, бросив на произвол судьбы тех, кто должен получить пенсии из этих денег.

Для кого-то такие новости казались лишь само собой разумеющимся в мире прав и свобод, но вот находились и те, кого брал шок от содержания вестей. Да, есть ещё в новом

Содоме те, кто готов решительно отказаться от иглы, травы и множественных игрушек для «актов Свободы».

По Скатриуме продвигал пара таких человек. Всего двое парней, но всё же, по количеству таких же, это целый легион среди либеральных безбожников. Первый, высокий и бело-волосый, широкоплечий, как викинг и такой же угрюмый. В зелено-болотных глазах повис хлад, сравнимый с северными ветрами, и источалось возмущение от увиденного.

Роботы, похожие на людей, идущие под ручку со своими «любовниками». Каждый механизм, похожий на человека, приравнивался к таковому. И этот парень знал это, что воспламеняло в душе огонь негодований. Он помнил лекции, на которых рассказывали, что «граждане-механизмы» защищаются в судах, к ним такое отношение, как и к «Вестникам Свободы», они получают такие же социальные пособия.

ИК-12, Железный Плут, АркКо-56, ЦУ-81: все эти имена отпечатались в памяти юноши, будто их выжгли там неведомым клеймом и навсегда закрепили. Названия андроидов, которые за последние недели выиграли дела у живых граждан. И не только выиграли, а также вступили в брак. Парень с отвращением вспоминал, что слова выйти «замуж», или же «жениться» являются запрещёнными, так как «наглейшим традиционным образом оскорбляют права ЛГБТПАиПНА и звероформированных», а также все объединения феминисток, ибо жениться в их смысле – «вступить в процесс семейного угнетения».

В глазах и бурлящих мыслях юноши сей признавалось мерзостью, с которой не сравнится религиозный фанатизм южного соседа – Автократорство Рейх, ведущего бесконечную войну за истинную праведность. Теперь же парень, имя которому Габриель, понимал, чего так боялись иерархи церкви и Культа Государства.

Второй юноша, чернявый, довольно стройный, но с глазами, как далёкий атактический лёд. Он пробыл в стране, имя чьё отзывается страхом в сердцах тех, кто смеет думать о древней традиционной семье, существовавшей из глубины веков, и стремится воспитывать своих детей в строгости да сдержанности. Название державы, с которой ассоциируется тысяча флагов, тысячи объединений, суть которых сводится к одному – оторвать человека от всех старых постулатов жизни, и ввергнуть в экстазы и бесконечную Свободы.

Лютер прекрасно знал, что к чему. Мужчины в голубых, розовых платьях на шпильках его не смущали, но отторгали. Женщины, готовые за свои права порвать любого, кто встанет на их пути. И легионы бесполох, именующих себя освобождёнными от всяких предрассудков гендера. Юноша всё понимал, но ничего сделать не мог, ибо воздаяние настигнет его раньше, чем он посмеет высказать свободное мнение, противоречащее принципам Свободы.

Габриель и Лютер, два разных мира, но так похожих. Их миры, солнца, что сияют над ними, настолько же разные, сколько и похожи. Два близнеца, из разной материи, две сто-

роны одной монеты. Мир, Старый Свет как будто надсмеялся над бытием, склепав два «абсолюта», старающихся показать себя разными и одновременно демонстрирующий истинность их родства.

– Лютер, – подняв руку, облачённую в кожаный рукав пальто, бодро обратился к своему другу, – ты так и не сказал, а куда же мы идём.

– Ох, не в самое хорошее место. – Юноша запустил руку в карман куртки. – Это дом триста двенадцать, квартира один. – Осмотревшись по сторонам, устремив взгляд в пролёты небоскрёбов, юноша мрачно констатировал. – Ещё пара минут и мы подойдём к дому.

– Что же ты там забыл? – В шутовском тоне попытался скрыть серьёзный вопрос Габриель. – Что нам там делать?

– Правильней говорить не что, а кого.

– Так и...

– Амалию. – Резко выдал Лютер. – Она пошла к одной преподавательнице, у нас на кафедре. А в том доме живёт вся её антисемья.

– Антисемья? – Недоумение в вопросе вызвало у проходящих горожан толику сомнения о вменяемости парня. – Это что за образование? – На пол тона тише спросил Габриель.

– Долго объяснять. Придём, увидишь.

– Хоть самую малость. – Грузно просил немногословный юноша.

– Всё, что связано с семьёй, только наоборот. – Жестику-

лируя, пытался выдать не понимаемое Лютер. – Если в... – оглядевшись по сторонам, удостоверившись в том, что никто не услышит слов, юноша шёпотом продолжил, – нормальной семье ценятся верность, взаимоуважение, целомудрие, спокойствие и тому подобное. То в антисемье все не-ценности почитаются с двойным рвением.

– Не самое лучшее объяснение. Лучше приду и увижу.

– Вот и я о том говорю.

Лютер и Габриель продолжили неблизкий путь к нужному дому. Дороги по городу аккуратно ограждали каждый дом, ибо он становился «Домовым Образованием», где правят свои законы, своё управление и тому подобное.

Калгар всегда вспоминал недобрыми словами о пятиуровневой системе, «установленной для обеспечения граждан к полнейшему самоуправлению, ибо это способствует становлению Свободы» – как заявляли в Культуре Конституции.

Порой целые дома и кварталы выходил из-под управления муниципальной и региональной власти, перекрывая узлы водоснабжения. Другие дома и части города могли умирать от жажды, гибнуть в пламени эпидемий и голода, прозябать в холоде, но Культ Конституции строго-настрога запрещал применять к ним меры принуждения, ибо так мятежники пытаются выразить «гражданскую позицию».

Лютер помнил, что в Микардо вечно протестовали северные кварталы, из-за того, что живущим там «Вестникам Свободы» завозилось недостаточно «игрушек» для плотских

утех. Култ Конституции постановил, что их никто не посмеет трогать, пока не удовлетворят требования, связанные с проявлением Самости и Свободы. Но Култ не волновало, что из-за глупого мятежа, срывали поставки продовольствия в город и десяток человек скончался от голода.

Воспоминания развеялись подобно туману, когда на улице, по которой быстро шли парни, им навстречу надвигалось, подобно бури, шествие, организованное женским движением «Почитание Женщины, как борца против института Патриархата».

Габриель, смотря на то, как на помосте девушки, облачённые в кожаные и стягивающие одежды, ведут на цепях десяток мужско-ориентированных гендеров, выдав им какие-то серые невзрачные обноски. Беловолосый юноша помнил, что слово женщина ещё является приемлемым, ибо так попросили феминистки, а вот «мужчина» – слово-агрессор, напоминающее о днях минувшего патриархата.

– Мерзость, – вырвалось из уст Габриеля. – Как нормальные мужики могли на это согласиться.

– Что ж, ты ж ещё не знаешь. Но закону, прямо в Феминистском Кодексе сказано, что «все мужско-ориентированные гендеры можно использовать без их согласия для усиления прав женщин или демонстрации беззакония патриархата». – Лютер броско метнул взгляд на товарища, на лице которого застыла маска непонимания от набора юридических слов. – То есть, к тебе подошла любимая феминистка, спро-

сила – принадлежишь ли к «Вестникам Свободы». Если нет, то спокойно может тебя использовать. – Голос юноши звучал тихо, чтобы смысл речи доходил только для одного человека. – А если ты откажешься, тебя заклеят «Фанатиком патриархата и пособником возможности угнетения женщин».

– Может, свернём с дороги? – На лице Габриеля застыло такое омерзение от увиденного, что его могли спокойно задержать за «лицевое неприятие актов проявления Свободы».

– Хорошо, как раз, срежем путь.

Два парня шмыгнули во дворы, оказавшись посреди десятиэтажек, устремляющихся высоко в поднебесье, давящих видами на душу Лютера, но не Габриеля, прожившего среди монументальных коробчатых зданий.

– Так, и где же мы? – Вопрос Габриеля так бы и повис в пространстве, если бы не раздавшиеся вдали крики, сквозь которые можно распознать знакомые буквы и звонкий голос:

– Ребята!

Два парня оглянулись в поисках источника воззвания, убедившись, что на занесённой снегом площадке они единственные «ребята». Да, их только двое посреди сугробов неубранного снега.

– Ребята! – Гулким эхом раздалось в пространстве, пролетая за высотные дома.

Глаза Лютера прищурились в поисках столь знакомого голоса, заставляя искать его с двойным усердием. Взгляд уло-

вил очертания, находившиеся на девятом этаже. Прекрасное миловидное лицо, волосы, длинные и шелковистые, цвета молочного шоколада, да и сама душа звала к тому, чтобы распознать эту девушку.

«Почему не телефон, а обычный здоровый крик?» – пронеслось в мыслях Лютера. Он ещё мог понять, почему первая квартира на девятом этаже, ибо так планировщик и архитектор «выразили свободу архитектурной постройки», но крик...

Через пять минут два запиханных парня стояли у железных дверей, покрытых чёрной краской и смотрелись в своё отражение, ожидая пока им хоть кто-нибудь откроет. Электронный замок издал гармоничное звучание, и дверь поспешила распахнуться, впуская гостей.

– Пусть проходят, Амалия. – Послышалось далеко из глубин.

На пороге их встретила девушка невысокого роста, в синей кофте, смотрящая на пришедших пронизательным серебряным взглядом. Коридор, в котором оказались парни не отличался просторностью, которую отнимали и кофейные обои.

– Обувь можно не снимать! – Такой же волной донеслось из зала.

– Пойдёмте, раз зовут. – Обречённо вымолвила Амалия. – Мне осталось ещё одно задание.

– Хорошо.

Два парня поспешили пройти вслед за девушкой. Через пару секунд они оказались в просторном помещении. Стены обклеены белыми обоями, на которых изображены гравированные гениталии и внутренние органы. Широкая комната, где на одной стороне раскинулся кожаный диван, а на другой огромный голографический телевизор на всю стену. А вдоль остальных стен свои места заняли стеллажи со странными игрушками, стол с компьютером и шкаф с одеждой.

– Ох, вот вы какие ребяташки. – Раздался позади девичий глас и ребята повернулись, чтобы увидеть, кто вышел из другой комнаты.

Перед ними стояло непонятное существо практически без одежды. Его ноги накачены жиром у самих ляжек и ягодич, а голени так и контрастируют своей неестественной худобой, отчего массы жира сверху свисали над остальными частями ног. Худой до рёбер пресс совершенно не сочетался с руками, похожими на конечности бодибилдера, вколловшего синтол. Лицо, отдающее чертами brutального бородатого байкера выдавало речь изо рта, расположившегося над вторыми губами, что над подбородком:

– Ну, здравствуйте, я преподавательница Амалии по отдельному предмету. Меня зовут Мелисса.

Из далека донёсся звук мелодичного звучания замка и скрип дверных петель, смешанный с топотом.

– Дорогое, ты где?

– Я тут, милое. У нас гости.

В помещении тут же оказался в два с половиной метра «человек», с вытянутыми руками, ногами, без единой волосинки на теле.

– А что они одеты, как гетерасты? – Грозно спросило пришедшее существо, сверля всех взглядом из чёрных бездушных глаз, грозным мужским голосом продолжив. – Для нас, земных инопланетян это недопустимо. И мне, как главе антисемьи тоже...

– Дорогое, не будем так предвзяты.

– Ну ладно, сейчас за мной подойдут все остальные члены антисемьи. – Ткнув длинным пальцем в ребят, существо злобно выдало. – Ну, вы готовы к явлению истинное Свободы, или слабы?

– Мы постоим в сторонке и подождём нашу подругу. – Скоротечно промолвил Лютер, встав у входа комнаты, в которой скрылись Амалия с непонятным существом.

Через несколько секунд дверь снова распахнулась, и в квартиру пожаловали две «звероформированные» собаки, ставшие членами антисемьи. «Глава» пояснил, что они их купили в спец. питомнике и теперь они полноправные члены их «квартирной коммуны», начиная от стола и заканчивая постелью со всеми её щепетильными гранями.... Эти существа ласкались как собаки, лоснились и грызались на пришедших.

Спустя пару минут в квартире появился механизм. Ноги и бёдра как у человека, только с наличием половых признаков

для обоих полов. Но вот остальное тело... Это тонкая спичка, от которой исходили две конечности. «Глава» антисемьи пояснил, что это «Поршневой Феликс», ибо его руки могут действовать, как поршни. А если на них нацепить «пастельные игрушки», то он «способен любого вознести на самые небеса удовольствий экстаза». «Инопланетянин» бойко и с задором рассказал ребятам, что этого андроида им подарили в «Часовне Святого Греха» и теперь он полноценный член их антисемьи.

Лютер и Габриель медленно понимали, что отсюда нужно бежать со всех ног, вынося дверь, но пока их подруга не выполнит задания, парням придётся смотреть на то, как в «семье» становится всё больше членов, и сдерживать внутреннее омерзение, ползущее энтропией по рассудку.

Звук гармонии, скрип двери, шум топота и в квартире показались две энергичные девчухи лет девятнадцати. С лицами, черты которых невозможно распознать из-за обильной россыпи металла и «тоннелей» везде, где только позволяла кожа. «Глава» пояснил, что это совершенно не девушки, ибо глаз обманчив. В штанах мужское хозяйство и грудь на рёбрах делали их уникальными созданиями. «Глава» антисемьи сказал, что когда-то это были реальные девушки, дочери какого-то старокатолического священника, отказавшегося от прелестей нового мира. Пять лет назад Ювенальная Юстиция изъяла их у священника и передала в эту антисемью. Через некоторое время толерантного воспитания они решили

кардинально поменяться.

Минутами спустя в комнату ворвалось существо, полностью покрытое длинной шерстью, от которого вся комната наполнилась смрадным запахом урины и фекалий. «Глава» с фанатичным блеском безумца в чёрных, как бездна, глазах разъяснил, что это «непонятого» пола Эндрю, пародирующий какого-то популярного существа из кинофильма. И за такой отказ от собственной личности Эндрю получает пособие «За героизм в проявлении самости». И тут же по всей квартире раздался торжествующий вою Эндрю, похожий на рык, ибо его горловые связки перепрошиты до такой степени, а ротовая полость переделана, что больше нормальных букв оно изрекать не могло.

После «мохнатого и безумного» в комнату залетел, не вошёл, а именно влетел странный кучерявый юноша. Только вот... он вмонтировал себе в лоб камеру. Не прикрепил её на ремень, а именно болтами вкрутил в череп. Таким же образом расположились и ещё три камеры по разным сторонам на черепе. «Глава» пояснил, что от «юноши» от него остался только вид. Три года назад парень взял нож на кухне и одним взмахом блестящего клинка лишил себя того, что его делало парнем. А потом были и гормоны, и операции, и специальная награда от Культа Конституции «За особое рвение в деле Освобождения».

Но вот камеры,... которые всегда в рабочем состоянии. «Глава» помпезно объяснил, что их дочь – блоггер, который

стремится к тому, чтобы превратиться в переносную киностудию и снимать, всё, что происходит вокруг. Камеры всегда включены, чтобы ничего не пропустить.

«Инопланетянин», преподавательница, андроид, Эндрю, двое «собак» и трансгендеров, да и ещё один само лишенец хозяйства: все эти странные существа стали членами анти-семьи. «Глава» пояснял, что их скрепляют узы, крепче металла. Держа одного из трансгендеров за грудь третьего размера, сжимая и разжимая, как эспандер для ладони, оно с бравадой и самолюбием хвалилась о постельных достоинствах. «Объединённые единой идеей освобождения от всяких семейных предрассудков». «Глава» долго хвалился о продолжении антисемейных оргий, длившихся порой несколько часов. «Попрём семью традиционную» – кричал «инопланетянин. – «Установим демократический диктат антисемейности».

– Кажется, это семья в переборе. – Тошнота так и подступала к горлу Лютера.

– Если их окатить святой водой, они зашипят и растворятся. – Шёпот Габриеля доносил суть омерзения от увиденного.

– Это лик семьи нового типа? Это её либеральная эволюция? – Вопросала, практически не слышимо Амалия, давно окончившая занятия, но ответом на вопрос стала лишь пустота.

Лютер, Габриель и Амалия уже покидали эту квартиру,

ставшую оплотом всей ненависти к семье. Все трое в мыслях без конца прокручивали сюжет, как можно так поступить с самим институтом семьи. Трое, лишившихся её на жизненном пути, знали лучше других ценность семейства. Они не могли найти ответа, как люди превратились в такую мешанину? Но стоило вопрос задать по-другому – «Зачем?» и всё вставало на свои места. «Растли и властвуй! Преврати людей в либеральный скот и получишь над ними правление» – Таковы слова великого философа Сарагона Мальтийского, в которых отразилась суть идеи Либеральной Капиталистической Республики.

Такси неспешно подъехало к приземистому, но обширному и раскинувшемуся дому, исполненному в романском стиле и похожего на базилику, только облицованную мрамором. Мотор машины заглох, и ребята поспешили покинуть автомобиль. Их вид, хмурые лица, отражали всю глубину отчаяния, которого зачерпнули в квартире антисемьи. Крыльцо, но не пустое. Три человека ожидали кого-то, активно переговариваясь. Сквозь забор, собранный из толстых прутьев, Лютер узрел знакомые черты лиц. В ссадинах и во всём чёрном, подобно ворону, стоял Эстебан. Рядом с ним незнакомая девушка в чёрной куртке и.... Черты лица отдались в сердце юноши болью и радостью одновременно. Такие знакомые, родные, но разлучённые. Эти глаза, волосы, скулы... Сердце затрепетало подобно ревущему от адского напряжения мотору. Сердце не стало, вместо него как будто помести-

ли тысячи запертых звёзд, готовых взорваться силой сверхновых...

Отец!!! – Закричал во всё горло Лютер, нагло наплевав на местных «Вестников Свободы». – Отец, это ты?!?! – Юноша сейчас готов порвать любого содомита, что встанет у него на пути.

Эрнест уловил нисколько ушами, сколько самим сердцем знакомую речь и главный орган чувств возгорелся подобно солнцу, взорвался душевной энергией с такой силой, словно это рождение целой галактики.

Отец и сын, больше года. Они понеслись друг к другу, словно гончие, которые сорвались с цепи. Два родственника, разлучённых либеральной несправедливостью, заключили друг друга в слёзные объятия. Их души и сердца сотрясались одновременно и от яростной радости обретения и нахлынувшей боли долгой разлуки

– Сколько времени. – С горячими слезами на щеках шептал Эрнест. – Сколько пройти пришлось... И теперь... – Прижав к груди ребёнка, твердил мужчина.

– Отец, – голос, сама суть речи Лютера трепетали от неистовых волнений, – а где мать? – Вопросил Юноша, смотря в глаза отца из которых проистекают горячие слёзы.

Глава двадцать восьмая.

Парадигма «Смены Властей»

Спустя час. Скатриума.

«Смена власти есть наиважнейший и фундаментальный принцип нашего просвещённого общества, зиждущегося на принципах концепции Развитого Либерализма, который суть и апогей нашей великой демократии.

Мы можем менять кого угодно и как угодно, хотя это не мешает государству оставаться институтом подавления наших великих либеральных свобод и прав. Наша судьба – менять власть, когда она не отвечает потребностям общества Развитого Либерализма.

Так в чём заключается суть парадигмы Смены Властей? Любой чиновник, депутат или какой-нибудь ещё слуга власти государства или региона, может быть отправлен в отставку лишь по первому требованию Вестников Свободы. Представьте себе общество, сбрасывающее ярмо угнетателя-власти, меняя её на самую подходящую к своим интересам и потребностям.

В обществе, где мы сможем менять власть и все её институты, подобно тому, где обмениваем продукты, как меняем непонравившуюся одежду, настанет полнейший демократический порядок.

Забудьте про сроки и полномочия! Выходите на улицу и требуйте уйти прочь ту власть, от которой вы не можете получить всё необходимое, для удовлетворения ваших либеральных потребностей! Чиновник вовремя не подвёз средства достижения экстаза? (наркотики и токсины) Значит, поprite его и выкиньте на помойку! Депутат не выполнил обещания и не обустроил для вас площадку для утех-оргий и прочих сексуально-просвещённых удовольствий? Скиньте его с балкона, ибо он не может быть больше депутатом! Полиция не исполняет свои обязанности и не побивает дубинками притесняющих ЛГБТПАиПНА? Разгоните эту полицию и соберите для себя новую, либеральную и уважающую ваши права!

Суть парадигмы понятна, ибо смена власти – есть главный стержень общества демократий, где народ, во имя удовлетворения собственных потребностей, меняет власть государства и регионов!»

– Письмо «Права Дающее» от Исполнительного Секретариата Культа Конституции.

Погода за окном не играла роли, ибо конфликт внутри общества назревал с ужасающей силой, готовясь к смятению всего либерального мира.

Эстебан, в чёрных одеждах – кофте, штанах и ботинках занял место в тёплом кресле, который обит алой тканью и внутри набит мягким материалом. Сидеть в таком кресле од-

но удовольствие, такое ощущение, что проваливаешься в облаках.

Позади спокойно горел камин. Треск брёвен разносился эхом по небольшому помещению, в самом краю довольно большого дома. Лёгкие нотки ароматы горячей берёзы наполнял лёгкие пары человек, сидящих в креслах, с высокими спинками.

Но для удовольствия сейчас нет времени. Телевизор, расположенный в маленькой комнатке, вещал про события, которые невозможно описать простыми словами.

Три кресла, три человека. Эстебан с пультом от телевизора, похожим на небольшую дискету. Эбигейл, так и не снявшая с себя чёрной кожаной куртки и сапог. Мужчина с матёрым видом, в бежевом пальто, ботинках из грубой кожи, классических брюках и кофте. Без сомнения, это Ротмайр.

– Господь милосердный, что же у вас в стране твориться. – Злобно заметил Командор, смотря в телевизор. – Как вы можете такой терпеть?

– Это каждый день. Привыкли уже. – Кинула Эбигейл, подперев подбородок рукой. – А у вас там как? Стабильности хватает?

– Ха, почему такой сарказм? – Голос Ротмайра проносился с особой вкрадчивостью. – У нас стабильности более чем хватает.

Телевизор, построенный по старым технологиям, с широким экраном, размашистой антенной, исходящей из крыши,

принимал сигналы по всей Либеральной Капиталистической Республике, в том числе и репортаж о том, что сейчас творится в Центре Свободы и зданиях государственной власти.

Бардак, хаос и социальная энтропия росли адской волной во всех центрах власти. Митинги, бойни госслужащих, мятежи и призывы к свержению «института затхлого тоталитаризма» проносились гулким эхом по телевизору.

Неисчислимы стайки блоггеров вышли на улицы, чтобы запечатлеть всё происходящее. Так же, ведомые правилами, когда граждане обязаны знать всё о жизни госслужащих, чтобы не допустить произвола, блоггеры врываются в ветхие квартиры слуг «главного тоталитариста» и запечатлели каждый их шорох и движение. Некоторые блоггеры сходили до такой наглости, что могли творить в квартире бардак, учинять погромы и кидаться на членов семьи госслужащего. А когда тот их вышвыривал за порог, они вызывали полицию, обвиняя хозяина квартиры в «пресечение акта гражданской воли» и «активное противодействие гражданского надзора». Полиция дубинками выгоняла госслужащего с его семьёй на лестницы, и там забивали, для установления и защиты Свободы. А блоггеры всё это снимали в прямой трансляции, получая удовольствия от полученной крови.

Миллионы каналов вещали о том, как «Вестники Свободы», как сорвавшиеся с цепи, повсюду и везде требуют отставки госслужащих и в этот момент попытаются перейти от Развитого Либерализма, к «Абсолютному Либертинизму».

Побои в городских и региональных администрациях, восстания у парламента, нападение на чиновников у здания правительства и всё подобное, на пару с криками, ором и дикарскими воплями подавалось из телевизора, словно сам адлился рекой по улицами городов Либеральной Капиталистической Республики.

– Проклятье, люди, как будто сорвались с цепи.

– Ох, Ротмайр, – Командор исказил лицо в недоброй улыбке, – там нет людей. Есть эльфы, гномы, звери, гоблины, орки, чудилы, насекомые и ещё легион чудных существ, но вот люди... их мало.

– Как тут можно жить нормальному человеку! – Хлопнув по ручке кресла, возмутился Ротмайр. – Это же невозможно!

– А тут нет «нормальных». – Голос Эбигейл так и брызгал из души отвращением. – Есть лишь «Свободные».

– Давайте я переключу на научный канал. – Рука Командора потянулась к пульту и нащупав сенсорную кнопку, телевизор на секунду замерцал, сделав шаг на иную программу. – Может тут, что-нибудь умное будет.

– Не надейтесь, Эстебан.

На экране показался приятный ухоженный мужчина. Чёрный волос, фиолетовая бородка и карие глаза делали его довольно приятным на вид. А рубашечка в клетку, пиджак и стеллажи с книгами за спиной делали его вид более чем научным.

Из динамиков, расположенных у телевизора полился го-

лос ведущего, облачённого в резиновые жёлтые блестящие одежды, прошитые розовыми нитями, и с зелёной балетной пачкой на бёдрах:

– Мы находимся в студии программы «Экспертное Мнение» и у нас в гостях учёный, кандидат общественно-авторитарных наук – Валерия Скунса, так же участник сообщества «Общегендерность». Что вы можете рассказать про свою научную и социальную жизнь?

Не понять кто, раскрыл крашенные губы, аж можно услышать шорох бородки, и двояким, то ли женским, то ли мужским голосом заговорило:

– Здравствуйтесь коллеги и уважаемые телезрители. Я буду кратка. Своё образования я получил в Английской Академии и сейчас занимаюсь изучением авторитаризма во всех его проявления и аспектах. – Худушей спичечной рукой Валерия поднял толстенную книжку, с гордостью в двояком голосе заявив. – Это моя прославленная работа «Авторитаризм, как незримый противник Свободы». Я её написала, когда был в «Центре Свободы», в знаменитых «Исторических Архивах».

– А что вы скажете о своей общественной работе? – Спросил ведущий.

– Я состою в движении «Общегендерность». Мы признаём на себе сразу все гендеры и их проявления.

– Это как?

– Я и не мужчина и не женщина, в старом понимании,

одновременно относясь к этим двумя гендерам.

– Во как. – Удивился ведущий, резко перейдя к вопросам. – Как вы можете охарактеризовать сегодняшний конфликт с точки зрения парадигмы властей?

Мутные глаза загорелись безумным блеском, а в голосе вспыхнули нотки фанатизма:

– Наше государство зажралось, и пара его менять. Институт, не отвечающий запросам удовлетворения потребностей граждан, должен уйти прочь и уступить место тем, кто это сделать сможет. – Валерия отложила свою книгу и зацепила пальцами ещё более толстенный фолиант, став его лихорадочно перелистывать. – Как сказано в нашей великой Конституции... ах вот, нашёл... «Государство, как организация, служащая народу либеральному и его потребностям, для обеспечения общественно-либерального благосостояния должно удовлетворять любые требования, исходящие от либерально-народной бюрократии».

– Хм, то есть вы считаете, что это государство пара менять? Почему? – От вопроса ведущего глаза Валерии готовы полезть на лоб.

– Как вы не понимаете! Сегодняшнее государство не исполняет свои обязанности, которые у него есть перед «Вестниками Свободы». Плевать на всех остальных, ибо они отринули саму суть свободы. – Секунда паузы сменилась ещё более оживлённой и пламенной речью. – Вот, к примеру, вчера! Я давно зарегистрирована, как «Вестник Свободы»

и поэтому могу пользоваться всеми благами просвещённого общества. И я отправил официальный запрос о том, чтобы мне разрешили устроить ритуал «Сожжения Тысячи Кукол» в местном Управлении Капиталами Английской Республики. И что вы думаете! – Вскрикнул Скуснса. – Мне отказали, сказав, что это помешает работе. Вы понимаете! Мне не позволили реализовывать мою либеральную Свободу там, где я этого хочу! Вы понимаете, что государство, не исполняющие мои либерально-духовные требования должно уйти в отставку?

– Я вас понимаю, это вопиющий случай государственно-го произвола. – Без сарказма и шутливой иронии, серьёзным голосом сожалеет ведущий. – Вот у нас, в Датском Демократическом Королевстве, откуда я родом, в учреждениях государства всегда происходят ритуалы и ничему не препятствуют.

– Ваши институты власти ещё способны уважать права. Но они требуются в том, чтобы их муштровали, и они ни на секунду не забывали, кому служат.

– Так чем закончилась история?

– Я позвонила в полицию. В итоге мы заставили госслужащих танцевать с нами и вдыхать испарения от горящего пластика. Конечно, четырнадцать из них скончались, но ничего страшного, ибо это «потери от реализации Свободы».

– Вот это я понимаю. А теперь мы должны уйти на рекламу. Но оставайтесь с нами и увидите, что значит истинная

антисемья.

«Научная» передача прервалась на рекламу, смыслом которой стала демонстрация новейшего «памперса» на лицо.

– Ну, будем это смотреть? А? – Ротмайр как всегда не спешил униматься, ибо чувство тошноты в нём росло с каждой секундой.

– Может переключить на канал триста двенадцать тысяч пять? – Рука Эстебана вновь скользнула по пульту.

В экране телевизора замерцали изображения, передающие суть ещё одной киностудии, в которой разворачивалась телевизионная программа. Студия предстала в форме небольшого кабинета, где стоял один-единственный стол. Стены выкрашивались в ядовито-лиловый и давили невыносимо на глаза. Две участницы, по стилю одежды похожие да обезумевших панков, заняли место по разные стороны стола. В углу экрана повис значок зажатого кулака, переходящего в знак всех женщин, на фоне двух скрещённых клинков.

Одна из девушек, с зелёным ирокезом, разверзла накрашенные в лиловый цвет уста, изрекая тонкий и скрипучий голос:

– Я напоминаю телезрителькам и всем остальным, что мы находимся в студии программы «ФеминМотив» и мы обсуждаем событие, захлеставшее нашу страну. – Достав из-под стола карту, женщина её развернула и крикнула во весь голос. – Эй, там, гузки патриархата, приблизите камеру! – Изображение увеличилось, утыкаясь прямо в карту. –

Несколько десятков городов охватили марши свободы. Миллионы женско-ориентированных гендеров выходят на улицы, чтобы вырвать свои права у мира умирающего патриархата. – Рука ведущей коснулась оголённого плеча другой девушки. – У нас в студии общественная активистка, участница неисчислимого количества сообществ. Эринния Скот-с.

– Да, спасибо что объявили меня. – Камера отдалилась от карты, придя в нормальное положение, показывая всю студию полностью. – Я пришла в эту студию, чтобы изложить свою точку зрения на события.

– Именно.

– Мы все живём по парадигме смены властей, а значит, имеем право сменить государство, которое нам не нравится. – На стол, где говорила гостья, сквозь заточенные клыки лились струйки слюны, как у бульдога. – Наше государство это государство патриархальное, обслуживающее в основном интересы членобёдерных мразей и поэтому оно должно быть свергнуто. Я рада, что мои сёстры рвутся в бой, круша всех, кто смеет встать на пути к нашим правам.

– А вы можете подтвердить ваши слова примерами? – Попросила ведущая.

– Вами нужны примеры того, что нас угнетает патриархат? – Удивлению гостью нет предела. – А вы настоящая феминистка?

– Ну, для широкой общественности. – Разведя руками в сторону, лихорадочно говорила ведущая. – Для того что-

бы наши сёстры убедились, что необходима единая борьба и война против тех, кто стоит на этом пути.

– А вот, как. Вы бы поясняли.

– Постараюсь.

– Да, примеры есть и целых два. Начну с личного. У нас, в Федеральной Швейцарской Конфедерации есть Городской Сенат. Я там состою как парламентарий от «либерально-народной бюрократии». И вы знаете что?! – Рот феминистки распахнулся широко-широко, как антресоль. – Туда ещё смели входить мужско-ориентированные гендеры на правах участников!

– Вот это антилиберальное диктаторство! – Криком возмутилась ведущая, ударив кулаком по столу. – Как тот скот допустили в цивилизованное общество?!

– Не знаю! Суть в том, что они смотрели на женщин и в том числе на меня, ходили рядом с нами. Вы понимаете?! Нарушали наши права на «визуальную неприкосновенность» и «женский метр личного пространства». Ежечасно эти скоты нарушали наши права! – Ярая феминистка взяла паузу, неожиданно прослезилась и с жалобным голосом, попыталась вызвать чувство жалости. – А один из них меня домогался.

– Ужас!!! – Взревела ведущая. – Каким образом?!

– В нашем обществе равных прав, – женщина явно наиграно давилась крокодилыми слезами, – в обществе, где уголовное преследование за дискриминацию, – слёзы лились

градом, а голос выбивал максимальную жалость, закрадываясь в самые глубины души, – меня домогались.

– Как это было?

– Я тогда сидела в зале заседаний. И он целых полтора часа меня рассматривал. Пристально, скрупулёзно. Я видела это. Не могу даже представить, что он сотворил со мной в своей развращённой башке. – Утирая слёзы и размазывая туш по лицу, феминистка сквозь рыдания продолжала исторгать речь. – Вы понимаете, полтора часа «визуально-мысленных» домогательств.

– Кошмар. Это сущий произвол со стороны той твари, которую нужно четвертовать.

– Его, по моему заявлению отправили в тюрьму, хотя я настаивала на химической кастрации, чтобы он больше не тарасил свои зенки на наших сестёр. – Гостья выдержала театральную паузу, пока феминистки, смотрящие канал сглотнул соплю, и воскликнула. – И кстати, после моего заявления все не-«Вестники Свободы» мужчины, выкинуты были из Городского Сената, чтобы больше не домогаться женщин!

– Хоть где-то наше патриархальное государство подсуенилось и шевельнуло зад, чтобы помочь женщинам в достижении их прав! – Злобно торжествует ведущая, изгрызавшая ногти. – А второй случай?

– Это произошло Сконе. – Вновь в уши забивался тот жалобный голосок. – Наша комиссия предложила в одном из западных городов всех жителей перевести на матчество. То

есть отчества вытираются из документов, как «дурная наследственность патриарха» и заменяются на матчества по аналогии. И знаете что?

– Вам...

– Да, нам отказали, сказав, что замена документов это дорого! Вы понимаете, что для них деньги, священное установления равноправного общества? Что дело победы феминизма для тех задолизов патриархата упирается в деньги!

– А вы?

– Наша комиссия составила иск в суд сообществ, на городскую администрацию за «подрыв деятельности женских организаций», что равносильно активному противодействию делу Свободы.

– И что же суд?

– На нашей стороне закон. И встал он за нас. – Феминистка раскрыла клыкастую пасть широко, издав клич торжества. – Всех, кто нам противодействовали, судья заставила платить за переделку документов!

– Круто-о-о-о! – Затянула как заправский пёс ведущая. – Ну, а что конкретно по ситуации? Что вы ждёте в конце?

– Свержение патриархального государства. Оно всё ещё потворствует челеномразям, разрешая им пользоваться правом, смотреть на нас долго без нашего разрешения или говорить, если мы того не желаем. Это государство не отвечает идеям прогрессивного феминизма. Если не отвечает, то пусть проваливает!

Эстебан больше не мог смотреть это. Он снова коснулся сенсорной кнопки, и студия рьяных феминисток сменилась на экран, в котором неслись пейзажи лесов, и жизнерадостно пелась песня тонким голосом маньяка:

– Выйди на митинг сегодня о-о-о,
Убей государство пинком под зад о-о-о
Поимей его слуг, и принесёте в жертву
Свободе! Свободе! Свободе!

Ибо так говорит, нет, не отец наш Дьявол,
А парадигма Власти Смены!

Безумный напев песни, с сумасбродной музыкой, похожей на репинский рок, прервали грозные, полные гнева и сарказма слова, разнёсшиеся далеко за пределы комнаты:

– Эстебан, ты что специально! – Во весь бас возмутился Ротмайр. – Что-то у тебя рука не счастливая. Я подозревал, когда тебя выволокли из леса на носилках, тебя малость контузило. Иначе я не пойму такой «удачливости» в выборе каналов.

– На, лови. – Усмехнувшись, с негодованием в нефритовых очах изрёк Командор, кидая пульт Ротмайру. – Выбирай каналы на здоровье.

Матёрый мужчина словил пульт, похожий на тонкий деск. Его пальцы правой руки коснулись щетины на щеке, размеренно её почёсывая:

– Так-с-с-с, посмотрим, какие тут есть फिल्мецы.

Песня прекратила своё бречание, сменившись на мульт-

типликационную заставку. Зарисовки мультика изображали хвойный лесной массив, где на поляне, каким-то чудом оказавшейся посреди леса, происходил лесной урок.

Медвежонок, с указкой в руках, стоял у эпохальной меловой доски и спрашивал лесных зверят, о темах, которые могут показаться и взрослому сложными:

– Скажите дети, что вы сделаете с родителями, которые будут не соблюдать ваши права?

Птенец совы подняла крыло, похожее на общипанный кусок мяса:

– Да, Совка. – Ткнув блеснувшей указкой, попросил учитель.

– Когда наши родители нарушают наши суверенные права и Свободы, установленные конституцией и законами, попираются со стороны тоталитарно-авторитарного поведения родителей, стремящихся ограничить наше проявление самости и индивидуальности, то мы можем по заявлению в Ювентальную Полицию поменять родителей на более демократичных и либеральных, которые позволят на ночь съест сто плиток шоколада или объедаться мороженым, ну или же не носить шапки. – Заученно протараторила сова.

– Великий Рейх, – ярость и возмущение в каждой букве, молвленной Ротмайром, так и стремились изничтожить этот мультфильм, – такое ощущение, что это статья закона. Но ведь это бред сивой кобылы! – А медвежонок продолжал добродушно говорить.

– Дети, а что делать, если государство нарушает ваши права и Свободы? Куда надо идти?

В ответ лишь молчание, дети не проронили не единого словца.

– Как же вы знаете? Нужно идти на улицы и требовать своего. Парадигма смены властей позволяет нам менять государство так, как мы этого захотим. Мы же меняем родителей, если нарушают наши права?

– Да! – Завопил детинец.

– Так и государство можно поменять. Запомните это.

Эстебан усмехнулся, сложив руки на груди, с ироничным сарказмом обратился к своему матёрому другу:

– Ну, и у кого из нас «несчастливая рука»? Кто из нас контужен?

– Успокойтесь, – голос Эбигейл, женственный и чистый, внушал чувство успокоения. – Сейчас по телевизору на всём миллионе каналов показывают про парадигму смены властей. Лучше переключите на первый канал. Там сейчас должна идти прямая трансляция с Форума Свободы.

Экран замерцал, выдавая новую картинку и иное звуковой сопровождение. Огромное просторное помещение с тремя нависающими друг над другом ярусами, внутри которых бушевала самая настоящая война. Гул стоял как в месте средневекового побоища. На последнем, третьем возвышении заняли оборону те, кто не похож на размалёванных и изменённых «носителей прогрессов» нового мира. Стулья, палки ку-

лаки: всё шло в ход. Геи, трансгендеры, звероформированные, депутаты, феминистки: все смешались в кучу.

На фоне парламентского бардака, гражданин, с таким количеством металла на лице, что кожа его обвисла, пытался дать интервью, но от того, что провисли и губы, звук получался несколько приглушённым:

– Я, Вшир, – пытался громкостью голоса гражданин осилить стену шума, стоявшую в зале, – а уполномоченный и почётный гей, помогаю вести репортаж блогерам с места оплота государственного тоталитаризма. – Простерев руку, изуродованную пирсингом и «тоннелями» в сторону бойни, Вшир, продолжает. – Сейчас вы можете наблюдать за активными парламентскими дебатами. Сторона либерального прогресса требует отставки парламента, но он цепляется за остатки собственной власти.

Какого-то из депутатов окатили помоями из принесённого ведра и облили уриной, после чего Вшир оживлённо заговорил:

– Как мы видим, член «Коалиции геев» выразил недовольство одному из депутатов, упрекая его в дискриминации.

Бойня могла длиться бесконечно и перерасти в поножовщину, но внезапно всё действие прекратилось, и все, как можно быстрее попытались растесаться по собственным местам. Шум унялся. Груды мусора никто не убирал и среди них засели боевые парламентарии.

Высокий человек, закутанный в чёрные рясы, с накрытым

капюшоном, взошёл на трибуну, обратив глубокий голос в аудиторию:

– Последнее слово «Вестников Свободы»?

– Мы отказываем этому государству в его существовании и объявляем Час Конца Найма! – Хором прокричала половина аудитории.

– Хм, тогда государство с этой секунды считается отменённым. – Культист Конституции обратился в зал с пламенным призывом. – Зовите к нашему Великому Собору Конституционализма всех Вестников Свободы! Созывайте либеральный люд и не-люд, ибо наступил момент! Да наступит «Оргиева Ночь»!

Звучание пламенных призывов прервалось скрипом деревянной двери и раздавшимся голосом:

– Эстебан. Это Антоний. Пойдёмте. Нам пора собираться.

– Надеюсь, Лютер в порядке. – Скорбно проронила Эбигейл.

– Конечно, не каждый день узнаёшь, что твоя мать Радикальная Феминистка. Это настоящая трагедия. – Трагично, но с толикой колкости вымолвил Ротмайр, глубоко добавив. – Поскорее бы свалить отсюда, СМИ говорят, времена наступают ещё какие.

Глава двадцать девятая.

Побег из плотского рая

Спустя час. Скатриума

Шум за улицей только нагнетал обстановку. Старый дом, сделанный в стиле романтизма, на подобии древних базилик, облицованный белоснежным мрамором, явился оплотом спокойствия и безмятежности, посреди плещущегося океана безумия и хаоса.

Снежная буря наконец-то накрыла регионы Уэльского Олигархата, заметая всё пространство снежными потоками. Тьма и холод накрыли несчастный городок. Но это не помешало многотысячным ордам, алчущим торжества безумной свободы выйти на митинги и выступления.

Крушились региональные администрации, отлавливались госслужащие и жестоко избивались за то, что они притесняли Свободы и Права тех. Упившиеся либеральным сумасшествием «Вестники Свободы» сродно крестоносцам несли свою веру в Свободу, насаждая её с особым рвением. Только здесь нет креста, нет веры, есть только безумие и морозная тьма.

Миллионы каналов транслировали, как вся страна агонирует в душевнобольном кавардаке. Шум, вой, залпы самодельного оружия и выкрики боевых либеральных кличей

смешались в единый протяжный гул смены властей.

На всех каналах одно и то же, по смыслу и сути, как будто вся держава впала в одно однообразное дикарское безумие, сокрушая тех, кто не причислял себя к единому карнавалу «абсолютного либертинизма».

Эстебан помнит, знает. Эти слова отражались в его разуме, каждый раз когда его взор устремлялся за окна. «Познав свободу, вкусив и испив её сполна, становишься «диким». Но это не дикость, ибо Свобода в чистом виде не может стать ею. Это наша суть и пик» – слова отдавались звонким эхом в ушах, полным того тронутого тона и напева первобытного безумия. И в чём тот дикарь был не прав? Командор смотрел в экран телевизора, но видел лишь сумасшедших безумцев, крушащих здания. Постройки, откуда «либерально-народная бюрократия» обращалась за помощью, громились, разносились в прах самими «Вестниками Свободы», во имя освобождения.

Телевизор с нескрываемым реализмом, ибо всякое ограничение по возрастам и этичности давно кануло во тьму, показывал реалии происходящего. Кого-то из «слуг проклятого тоталитаризма» забивали дубинками, раскрашивая улицы алыми цветами. Кого-то заставляли куриться и упиваться до такой степени, что вены обретали ярко-синий цвет, а желудок изрыгал сам себя. Массовые оргии всех на всех, драки стенка на стенку, грабежи, убийства, тотальное насилие и безумие рынка: всё это стало нормой для часа сегодняшнего.

Всё напоминало безумный цирк, где сумасбродно и пугающе раскрашенные клоуны терзают самих бывших зрителей, ублажавших ранее всеми средствами клоунаду. Кровь и оргии, наркотики и дерьмо, безумие и хаос, всё обильно лилось по венам Либеральной Капиталистической Республики. Но живому трупу всё равно, ибо «то, что мертво, умереть не может».

– Скажите мне, и чем те дикари под Микардо отличаются от всего этого? – Вопрос Эбигейл разорвал звуки безумия, обильно льющегося из телевизора.

– Различия одно: тех, кто под Микардо – уничтожили раньше. Они просто не успели дожить до этого момента. – Грозно изрёк Эстебан, собирая сумку, застёгивая один из кармашков.

В просторной комнате, поливаемой ярким светом из новейших панельных ламп, стены которой покрыты специальными деревянными плитами белого цвета, отлично удерживающими тепло, копошились люди. Сумки на диванах, вещи, разбросанные по всему дому, да и сама спешка витала в воздухе, что заставляла людей перебирать необходимое с двойным усердием.

Столько мебели, что всю не перечислить, ибо Корпорация, как на удивление, оказалась довольно щедра. Столы из дуба, белые кресла, диваны, стеллажи и шкафы, поимо отопления, ещё один камин, дарящий своё тепло. Да, количество мебели, в основном расставленной у стен просторной ком-

наты, долго можно считать.

Но не это важно. Все активно собирались покинуть это место, пока не зная куда бежать. За ними не велась охота, не шло преследование, но каждая секунда могла стать роковой, ибо часы беззакония позволяли делать с кем угодно всё, что взбредёт в больную голову. Все, кто в доме, собирали необходимые на первое время вещи.

Эстебан, держа в одной руке край сумки, а другой, подкладывая туда одежду, обратил взор в комнату, смотря на процессию сборки.

Ротмайр набивал мешок запасами спиртного, а в кейс аккуратно складывал всё оружие, которое смог найти. Командор диву давался, с толикой возмущения, как работая Верховным Лордом он жил с таким пристрастием к всему бражному? Этот парень хоть и строил из себя матёрого мужика, ко всему относился с особой чувствительности и тем более к переездам. Столько ворчания и демонстративного недовольства на один квадратный метр редко где можно увидеть.

Антоний, прошедший с Командором Полк-Орден, Великую Пустошь, сопровождал его как хранитель в тюрьме и ушёл вместе с ним из ордена. Этого человека Командор чтит больше всех. Этот черноволосый парень, с впавшими и иссушенными чертами лица едва ли не всю жизнь шёл с Командором нога об ногу. Сейчас, Антоний, ушедший в звании «Теневика», складировал продовольствие в одну из больших сумок, а так же, перебирая картонные пачки, заполнял ле-

карствами рюкзак. Шум сборов, переговоры жильцов не мешали ему сосредотачиваться.

Габриель и Хельга. Тот юноша, за которым Эстебан следил добрую половину жизни, опекал его, защищал от «праведной ярости» Автократора Рейх. Командор исполнял клятву, всегда... каждый час, минуту или секунду. От «духовности» Империи или антиморали «Республики». Эстебан слишком много прошёл, чтобы ни один белый волос не пал с головы юноши. Габриель, парень от которого складывалась вся жизнь сейчас медленно, но верно и неотвратимо проваливался в объятия чувств. Хельга, беловолосая девушка, нордического склада полностью пленила разум Габриеля и Командор нутром, душевным естеством ощущал, что его роль отыграна. Эстебан отчётливо понимал, что это станет их последнее путешествие. Финальный рывок к заветной цели.

Эрнест, Лютер и Эбигейл, собиравшие свои вещи. Объединение семьи стало радостно болезненным... даже слишком. Запихивая имущество, на лице троих повисли странные маски отчуждённой радости. В памяти Эстебана до сих пор разворачивались картины истерики Лютера. Юноша отказывался принимать суть того, что его мать встала на путь либеральный. Его душа, мысль, сердце и мозг с яростью отторгли эту новость, окрашивая её в тона бреда. Только после долгого разговора Эрнест смог убедить своего сына, что всё потеряно и не вернуть. Его мать умерла, не иначе и возвратит

её нельзя. Сын всё-таки принял горькую и суровую истину и принялся собирать собственное добро в сумки. Но вот Эбигейл. Первая реакция на девушку была не самая добродушная, однако Эрнест разъяснил своему сыну, что она сделала для того, чтобы они сошлись. Лютер теперь к ней ненависти не испытывал, но и родной не считает.

Амалия, Верн, Ансуа, Элен и Жебер. Пятеро ребят копошатся посреди общего кавардака и пытаются как можно быстрее покинуть место, медленно скатывающееся во тьму. Илия, девушка Лютера, похожая на маленького ангела, отдалённо схожая с Эбигейл, перебирала документы. Амалия старалась находиться часто со своим возлюбленным, ибо понимала, что сейчас ему нужнее всего поддержка.

Только Малика не было. Проповедник остался в Микардо приглядывать за освобождёнными пленниками и стремиться вылечить их от терзающего шока. Эстебан мог пожелать ему только удачи, которая особенно необходима в час, когда сгущаются тучи.

Вот они, люди, не согласные с пришествием нового мира. Ничем не сдерживаемые девушки и парни, на земле греха, бегут с неё, подобно заключённым из открытой тюрьмы. Тринадцать человек готовы сорваться и бежать со всех ног хоть куда-нибудь, но подальше от плотского рая, обращающегося с каждой секундой в преисподнюю.

– Зараза, а на улице сейчас весело! – убирая паспорт гражданина Рейха во внутренний карман бежевого пальто, кинул

Ротмайр.

– Хотите присоединиться? – с видным сарказмом изрёк Эрнест, застёгивая куртку. – Там действительно сейчас будет карнавал.

– Я на идиота, не похож. – Потерев старое бежевое пальтишко, Ротмайр убрал второй паспорт во внешний карман, кинув. – Я человек умный, и не лезу в самый центр разгула психов.

– Так, – завязывая шнур на сапоге, проговорил Командор, – заканчиваем собираться. Нужно прояснить по плану. У нас до выхода пара минут осталось.

Габриель, в стороне, укладывал в портупею небольшие предметы: ручки, блокнот и прочую канцелярию, когда к нему украдкой подошёл Лютер. Юноша долго не мог начать разговор, и Габриель смог узреть это, посему взял инициативу на себя:

– Ты как? В порядке? – Застегнув портупею, обронил вопрос Габриель.

– Вроде как. – Потерянно, словно выпав из реальности, дал ответ Лютер. – Прости, не каждый день узнаёшь подобное. Да и эта новая папина фифа... не нравится она мне. – И выпрямив руку направив конечность, как стрелу, на Командора, Калгар слегка язвительно произнёс. – Твои-то родители всегда при тебе.

– Ты об Эстебане? Он мне не отец, а, можно сказать, опекун. Своих родителей я потерял ещё в Рей...

– Где потерял? – Скоротечно оборвал Лютер друга. – Так ты даже не из нашей страны? – Состояние души овладело Лютером и его мышцами, отчего губы разошлись в лёгкой улыбке. – Я всегда подозревал, что вы что-то скрываете.

– Да, – грубым голосом произнёс Эстебан, незаметно оказавшись позади Лютера, – мы из Рейха. Теперь здесь. – В нефритовых очах Командора мельком проскользнула печаль. – Вот теперь снова бежим, только на этот раз не знаем куда. – И слегка наклонившись, Эстебан шёпотом направил речь в ухо Лютера. – Я тебе не советую Эбигейл называть «фифой», хотя бы, потому что только благодаря ей вы сейчас видите с отцом. – И выпрямившись осанкой, Командор голосом окинул добрую половину дома. – Собираемся!

– Из Рейха. Удивительно. – Твердил Лютер, направляясь в сторону камина, и добавил. – Я всегда что-то подозревал. Но чтобы прям из самого Рейха. – Юноша обратил лик к Габриелю и одёрнул его за рукав. – Наверное, у вас такого безумия там нет? Не бродят умалишённые, возвещающие о свободе?

– Нет, – слова Антония казались сухими и безжизненными, – таких не имеется. Зато у нас много потерявших рассудок в праведности.

– Это как? – Разведя руками, задал вопрос Лютер, тут же застегнув пуговицу на кармане серой куртки.

– Хм, представьте себе всё тоже безумие, как и у вас, только его идейным апофеозом будет не абсолютная свобода, а

праведность и послушание до фанатизма. Полнейшее отсутствие свободы, чтобы предотвратить то, к чему пришла эта страна. – Усмотрев полнейшее непонимание в очах Лютера, Антоний слегка улыбнулся и вымолвил. – А теперь к камину.

Все тринадцать человек удвоили усердие, уже забывая сумки всем необходимым, став через секунды откладывать вещи и стекаться к камину, возле которого решил встать Командор.

На полу плясала тень Эстебана, как и остальных людей, позади него раздавались звуки древесного треска и исторгались ароматы угля.

– Ротмайр, ты скоро?

– Подожди, я «прелесть» потерял. – Недовольно швырнул мужчина.

– Я белый ром в сумку убрал. – Откликнулся Антоний.

Бывший Верховный Лорд прекратил поиски и поспешил присоединиться к основной массе, влившись в ряды уставших людей.

– Для начала я спрошу, – грузно обратился Командор, – особенно это касается вас, юноши, – указав на Жебера и Ансуа, дополнил Эстебан, – у вас есть удерживающие вас связи в этой стране?

– У нас? – Вынув руки из кожаного жакета, риторически переспросил Ансуа. – Я, как и Жебер, как и Амалия, так же как и некогда Лютер, попали в ВУЗ Корпорации, потому что нас лишили родителей. – В глазах парня проскользнула пе-

чаль, а голос исполнился меланхолией. – Я хотел, чтобы у нас всё было по-другому, но нет, подобные связи отсутствуют.

– Понятно. – Командор рассеяно посмотрел на всех, кто есть, выделив взглядом Эрнеста, и поднял руку, согнув в локте, указав прямо на мужчину. – Ты говори, что у тебя есть идеи.

Эрнест сделал кроткий шаг вперёд.

– Да, нам помогут. Я договорился с одним влиятельным человеком из Корпорации.

– Ему можно доверять? – Чуть склонив голову, вкрадчиво спросил Эстебан, давая понять всем о своём недоверии.

– Он мой друг. Человек порядочный. – Эстебан не поверил словам Калгара, но не стал сего излагать. – Он сказал, что сначала нам нужно будет добраться до заброшенного порта «Сансет» (валлийский язык – закат). Там нас будет ждать лодка. Оу, простите, катер. Он нас доставит в Атлантико-Океаническую Директорию к одному Капитану, а уже оттуда мы сможем попасть в северную Америку.

Все внимали деталям плана, и никто не смел выразиться против него. Многие хотели бы более надёжный порядок действий, цепь событий, которые смогут безопасно их вывести из Нового Содома. Но его нет. Положиться на полумифическую личность из далёкой Корпорации с востока, прийти в место, где может катера и не оказаться, и поплыть в неизведанное путешествие, которое не понять чем может закончиться. Есть только это, не меньше не больше.

– Что ж, – глубоко, словно рыча, затянул Эстебан, план довольно сносный. Другого нет. Придётся положиться на твоего человека, Эрнест.

Раздался стук в дверь, прервавший собрание. Командор инстинктивно метнул руку к кобуре, выхватив длинный ствол. Кивком головы Эстебан приказал Теневику открыть дверь и посмотреть, кто там. Ручка скрипнула, петли двинулись, и в дом позволил себе пройти через порог мужчина, укутанный в плотный и тёплый пуховик.

– Фух, еле как до вас добрался. – Страхивая снег и стуча ботинками, твердил прошедший чернокожий парень. – Повсюду эти психи. Всё пытались меня заставить принять какие-то таблетки или в каком-нибудь ритуале поучаствовать.

– Это Арсинис. Мой друг. – Громогласно произнёс Калгар, всех успокаивая. – Я его просил к нам зайти.

Два мужчины, неспешно приблизившись, крепкой пожали друг другу руки и потрепали ладонями по плечам.

– Я достал его. Как ты и просил. – Уже серьёзно затвердил Арсинис. – Он находится на окраине в полутра километрах отсюда. Больше нельзя было.

– И за это спасибо. Я в неоплатном долгу.

– Простите, это вы о чём? – Вопрос Командора прозвучал как угроза.

– Вы думаете, мы бы шли все тридцать километров до порта? – Усмехнулся Эрнест, смотря на смущение всех лиц. – Мы бы не дошли. Дорога слишком опасна. Я попросил

нам угнать автобус. Теперь у нас есть транспорт.

– Хм, – Эстебан приложил руку к подбородку, – почему нельзя. Пусть твой друг переезжает сюда. – Мужчина обернулся к своему другу, в вопросе и воззвании простирая руку. – Антоний?! Ты же...

– Да. Я вымарал из реестров Корпорации все упоминания об этой собственности. – На сухих губах Антоний проявилась лисья ухмылка. – Они не в жизнь его себе не вернут. Как бы не старались.

– Тогда решено. Занимайте дом.

Арсинис готов был потонуть в радостях, но незакрытая, как по року дверь скрипнула, впуская с собой не только морозный воздух, но и непрошенных гостей, от которых тут же захотелось сразу же избавиться.

– Содом в каждый дом! – Воскликнул «гость». – Вот я нашёл достойное место и народ для «обряда растленности».

Все обернулись, всматриваясь в человека. Длинные волнистые чёрные волосы, ниспускались прямиком на непокрытую накаченную грудь. Черты лица напоминали идеал мужчины и одновременно отторгали: широкий нос, залитые чёрной краской глаза и третий, вмонтированный в лоб, размашистая челюсть. Тело, окутанное в красный атласный балахон, передвигалось с особой грацией и пластикой. А дом поспешили заполнить стойкие ароматы духов, дурманящие химическим составом.

– Кто вы? – Задался вопросом Командор.

Парни и девушки знали, что собой представляет этот мужчина. Множественные награды и медали за «Сексуальное просвещение» и звание героя за подобные похождения. Имя, прозвучавшее в ответ, столь знакомо для многих и внушало великое и благоговейное почитание, как и мерзостное отвращение.

– Вот ты деревенская потаскуха, – усмехнулся гость. – Я Ароиз «Пошляк», прибывший сюда для проведения ритуала. Там, у дома собрались мои последователи, и они помогут мне.

– Какой ещё ритуал? – Командор вновь приложился к кобуре с энергетическим пистолетом.

– Что ж, я залью этот дом всеми испаринами просвещения! – Взревел Ароиз. – Тут настанет такой разврат, что вам и не снился. – «Проповедник» похоти, как заведённый волчок, оказался за два шага рядом с Хельгой.

Девушка ещё не успела надеть куртки, поэтому оставалась в одной обтягивающей кофте. Ароиз оказался за её спиной. Одной рукой он перехватил испуганную девушку за горло, а другой ладонью ухватил зад, сжав его со всей силы.

– Не трепыхайся сучка, – опуская руку на грудь, твердил змеино Ароиз, – я доставлю тебе такое удовольствие, что не снилось.

Хельга кричала, пыталась выбраться, но это цепкие объятия словно сковали её, а ладони «Пошляка» продолжал изучать тело. Габриель, видя картину домогательства, сорвался

с места как цепной пёс и устремился на спасение своей пассивности. Считанный метр его отделял от девушки, как, юркнув в дверь, выскочил один из помощников Ароиза. В полёте он смог остановить юношу, свалив его с ног. Ротмайр тут же кинулся на помощь юноше, ударом ботинка опрокинув помощника. Завязалась жестокая драка.

Рука Эстебана схватила за длинные волосы голову Ароизу и дёрнула со всей силы, которая только вспыхнула, и мужчина стал выволакивать незваного гостя.

– Ай! – Заверещал как свинья «Великий Раствитель». – Мои волосы стоят больше чем ты, урод! – Выкрикивает Ароиз, пока его тащит по полу Командор.

«Гостя» буквально вышвырнули на крыльцо под снег. С важным и расшвырявшимся видом он поднялся и собирался что-то заявить, в стиле наглости и собственной недостижимости, но увидел лишь, как в лоб ему утыкается дуло пистолета. Вся спесь сразу пропала, остался лишь страх в глазах.

– Воу-воу-воу, парень. Не совершай ошибок. Давай договоримся, нежели ты пожалеешь. За мной такие лю...

– Беги. – Сурово приказал Командор, медленно сжимая курок.

Великий и неповторимый Ароиз, являвшийся перед либеральной общественностью, как невообразимый жеребец и идол, которому нужно поклоняться, сейчас нёсся со всех ног, как гонимая дичь. Самовозвеличивание и подражание самому себе сгнуло в небытие.

Палец Эстебана достиг критической точки, сжав курок полностью. Раздался сухой треск и яркий жёлтый луч ударил прямо в затылок. Части костей и мозга брызнули через лоб, и снежная масса окрасилась алыми тонами, а само тело обмякло и пролетело пару метров, уткнувшись рожей в помои, кем-то выброшенные.

– Убили Пошляка! – Скрипучим голосом вскрикнул кто-то из сектантов Ароиза и продолжает неистово верещать. – Убили Пошляка! Убили Пошляка!

Командор обернулся, всматриваясь в застывшие гримасы ужаса и ошарашенности, висящих на лицах знакомых. Мужчина убрал пистолет в кобуру и одним движением расстегнул кожаную куртку. Ротмайр мощными ударами добил помощника, заставив его валяться в луже собственной крови, и потирал костяшки.

Растерянные лица, ошеломленные глаза... Не этого сейчас требует обстановка. Всё слишком поменялось.

– Берите сумки и бегите! – В приказном тоне закричал Командор, указывая на вещи. – Быстрее! Давай, давай!

Двенадцать человек готовы были выбежать из дома, но порог окатили камни и выстрелы из пороховых пистолетов. Командор стал отстреливаться, пространство тут же стало наполняться сухим треском и вспышками. Каждый его выстрел разит с особой меткостью и сектанты ложатся на снег один за другим.

Одурманенные наркотой, движимые мстостью отомстить за

своего духовно-растлительского лидера, или просто алчущие присоединиться к общему хаосу, «Вестники Свободы» с неистовством рвались в бой. С ножами, гаечными ключами, самодельным оружием и прочим мусором они рвались позабавится.

– Выходите через запасной выход! – Приказал Эстебан, делая ещё один выстрел. – Им нужны развлечения, не более того!

– Хочешь в героя поиграть?! – С иронией, перекрикивая выстрелы, кинул Ротмайр. – Забыл, как тебя тогда из леса гвардейцы вытащили?

– Бегите отсюда! Я вас догоню! – Меняя батарейку, кричал Эстебан.

Обстановка не из лучших. Противник медленно подбегает к забору, а зарядов становилось всё меньше. Двенадцать человек покинули дом, а значит, можно развернуться по крупному. Рядом прострелотала очередь, пули легли в стену прямо возле головы удачливого парня. Командор ответил лишь парой выстрелов, скосив невезучего стрелка.

Раздался звук треска стекла и кряхтения. Мужчина обернулся и оскалился от вида того, как один из противников лезет в окно. Эстебан направил дуло, сжал курок и яркий луч выбил мозг прямо через глаз.

– Как у вас побег в бойню превратился?! – Сквозь грохот пальбы вопрошал Арсинис. – И это будет мой дом?!

– Вот так бегут из рая! – Злорадно изрёк ведущий бой Ко-

мандор, расстреливающий сектантов Ароиза. – Найди ящик с гранатами! Живо!

Через пару секунд под рукой и Эстебана лежал небольшой матовый железный ящик в котором покоились четыре гранаты, одна из которых напоминала баллон, а вторая большой новогодний шар.

– Ох, хотел их в дорогу приберечь, но раз так! – Срывая чеку зав чекой иронично твердил Командор.

Первой на землю пала граната, похожая на баллон. Её взрыв заставил ослепнуть и оглохнуть всех, кто не прекращал наступление. Вторая и третья граната взорвались с такой силой, что асфальт, снег, куски тел, дерьмо и грязь закрутило в воздухе, в адском огненном вихре. Ну и четвёртая, что напоминала своей пузатостью шар, взорвалась так, таким образом, что всех, кто ещё мог стоять на ногах и держать оружие, прошило картечью насквозь, порой отрывая конечности.

Наступление захлебнулось собственной кровью. Только пара оглушённых сектантов адской звуковой волной шатается, не в силах прийти в себя. Лёгкая дымка, ароматы пороха и вонь гари легли «нежным» прикосновением

Смотря на разорённые виды, грязный снег в крови и внутренностях, изрешечённые стены и ковры тел, Эстебан спокойно сказал Арсинису:

– Дом ваш. Больше вас никто не потревожит.

Бой выигран, но впереди долгий путь. Эстебан схватил свою португепю и бросился прочь от поля битвы. Выбежав из

заднего входа он оказался носом к районам нищих. Но там ему некого бояться, разве что собственной тени.

Сквозь разрушенные и покосившиеся дома, целых полтора километра, мужчина нёсся со всех ног, оставаясь незамеченным для местных жителей. Его цель – как можно быстрее и как можно тише.

Спустя минут десять Эстебан смог найти нужный транспорт. Архаичный автобус, выкрашенный в белый цвет, с краской, готовой отвалиться. Борта его во многих местах провалились. Если в «Центре Свободы» испытывают машины на гравитационной подушке, то этот автобус, напоминавший коробку, точно – анахронизм давно ушедших времён.

– Ну что, Антоний, все здесь. – Смотря на то, как Эстебан упал на сидение и стал стирать сажу и пот с лица, заявил Ротмайр. – Толкай уже!

– Да, – устало обронил Командор, – валим из этого проклятого рая. Мне он уже надоел.

– Хм, интересно, что сейчас творится в том, что называется «Центром Свободы»? – Повис в воздухе грузный вопрос.

– Только черти да ангелы знают, Габриель.

– Нет, Эрнест, – на выдохе твердит Эстебан, – только черти. Ангелам ни там, ни тут нет места.

Глава тридцатая. Апогей оргии

«Центр Свободы». Этим временем.

«Вот и наступил момент абсолютного освобождения, мои безгендерные и всегендерные друзья! Идите на площади несите её вящий свет в массы! Распространяйте, не рефлексуите! Зиждется заря нового дня и все те, кто отринут её свет, пусть сгорят в пламени либерального солнца!

Выходите на улицы и совокупляйтесь с самым удовольствием! Устанавливайте везде, где только можно власть либеральную! Попирайте священников старых религий и всяких не-Вестников Свободы, ибо отторгая господина Либерализм, вы отчуждаете себе от момента вознесения вас на самый верх свободничества!»

– Призыв неизвестного проповедника.

Сказать, что вокруг творится анархия это не сказать ничего. По всем улочкам мегалополиса лилось развращающее безумие, давно поглотившее всех, кто живёт в столь огромном городе. Огромный город, похожий с орбиты планеты на бриллиант, утопает в шумах и диких звонах музыкального стона, который готов расколоть пространство.

Александр, приехавший сюда не так давно, лихорадочно осматривался по сторонам, пытаясь вспомнить, как он сюда

попал. Его глаза заливались слезами от распылённого дурмана, ноги и руки неслись в пляс, потакая ритму такого рока, от которого сотрясались небоскрёбы. Юноша ощущал, что по его ушам течёт кровь, а голоса становятся всё тише, как будто с каждой секундой глухота становилась всё сильнее и сильнее.

Сквозь слёзы он распознавал образы того, что тут происходит. Бесконечные оргии, которым нет конца, ибо миллионы, десятки миллионов горожан сплелись в едином экстазом танце, захлёбываясь похотью по горло. Тысячи валялись под ногами в конвульсиях и нечистотах, погибая от токсинов и наркотиков, добивающих нервную систему.

Парень не мог вспомнить, как здесь оказался. Его рука метнулась к раскалываемой голове. Едва волнистые волосы, выкрашенные в семнадцать разных цветов, как парик у клона, прожжены во множестве мест и причёска у Алехандро напоминает плешивый покров.

– Проклятье! – выругался юноша сам для себя.

Несмотря на безумие, основные потоки горожан продолжали шествовать в едином направлении. Похожие на различных зверей бывшее люди; с десятками имплантатов, пирсинговой кожей горожане, покрытой уже самой настоящей броней из металлических украшений; в татуировках, плотным покровом накрывшим голое тело; давно лишённые рассудка и надевшие на части тел кастрюли, ведра, коробки или нечто поэкзотичней, как шарф из удава: всё эти граждане

единым маршем под гул адской музыки и собственные улюлюканья продвигались вперёд, по улицам.

Александр опёрся на фонарный столб, держась за окровавленные уши, закладываемые роком из места под названием Преисподняя. Глаза юноши уловили лишь сияние тысяч фонарей, сотен экранов и прочей электроники, что смешались в одно большое световое пятно. Парень прикрыл ещё и глаза.

На плечо юноши положилась широкая рука. Пальцы, схожие с накаченными фрикаделинами и лапа, размером с мухобойку.

– С тобой всё в порядке! – Заорало что-то нечеловеческим грубым голосом.

Александр оторвал голову, что бы взглянуть на существо. Третья и четвёртая его рука торчали из боков и болтались мёртвым грузом. Такие же накаченные, как и функциональные. «В них что, воду закачали?» – Промелькнуло в сознании юноши. Но он и не подозревал, что за маслянистая жидкость отравляет тело горожанина.

– Да. – Тяжко ответил Александр, держась за раскалывающуюся голову. – В порядке.

Из трёх губ, расположенных вертикально, зашевелились только одни, выдавая резкий звук:

– Ну, хорошо!

Парень вновь попытался окунуться в воспоминания, когда перед глазами у вас тридцать человек, с ушами, как у

кошек, сломанными костями и приделанными хвостами, лакают из тазика нефть, а потом глотают зажжённые спички, особо не думается.

Александро поспешил отвернуть голову, но тут его чуть не окатило содержимым желудка одного из демонстрантов. Прямо возле обуви излились зловонные чёрные массы, в которое упал «человек» их проливший. Юноша понял, что нужно куда-нибудь отойти прочь.

Еле как парню удалось встать и сделать пару шагов. Но вот его ноги столкнулись об тела валявшихся горожан. Не мёртвые, но впавшие во кому они устлали дороги подобно коврам.

Зацепившись за плечо какой-то девушки, и стянув с неё кусок одежды Александро пал носом в плитку, но тут же попытался встать. В руке у него оказался кусок ткани, который он поспешил выкинуть.

«Вакханалии Рима» – пробежало в затуманенном рассудке парня, и всё же его память выдала часть воспоминаний.

Всё началось около часа назад. Десятки миллионов жителей Либеральной Капиталистической Республики прибыли в «Центр Свободы», что бы выразить свой протест «Тоталитарному Государству». Администрации регионов уже полыхали жарким огнём свободной революции, и толпе хотелось продолжения веселья. Похожие на кошмары, с изменёнными телами, в сумасбродной одежде, подчёркивающей многие уродства, представленные, как «Свобода над орга-

низмом», отдалённо похожие на людей существа наводнили улочки огромного мегаллополиса. Тысячи разноцветных флагов и десятки миллионов различных идей спешили разделить город.

Культурой тут и не пахло с самого начала массовых шествий. Одурманенные, нализавшиеся алкоголя или химических веществ «Любители Голоса Ада» ворвались в множество студий, зданий и «Городским Голосом», перехватив все возможные источники звука. И понеслась полу людская масса в ад, под звучание тяжелейшего рока от которого на раз рвались перепонки.

Массовые совокупления, сначала по углам, а затем и на улицах росли подобно тому, как рак пожирает тело, поглощая всё больше территории, обращая город в один большой Содом, стараясь охватить всех, кто вышел на митинг. Издевательства над собственным телом, в виде прокалывания собственной кожи, отрубания конечностей на забаву, заливались веществами, от которых нормального человека могло стошнить.

А полиция? Её нет, ибо государства теперь не существует. Есть регионы, связанные волей Корпорации и Культа Государства, но большего нет... пока нет, ибо вся либеральная мешанина, собранная из «Вестников Свободы» идёт к Собору, чтобы опрокинуть до конца институт державы и войти в эпоху «Абсолютного Либертинизма»... по крайней мере, они так думали.

Потом пришёл момент анархии. Грабежи, во имя «добычи рыночного капитала», пьяные изнасилования «утверждающие право на получение сексуального удовольствия» и ещё мириад явлений, чья суть – беззаконие, то есть «свобода абсолютная». Никто не собирался останавливать подобные «Акты проявления внутри личностной свободы».

В этот момент, каждый, кто способен держать в руках оружие крушил и громил всё, что попадалось на пути. Витрины, фонарные столбы, окна, автомобили: ничто не могло устоять перед «Свободой проявления самовыражения». Порой на целых площадях люди и нелюди сходились в кровавых мясорубках, что подавались под «Свободой выражения убеждений».

Ничто не может остановить «оргиеву ночь». Ото всюду льётся дурманящий аромат, заставляющий всякого, кто вдохнёт его, плясать как сумасшедший, вливаясь в общую реку безумия.

Но это лишь самый пик огромного айсберга, медленно подминающего город под своей тяжёлой грузной пятой. Все души раздавлены и возведены в либеральный абсолют. Все стали дикарями мира, где больше нет ограничений или сдержек, как то было в первобытном обществе. Как оказалось – либерально-племенной строй есть суть и вершина, гротескный апофеоз всей либеральной идеи и освобождения от норм морали. «Свобода навсегда!» – Кричали многие в многомиллионной толпе.

– Голова. Трещит. – Всё твердил Алехандро, держащийся за череп и облокачиваясь на одну из стен многоэтажных домов, чьё подножье залито краской и нечистотами разного происхождения.

Вокруг него адская музыка, оры и стоны, крики и рёвы, звуки калечащего безумия смешались в один единый протяжный гул, раскалывающий голову пополам, словно в округе громяют залпы сотен гаубиц.

– Это же не война.

– Нет, Алехандро.

Юноша оторвал голову и смог сквозь липкие слёзы распознать Джона. Чёрные брюки, мощные грубые ботинки и белая футболка. А в руках бита, с которой на землю капает кровь и дерьмо.

– Ну, здравствуй, жёнушка, – сквозь безумную улыбку кинул Джон, подкидывая битку на одну руку и хлопая её концом об ладонь, посему и издалось хлюпанье.

– Я тебе... не... жена.

– Ох! – Воскликнул его «муж», явно не в себе. – В прошлый раз ты ушла от меня, а теперь. Ух, держись, я тебя так отделаю.

– О чём ...ты говоришь? – Алехандро попытался встать; но его пальцы скользнули по стене и парень мельком бросил взгляд на ладонь.

– Что, думаешь, откуда у тебя кровь? – ткнув битой в ладонь, безумно кинул Джон. – Так я тебе башку рассекло!

Александр понимал, что нужно бежать отсюда как можно быстрее. Может он сможет затеряться в толпе и спрятаться от Джона.

– Я думал, мы любим друг друга! – верещал парень с битой, устрашающе ею размахивая. – А ты, скотина последняя! Нанюхался той дури и давай лезть целоваться с теми зоофилами! Ты – тварь неблагодарная.

– Я не помню ничего...

– Ты, смеешь ещё и не помнить это?!

– Что это ... – Указав пальцем на битую, другой рукой держа за голову, спросил Александр.

– Это? Дерьмо одного придурка, такого как ты! – яростно выкрикнул Джон. – Мы его этой битой поймали, а он не выдержал наших издевательств, ставших проявлением нашей свободы, и изволил сдохнуть.

Александр задумал бежать в этот момент. Голова раскалывалась, ноги и руки стали подобно вате, но это не играло роли, ибо на кону жизнь. Юноша оторвался от стены и дал дёру, что есть мочи. Но предательский ковёр из тел...

Ноги парня запнулись об чей-то кусок мяса, а щиколотки увязли в чём-то липком и Александр рухнул прямо на землю, угодив лицом в лужу с пролитым алкогольным напитком.

– Ах ты, неблагодарная шлюха! – как обиженная истеричка заверещал Джон. – Я из тебя фарш сделаю.

В «мелодичный» ритм inferнальной музыки со всей силы Джон стал наносить удары в голову своей «жене». Метал-

лическая дубина приложилась столько раз, сколько этого понадобилось, чтобы превратить голову в месиво. Ни черепа, ни мозга в едином целом не осталось. Они фонтаном плоти и костей разлетелись в стороны.

– Эй, неосексофилы! – воскликнул с завыванием Джон, маниакально улыбнувшись, когда его воззвание нашло ответ в виде криков одобрения. – Тут есть новое свежее тельце! А ну налетай!

Человек сорок, не меньше, вынырнули из толпы и набросились на свежий труп, как голодные собаки на небольшой кусочек мяса. За считанные секунды тело Алехандро исчезло в толпе смакующих неосексофилов.

Джон ликовал. Вокруг него происходит торжество свободы. Это вам не обыденные марши лесбиянок, геев, «гендеротрансформированных», неосексофилов, зоофилов или ещё каких-нибудь «Вестников Свободы». Таких маршей в городах на дню не менее десяти приходится, а здесь... Полная свобода проявления мыслей и действий. Нет тут никаких ограничений. Все против всех, во имя собственной личности.

На память Джона, облизываемо дубину, смакующего ещё привкус пришлось воспоминание из Конституции:

«Освободись от морали, ибо она сдерживает твою Самость

Освободись от законов, ибо они сдерживают твою свободу действий

Освободись от мыслей, противоречащих свободе, ибо они тебя возвращают к истокам тоталитарности.

Освободись от нужды освобождаться, и ты станешь полностью свободен».

«Такая простая мысль, записанная в одной из пяти преамбул Конституции, а как сложна к реализации». – Подумал про себя Джон и бросил взгляд вокруг, дабы вернуться в сущность либеральной реальности.

У углов, мужско и женско-ориентированные гендеры, вместе с безгендерными или гермафродитами свились в одной большой оргии. Каждая группа набирала не менее десяти участников, а больше всего сошлось на стадионах и площадях. Десятки тысяч горожан, оголившись, вступили в связь.

С пеной у рта, перетяжками на венах, в конвульсиях скакали. Некоторые выживали и носились с глюками перед глазами и кидались на всякого, кто покажется им подозрительным

«Мы марш из ада, ибо там демократия!» – Крикнул некто из толпы и все стали скандировать лозунг. Одежда участников митинга это подтверждала. Кожаные и латексные обтягивающие одеяния, шли вперемешку с безвкусной яркой или под час блестящей марлей, покрывавшей неоголённые участки тела.

Насилие вокруг не переставало униматься. Кровавые стычки, изнасилования мёртвых тел или тех, кто валялся

без сознания, кровавые бойни, издевательства и пытки, как «Свобода воздействий на человека»: всё это не переставало униматься, лишь гиперболическим образом расширяясь

Кто-то повис на нитях, прошивших всё тело, зацепившись за различные крюки. Кого-то, одного из «Вестников Свободы», подвесили за кольцо в носу на высокий крюк, на высоте трёх метров...

Съёмка событий происходила беспрестанно. Блоггеры, обвешанные камерами, сновали туда и сюда, снимая досконально хронику. Порой, в толпе находились те, кто хватал таких блоггеров и пускал их на утехи толпе.

Джон не пожелал больше смотреть. Он решился влиться в безумный вальс.

– До Великого Собора Конституционализма сто метров! – Кто-то выкрикнул из толпы, рыча в рупор.

Ликование пронеслось громоподобным эхом, заставляя трещать от радостных возгласов даже стёкла на окнах. Тем временем Джон подхватил одно из знамён Свободы, ставшим флагом какой-то партии и устремился вперёд.

Вокруг него, сжимая фланги шли такие же люди и нелюди, как и он, единые, однотипные в своей вечной идее освобождения от «коллективизирующего авторитарного устройства души и общества», как утверждал Культ Конституции. По сторонам массовая река «Вестников Свободы» утопала в биологических отходах, мусоре, трупах людей, «отдавшим свои жизни на алтарь свобод».

Жар, бред, сумасшествие и агония экстаза от похоти ореолом кружили над «Центром Свободы», превратившимся во двор самого Сатаны. Тут не осталось даже людей, только «облачённые в саван Свободы и ниспустившиеся до строя дикарей».

Толпа народа, насчитавшего, многие стони тысяч вышла к огромному двору, зиждущегося у подножья огромного, исполинского здания. Небоскрёб похожий на сочетание трёх прямоугольников, где срединная постройка уходит на километр в вышину. Либерально-народная бюрократия стала занимать место во дворе, окружая один небольшой выступ от здания, играющий роль сцены, с которой Культ Конституции читает проповеди.

Насаждения деревьев, кусты и клумбы с цветами во внутреннем дворе – ни осталось ничего, ибо всё сминалось обезумевшей людской мешаниной, насмерть давившей упавшим членов митинга. Хрустели кости упавших под ногами шагающих, слышались предсмертные стоны, но никто не смел помогать.

На сцену вышел странный человек, окутанный в чёрный балахон, с надписями вышитыми белыми буквами на краях ткани, с капюшоном, из-под которого выглядывала маска противогаза. Без сомнения, это Гроссмейстиарий Кюльта Конституции.

– Вот вы и добились абсолютной свободы!!! – В микрофон, приглушённым голосом из-за противогаза, воскликнул

глава Культа. – Государства больше нет и вы, носители Свободы, откроете зарю нового дня!!! Дня, когда наступит мир Свободы и её больше никто не ограничит!!!

В ответ толпа взорвалась ликованиями и выкриками, способные акустической волной порвать ушные перепонки. И одеяния Главы Культа встрепенулись, словно на них дунул ветер. Гроссмейстиарий поднял правую руку и дал какой-то жест, словно призывал неведомые силы к действию.

– Пора завершать сей карнавал!!! Вы готовы окунуться в апогей оргии, устроенной вами?!?! Вы готовы познать полнейшее освобождение и вознесение на самый верх удовольствий?!

Толпа громоподобно ответила согласием и тогда Глава Культа Конституции махнул. С крыш зданий и множества переулков, из-под люков канализации повалил странный голубоватый дым, дурманящий и затмевающий рассудок абсолютно. Джон вдохнул этот аромат. Все его рецепторы и сама жизнь забурлила. Во все нервы ударило удовольствие... и ярость. Ему захотелось убивать, рвать чужую плоть ради получения удовольствия, но боль в голове раздалась предательской ущемлением в сердце. Ноги подкосились произвольно, но Джон не упал, кто-то его подхватил и, приложив максимальные усилия, оторвал голову от тела. Оргия насилия, кровавая и беспощадная, достигла своего апогея.

Глава тридцать первая. «Парламент ушёл, да здравствует парламент!»

«Центр Свободы». Утро.

«Просим прощения у всей либеральной общественности. Мы поспешили со днём назначения «Абсолютного Либертинизма. Слишком рано... и мы поплатились за это. Прошёл день, у нас нет ни правительства, ни парламента... разве что только суды. Но этого мало, слишком мало.

На юге Автократорство Рейх, на востоке Директория Коммун, на западе разрозненные армады Нового Света. Никогда не знаешь, чего ждать от этих стервятников. Не знаешь...

Рано, очень рано мы поспешили с отменой государства. Наша «либерально-народная бюрократия» показала, что дикарская натура в них всё ещё жива. Это есть верх развития либерального строя, но не такой, какой-бы мы хотели...

Выжившие горожане утверждают, что это Культ Конституции во всём виноват. Что мы якобы распылили некий газ, от которого у всех «сорвало крышу». Не верьте им, ибо это безумцы.

Всё только впереди, ибо для нашего мира нет конца, и мы установим ещё тысячелетнее царство либерализма и Свободы»

– Извинения Гроссмейстиария Кюльта Конституции.

Утро началось с кровавого зарева, обозначив своей алой сутью прошедшую ночь. Ветра практически не ощущалось, разве что лёгкое дуновение, пролетаемое сквозь безлюдные и опустошённые улочки.

Лишь редкое облачко могло затмить оранжево-карминовую лазурь наступающего дня, возвещающего о пришествии нового мира, раскрашенного кровью вчерашних демонстрантов.

Улицы, переулки, площади: ни одно свободное место не избежало того, чтобы обратиться в арену страшных событий. Весь мегаллаполис в один момент превратился в один огромный Колизей. Люди и нелюди, отравленные газом, впали в такую ярость, что принялись рвать друг друга. Сотни тысяч трупов усеяли городские пространства, покрыв их плотным слоем тел.

В нечистотах, крошечной вони, среди гор мертвецов работают уборочные команды. Нацепив на себя специальные резиново-синие костюмы, тысячи человек убирают груды тел с улиц, проспектов площадей и отмывают их особенными растворами. Липкая кровь, смешавшись с химией, рвотой и биологическими нечистотами, спевшись со всей массой в единую субстанцию, покрыла всё, что только можно, въедавшись в сам материал.

Грузовики и машины, напичканные тоннами мертвецов, свозились либо к крематориям, либо к чанам с самой агрес-

сивной кислотой. Никто и ничто не должен узнать о том, что тут произошло.

Пространства мегалополиса отчётливо давали образ поля битвы, после страшной сечи. Разбитые витрины и разнесённые улицы. Сожжённые деревья и кустарники разносили по ветру горький пепел. Противный аромат горелых шин и нотки плавленого металла паром неслись сквозь стройные здания.

Скверы, парки, площади: ничто не избежало ненависти толпы, ибо всё обратилось в свалку или руины. Перевернутые лавочки, срубленные, сожжённые деревья, вспоротая плитка, обрушенные статуи или даже обращённые в развалины мелкие пристройки: теперь таков лик «Центра Свободы».

На окраинах, где строения могли достигать одного или двух этажей, эти дома рьяно сносились молотом безумия толпы. На тяжёлых машинах или экскаваторах, они несли рок их жильцам.

Однако наступил момент завершения карнавала. Его пик и резкая секунда падения, когда за пару часов всё веселье изволило закончиться. Газ, или наркотик, таким образом, повеял на многомиллионную мешанину, что все рамки до конца отошли на задний план. Став подобным древним берсеркерам люди и нелюди буквально набрасывались на тех, с кем раньше шли за руку.

Ногти, зубы, ножи и всё, что оказалось под рукой шло в

кровавую рукопашную. Хуже всего пришлось с военными, принёсшими оружие или военную технику. За несколько секунд тысячи горожан сгинули в вихре залпового огня танков и бесконечных очередей. Всё закончилось, когда у вояк иссякли патроны и снаряды, тогда они перешли на ножи.

Однако не весь мегалополис заваливался трупами и залит кровью. Площадку возле одного из зданий почистили быстрее всего, едва ли не вернув её в первоначальное состояние. Огромная постройка, представленная только одним небоскрёбом, широким, словно расползающимся в пространстве, уходящим этажей на сто.

Толпы стройных людей, именно мужчин и женщин, опрятно одетых, облачённых в классические костюмы выходили из строгих чёрных или монохромно серых автомобилей, старых, архаичных конструкций.

Лица их чисты, глаза ясны, кожа не покрыта килограммами металла или манускриптами татуировщика. Их одежда – чёрные брюки, бывшие рубашки, пиджаки и туфли – у мужчин; строгие юбки ниже колена, светло-голубые сорочки, отчётливо женские пиджачки – у девушек. Всё так классически, сдержанно и... архаично, что посреди города, ставшим Содомом, это выглядит странно, даже более чем «ненормально».

Они как можно быстрее пытаются пройти в здание, над которым прибита вывеска, оформленная в стиле геральдической ленты, выбитая из обсидиана, на которой золотыми

буквами блистала надпись: «Твой закон – Свобода».

Мужчины и женщины не толкались, проходя через узкие ворота. Не толкались, как их «коллеги» шедшие до них. Речь идущих слишком культурна и многообразна, чтобы вписываться в новую реальность.

Могло сложиться впечатление, будто пространство и время сделали огромный скачок назад, возвратившись во времена, когда люди оставались людьми и служили, работали во благо человечества.

Они прошли вовнутрь, углубляясь с каждым шагом в недра зданий. Давно пройдя этап сдачи пропусков, люди поднялись и стали занимать места в отчищенном от вчерашних погромов просторнейшем помещении, где каждый вздох, благодаря акустики мог разнестись горным эхом.

Огромный зал разделён на три, последовательных и страшно нависающих друг на друга яруса. Внутри самих чистеньких ярусов, кроме первого, были деления на два сектора. А у самого подножья ярусов, практически у одной из стенок находилась площадка для выступающих людей. Каждый ярус отделялся от другого участка высокой ступенью и деревянной резной мощной перегородкой, которая ограждала края. Каждое посадочное место в этом помещении представлено отдельным едва ли не высоким тронем, имеющим остrokонечную спинку, сделанную из дуба с посеребрёнными узорами. И у места, где стоит кафедра для выступающих, у самой стены, есть три престольных трона, уходящих

под специальный стол заседаний. Каждый трон из этих троих имеет золотую окантовку по углам, а стол заседаний выплавлен из платины, как и герб государства, крепившийся к видной ко всем части стола.

Все понимали, куда они пришли и зачем. Новое законодательное строительство, по старым лекалам Либеральной Капиталистической Республики, исполненным в стиле и форме Развитого Либерализма. Федеральный Сенат открыл свои двери и начал работу, и требует шестерёнок для работы великого государственного механизма...

Над всей площадкой, тремя ярусами, где рассаживаются неспешно парламентарии, затаился строгий и суровый взгляд, взирающий на механизм государства. Прямо над третьим ярусом, на высоте десяти метров расположилась небольшая комната, скрытая от остальных холодным непроницаемым стеклом.

Маленькое помещение, освещаемое тонким рядом светильников, похожих на старые свечки, проливали такой же тёплый и томно-тусклый свет. На изумрудных обоях плясали тени, не более четырёх. Владельцы трёх мрачных теней собрались за круглым столиком, восседали на серебряных изумительных тронах.

– Брат, Боелярий, что ты там забыл? – спросил один из сидящих, потирая руки и роскошную клюку рядом с собой.

– Я? – заведя руки, укутанные в чёрный балахон, лихорадочно переспросил лысый белокожий мужчина. – Смотрю

на новое государство, оцениваю его перспективы и рассчитываю время.

– Вот она, работа Гроссмейстера, стоять и созерцать. – Усмехнулся седовласый мужчина. – Не то, что наши роли.

Человек в балахоне прикоснулся пальцами к массивной книге, висевшей у него на поясе. Со скрипом потёр её медно-серебряную окантовку, словно водил пальцами по лезвию боевого топора. Сквозь капюшон, изрисованный афоризмами, показалась зловещая улыбка, и излился голос маньяка:

– Что бы вы смогли исполнять роли свои, я должен стоять и созерцать, оценивая тысячи перспектив. Иначе...

– Иначе ничего у нас не будет. – Закончил реплику пригожий женский голос.

Болеярый кинул взгляд на хозяйку реплики. Черноволосая женщина, довольно стройная, облачённая в обтягивающие кожаные вещи: сапоги до колена, прилегающий жакет и штаны. А лёгкий макияж только придавал обворожительности её неоновым глазам. Девушка прикоснулась тонкими длинными пальцами к смольным разросшимся, но обстриженным до плеч, волосам, и тут же схватила со стола бокал с шампанским, залпом его опрокинув.

– Ах, а наша прекрасная Архимать из Феминистской Республики знает толк в деле. Как вам удаётся держать своих подчинённых в неведении?

– Прекрасная? – Игриво усмехнулась женщина, облизнув тонкие губы от остаток алкоголя. – За такое бы вас, уважа-

емый Боелярий, там, где я правлю, давно растерзали... за «визуально-комплементарную дискриминацию» и...

– А не нужно. – Оборвал четвёртый сидящий в комнате, вынув руки из серого пиджака. – Мы всё знаем.

– Ох, председатель парламента вмешался. – Въедливо произнёс седовласый мужчина, искривив ухмылку в не довольствии. – Слишком рано вы подали свой голос, уважаемый.

– Ну, пока я силён, я могу, и буду говорить. Ведь для этого вы меня назначили, Антиан Вероний? Лучше скажите, сколько вы заработали на двухдневной бойне? – Обратив свой лик в сторону шикарной дамы, так же с насмешкой, мужчина в сером произнёс. – А вы, уважаемая Архимать? Сколько вы приобретёте в строй новых рьяных феминисток? И как долго сможете продвигать идею о «женской борьбе»? Скажите, – уже издевательски молвил человек, – ваши «сёстры» не знают про опаснейшее отступление от идей радикального феминизма? Почему только одна ступень в вашей иерархии отделяет вас от безумия? А?! Почему, те, кто ниже вас потонули в вихре «освобождения от угнетения»? – Мужчина язвительно обронил вопрос. – Насколько в этот раз будете подливать государство?

– Проклятье, а ведь ты прав! – Воскликнул Антиан. – За последнее два дня все Корпорации подняли такие прибыли, что нам на десятилетия хватит. Оружие, наркотики, пища, алкоголь, техника и даже целые сёла. Столько денег,

что можно начинать войну за «становление рынка» заново. Такой круговорот прибыли, что неважно, сколько десятков миллионов полегло из-за её получения.

– «Вестников Свободы» стало очень мало, – без печали, сухим, голосом, словно перечисляя цифры начал Болярый. – Если бы они сегодня победили, то в нас, друзья отпала бы нужда. Они едины в нас, в своей борьбе против государства. Пока есть оно, будет и борьба, значит, они будут нуждаться в нас, как в элементе объединения. Мы не должны выпускать эту власть, а их борьба против государства должна стать вечной.

– И что же вы сделаете для этого?

– Мы покажем по всем телеканалам сюжет о том, как «Вестники Свободы» одичали. Как они рвали друг друга. – Ощувив на себе недовольные взгляды, глава Культа, добавил. – Конечно, мы не будем говорить о наркотике безумия. А потом будет заявление, что переход к «Абсолютному Либертинизму» стоит отложить на неопределённый срок. Чем дальше, тем лучше. Никто, кроме нас, не должен понимать, что такой момент никогда не должен наступить. Это концепция нашего мира – вечная борьба за свободу, методами свободы и против неё.

– Похоже на бред, – вмешалась Архимать. – После такого побоища, можно будет говорить о новой волне «женоненавистничества». Столько новеньких девушек ринуться «Защищать свои права», главное только, чтобы нам передали за-

писи с камер. Мы их переделаем и пустим в ход. Но главное, что все они станут, подчинены «идеи освобождения женского гендера от патриархального угнетения». Как смешно, но одна единственная идея об освобождении способна так быстро подчинить людей.

– Что ж, старый парламент ушёл, на его место пришёл более сильный и независимый. Но меняется ли от этого суть?

– Нет, – дал ответ Гроссмейстиарий, – но нам нужно время. Мы заново начнём формирование «Вестников Свободы». Все видные предводители их пали прошлой ночью и теперь они разрозненны. Слабы. Нам вновь нужно заводить свою шарманку про борьбу, ибо, когда человек противостоит чему-то, следуя идее, он теряет бдительность и становится легко управляем.

– Смешно, но такой идеей стала «Свобода». Как быстро ей удалось подчинить умы миллионов людей, сделав их максимально похожими, друг на друга. Интересно, но как люди, в идеологии максимального разнообразия, высшего освобождения от серой массовости, тяге к индивидуализму... во всём этом стали едины, как та самая мешанина.

– Ха, как сказано в одной старой книге – Свобода это рабство! – Произнёс громогласно Антиан. – Максимальное освобождение помогло нам из людей сделать рабов собственных потребностей, похоти и безумия. Только одной Свободой и либерализмом сковали их души и заставили нас подчиняться. Нам нужно выпить за это.

Четыре человека в одной комнате, и мало кто догадывался во всей стране, кто действительно заправляет политикой, как внешней, так и внутренней, ибо истинная власть, в государстве либерально-тоталитарном должна иметь скрытный характер, полупубличный.

Гроссмейстиарий размеренно подошёл к столу и поднёс бокал шампанского, всё ещё озираясь в сторону окна.

– Ну что ж выпьем! – смотря на собравшихся в Федеральном Сенате людей, праздно воскликнул Боелярий. – Парламент ушёл, да здравствует парламент!

Эпилог

Первое января. Север Америки. Утро.

Я расположился на берегу и смотрю вдаль на восток. Прекрасный прохладный ветер ласкает моё лицо, надуваемый прямо с пустынного побережья. Но сказать, что оно пустынное – сказать, что я вру, немного. Множественные лодки, небольшие катера и есть даже одна яхточка, недалеко от берега.

Всё так спокойно и тихо, что мне кажется, будто я оглох или умиротворился. Но ведь сейчас только раннее утро, примерно часов шесть, если я правильно помню время. Каждый раз и каждый день я его забываю. Сколько мы уже тут?

Восток прекрасен. Я вижу, как золото наступающего дня заливает небесную лазурь, и всё небо озаряется внеземным светом. Да, тут другая заря, совершенно иная. Тут не изливают безумные фанатичные речи граммофоны, как в Рейхе и не долбит ненормальная музыка, словно в Микардо, оплоте либеральной дури на юге. Нет, тут всё спокойно и тихо, полно мира.

Море, оно изумительно. Спокойное и прохладное, как и сущность истинного севера, и такое же чистое, необычно даже. Когда я смотрю в морские пучины, моя душа трепещет, словно я смотрю в очи одной моей знакомой. У неё такие же глубокие и выразительные глаза, смотрящие прямоком в ду-

шу. Когда же я её знал? Сколько времени прошло с тех пор?

О, к берегу пошёл бывалый рыбак Джонсон. Седой как сам океан и жизненной мудрости у него наберётся как на Сарагона Мальтийского или какого-нибудь другого философа Континентального Раздора. Интересно, сколько рыбы в этот раз он привезёт нам? Обычно его уловы богаты, и порой только от него зависит, будем ли мы сегодня ложиться спать в сытости.

Похоже, не все сегодня предпочитают валяться в кроватях и нежиться в тепле. Стук молотка по верстаку снова доносится до ушей. Половина деревни его слышит сейчас, но никто и даже не подумает, сказать что-то против. Франсуа – столяр. Руки у него отменные, наполненные мастерством плотничества до самой клетки. Даже тот стул, откуда я смотрю за рассветом, сколочен им.

Позади меня расположились стройные ряды однотипных зданий. Забавно, но самые лучшие дома, сколоченные из дорогой и крепкой древесины так однотипны. Алые стены, два этажа, крыша из черепицы. Эти дома, и как они стоят, какие улицы образуют, напоминают мне образ тех построек, что возводились вторыми поселенцами на этой земле. Жадными, спесивыми и очень жестокими поселенцами, уничтожившими целые народы.

Но оставим экскурс в историю. Три просторных улицы, образующих букву «П». Четыре ряда, красивых алых построек, окружены менее удивительными и роскошными до-

мами. Я в одном из таких живу. Он похож на огромную уполовиненную цистерну, только благоустроенную внутри. Но даже это лучше дворца в тех местах, где я побывал, ибо тут есть то, чего нет у остальных – свободы.

Где-то на краю поселения расположилась старая православная церковь, где отец Андрей служит и отпевает, крестит, исповедует и причащает. Сколько тут не был, но такого подъёма сил, духовного полёта я не чувствовал как на службе, только там понимаешь сущность бытия, только там можно себя ощутить полноценно, только там можно отдохнуть от обезумевшего мира.

Ветер усиливается. Мои щёки чувствуют нарастающий хлад. Похоже, грядёт буря, но только откуда она придёт? На востоке ни облачка, на юге... оттуда не может прийти ничего хорошего. Всё слишком удручённо, и нет надежды на какое-либо улучшение, ибо тамошние истины празднуют своё сумасбродное торжество.

Но если так, то получается, что весь мир канул в безумие? Как такое получилось? На каком участке истории мы свернули не туда? Как человек превратил добрую часть планеты в одну огромную идейную тюрьму? Хочется спросить у того, кто знает все ответы на любые вопросы, но боюсь, он не ответит.

Здесь же не как во всём мире. Большое поселение, деревня, или даже городище. У нас нет названия, нет объединяющей идеологии или цели построения совершенной системы.

Но есть одна единственная цель, почему мы все тут оказались – спрятаться.

Я называю это место «Напев Безмятежности». Тут более чем спокойно и не приходится каждый день жить в опасении, что за мной или того хуже, за людьми, которые мне дороги, придут. Да, это место не иначе, как оплот для здравомыслия, где душа внимает пению успокоения и абсолютного покоя.

Но это не иной мир, не другая его сторона и не другой идейный абсолют. Больше тысячи человек здесь прячутся от «Солнц» нового мира. Да, «Напев Безмятежности» это коморка, где можно затаиться в тени от всего остального мира, под ласковую руку Создателя. Проклятье, но Сарагон был прав. Кто мог думать, что старик, которого прозвали «Чёрный Оракул», даст такие точные предсказания, которые сбываются с устрашающей верностью.

По крайней мере, тут спокойно и хорошо. Два простых слова, но именно они наилучшим образом дают мне понять, что душа моя наконец-то начинает обретать умиротворение. Не нужно больше каждый день присматривать за Габриелем, внимая тому, какие угрозы выются возле него. Парень теперь взрослый, у него есть люди, который за ним присмотрят. Как и в принципе за Лютером и его отцом – Эрнестом.

Моё сердце настолько огрубело от бесконечных воин, жестокости и злобы и ненависти, что я усмотрел тот момент, когда Габриель нашёл себе человека, который о нём присмотрит. Да, я говорю о тех трёх дамах, что пленили сердца пар-

ней – Хельге, Амалии и Эбигейл. Я долго не мог понять, как так всё произошло и до сих пор мой разум не может постичь сути произошедшего в душах и сердцах парней.

Наш мир, это ведь не мыльная опера, не мелодрама, где весь сюжет был закружен вокруг отношений. Сей мироздание превратилось в самую жестокую и безумную вселенную, поделённую, растерзанную между идейными концепциями, возвещающими о своей истинности. Но так почему их чувства полыхали ярче, чем сердца звёзд? Трудно найти ответ на этот вопрос и осознать, почему их чувства крепче, чем титановая пластина или гранёный алмаз.

Но всё же, в мире, который наполнен фальшью, в городах и деревнях, где льётся через край сумасшествие, истинные, настоящие чувства на вес платины или вообще не имеют цены. Там, где мрак идеологического фундаментального идиотизма сгущается над душой, сердце требует опоры, искренности и, наверное... любви. Как бы банально это не звучит, но скорее всего это так, ибо что есть наш мир, прошедший через огонь ада, рождённого из всеобщего развращения, если не мир, отвергший любовь Того, кто пролил свою кровь на кресте ради нас грешных ради мимолётных вещей, суть которых – лживая свобода?

Хельга и Габриель, Лютер и Амалия, Верн и Элен Эрнест и Эбигейл: все эти имена связывает одно чувство, одна мысль, одно понимание любви. Их души нуждались в нечто светлом, тёплом и дарующим приятный покой и они их по-

лучили. В том, что стало бы светом, посреди сгущающегося мрака, прообразом великой любви Его. Да, кто бы мог подумать, что две озябшие души, смогут греть друг друга.

Я до сих пор не могу понять, различить ту грань времени, когда Габриель и Хельга воспылали друг к другу самыми яркими эмоциями и чувствами. Может быть, моя душа настолько загрузела, что я больше не могу различить этих граней?

Что ж зато, больше я не чувствую того долга. Мне не нужно тратить своё время преимущественно на защиту Габриеля и заботу о нём. Страх потери, ужас перед клятвопреступничеством исчезли. Теперь у него есть верные друзья, девушка и отряды народной милиции, готовые позаботиться о нём. Мы оба решили, что мою клятву можно считать исполненной.

Его родители ликовали бы при виде того, как он сейчас живёт. Им было бы неважно, где он живёт, и с кем встречается. Хватает наличия самого необходимого... Марк и Сцилла на седьмом небе пребывают от того, что их сын скрылся в недостижимости для безумия. Если Рай есть, то они сейчас там и радуются тому, что рассказывают им ангелы о Габриэле.

Понимаю, как это звучит. Сей мир отбивает саму надежду, но хочется верить в нечто лучшее, нечто совершенное. У меня душа горит, но я не способен изменить одну единственную деталь реальности, не значимую для миллиардов, но столь важную для меня – нет таких сил, чтобы вернуть

Марка и Сциллу к жизни... нет. Может моя вера, это спасение от потери рассудка, вера, что я смогу с ними встретиться там, за филигранью этого грубого мира.

Мне остаётся только восседать на деревянном стуле и созерцать вокруг. В месте, что я прозвал «Напев Безмятежности» есть много того, что остальной мир давно потерял, в бесконечной погоне за идеалами. В поселении, стоящем на отшибе мира, есть множества того чём не знает большинство людей, не расскажет ни одна историческая хроника, разве что легенды, исходящие от людей, уходящих отсюда. Однако это такие обыденные и банальные вещи, утерянные в забытую эру, недоступны для большинства Земли.

Как вообще смогла появиться Либеральная Капиталистическая Республика? Если Рейх скован в горниле крестовых походов и войн, а люди сами шли за Канцлером, ибо считали, что он избавление от их бед, то страна абсолютной свободы появлялась иначе. Тут можно сказать о том, что становлении империи либерального ада было постепенным. Сначала необходимо приготовить сознание граждан к идейной трансформации. Работа психоинженерии была активной между первой и второй фазой, ввиду того, что нужно было подготовить, (размягчить мозг) гражданам перед полной либерализацией. Превращение народа в мешанину – дело долгое и кропотливое, требующие множества ресурсов. Главное – подменять ценности по малому. Новая мода, новые стили, периодическое обновление искусства на более де-

градированное, снижение качества умственной продукции и вы получите мир, освобождённый от нужды стыда, и полностью подчиняющий тем, кто его ложно «освободил». Сначала Партия Сохранения Свободы и Веры в Конституцию пустила корни в окружающие её страны и проросла там пышным цветом, а затем на пару с Корпорациями стянула десятки различных государств в единый монолит.

Однако что же из себя представляют Рейх и Либеральная Капиталистическая Республика? Для Рейха давно утрачены обычные человеческие отношения, лишённые «праведно-моральной» окраски: Спокойная размеренная жизнь, доверие к людям, дружба, свобода. Для Либеральной Капиталистической Республики утрачены банальные основы духа: нормальная семья, сдержанность, мораль и тоже свобода. А в «Напеве Безмятежности» всё есть и оно вокруг. Истинно, всё, что меня окружает – чудо из чудес, которое многие никогда не обретут вновь.

Господи, как мы дошли до такого, что на всей Земле есть всего пара мест, где можно спрятаться от гнетущих «Сарагоновых Солнц»? История, как мрачный обладатель знания, его источник даёт нам понять ту истину.

Давным-давно, потерянные державы человечества, истинные лидеры и вершители судьбы утраченного общества, нагло заявили права на обладание Землёй и её жителями, как своей собственностью, обратив глянцевитые, наполненные жадностью и безумием глаза и разум к вящей славе облада-

телей целого мира и его свободопросветителей, но нас ждала иная судьба. Мы забежали свыше меры далеко в своих размышлениях о свободе, слишком рано для столь молодого вида, слишком жадно и были практически истреблены самим собой.

Спесивостью? Или что ещё хуже... невежественностью?

Мало кто знает и практически уже никто не помнит, что повергло всё человечество на грань вселенского забвения. Одни учёные, историки и философы утверждают, что человек пошёл против естественного порядка вещей, положенного природой, за что едва не вымер, другие, нам вещают о том, что человек настолько заигрался в «божество», что по его неспособности к контролю и склонности к разрушению, мир обескровил и ушёл в ужасающий кризис.

Какой бы ни была причина, она принесла больше вреда, чем способен представить любой из живущих.

Из великого времени благоденствия, просвещения и великого прогресса мы опустились в эпоху тьмы, из которой нет надежды, вырваться. Забудьте об обещаниях прогресса, говорят нам в Империи. Забудьте былую славу морали, твердят в «Республике». Цепляйтесь за тот тусклый свет идеологии, что нам остался, и довольствуйтесь его гнилостным сиянием, и адским жаром, что сожжёт всех недовольных.

Нас поработили догмы и ритуалы с одной стороны, закалили антиморалью и либеральное безумие с другой; ослепили суеверия и полное отсутствие нравственности, став-

шие кандалами даже самой возможности понимать, что существуют вопросы, которые заслуживают того, чтобы их задать.

Такова действительность этого мира, от которой нигде не скрыться, но мне приходится отложить в сторону свои мысли...

Хм, я вижу, как вдалеке, на востоке, практически на самой грани багрянистого горизонта возникает чёрная точка. Над уровнем моря, метров двадцать, наверное, и стремительно червоточина расширяется в размерах, становясь всё более различимей.

Я опускаю руку к сапогу, где покоится длинный нож. Вторую руку я ложу на кобуру и спускаю предохранитель, вновь готовя пистолет к бою, не отрываясь от созерцания того, как к материку приближается чёрный вертолёт.

Через десять минут всё побережье, начиная от мелких животных и заканчивая людьми, разбежалось прочь от места посадки небесной машины. Небольшой в своём размере, реактивный вертолёт, способный превращаться и в самолёт, обтекаемых форм, чёрный, аккуратно садится на прибрежные пески, поднимая в воздух стены пыли и песочным масс.

Дверь хищной кабины отварила и оттуда выходит довольно высокий человек. Кожаное пальто, сапоги, чёрные штаны. Я узнаю его форму. Народная милиция, передёргивая автоматы, спешит к берегу.

– Стой! – моя рука касается ремня Капитана Милиции,

заставляя его перестать бежать. – Это союзник.

– Да какой уж тут союзник будет распугивать народ поутру? – Округлое лицо капитана исказилось в непонимании. – Да и спускаться на боевом вертолёте.

Я ничего не хочу отвечать. Рука уходит от рукояти ножа, а пистолет остаётся в кобуре. Придётся встречать гостей.

Стул остался позади меня, и медленно иду к человеку. Спиной и нутром я ощущаю, как мне в спину уставились удивлённые и испуганные взгляды милиционеров, рыбаков, утренних работников и просто тех, кого разбудила посадка вертолёта.

– Здравствуйте, житель. – Шевеля тонкими губами, обращается ко мне человек. – Вы не знаете, где можно найти Эстебана Каммарана?

Имя, фамилия, они отдались с такой ностальгией в моей душе, как будто я их не слышал столько лет, времени, а ветер, трепещущий волосы только усиливает глубокодушевный эффект. Люди, которые называли меня так либо умерли, либо за тысячи километров отсюда и только жалкая горстка здесь. Я знаю, откуда этот человек, посему решаю просто ответить:

– Это я, что вы хотите? – Надо требовать. – И представьтесь, пожалуйста.

– Я консул нашего великого Императора, тирана Иллирии, верховного понтификария Рима. – На лице посла проскользнула улыбка. – Не я требую, но сам великий Архиканцлер.

Как нас смог найти тот предатель? Проклятье, если он смог выследить меня, то и все жители в опасности. Если я смогу попасть в место схождения винта и корпуса, выдав усиленный заряд, я их просто приварю, друг к другу, и он не сможет взлететь. Скорее всего, консул после этого меня убьёт, но это спасёт жителей.

– И что же от меня хочет Рафаэль? Чтобы я сдался? И почему полк-орден у него на посылках?

– Ах, вы не в курсе. – Загадочно промолвил консул. – В Риме всю власть, после недолгих боёв и решения Департаментов Власти получил новый император – Данте Валерон. И теперь он к вам взывает, чтобы вновь призвать на праведную службу.

– Данте? Император? – Задаю я растеряно вопросы, ибо от одной такой мысли шок и изумления начинает брать разум.

– Он вам так же шлёт подарок. – Длинные пальцы консула разошлись в щелчке и из вертолётa показался боец, ведущий под руку худущего парня-подростка, облачённого в рваные серые одежды.

Я-то его лика не узнаю, но вот до моих ушей доносится пронзительный женский крик, заключённый в одном имени:

– Давиан!

Тот самый парнишка ринувшийся в край победившего коммунизма, явившийся из того мира, как мрачное предупреждение ко всем ревнителям равенства.

– Как вы его нашли? Как вы обнаружили нас? – Смотря

на то, как Элен помогает старому товарищу.

– У Имперской Разведки свои секреты. – Лукаво улыбаясь, молвит консул. – А теперь решайтесь, вы с нами?

Я обращаю взгляд назад и вижу их: Габриель с друзьями, Ротмайр, Антоний, Эбигейл и Эрнест. Все они пристально смотрят на нас, детально изучая ситуацию. А винтовки и автоматы милиционеров как напоминание о соблюдении порядка. В лицах знакомых, друзей я вижу только растерянность. Но по печали в очах я понимаю, что они догадываются, о чём мы говорим.

– Послушайте, Командор. – Бровадно завёл консул. – Ближятся великие перемены, и вы нужны своему императору. Мы возможно на пороге великой войны, за которой последует грандиозный передел. Родина в опасности, подумайте о ней. Подумайте о миллионах граждан, которые могут сгинуть в вихре войны. Вы хотите остаться в стороне, когда ваша родина будет страдать? Решайте, пока не поздно.

Печаль и боль льются по сердцу. Всех, окинув взглядом, меланхолия выскакивает со словами:

– Вы сможете обеспечить защиту им?

Консул радостно и помпезно мне говорит:

– Нет ничего невозможного перед слугами императора!

По разуму бежит уныние, грусть и мысли, с отчаяния, обращённые к тому, в кого осталось верить в кромешном полоумии:

– Господи, ты архитектор моей жизни, скажи, сколько мне

ещё придется идти сквозь безумство этого мира, стиснув зубы? – и с криком вырывается. – Господи!

– Это согласие? Так вы с нами, Командор?

Об обложке и иллюстрациях

В оформлении обложки и иллюстраций использована фотография с <https://imgur.com/> по лицензии СС0

В оформлении обложки и иллюстраций использована фотография с <https://ru.depositphotos.com> по лицензии СС0